

Морозных степей дочь

Александр Анфилов

Александр Анфилов

Морозных степей дочь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70628182

SelfPub; 2024

Аннотация

Из цикла романов "Шепчет Крапива" – том первый. Договоры опасны. Заключив один, можно распрощаться с привычной жизнью. Вдвойне опасно договариваться с небожителями – в этом Рэй убедился на собственном опыте, и теперь его путь лежит по землям Княжества, культура и быт которого представят читателю волшебный славянский мир XIV века. Высшие силы, судьба или же случайность связывает героя с древним духом северных степей, но наладить отношения с плененной, да столь своенравной напарницей оказывается непросто, как и принять ее таинственное прошлое. И что же за угроза висит над миром, коль даже высшие создатели не смогли восстановить баланс сил и предприняли отчаянные меры в виде призыва честных, достойных и преданных долгу героев?

Содержание

Nulla	6
I	9
II	61
III	244
IV	404

Александр Анфилов
Морозных степей дочь

Nulla

*По дневнику Великого Героя Горлицвета,
что был написан давным-давно, поврежден и частично
восстановлен мною*

Мышцы содрогнулись в беспокойном сне.

Он очнулся, жадно втягивая прохладный лесной воздух.
В груди от пробуждения застучал набат.

«Значит... и это тоже не сработает», – обреченно подумал он, отмечая очередной план.

– Опять кошмары? – спросила она, помешивая тусклые угли.

– Да... нет. Просто сон.

Он облизнул обветренные губы, потер лицо ладонями.

– Опять мы вторую неделю в дороге, – между прочим отметила она.

Звезды таяли в холодной, безлунной ночи. Девушка обернулась на восток, где за облетевшими черными ветвями уже серел краешек неба. Она доложила в костер оставшийся хворост – тепла от него будет мало. Затем поднялась, кутаясь в одеяло, на выгоревшем теле которого сверкали белые раны ватной подбивки, и присела рядом.

– Нельзя бесконечно гнать себя. Поспи сегодня подольше,

у нас хороший запас.

Он приподнялся, откинув свое одеяло, еще раз потер глаза, снося ломоту в задеревенелых мышцах. Спать совершенно не хотелось, но понимал, что надо.

«А может, не так уж и надо?»

Он поспешил отогнать эту тщедушную мысль. Телу же пообещал: «Скоро! Очень скоро отдохнешь».

Сухие ветви разгорались, освещая поляну, и в этом свете волосы девушки переливались теплой медью. «Глупая. И что она во мне видит?»

– Сама-то? – ответил он и зябко дернул плечами. – Когда последний раз нормально спала? Не нужно меня сторожить каждую ночь. Волки не унесут.

В далеком краю тихого осеннего леса, будто в насмешку, протянулся жалобный вой.

– Какая забота, поглядите на него. Можно подумать, я из-за волков переживаю, – улыбнулась она, опустив взгляд на кипу стрел, что лежали подле его спальника.

Она вдруг поднялась, скинула свое одеяло с плеч и широко взмахнула им, на секунду скрыв звезды на небе. Ватник приятно придавил его сверху, сберегая тепло.

– Зачем? – хмуро спросил он. – Ты, конечно, с севера, но ведь околеешь без одеяла, и вообще... Ну что ты делаешь?

Девушка распутала одеяла возле его ног и с ловкостью ласки скользнула сразу под оба, юрко прижавшись теплой спиной к его груди.

– Не уснешь, пока не согреешься. Надо поспать! – настояла она.

И как тут поспоришь? «Что ж, поспим. Совсем... чуть-чуть».

I

А дальше – in medias res про героя моей эпохи

Поздняя осень: полузимник месяц

Северо-Восточный край

Судья оторвался от бумаг, пошевелив округлыми плечами под черной шерстяной мантией с норковым воротником, и поднял на обвиняемого взгляд ясных, очень живых для столь почтенного возраста глаз. На окно рядом с судейским столом присел ярко-коричневый воробей, сделал «скок-скок», тюкнул клювом по деревянному подоконнику и, бойко прошелестев острыми крыльями, улетел прочь. Рэи так и потянулись за ним взглядом.

Судья, переминаясь в сомнениях, качнул головой. Опять присмотрелся к листку в руках – содержание ему сильно не нравилось.

– Нет, не сходится, – хрипло выдохнул он.

– Запирается лиходей! Новое ли дело? – взялся пояснить помощник – белокурый парнишка в черной рясе и с листком в руках, исписанным мелкой руницей. Помощник стоял подле судейского стола в явном нетерпении.

Однако его мнение судью не шибко интересовало.

– Дай-ка слог, – не оборачиваясь, судья затребовал только что составленный протокол допроса.

Губы обвиняемого дрогнули, он сглотнул тугой комок. Он стоял посреди этой крошечной судейской лачуги: так и не получивший обещанного шанса, чужой всем вокруг, в чём-то даже преданный: не то Амадеем, не то Светлобаем, не то самими высшими силами.

– А почему про Иоахима не записал? – недовольно осведомился судья, перечитав показания.

Помощник устало выдохнул:

– Право слово, ужто росказни всякого лиходея на глаголицу перекладывать? Да ладно бы по воску писали – стер и забыл. А велено-т по бумаге.

– И вообще многое упустил. Пишешь ты быстро, но говорили, у тебя и слух цепкий. Наврали мне? – судья обернулся, возведя на того хмурый взгляд, да помощник, кажется, не сильно смутился. – Такой слог мне не годится. Уясни. Придется допросить еще раз. Попутно уточним и несколько непонятных мест.

Помощник вздохнул еще громче, но словами перечить не посмел. Безо всякого желанья он чиркнул коротким ножичком, починив перо, и возложил чистые листы на аналой.

Внутри лачуги потрескивала большая печь, мазанная белой штукатуркой. Из горнила рвался горячий воздух, наполненный вкусным ароматом березовых поленьев. Подле печи, позевывая, сидели на лавке разомлевшие от тепла ябетники, вооруженные деревянными дубинками, – судебные приставы. Судья положил перед собой обвинительный лист будто

в первый раз, и его светлые, подвижные глаза воззрились на обвиняемого:

– Назовись, – во второй раз прохрипел седовласый.

– Рэй, – также хрипло ответил обвиняемый. Губы уже оттаяли, но холод не успел выйти из тела: на корабельной палубе, где он ожидал суда, было уж очень холодно. Впрочем, может быть, вовсе не температура воздуха была причиной его дрожи.

Молодой помощник под скучными взглядами ябетников царапнул странное имя на листке, начав слог заново.

– Понимаешь, по какому поводу ты здесь оказался?

– Понимаю, – ответил Рэй.

– Каков родом и каким трудом живешь? – без интереса осведомился судья, тем временем внимательнее вчитываясь в содержание обвинительного листа.

– Путешественник, – сообразил Рэй и прибавил: – из далекой страны.

Ему показалось, это прозвучало лучше, чем первые его слова: «Рода нет» и «Пока никаким». Судья дочитал содержание обвинительного листа и принялся за работу.

– Что ж, Рэй из далекой страны. Прости за эту волокиту.

Помощник аж закатил глаза: старик вечно манерничал с этими охламонами и окаянцами.

– Клянешься ль говорить правду пред княжеским поверенным?

– Клянусь! – в этот раз уверенно ответил Рэй.

Однако княжеский поверенный тут же застал врасплох новым вопросом – простым, но совершенно непонятным:

– Чем?

Не получив в скором времени ответа, судья словно бы принялся предлагать варианты:

– Отцом ли Небесным Сварогом, Мареной ли Тёмной? Распятием? Или, коль желаешь, своим идолом из далекой страны? – с почти незаметным сарказмом спросил судья.

– В моей стране не принято истово молиться богам, – на свой страх ответил Рэй.

– Что ж, да помогут тебе... – по привычке хотел он сказать «твои боги», но завершил абстрактным «твои убеждения». – Приступаем.

Пусть, в силу нерадивого поведения судейского писаря, обвинение оглашалось во второй раз, судья не пропустил ни одного слова. Он зачитывал обвинение медленно и с выражением, расставляя акценты на ключевых словах.

Завершив, он облизнул губы и поднял взгляд на обвиняемого:

– Итак, Рэй. С обвинением согласен?

– Не согласен, – подготовившись, объявил тот.

– Тогда изволь рассказать, как было дело, – тоже готовый к возражениям, ответил судья и, напрягши скулы, мотнул головой горе-помощнику: всё записывай, ленивая душонка!

Тремя днями ранее

Он только сделал шаг. Обернулся – а таинственной Башни за плечами уже не было. Прохладная ночь нежно коснулась лица.

Ни пения птиц, ни стрекота сверчков. Хотя лес еще не был укрыт снегами, стылый воздух чужого мира сообщал, что первые заморозки тут давно прошли.

Рэй отряхнул кафтан, утепленный мягким подшерстком, нахлобучил шапку с меховым отворотом и цокнул роговыми каблуками остроносых сапог – молодец молодцом! Одежды, подаренные в Правой Башне, были удобны и советовали погоде. Зеленую тетрадь, которой пока не было приложения, он устроил во внутренний карман.

«Герой», – повторил он странное слово. Случившееся совершенно не укладывалось в голове, потому покамест он отодвинул Правую Башню на задворки сознания. О ней и правда чуть позже. Он вдохнул влажный, неживой воздух, наполненный запахами земли, хвои, угасшей травы и выпустил облачко пара.

Неисчислимы искорки теснились на небосводе, отделяя бездну разительно черного неба от сплетения угольно-черных ветвей. По небесной сфере тянулся едва уловимый глазу кисельный хвост туманности. Было ясно и холодно.

«И чего на меня меланхолия напала, когда я на этот контракт соглашался? Ладно бы что хорошее предлагали». И всё

же приятное волнение играло в душе. Быть может, именно такого толчка ему не хватало, чтобы начать жить по-настоящему?

Теплый кафтан изящного кроя сидел удобно и внушительно. Пусть утренний воздух веял прохладой подступающей зимы, а земля хрустела утренним заморозком, путнику было очень комфортно. В таком наряде за бродягу его не примут, наоборот, сразу видно, что человек непростой. Даже деньга вроде бы есть. «Знать бы, сколько это Светлобай мне отсыпал. Не больно-то тяжелый кошелек».

Он заметил просвет меж деревьями, и вскоре ступил на узкую песчаную дорогу с колеёй и редкими следами подков.

Ночь таяла быстро. Звезды потухли, мрак отступил, оставив на ветвях голубоватую дымку. Спустя некоторое время, тёмно-синий восточный горизонт принялся теплеть восходом.

Не успел герой утомиться дорогой, как впереди нарисовались два силуэта. Солнце еще не выбралось из-за горизонта, но небо оставалось ясным, так что видно было далеко. Смешанный лесок тут обрывался непахаными полями. Двое стояли подле серого межевого валуна у лесной кромки.

Пара беседовала напряженно: один взволнованно жестикулировал, будто слезно оправдывался, другой – статный муж при копье и щите – стоял непримиримо. Они заметили приближающегося, но интереса его персоне не выказали. Рэй не без волнения обдумывал, как и о чём расспросить

первых встретившихся людей. Ведь его, героя, должно быть, очень ждали!

Но стоило подойти вблизи, как разговор меж теми двумя оборвался глухим ударом! Щуплый, несолидно стриженный под ежика паренек кулем отлетел на землю. О-хо, вот тебе и разговор. Второй – весь серый, не человек, а слиток булата. По виду солдат: серый ватный воротник выглядывает из-под кольчуги, спадающей до середины бедра, на поясе головой вверх закреплен кистень, на груди кинжал без ножен на ремне, а в руках вытянутый щит и копье с ромбическим острием. Тёмно-серые, чуть выющиеся волосы соли с перцем, короткая борода в тот же цвет, суровые, будто в камне вырезанные морщины, взгляд острый, если в нём и была когда-то жалость, годы вытравили ее без следа.

Ясно, что против этого серого солдата у молодого парня не было и шанса. Однако мальчишка быстро оправился от удара, стер юшку из-под носа, крутанулся назад, вскочив на ноги, и, на свою беду, выхватил с пояса короткий, почти игрушечный меч. Даже Рэй понял, что это он зря. Воин усмехнулся над намерением мальчишки защищаться, а вместе с тем и уверился в своем праве применять оружие, которого при нём был целый арсенал. Не думая сдерживаться, солдат совершил выпад копьем, которое со свистом блеснуло возле шеи несчастного! И вот тут Рэю стало не по себе: а он ведь его и правда убьет!

Явившийся герой, не снабженный в Башне даже оружи-

ем, не то что геройскими способностями, встал примороженный. Внутри буря: сердце стучит, обжигая грудь адреналином, но руки-ноги словно в лед заковало. Двое дрались насмерть. Вернее, насмерть дрался только паренек. А Рэй всё еще был «со стороны», не готов был воспринимать себя частью этого мира.

Паренек бросил короткий взгляд на прибывшего и замал рукой:

– Он меня грабит! Не стой же, зови на помощь!

Растерявшись, герой набрал воздуха, но, оглядев глухую тропинку, что шла из леса через посадку, понял, что звать кого-то бесполезно.

Честность, достоинство, верность ремеслу – три добродетели, озвученные Светлобаем, в один голос требовали вмешаться в этот неравный бой. Но что он мог бы сделать против отъявленного, вооруженного преступника, который даже сейчас, обретя свидетеля своего страшного деяния, и не подумал остановиться?

Впрочем, по короткому и колючему взгляду, который метнул серый солдат, Рэй понял, что свидетелей-то тут, пожалуй, не оставят.

Солдат сделал еще один выпад, который с режущим слух лязгом был отражен коротким мечом. Следом копейщик профессионально совершил заступ, глухо вмазав щитом по лицу парня, тот оступился, и копьё броском гадюки цапнуло того за живот, окропив короткую куртку из козьей шкуры.

Парень отпрянул, лицо стянуло от боли, ноги не удержали, и через секунду он оказался на земле. Воин крутанул копьем, со свистом стряхнув яркую кровь с серебряного острия, склонился и снял кошель с пояса раненого.

Невыносимо было на это смотреть! В этом мире вот так? Многим ли лучше был родной мир героя? О, как тонок налет цивилизации на человеческое душе! Рэй сжал кулаки, но от волнения и страха они полностью потеряли чувствительность. Он наблюдал эту невероятную, вопиющую картину неспособный ни вмешаться, ни убежать. Копейщик же поглядел на горе-свидетеля и зашагал в его сторону.

Когда солдат приблизился, сердце героя пропустило удар. Однако злодей более не удостоил никчемного героя и взглядом. Поигрывая полученным кошельком, он развалистой походкой отправился по дороге, уводящей обратно в лес.

Только к секунде, когда меж ними набралось под тридцать шагов, Рэй распрямил легкие. Подбежал к раненому. Этот лежал, привалившись на валун. Коротко стриженный паренек поднял усталый взгляд.

– Ты же, – часто дышал он, прижимая ранение на боку, – ты же герой?!

– Я...

Рэй прилип взглядом к ширящемуся бурому пятну. Признаваться в этом громком титуле было стыдно и нелепо.

– Вижу, что из них, – облегченно выдохнул парень. – Ведь я именно тебя тут и ждал! Что ж ты так долго?

И это еще больше растревожило душу. «Он ждал меня? И теперь ранен, умрет из-за меня?»

– Я могу что-то сделать? – припал Рэй на колени, силясь рассмотреть ранение. – Ты лежи, я позову на помощь...

Парень схватил за плечо, покачав головой, и объяснил, что идти нужно на артель да как можно скорее!

– Мы там всех героев встречаем, ага. А меня Пташка звать! Оруженосец, значит, – тревожная улыбка пробились на побледневшем лице.

Рэй поддержал его под плечо, помогая подняться.

– Что за артель, далеко? Ты можешь идти?

– Недалече, – махнул он в неясном направлении, – тудой вон.

– Прости, что замешкался. Но, понимаешь, я ведь...

– Да полно, полно, переживу, – ответил тут Пташка.

Странное заявление для человека, только что раненного копьем в живот, но не в том состоянии был Рэй, что это воспринять.

– Слушай, а ты другого героя тут не видел? Амадея.

– Что за Амадея? – вдруг напрягся парень. – Он с тобой?

– Наверное. Он ведь тоже был в Правой Башне. Разве он не должен был оказаться здесь?

Пташка задумчиво потер крючковатый нос:

– Пропустили, что ли? Может, еще и сыщем. Ну, ладно, айда скорее, нас ведь ждут! – спохватился он и зашагал бойчее.

Полупрозрачное покрывало ночи утягивало на запад, и меж деревьев занимался холодный рассвет. Собеседник уверенно шагал по тропинке, придерживая ранение рукой, всё легче опираясь на плечо героя.

– Как вышло, что на тебя напали?

– Так то ж бандюга местный! – хмыкнул Пташка. – Ну, точнее, не местный, а наоборот. Иоах... Яким, в общем, звать. Ганзейский атаман. Принесла нелегкая в наш край! Всех подряд щупает, упаси господь ему на дороге попасться. А я вот попался.

– Прости, – склонив голову, повинулся Рэй, – на героев тут, похоже, рассчитывают? А ты знаешь Светлобая?

– Да не пыли! – весело отмахнулся парень. – Ты теперь не один, сейчас с мужиками познакомишься и сразу всё понятно станет. Вон, напрямки пойдём, ага.

Они сошли с тропинки, углубившись в облетевшие кустарники среднего яруса. Утренняя свежесть бодрила, а твердая походка визави давала надежды на то, что ранение вовсе не такое глубокое, как показалось сначала. «Только бы успеть», – страшась за оруженосца, что преданно ожидал своего героя, думал Рэй.

«Бедный Пташка, поди, не догадывался, ради какого бездаря рисковал жизнью!» Да-а, сейчас узнают, что ему-то, Рэю, никакого божественного таланта в Правой Башне не дали, да и погонят в три шеи. И ведь правильно сделают – на что такой герой нужен?

Зáросли малины шипами пытались задержать путников, но только облепили кафтаны цепкими, крошащимися листьями. Двое очутились на просеке с выступающим лысым холмом посредине. На том стоял осевший лубяной домик, потемневший от суровых зим.

Пташка шагал ходко, пересекая лощину у подножия холма. Двое взошли на пригорок. Пташка стукнул по двери из горбыля четыре раза. «Это и есть артель?» – не без разочарования подумал Рэй.

– Щас всё будет, – выдохнув клубочек пара, зачем-то подмигнул Пташка.

Внутри зашуршало. Заросшая сальными волосами голова мелькнула в дверном проеме и сразу исчезла. Пташка отпустил плечо Рэя, притянул дверь на себя и сделал приглашительный жест. Рэй шагнул первым, склонившись под низкой перекладиной, а краем глаза увидел, как Пташка щерится широкой, тонкой улыбкой, да так лучисто, вовсе уже не крючась от смертельного ранения.

Воздух внутри стоял теплый и душный. В центре очаг почерному, горстка красных углей, подернутых золой. В полумраке герой разглядел двоих, не считая Пташки, что вошел следом. На артель героев, хоть бы и самых пропащих, эта землянка не тянула. Щеколда шаркнула за спиной.

Мужики затаенно переглянулись, будто решали, кто начнет. Двое в серых рубахах встали с соломенных лежанок. И в эту секунду Рэй поймал на себе еще один взгляд: неприят-

ный, почему-то уже знакомый. Но присутствие этого человека здесь казалось столь неправильным. Дорожный разбойник Яким, что напал на Пташку полчаса назад! И этот булатный слиток почему-то был тут как дома: привалился на стену, почесал короткую бороду и скучно оглядел заявившегося героя. Копье и щит прислонены к стене.

Сердце сжалось, когда Рэй понял, в какой ситуации оказался.

– Я ж говорил, сейчас всё поймешь, герой, – произнес позади Пташка, вытирая бутафорскую кровь о подол козьей куртки.

В спину врезались две ладони, да с такой силой, что герой кубарем полетел прямо в тлеющие уголья очага! Сильная рука подхватила за грудь, остановив паденье, швырнула обратно, и с противоположной стороны на щеку рухнул кулачище, по весу сравнимый с пудовой гирей. Взгляд размыло, горизонт запрокинулся, тело по инерции отбросило в другую сторону, где такой же встречный удар прострелил чуть выше живота.

Сознание разлетелось на осколки, дыханье сперло, тело враз превратилось в комок ревущей боли! Герой свалился на холодную, прелую землю, пытаясь поймать ртом воздух. Яким, видимо, оказавшийся главным среди присутствующих, пока раскурил трубку.

– Дохлый, – раздалось наверху. – Точно герой?

– Отвечаю, – усмехнулся Пташка и весело объяснил: – я

ж их сразу чую, по говору скудоумному! Наш брат такой чепухи не мелит. Башня, таланты, кот – эт токмо услышишь, гони сомненья, очередной огузок с деньгами к нам спустился, принимай родимого!

Ловкая рука юркнула под кафтан Рэя и вынула кошелек.

– Еще доказательства нужны?

Кто-то подкинул мошну в воздухе и поймал, звякнув монетами. Деньга порадовала бандитов. Рэй начал подниматься, но под задор получил крепкий пинок. Хлопнул тупой звук, и в этот раз под удар попала печень. Он сжался в позе эмбриона, до слез зажмурил глаза.

– Птаха, – рыкнул один из бандитов. – Пошто так мало?

– С чем пришел. Я их сразу веду, уж негде ему было спустить.

– А ну как этот селезень припрятал в лесу? Не думал?

– Да он ротозей, – убеждал Пташка. – Очередной мозгляк, что пришел на подвиги. Сейчас у них с каждым разом всё меньше денег, сам ведь знаешь.

– Да хрен пинаешь! Три серебряных отруба и ладошка меди. Нешто мы за эту шелуху неделями в твоём сарае тухнем?

Пока грабители выясняли отношения, волна боли немного откатила. Рэй, собирая по частям сознание, отполз, но скоро уперся в стену – всё под внимательным взглядом булатного копейщика, что покуривал трубку и пока не утруждал себя даже раздачей приказов. Бандиты отвлеклись, пересчитывая монеты, так что герою удалось подняться на дро-

жащие ноги. Справа в боку кольнуло.

Под руку не попало ничего, что можно было бы использовать для защиты. Боль и страх застлали сознание. Он вдохнул глубоко и тут, неожиданно для себя, поддавшись какому-то отчаянному, древнему инстинкту, опрометью кинулся на коренастого мужика, что стоял к нему вполоборота, толкнул и чудом вытянул саблю, висевшую у того на поясе! Герой схватил тяжелый кусок горячего железа обеими руками, направив на преступников. Рука с курительной трубкой замерла; Яким поднял сосредоточенный взгляд, но пока не счел нужным вмешаться.

Сабля в руках героя вызвала у лиходеев смех. Обезоруженный противник, не опасаясь лезвия, подошел вблизи, Рэй махнул неуверенно, отчего-то всё еще слабый духом, чтобы всерьез применить оружие против живого человека. Коренастый перехватил запястье, вывернул, и сабля безвольно лязгнула о землю.

Бандит толкнул разоружённого героя в соседа, а тот, заранее подготовившись, прописал хук снизу, отчего передние зубы насквозь пронзили язык. В рот ударило едкое железо, из глаз брызнули слезы! Потеряв равновесие от удара, герой свалился, залетев ладонью в угли очага. Не успел отряхнуть палящие искры, как его снова схватили сзади. Удар в бок со спины – и сквозь позвоночник прошел раскаленный прут. Он безвольно повис на чьих-то руках, пока сознание металось от одного нестерпимого источника боли к другому.

– Хватит, – зычный голос остановил сумятицу ударов. То был Яким.

И тут на затылок опустилось что-то такое твердое, что затрещало даже во лбу, пред глазами прокатились мигающие желтые колеса, а звуки и свет исчезли. Щека безжизненно ударила влажную землю. Голоса звучали приглушенно, режью отдаваясь в голове.

– Птаха. И не надоело тебе это актерство разыгрывать всякий раз? – с покровительственной усмешкой спросил Яким, выпуская облачко дыма.

– А вот не надоело! – даже огрызнулся Пташка. – Это не тебе, Иоахим, геройский в тототшний раз обе брови спалил. Прямо из рук ведь огнем полыхнул, кощун! Чуть без зенок не оставил паскудник. Или как тот рыжий герой Ломтя разделал, а? Забыл, поди? Бедный Ломоть так красными ломтями и развалился посередь дороги! Сходу-то не смекнешь, чему их в клятой башне научили. Ну к лешему, мне вот так спокойнее, тихонько, в сарайчике, со спиночки...

– Ладно, – безразлично бросил булатный копейщик, резко сменив тон с отеческого на деловой: – Что с деньгами? С таким тощим наваром, тебе, Пташка, по всему Княжеству придется огузков собирать, чтобы долг перед нами закрыть.

– Иоахим, – примирительно и с уважением цыкнул тот, – ты не пыли. Уже давно созрела мысль, как возместить похудевшие кошельки пришельцев. Делов на полдня, а доход, пусть небольшой, но на полгода точно. Ты вот что, у тебя гу-

барь знакомый есть?

Ныне

Помощник, навалившись на аналой, раздраженно и быстро царапал руны по листку – жуть как не хотелось строчить слог в третий раз; у судьи-то терпения хватит и в третий раз допросить, он такой.

– Как и было сказано, нападение было свершено не мной, а в отношении меня, – терпеливо объяснил Рэй.

– Да он же сам сказал, что у него в руках была сабля, и он с нею набросился на человека, – шикнул судье утомленный помощник.

– Я защищался! – выпалил Рэй, услышав. – И саблей я никого не задел. Да разве по моему виду не ясно, что ограбили меня?! – сорвался он, призывая в свидетели свой нелепый вид.

Судья подпер голову, уложив указательный палец на щеку. Историю о том, что обвинение является ложным, он тут слышал каждый божий день.

Обвиняемым перед ним стоял молодой мужчина с короткими волосами и внимательными глазами насыщенного цвета. Черты лица, пожалуй, были не лишены красоты. «По виду как барин», – всё не мог решиться судья. Лицо красивое, с правильными чертами, зубы белые, шея не красная, как у

землеробов, и руки не натруженные. Говорить обучен, опять же. Впрочем, будь он барином, уже б ногами тут топотал да родовым именем громыхал. А будь он барином в опале, все-непрременно пришло б письмо с указаниями, а ничего такого нет, решай, судейский, сам сию оказию. «Но и никакой он, шельма, не путешественник», – вынужденно признал судья.

Обвиняемый был росл и ладно сложен. Мускулатура верхней части тела просматривалась особенно хорошо, ведь его, Рэя из Падуба, привезли на шхуне попросту голышом. Только перед судейской избой кто-то из ябетников, да видно одной потехи ради, сыскал ему юбку с пеньковой веревкой на поясе – вот и весь наряд.

– Уж не знаю, как ты штаны потерял, – судья исподлобья стрельнул глазами на одеяние обвиняемого, – однако ты утверждаешь, что Пташка и его друзья нанесли тебе тяжелейшие побои, от коих ты едва не умер. Ты также говоришь, что били тебя по указке некоего Якима, он же – Иоахим. Я наслышан об этом человеке. Плаха на Закланной площади Храбродара уже много лет плачет по его шее. Меня немало тревожит, что этот лиходей перебрался в наш край, коль это правда. Но видел я и как выглядит человек, поколоченный толпой, и вот ты на такого совершенно не похож.

Рэй опустил голову, поняв, что сказанное им действительно не находит подтверждения: на теле-то ни царапинки! Но как же такие чудеса объяснишь?!

– Путь рекой сюда занимает менее трех дней. За это вре-

мя заявленные тобой побои не сошли бы бесследно. Ладно, давай продолжим. Что случилось после нападения? – терпеливо спросил судья, однако тут и рассказывать было нечего, во всяком случае, того, что Рэй мог бы поведать судье.

Тремя днями ранее

Несколько часов героя не существовало. Появляться в мире он стал постепенно. Сначала только слух: натужный скрип древесины и хлюпанье воды кружили вокруг назойливыми мухами. Потом запахи. Вонь стояла несусветная – моча вперемешку с гнилой рыбой. Одна за другой у него стали возникать части тела: рука, колено, живот, плечо – и каждая болела, ныла и токала по-своему. Голова – лучше бы не появлялась вовсе.

События, минувшие с момента выхода из Башни, пролетели скопом рваных картинок. Вокруг пульсировала шершавая тьма. Из глубин небытия Рэя беспощадно выносило на берега реальности.

Холод пробирал и понятно почему: герой лежал абсолютно гол. Правая Башня снабдила комплектом одежд, однако господа с артели не оставили даже ниточки. Удивительно, но под ладонью каким-то образом очутилась та самая тетрадь, полученная в Башне. Подняв руку, он ощупал толстую, кро-

шашуюся корку выше затылка. Левый глаз распух так, что почти не открывался, рот оказался заклеен вязкой, соленой слизью. Некто особенно усердный еще и заковал его руки в деревянные колодки – можно подумать, он смог бы куда-то сбежать.

Густая кровь медленно била в виски. Горизонт пошатывался, но нет, не из-за самочувствия. Комната действительно давала крен то в одну сторону, то в другую. Сверху, меж потолочных досок, били острые лучики солнца. Видимо, трюм небольшого судна.

Герой припал спиной к стене. Повыл тихонько, пытаюсь смирить боль. Корабль поскрипывал. Губы стянуло не только от спекшейся крови, но и от жажды.

И сложить бы герою голову в сием негодном месте, но кое-что произошло.

Ныне

– Не желаешь говорить? – удивился судья. – Что ж, твое право. Но я еще не завершил, – решительно сказал он, чем вновь раздосадовал своего ленивого помощника.

Белокурый шумно вдохнул, раздраженно царапая по листку.

– Давай-ка еще раз разберем доводы обвинителя, – на-

стойчиво сказал судья. – Согласно показаниям пострадавшего, лихое дело случилось на гостинце¹ из деревни Стягота в вольную выселку Наволок, которая лежит на одном из Медвежьих притоков. Ты, Рэй из Падуба, угрожая оружием, каким – не указано, напал на Пташку, помощника плотника из Наволока, требуя вручить тебе деньги и железные инструменты, что имеются при нём. Пташка исполнить требование отказался, и ты набросился на него, намереваясь убить. В ходе драки ты нанес ему побои.

Рэй выслушивал терпеливо. Пока не начался суд, он полагал, что бандиты попросту продали его в рабство, однако по видимости, окружающие люди никакие не работорговцы, а официальная власть. То, что творится сейчас, не что иное, как суд, то есть, напротив, вершина справедливости этого мира! Нет, у лиходеев не хватило бы ума организовать настоящую рабскую колонию, они всего-то принялись выставить за бандитов ими же ограбленных странников, видимо, получая за это «компенсацию» в виде штрафа, к которому, в качестве наказания, принуждался схваченный ими «преступник».

– Сказано, что на звуки побоища, прибежали друзья Пташки, – продолжал судья. – Они спасли знаконца от твоего нападения, одолев тебя и под силу связав. Они же при-

¹ Гостинец (*старорусск.* от «гость» – тот, кто приехал издали) – битая, то есть выложенная руками или утвердившаяся в результате проезда множества телег, дорога из одного поселения в другое; то же, что тракт, большак.

звали губного старосту, чтобы засвидетельствовать лихое дело пришлого человека и нанесенные Пташке побои. Губным старостой записаны обращение Пташки о нападении и поданные против тебя свидетельские показания, – завершил судья и отложил лист на край стола.

Отчаяние свербело в груди. Рэй понимал, что рассказать о Башне и о Светл-О-Бае никак не возможно. Точнее, он мог бы рискнуть, но потаенное и очень скверное чувство скребло изнутри, подсказывая, что признаваться в своем геройском статусе опасно для жизни.

– Уважаемый наместник, – приосанился Рэй, решив сменить тактику. – Свидетельские показания были зафиксированы только с одной стороны. Меня ударили в голову, оттого я утратил сознание, а потому не был допрошен губным старостой надлежащим образом. Невозможность дать показания по моменту фиксации обвинений лишила меня права на защиту, – пояснил Рэй, отмечая процессуальные нарушения.

– В показаниях губного старосты отмечено, что ты юродивый². Живешь в деревне Падуб, но к общине не приписан...

Судья поднял на обвиняемого изучающий взгляд. «Не лжет, – опять подумал он. – А если не лжет... то как же сошли побои?»

² Юродивый (старорусск.) – не имеющий рода или вышедший/изгнанный из него. Сама буква «Ю» – представляет собой сочетание: «I» – человек и «O» – круг, община. Ю – образно показывает человека, стоящего вне общины или рода.

– Говоришь, в Падубе никогда не был?

– Никогда. Я родом из очень далеких мест, – подтвердил Рэй.

Судья возвел на обвиняемого жесткий взгляд. «Рэй, Рэй... – раздражённо думал судья, сосредоточенно глядя на того, – да что за имя-то такое, с востока он, что ли?»

Обычно судья прозревал насквозь любую ложь, даже любую неискренность в словах. «Но этот Рэй... ни разу не соврал. Не всё рассказывает, да. Но не лжет. Образован и статен, но откуда явился вовсе не понять. Будто вчера родился».

– Раньше был знаком с Якимом?

– Нет.

– А с Пташкой?

– Нет.

– В Падубе живут лишь хлебопашцы и охотники по пушнине, я знаю эту общину. По твоей речи мне ясно, что ты не пахарь, не скотовод и даже не ремесленный. Великим князем мне вверено рассмотрение уголовных дел, обвиняемыми по которым идут бессловные: холопы, рядовичи и старосты, понимаешь? Это мирской суд для черного и житейского звания. Мне неподсудно выносить приговор купцам, боярам или духовникам, особенно, если сословность они имеют на другой земле. Спрошу еще раз. Откуда твой род? Есть ли сословие? Каково подданство?

– Я действительно не являюсь подданным этой страны. Как и отметил, я приехал издалека. У себя на родине я по-

лучил образование. У нас нет сословий, каждый работает по мере своих сил и получает по заслугам.

– Это замечательно, – утомленно набрал воздуха судья, – но твои показания расходятся с показаниями видоков, – имея в виду свидетелей, указал он. – Их показания были зафиксированы и удостоверены губным старостой, как то предписывает Разбойный приказ, и они в точность подтверждают слова обвинителя Пташки. Таким образом, я не могу принять одни твои устные показания против свидетельских, что поданы в порядке, определенном княжым словом. Есть ли иные мужи, которые могли бы утвердить правдивость твоих слов по рассматриваемому случаю и поставить под сомнение показания обвинителя?

– Там больше никого не было.

– Есть ли письма, грамоты, записи, иль таковые могут быть истребованы, свидетельствующие о твоей принадлежности к купечеству, духовенству, боярству, княжеской службе? Иль, по меньшей мере, свидетельствующие о твоём подданстве другому государю?

– Боюсь, таковых у меня не осталось, – крепче сжимая в руках тетрадь – единственное, на что почему-то не позарились бандиты, – ответил он, понимая, что пустые страницы ничего не докажут.

– Найдутся ль послухи – люди, способные поручиться хотя бы за твое доброе имя, доброту твоего рода и место происхождения?

Рэй покачал головой, и это опять огорчило судью.

Судебный процесс подходил к печальному завершению.

Да, бедный Рэй не мог рассказать этого судье. Однако, дорогой читатель! Я, Савелий Крапива, пристрастный искатель тайн и секретов, клянусь, что не сокрою от тебя этой истории, ибо тот, кто читает мое пристрастное повествование, имеет право знать всё!

Секрет Рэя из далекой страны

Еще несколько часов назад, до встречи с Пташкой

Правая Башня

Удар!

Жидкий лед пронзил иголками.

Вода. Острые льдинки царапнули кожу.

Ледяная жидкость начала заполнять легкие, отчего сердце, что ухало, потеряв ритм, стало замедляться и остывать.

Короткий миг борьбы обратился смирением. Он безропотно удалялся от поверхности в темноту. Не было страха, боли и даже сожалений. Холод, что нестерпимо ворвался в тело, тоже стал угасать, принося смирение. Мрак. Тишина.

Покой.

Грудь стиснуло будто железной клешней, заставив сердце прокачать кровь! Удар адреналина обухом врезал по упоко-

ившемуся сознанию! Он откашлялся, изгоняя из горла солоноватую воду. Легкие пылали огнем, сердце колотило по ребрам изнутри, пред глазами мельтешил всполошенный рой белых мушек.

А над ним стоял ангел.

Вернее, так ему показалось. Девушка, нет, пожалуй, всё-таки дева! С очень длинными волосами цвета топленого молока и бездонными, рисунка ночного неба, глазами, в которых горели настоящие живые звезды. Она взглянула на него мимолетом, и легкая улыбка тронула уголки губ.

«Правая Башня приветствует», – послышалось отголоском.

Таинственные образы смешивались друг с другом, не позволяя уловить смысл этого красивого видения.

«Согласишься ли ты? Справишься ли ты?!» – сверкнув отчаянной надеждой, прозвучало перед тем, как он опять утратил сознание.

Он лежал в тиши, на полу, покрытом холодной глянцевой эмалью, заботливо укрытый почти невесомой накидкой – ее тончайшие нити были нежнее пуха.

Просторная комната имела форму гексагона, по которому безо всякого порядка располагались шкафы, заполненные свитками, письменные столы и светящиеся сферы, парящие в воздухе. Именно такая возникла прямо перед ним только что. Одно прикосновение к бело-зеленому объекту, и он ока-

зался за пределами знакомого измерения. Кто бы знал, что не следует трогать блуждающие глобулы! Это Рэю вот-вот объяснят.

Гулкие голоса доносились урывками.

– ...Как ты понимаешь, это страшная угроза.

– Они сильны?

– Непомерно!

– А талант?..

Диалог развивался быстро, и человек, пролетевший сквозь пространство и время, еще был не в состоянии уследить за его сюжетом.

Рэй поднялся. На удалении разглядел из троих. Двое сидели за столом: с одной стороны молодой шатен, тоже закутанный палантин, а с другой – дева с длинными, молочно-белыми волосами. Она вся, будто сотканная из светящегося сатина, восседала на стуле с высокой спинкой, безвольно сложив тонкие, словно у куклы, руки на животе, а длинные локоны струились вдоль рук, мимо талии, спадая на пол, продолжая стелиться даже под ногами. Третий был совсем низкого роста и округлого сложения. Этот стоял позади девы, словно почетный лакей.

Прибывший и рта открыть не успел, а карлик метнулся от стола и шепотом велел замолчать!

Одoleвая головокружение, Рэй опустил взгляд на карлика. Но решительно не могло существовать то, что он наблюдал сейчас. Огромный, черный кот! Тот, который издали по-

чудился карликом, вблизи оказался подлинным прямоходящим котом, да раз в пять крупнее домашнего. Дымчато-черная шерсть лоснилась, грива мужественно выступала из-под воротника замшевой мантии с просторными рукавами. Если б не абсурд ситуации, котяра, пожалуй, сошел бы за монаха. На фоне сдержанного одеяния, лишённого всяких украшений, выделялись ярко-желтые глаза с острыми, как лезвия, зрачками. Он стоял, сложив передние лапы за спиной и выпучив небольшой живот.

Со стороны стола прилетело:

– Закончили.

Дева произнесла это единственное слово совсем тихо, едва дрогнув губами, однако шепот медной гирей прокатился по полу, набился глубоко в уши, ударился несколько раз о стены и улетел в неисчислимую высоту комнаты.

Она поднялась из-за стола, и волосы, словно не имеющие массы пушинки, вздрогнули и запоздало устремились за ней. Безучастный взгляд черных, но наполненных горящими звездами глаз пробежал по комнате. Она сделала несколько шагов и растворилась в прозрачном облачке света.

Все, включая кота, проводили ее затаенно. Почтительная тишина продлилась несколько секунд.

– Странно, – произнес кот, с неприязнью покосившись на человека. – Обычно все доставляются в сознании.

Рэй, как дурак, всё думал: не может кот разговаривать! Хоть бы и самый умный. У кошачьих не развит речевой ап-

парат. Коли б не эти несвоевременные мысли, Рэй бы заметил, что рассуждает котяра так, будто как раз появление тут запоздало очнувшегося Рэя, а вовсе не всё остальное, было из эфемерной категории странного.

– А мне теперь куда? – скромно поинтересовался шатен, который, с уходом девы, остался за столом один. – И позволю себе повториться! – смущенно одергивая палантин, высказал он, – мне вот так крайне неловко. Нельзя ли получить хоть какую-нибудь одежду?

– Выдадим, – раздраженно ответил кошачий. – Надо разобраться, что это такое с тобой прилетело и почему сначала оно было без сознания. – Так-с, аномалия, имя у тебя есть?

– Рэй... меня зовут.

– Рэй? – усомнился кот этому странному имени, но потом безразлично пожал плечами. – Значит, – обернулся к шатену, – вы не знакомы?

– Впервые его вижу.

– Но как же так? Может, вы находились рядом во время призыва, и сфера нечаянно захватила сразу двоих? – предположил кот, но шатен отрицательно покачал головой. – Ерунда какая-то. Да и они ничего насчет него не сказали.

Кто такие они, было неизвестно. Усатый еще раз окинул Рэя взглядом, прошел к письменному столу и забрался на табурет. Мясистый хвост выпал из-под робы.

– Ладно, Амадей! – обратился он к шатену. – Тебя ведь так зовут? Тут и в самом деле просто аномалия. Давай-ка завер-

шим с тобой. Условия контракта ясны, ничего не нужно повторять? – скорее констатировал, нежели спрашивал кот. – Вопросы?

– Позволь уточню, – спешно подошел к столу молодцеватый шатен. – Вот без шуток? Я окажусь в другом мире? И могу там делать что угодно и никаких ограничений?

– У тебя, как героя, есть соответствующий долг, не смей о нём забывать, – строго ответил кот, а затем нехотя продолжил: – Но, да, фундаментально каких-либо сроков или табу относительно средств достижения поставленной цели не ставится. Если вопросов нет...

– Кхм! – откашлялся Рэй. Ей богу, пора было закачивать этот цирк!

Неудобный, то и дело спадающий с плеч палантин он беззастенчиво сдернул, встряхнул и окинул вокруг бедер. Затем, скрестив руки на груди, потребовал ответа на два вопроса: что это за место и почему он здесь?

– М-м, что ж, изволь. Ты находишься в месте под названием Правая Башня. Там, – усатый указал наверх и продолжил значительно: – по воле богов было свершено призвание!

– Призвание кого? Мы ведь обычные люди, – ответил Рэй.

– В соответствии с контрактом, призванные обретают силы и таланты героя.

– А если я не хочу в герои?

– Очень хорошо, потому что ты и никакой не герой, – весело хмыкнул кот и воззрился на шатена. – Герой это он.

Шатен был молод, между двадцатью и тридцатью годами; сухопарый, слишком уж длинные для мужчины каштановые волосы в каре. Лицо непримечательное, овальное, скуластое, с тонкими губами. Выделялись глаза – зеленые, даже густо-изумрудные.

– Меня зовут Амадей! – улыбчиво обратился он, заметив на себе изучающий взгляд Рэя. Он придержал спадающий с тощего плеча палантин и протянул руку.

Рэй крепко пожал тонкие пальцы.

– Может, просто вернешь его обратно? – спросил этот Амадей у кота.

Кот нахмурился:

– Тут вам не базар. Никаких возвратов. Глобула сделала выбор.

– О-ох, – насторожился Амадей, но потом с плохо скрытой радостью спросил: – то есть обратно нас точно не вернут?

– Не вернут. И довольно. Я слишком часто это всё объясняю, чтобы повторять условия по несколько раз за призыв.

– Нет, изволь, – вмешался теперь Рэй. – Герои! Слово-то какое выбрали. А я из-за вашей ошибки тогда кто?

– Во-первых, никакой ошибки не было. Я не знаю, почему глобула тебя захватила, – нахмурился демиург, с осуждением покосившись на сгусток света, беззаботно парящий в углу комнаты. – Случилась необъяснимая флуктуация! Прими как факт. Ты глобулу трогал?

Рэй кивнул. А как было не потрогать?! Повис здоровен-

ный светящийся шар у тебя под боком. Кто б знал, что это «звонок» из другого мира, который вовсе не обязательно принимать.

– Значит, сам виноват.

Не-герой стоял на холодном полу, глядя на свои босые ноги. Ну дела. Флуктуация, извольте ли видеть.

– И что будешь с ним делать? – спросил герой Амадей, которому-то и не о чём было переживать.

– А вариантов не много, – развел руками сударь кот, после чего пристально взглянул на свой закругленный коготь; черные зрачки на секунду сузились в тонкую полоску. – Безопаснее всего было бы эту аномалию просто удалить. Ведь как знать, к какому эффекту приведет ее существование, – сказал кот задумчиво, но быстро опомнился и скороговоркой завершил: – Знаешь, Амадей, тебе давно пора отправляться, у тебя впереди много дел, а если повезет, то и род людской спасешь от гибели. Буду благодарен. С твоим-то талантом! Не удивлюсь, если у тебя и правда получится.

– Ты ведь ничего плохого не собираешься сделать с Рэем? Давай я его с собой возьму. Даром, что он не герой, вместе не пропадем.

– Тебе о нём волноваться ни к чему, – отмахнулся кот и звонко щелкнул пальцами – шерсть не помешала. – В общем, помни о долге, возвращивай три добродетели героя. Мироздание рассчитывает на тебя, – совсем не торжественно завершил волшебник.

Руны под ногами Амадея вспыхнули, и он растворился в объявшем свете.

– Рэй, удачи тебе! Может, еще встретимся?!

Вот и весь герой Амадей.

Рэй ему не ответил.

Когда сияние спало, усатый удовлетворенно отряхнул лапы, а после не без огорчения натолкнулся взглядом на флуктуацию. Желтые глаза блеснули злым алым оттенком. Не говоря ни слова, кот вернулся на рабочее место, принявшись шарить по необъятному столу.

– М-м... – бурчал кот, разговаривая с самим с собой, – в Башне тебя оставить? И на кой ты здесь нужен. В белую дверь скинуть? Они, конечно, не одобряют, опять потом объясняйся...

Он вдруг переменял тон и обратился к Рэю:

– Строго говоря, человек, не по моей вине ты здесь оказался, – и опять забурчал: – Ах, пропасть, да где же? А! – он удовлетворенно крикнул, вытянув из кипы бумаг свернутый в трубочку свиток. – В общем, – без энтузиазма начал кот, – время мне дорого. Советую перестать хлопать глазами, отключить эмоции и соображать быстро. Вот тебе факты. Я не знаю, почему ты здесь. Судьба, воля Богов или же случайность, но ты очутился в Правой Башне! Не считая белой двери, из Башни ведет три дороги. В Навь, тёмный мир обратной стороны бытия, там тебе делать нечего. В Правь, мир Богов, врата в который, однако, закрыты даже для меня... – мсти-

тельно пробурчал он. – И в Явь, материальный мир, куда я, так и быть, готов милосердно тебя сослать. Здесь у тебя даже есть выбор. Ты не можешь снизойти туда самим собой. Но я могу взять твою душу, поместив в тело еще не рожденного дитя. Младенцы неспособны хранить память, потому ты, скорее всего полностью позабудешь себя прежнего, но так тебе, поверь, будет даже легче: никакой тоски о былом, сожалений и сомнений в сделанном выборе. Это самый честный по отношению к тебе вариант, ибо ты полностью проживешь причитающуюся жизнь. Родителей тебе подберу не князей и не бояр, конечно, но есть на примете одна купеческая пара.

– Как всё просто, – хмыкнул Рэй, – а душу их младенца убьешь?

– Ну, почему сразу... – кот покосился на порхающую неподалеку сферу. – В город Храбродар недавно переехало купеческое семейство. Супруга Ратибора Волка носит под сердцем дитя, но еще не знает, что плод неживой. Волк немолод и отчаянно ждет сына. Можешь осчастливить чету, – снисходительно сказал желтоглазый, задумчиво вращая в лапах добытую бумажную трубочку.

Вдруг он с помощью таинственной силы отправил трубочку в полет. Она подлетела к не-герою, развернулась, и на руки ему лег голубоватый пергамент. Стоило пальцам коснуться бумаги, как на листе проявился десяток мелких абзацев из замысловатых писем. Следом в ладонь прилетело пушистое перо неведомой птицы.

– Или тебя тоже могу назвать героем. В соответствии с этим контрактом ты таки получишь сей почетный статус, но и примешь страшную и неподъемную для человека ношу героя.

Неизвестный язык не позволял понять и слова на пергаменте.

– Тут, правда, две оговорки. Во-первых, это уже пустой контракт. Я удалил из него привязку к душе героя, что был призван до тебя, но так и не сошел на землю. Во-вторых...

– А что с ним стало?

– С героем? Ну, по какой-то причине нам не удалось замедлить бедолагу при приземлении, из-за чего... призыв-то был успешным, но вновьсошедший оказался, хм, не в той кондиции, чтобы приступить к обязанностям, – ехидно повысил тон волшебник, и Рэй был уверен, что кот остался доволен этой черной шуткой.

Улыбнувшись своему остроумию, усатый продолжил:

– Касаясь сферы, призванные сразу получают божественный дар, который дает им одну сверхъестественную способность. Проблема, однако, в том, что геройский талант, причитавшийся по этому контракту, был утрачен вместе с жизнью призванного. Поэтому ты уже никакого таланта не получишь. Во-вторых, принято, что новоявленные получают мощну серебра на то, чтобы обустроиться в третьем мире и приступить к геройскому долгу. Им вручается порядка двадцати мер серебра. Тут, прими за честь, обычно говорю я,

ибо немалая сумма. Но вот другая проблема – лишнего серебра у меня нет.

Кот облокотился на стол, тоскливо подпер голову:

– Ох, беда. Ни таланта, ни денег, помрешь ведь через неделю. А они опять скажут, что это я виноват! Ах, нет, если подумать... – рассуждал демиург, да оборвался, когда к нему на стол лег подписанный контракт. Тот аж подскочил: – С ума сошел?! Я ведь даже не все условия рассказал.

– Ты ведь сам сказал соображать быстро. Да и какие у меня варианты? Либо белая дверь, уж не знаю, что это, либо полное забытье в чужом теле.

– Не забытье, а полноценная жизнь!

Рэй склонил голову:

– Плохо ты знаешь людей. Каждый человек – совокупность того, что он пережил. Забыть себя – равно, что умереть. Выбираю геройство.

Волшебный кот лишь выдохнул, вновь дивясь отчаянности человеческого существа.

Рэй спросил:

– А кто такие «они», о которых ты говоришь? И кто эта девушка с глазами цвета звездного неба? Это боги?

Покряхтев, кот хлопнул лапами по столу, спрыгнул с табуретки. На вопрос отвечать не собирался.

– Так, человек, коли контракт подписан, ты теперь герой, – подытожил он, но настолько жидко, что прозвучало как несмешная шутка. Кот прочистил горло и начал по за-

ученному: – Там, по воле богов было свершено призвание! Ты находишься в месте...

– Уже слышал. Позволь уточню, ты обмолвился о причитающемся мне серебре. Талант из моего контракта исчез со смертью того, первого призванного, допустим. Но серебро ведь не испарилось? Что-то у тебя не сходится.

Кот нахмурился, дернув усатой щекой и впервые оголив острые кончики белесых клыков.

– Ты раздражаешь всё больше, аномалия. Пару отрубков серебра я, конечно, наскребу. Вместо остальных, чтобы всё было честно... а хоть бы и разрешу призвать меня один раз! Щедро? Еще бы!

– Даже не знаю, – усмехнулся Рэй, – не особо ты приятный персонаж.

– Значит, согласие получено, – скучно выговорил кот.

– Я же не соглашался!

– Ты сказал «да».

– Не говорил!

– Сказал «даже», а оно начинается с «да»! Согласие выражено, договор заключен, а мы закончили наш разговор!

Кот свернул пергамент обратно в трубочку и поспешил еще раз щелкнуть пушистыми пальцами. Белые руны под ногами героя вспыхнули и свет быстро заполнил всё вокруг, тот и возмутиться не успел.

– До чего неудачный призыв получился, – посетовал колдун. – Удачи в пути, человек, – насмешливо помахал он ла-

пой на прощание, – надо думать, она тебе пригодится. А там, вдруг от тебя и правда будет какой-то толк в назначенной миссии. Не забывай о добродетелях героя: честность, достоинство, верность ремеслу. Лишь следуя им, можно ожидать приемлемого продолжения истории. – И еще! – раздалось напоследок, когда сам волшебник уже скрылся в ослепительном сиянии. – По поводу нашего маленького соглашения. Меня... зовут Светл-О-Бай.

Третья по счету комната выглядела как и предыдущие. Впереди красовалась высокая арка, за которой россыпью жемчуга светилась иноземная ночь.

Путешествие героя по землям Княжества, как уже знает читатель, выдалось до обиды коротким, и очень скоро, милостью Пташки, да подарят Боги покой его душе, и Якима, Рэй оказался в речной шхуне, неспешным курсом идущей на север.

Босые ступни Рэя уже лишились чувств, в трюм пробивался сквозящий, осенний холод. Хотелось снова потерять сознание, вернуться в безразличное небытие, в котором он пребывал еще несколько минут назад.

Вот мирок, угораздило же! Бандиты грабят героев, а Башня бестолково шлет им на расправу одного за другим. И они, богиня и ее кот, еще рассчитывают на какой-то благоприятный исход!

И тут словно молния прошла сквозь тело, поставив на тормоз сумятицу в голове. Кот! А вот это следовало испытать. Рэй резко передумал уходить в небытие, набрал воздуха в грудь и крикнул в пустоту перед собой:

– Светобай!

Звуки снаружи стали замороженно затихать, трюм наполнился по-особенному мрачной тишиной. Волны за бортом замедлились, остов судна замер под углом, шаги на верхней палубе остановились. Цвета тоже становились блеклыми. В трюме и без того было хмуро, но потусторонний тёмно-серый налет осел даже здесь. И когда мир остановился совсем, сбоку прозвучал знакомый, снисходительный бас:

– Что, уже?

Дымчатый кот в замшевом балахоне явился, как и было обещано!

Зачем-то потирая передние лапы, чудо-кот подошел к герою вплотную, опустил мокрый обсидиановый нос, посмотрев на истерзанное тело. Даже в абсолютно бесцветном мире играли до рези сочными красками глаза густо-золотого цвета, в которых плавали острые, черные зрачки.

– Для сведения: не «Светобай», а «Светл-О-Бай», – подчеркнул он произношения каждого слога. – Тебе было поверено право напрямую обращаться к высшим существам, так изволь быть с ними учтив, – с апломбом завершил волшебник, сложив лапы за спиной.

Рэй не нашел сил ответить.

– Могу заметить, – довольно усмехнулся усатый, – что пребывание бездарного героя в незнакомом мире всё-таки не пошло первому на пользу. Надо слушать, когда тебе говорят, авось уже и, как ты выразился забытье, не кажется таким плохим исходом? Что ж, между нами был договор, и я его исполню. Осмелюсь предположить, что ты примешь исполнение в форме соответствующего ухода за здоровьем. На твое счастье секреты исцеления смертных тел – одна из моих специальностей.

Знакомый щелчок шерстяных пальцев звонким эхом разнесся по трюму, и в тот же миг сама кровь побежала по телу иначе. Героя укутало нежным, горячим теплом, нервы ожили, а через полминуты перестали сигнализировать о боли, туман в голове развеялся. Пульс замедлялся, накатывал сладкий летаргический сон, из которого вовсе незачем было возвращаться.

Но пришлось.

– Стать объектом моих талантов! – молвил волшебник, завершив работу и вернув героя в реальность очередным щелчком, – большое везение, человек.

– Сам поражен, – ответил Рэй, не веря, что язык цел, а грудная клетка позволяет до предела наполнить легкие.

– Я слышу насмешку? Не недооценивай своей удачи. Из всех героев, что приходили в этот мир, ты первый, кому выпала честь увидеть меня во второй раз. Что с тобою приключилось?

Рэй коротко описал свои злоключения после выхода из Башни, но Светл-О-Бай скоро остановил его, выставив лапу с черными подушечками:

– Хва-атит, человек, не продолжай. На самом деле, мне неинтересно, так что сбереги мои уши от своего нытья.

– Это же работорговцы! Вытащи меня отсюда!

– И как я это сделаю? – искренне удивился колдун. – Ты получил хорошее снаряжение для путешествий и, как мы видим, благополучно его потерял. Ты был здоров, но тебя поколотили до смерти. Ты был при деньгах, но их у тебя отняли. Ты пришел в этот мир свободным человеком, но угодил в неволю. Мы договаривались, что я тебе что-то дам? Нет. Я обещал лишь явиться. Лицезри.

– Хорошо вы героев призываете. Да у вас там целая банда. Они ведь меня ждали! Нельзя было предупредить?

– Не моя проблема, я только новичков оформляю. После выхода из Правой Башни ваша судьба оказывается в ваших руках. Нерушимый принцип Яви, знаешь ли. Свободная воля! И вообще, – Светл-О-Бай многозначительно вздернул кошачий палец, – подумай вот о чём. Наличие разбойников в окрестностях святого места явления героев есть лишь следствие никчемности твоих предшественников, проваливших миссию. Бесчестные, малодушные, позабывшие ремесло герои, неспособные проявить свои добродетели, стали тому причиной. Так что вини свой род, не мой.

– Так может, герои бездействуют потому, что их убивают

на входе?

– Да нет, едва ли дело в этом. Уверяю, нет тут векового заговора. Обычный мирок, населенный несчастными жителями, которых нужда порой толкает на преступления, – пожал он плечами.

– Ах, нужда толкает?

– Ты, кажется, забыл, кто ты. Над этими людьми висит угроза, супротив которой ты был ниспослан. Ты должен защищать их, а не винить в своих бедах!

– Прекрасно! – подивился Рэй кошачьей наглости. – Может, я еще и сам виноват в моем ограблении?!

Светл-О-Бай с удивлением посмотрел сверху вниз и ответил преспокойно:

– Может, и сам. Не сомневаюсь, что был вариант действий, который бы не привел тебя в сие прискорбное положение. Будь ты сильнее – отбился бы от бандитов, будь ты осторожнее – не угодил бы в ловушку, будь умнее – вовсе обернул бы встречу себе на пользу.

– Тогда я хочу сначала. Давай еще раз, верни меня к Башне. Я найду другой путь или смогу обмануть бандитов, или даже отобьюсь от нападения!

– Мне лестно, что ты находишь меня таким всемогущим, – вскинул кошачьи брови волшебник. – Твоя наивность, конечно, умиляет. Впрочем, – он сложил руки за спиной и отвернулся, – ты не поверишь, сколько раз я сам хотел «начать сначала», – и горько усмехнулся. – Вот только у меня и близ-

ко нет таких сил.

– Тогда объясни, почему жители так к нам относятся? Огузки с деньгами – вот кто мы для них. Но мы ведь герои. Ты сам сказал.

– Да, герои, – нахмурился Светл-О-Бай. – Это записано в божественном контракте и этого не отнять. Но что с того? Ожидал благоговения, не успев совершить ни одного достойного поступка? С какой стати людям трепетать пред безмянным пришельцем?

– Но не грабить же!

– Почему нет? Опять же свобода воли.

– Но я полагал, что контракт...

– Что? – резко вступился волшебник, сверкнув золотыми глазами. – Сделает тебя неуязвимым? Даст возможность переигрывать события вновь и вновь? Позволит жить в раздолье, не прилагая усилий? Уверен, что не обещал, что геройское поприще будет соответствовать твоим мечтам! – выпалил он.

Затем, однако, быстро охолонул и сказал уже мягко:

– Извини, человек. Я в каком-то смысле понимаю, что ты ожидал не этого. Но у меня нет забавы, из которой герой гарантированно выходит победителем. Цель твоего контракта ни много ни мало спасти сей несчастный мир. Точнее, его людей. Большая задача, согласишься? А ведь даже не представляешь, насколько точно ты высказался. Ты – герой! – с потаенным значением отметил волшебный кот, потом помедлил

секунду, чтобы до Рэя дошла глубина этого утверждения.

Не дошла. Кот покровительственно произнес:

– Соверши хлопок одной ладонью.

Рэй опустил взгляд на руки, вмурованные в деревянную колодку.

– Невозможно.

Светл-О-Бай улыбнулся и продолжил:

– Горе, уходя, рождает счастье. Только в отчаянии можно познать надежду. Лишь конец света рождает истинных героев. Без зла, – он таинственно посмотрел на свой острый, загнутый коготь, – не существует и добра. Таков этот мир. Таковы законы всех миров во Вселенной. Если бы с этим миром всё было в порядке, герои были бы попросту не нужны. Теперь понимаешь? Ты, герой, есть ни что иное, как манифестация отчаяния этого мира.

Светл-О-Бай отошел на пару шагов, подняв голову к низкому потолку трюма так, словно там раскинулось звездное небо.

– Но никто не говорил, что это в принципе возможно – что-либо изменить, – с обреченностью в голосе, проговорил вдруг он. – Как много героев положат свои жизни, чтобы добиться хоть сколько-то приемлемого продолжения истории? Один, десять, сотня? Или же! Это не удастся никому? – обернулся он, и взгляд ледяных желтых глаз заставил сердце героя сжаться. – Этот мир не отличается от твоего в основных своих законах. Время линейно, будущее не определе-

но, а принятое решение нельзя изменить, приходится лишь встречать лицом к лицу последствия. Укради сегодня и жди, что завтра тебя накажут; помилуй убийцу и будь готов, что однажды кто-то может вновь расстаться с жизнью; доверься, а потом не сетуй на богов и злую судьбу за нож, ударивший в спину. Всякое действие имеет последствия. Я... уже выучил этот урок, – с горечью хмыкнул Светл-О-Бай. – Сегодня был твой черед.

Рэй глядел в тоскливые золотые глаза волшебника, взгляд которых потерялся где-то вдалеке. Герой хотел задать еще вопрос, но кот остановил, снова выставив лапу:

– Мы болтаем попусту, а время коротко. Твои раны исцелены. Я оставляю часть своей энергии в тебе, это позволит телу не околеть еще минимум пару дней. Надеюсь, за это время ты доберешься до места назначения.

– И что мне с этим-то делать? – поднял Рэй скрепленные колодкой руки. – Толку от твоей мудрости, и от спасения, и от колдовства, что не даст замерзнуть? Ты призвал меня как героя, а я проведу остаток дней – где? В шахте? На каменоломне? Пусть прошлого не изменить, но помоги сейчас.

Волшебник выдохнул.

– Я не имею ни права, ни возможности напрямую воздействовать на этот мир. Даже наш с тобой договор – страшное нарушение. Чтобы его исполнить, мне, как видишь, пришлось остановить само время. Я не способен разбить эти кандалы, потому как само время стоит на месте, а разруше-

ние – это энтропия. Энтропия происходит только во времени. Я также не способен нарушить законы Яви и волшебным образом переместить тебя в пространстве. Ты сам выбрал контракт, – холодно отметил Светл-О-Бай. – Придется прожить то, к чему привела дорога. Ты, впрочем, до своего последнего удара сердца вправе действовать, меняя ее направление! Соверши побег. Устрой восстание. Покончи с собой, – понизил он тон. – Свобода воли – удивительная вещь, согласишься?

Светл-О-Бай оправил свободные рукава своей робы.

– Не переживай. Никто не ждет, что ты и правда что-то изменишь. Хоть на героев и возложена великая миссия, уверяю, подписанный тобою контракт не предусматривает никакого наказания за провал. А уж тебя, бездарного и лишеного всего, никто не осудит за бездействие. Считай это моей последней подачью: я лично дарую тебе свободу. Можешь жить как считаешь нужным и возможным, а бремя героинства оставить другим.

Рэй опустил голову. Геройство завершилось постыдными побоями от местных бандитов и снисходительной подачкой от божественного нанимателя. Уж если тот, кто лично отправил его в этот мир, ни на грамм не верит в успех, на что ему самому рассчитывать?

– Черт с историей мира. Неужели рабство – конец моей истории? – не желал мириться Рэй.

– Сколько людей погибло в неволе? Чем ты лучше? –

грустно улыбнулся Светл-О-Бай. – Вообще, история этого мира до сих пор складывалась довольно печально. Как и, в итоге, истории его героев. Успехи первого поколения наших посланников оказались сомнительны. Ты, вероятно, узнаешь о них, если поищешь. Второе колено, в котором довелось родиться тебе, пока вовсе не проявило себя, и честно сказать, надежд на вас у меня еще меньше. Мы в точке бифуркации, но стоит она под крутым уклоном вниз. Какой исход нас ждет?

– Хочешь сказать, герои когда-то уже приходили в этот мир?

– О да! Несколько веков назад. И они немало преуспели, да так и не завершили миссию. Вашему поколению решать судьбу.

– Что это значит?

– Достаточно вопросов! Коль интересно – ищи ответы сам. Не божественный контракт и даже не великая цель делает человека героем, а проделанный им путь. Честность, достоинство и верность ремеслу – я подарил тебе путь! Но идти по нему или нет – твой собственный выбор. А мой контракт исполнен. Должен сказать, что благодарен за столь скорую возможность закрыть обязательство, не люблю держать в голове ненужную информацию.

– Всегда пожалуйста.

Кот легко качнул головой в знак прощания.

– Не грусти. В конечном счете ты всё же извлек выгоду

из навязанного тебе соглашения и получил второй шанс, в твоих силах распорядиться им.

Последние слова были произнесены с улыбкой. И хотя на кошачьей морде ее непросто было разглядеть, Рэю почудилось, что она даже была искренней.

Ныне

Судья, раздосадованный неискренностью обвиняемого, дослушал его скупой рассказ, лишенный фантастических событий, случившихся в Правой Башне и корабельном трюме.

– В таком случае! Объявляю, что представленные по делу обвинительные доказательства исчерпывающи. Защитительных суду на рассмотрение не представлено.

Белокурый секретарь за аналогом востепенулся и прилежно зафиксировал последний комментарий.

– Для бумаги спрошу, Рэй из далекой страны, нет ли у тебя денег или имущества, чтобы уплатить виру³ в сумме восьми мер серебра, предписываемую Разбойным приказом? Вира, конечно, будет половинной, ибо имело место только покушение. Принадлежишь ли ты к какой-либо верви, общине, артели, мастерской, которая бы согласилась взять твою половинную виру повально⁴? Нет ли у тебя поручителей, спо-

³ Вира (*старорорусск.*) – штраф за убийство, уплачиваемый в пользу князя.

⁴ Повальная вира (*старорорусск.*) – она же дикая вира – распределяется поров-

собных дать обязательство к уплате виры в срок менее шести лун? Конечно, если бы такие были, ты бы здесь не оказался...

Судья вздохнул и продолжил:

– При отсутствии иных допустимых и относимых доказательств, отсутствии поручителей и возможности уплатить наказание, оказывается, что обстоятельств, подлежащих изучению судьей, нет.

Помощник снова нацарапал на листке последнее замечание.

Гвозди один за другим забивались в крышку гроба.

Судья облизнул губы и принялся за дело:

– Рэй. Словом шестнадцатым Разбойного приказа ты назван виновным в попытке убийства без свады⁵, да по разбою, против забоярского общинника-рядовича в житьем звании. Словом третьим Приказа об иноземцах утверждается право земли: всякого человека, именующего себя иноземцем и свершившего преступления на землях великого князя, но не доказавшего бумагой или верным словом своего подданства иноземному владыке, надлежит подвергать суду, как будь то подданный великого князя в онжем звании. Следовательно, не усматривается оснований к тому, чтобы передать твое дело на рассмотрение суда твоей собственной страны... где бы таковая ни была, – пожевав губами, прибавил судья. – Дока-

ну на всех членов общины, к которой приписан крестьянин, совершивший преступление.

⁵ Без свады (*старорусск.*) – без обиды/ссоры, без повода.

зательства принадлежности к достойным родам Княжества с твоей стороны не представлены. По итогу я предаю тебя суду как беззванного вольника, проживающего на землях Великобая Симеоновича столбового бояры великого князя Василия Дмитриевича.

Обескровленные губы обвиняемого сжались.

– При отсутствии сведений о былых преступлениях, – продолжал судья, – именем великого князя и Владыки семи краев вмения тебе предусмотренную виру: четыре меры в пользу князя и четыре меры на возмещение вреда обвинителю. Ввиду отсутствия у тебя имущества для уплаты виры, ты приписываешься, заместо уплаты, в трудовое поместье Береста со сроком заключения, равным четырем зимам.

Рэй смятенно опустил голову. «Господи, четыре...»

– Всё записано? – осведомился судья у помощника за аналогом. – В таком случае заседание по обвинению Рэя из Падуба окончено. Заводите, пожалуйста, следующего, – распорядился он, как вдруг помощник наклонился к его уху и прошептал что-то, косясь на осужденного. После чего и судья задумчиво присмотрелся к тому.

В момент, когда у осужденного загорелась робкая надежда, судья нахмурился, еще раз с недовольством обернулся на помощника – тот покровительственно кивнул в подтверждение сказанного и даже показал на строчку в обвинительном листе в руках судьи. Седовласый положил листок на стол, собрал руки замком, поразмыслил и сквозь зубы продолжил:

– Принимая во внимание, что лихое дело было совершенно Рэем из Падуба из, кхм, неканонических уверований... а также из возможной, кхм, причастности к пришельцам, имеющим себя героями, – выговаривал судья, и было видно, что ему очень не нравятся собственные слова, – вира будет увеличена вполовину и составит двенадцать мер. А срок заключения, соответственно, составит шесть зим. Как и было сказано, исполнение наказания...

Помощник, что удивительно, опять не удовлетворенный прозвучавшим, еще раз склонился к судье, однако тот вдруг одернулся и ударил ладонью по столу:

– Пóлно! Ни в Княжеской Правде, ни в Разбойном приказе нет таких оснований! Не стану казнить, доколе не будет, бесспорных доказательств свершения клятвопреступных злодеяний, – возразил он, шлепнув по листку в руке. – ...А вот дела мне нет до писем бояры Великобая! – в ответ на следующий шепоток помощника ответил судья. – Я, слава богам, княжѣй волей – Разбойным приказом сужу, а не каракулями Симеоновича, пусть сам героев отлавливает, коль они ему не милы. Всѣ! Отработка виры исполняется здесь, в трудовом поместье Береста, – завершил судья, раздраженно откинувшись в кресле.

Юноша-секретарь почтительно кивнул, сделал запись и махнул ябетникам.

Душа Рэя была сокрушена. «Каких еще неканонических уверований?!» Лишь за возможную, даже недоказанную

причастность к героям наказание за и без того выдуманное преступление увеличили на половину? Да ладно Рэй еще не сказал, что сам является подлинным героем, а то б, похоже, казнили на месте!

Осужденный пытался воспротестовать, еще раз потребовал слова, но ябетники уже схватили под руки, а поднятой кверху дубины было достаточно, чтобы вернуть тишину в судебную лачугу. Стража вывела Рэя через другую дверь, а он всё удерживал в руках пустую зеленую тетрадь, до которой никому не было дела.

В следующей комнате старичок с плешью на голове записал осужденного в толстую амбарную книгу с разлинованными углем полями: Рэй из Падуба, без рода, рядбóвого звания, шесть зим, дата. Здесь же выдали постиранную каторжную одежду и неряшливо подстригли туповатыми ножницами – элемент наказания, разделяющий преступника с предками.

Пучки волос ложились на колени, а вместе с ними терпели крах остатки надежд на новую жизнь.

II

Поздняя осень: полузимник месяца

Северо-Восточный край

Звали ее Лишка. Ежели ее так нарекли родители, то, наверное, потому, что желали ей всего и с излишком. А коли брат, то, пожалуй, потому, что в родном своем доме она оказалась попросту лишней. И последнее было куда как более вероятно, ибо крестьянские дети редко получали настоящее имя раньше своей четвертой зимы, а к ее четверем годам родителей уже не стало.

После обеда Лишка бродила по мрачному, догола вытоптанному деревенскому двору – бездельничала. Да и что тут, в Бересте, делать? Высоченный, зубастый тын со всех четырех сторон. Это такая стена из частокола. Нет, обычно дел тут полно, но сегодня, слава Маре, неделя⁶. Как и в деревне, в последний день седмицы тут никто не работает: лесоповал, будь он неладен, закрыт, а внутри поместья даже сторож^а не смеют докучать распоряжениями. Это так наместник повелел: в неделю ни к каким работам каторжников не привлекать, давать волю на отдых. «Хороший он, – подумалось ей, – справедливый. – Чего ж он в этакой глухомани с нами, ока-

⁶ Неделя (*старорусск.*) – последний день седмицы (семидневной календарной недели), досл. «ничего не делать».

янцами, чахнет?»

Она вынула из кармана свежий комочек мул-травы – кусочек счастья в этом угрюмом поместье – и хотела уж закинуть под язык, но позади кто-то свистнул. Лиша неохотно обернулась. «Ах, да», – с тоской вспомнила она. Неделя была примечательна еще и тем, что где-то раз в луну именно в этот день привозили новеньких обитателей Бересты. Алёшка-Дятел, Штырь, верзила Дранный и, конечно, Нос – четыре молодца поджидали посреди двора, на почтительном расстоянии от приветственной избы.

Судья, он же упомянутый наместник, его слуги и сторож, они-то все живут в стольном доме, самом большом, двухэтажном. Но лиходеев рассуживают в небольшой лачуге: вход в нее прямо с причала, а выход уже в арестантский двор. Заходишь вольным человеком, выходишь порубником.

А свистнул Лишке сударь по прозвищу Нос – просто так, от веселого настроения. Что ж, ему можно. Лиша коротко кивнула в ответ, собрав руки на животе. Если б так посмел сделать кто из чесноков, то она бы отвернулась, да еще б губу на сторону скривила. А Нос ее давно, как тут говорят, за столбил. Оно так, в общем-то, было не принято, ибо женского полу в порубе⁷ мало, но Нос – новой породы, сам под себя порядки устанавливает.

Не успела она это обдумать, как заметила, что четверо уже окружили вышедшего из приветственной избы, только что

⁷ Поруб (*старорусск.*) – темница, тюрьма, исправительный лагерь.

рассуженного заморыша. Ох, сейчас они его для острастки прижмут, растолкуют что почём и укажут место, пополнив ряды сговорчивых чесноков, за счет работы которых мильё и живут тут в раздолье. Видали уж картинку! И хотела от-вернуться, но неволей задержала взгляд: в окружении чет-верых стоял вовсе не заморыш, который несколько седмиц скитался по лесам, прежде чем его загнали-таки дружинни-ки, а рослый, плечистый сударь. Даже за позорно острижен-ной головой и арестантским рубищем угадывалось в его об-лике что-то сильное, пока еще не надломленное.

– Смотрю, первый раз зашел, – с ухмылочкой выговорил один тщедушного сложения. – Что, голубь, память хорошая?

– Не жалуюсь, – сухо ответил Рэй.

– Тогда напрягай уши, – сказал тот и принялся объяснять, как устроено сие поместье.

В сущности, сводилось всё к тому, что Береста – это общи-на. Прямо как деревенская, но еще теснее. Рядóвые общин-ники зовутся «чесноки», сиречь честные каторжники, они же кандальники. Хотя собственно кандалов тут давно никто не носит; слово осталось с былых времен, когда вокруг по-местья не было шестиаршинного бревенчатого тына, а в ле-сах почти не водились чудовища. Чесноки – это те, кто по-честному отрабатывает свою долю, по-честному же получает от общины.

– А есть, понимаешь, гузаки, – сказал тощак, с ненави-

стью захватив пятерней воздух перед лицом Рэя и сдавив. Тощак хоть и рисовался да размахивал руками, а ясно было, что среди обступивших он вовсе не главный.

Гузаками, продолжал он, становятся те, кто не соблюдает правила или как-то по-особенному провинится перед общиной. Правил оказалось немного: не стучать сторожам на чесноков, не присваивать чужого, не копить гаман⁸, не устраивать бардаки и с выкладкой участвовать в общих работах. Однако первым условием удержания масти было вспомогание. «Отдавать четвертину», по словам арестанта, изо рта которого веяло луком, – неотъемлемый мазан честного каторжника.

– Сбором четвертин, стало быть, именно вы занимаетесь? – уточнил Рэй, глядя не на болтуна, а на другого – крепыща с непропорционально длинным носом, торчащим над толстыми усами и упитанной бородой.

– Ты, галка, не галди, – добродушно улыбнувшись, сказал длинноносый. А вот и главарь, понял Рэй.

Он подплыл, точно утка по воде, и очень мягко опустил руку ему на плечо. Пришлось, однако, поднапрячься, чтобы под ее весом не согнуться.

– Мы ж тут тесно живем. Меня звать Нос. Это Алешка-Дятел, – представил болтуна, – а это Дранный, – со значением указал на хмурого, патлатого здоровяка с огромными кула-

⁸ Гаман (*старорусск.*) – карман. Копить гаман – собирать личную записку вещей или продуктов.

чищами.

«Чудище», – подумал Рэй, глядя на саженные плечи и пу-
стые глаза, утопающие в тени надбровных дуг. Довершал об-
раз кривой шрам: верхняя губа несколько лет назад была ед-
ва не оторвана.

– Этот Алешка у меня божедур еще тот, намаялся я ним,
веришь? А Драный так вовсе говорить не умеет, только зубы
выбивать годится, – весело молвил носатый, но затем резко
отбросил благосклонный тон, мол, поиграли в дурачка, хват-
тит. Поднятой кверху ладонью он указал на приземистые до-
ма: – Ты идешь на двор! Ступив на двор, ты становишься об-
щинником. Жизнь тут тяжелая, жиру нет, а сторожá любой
косяк распределяют на всех. Один ёж тухлянку затешит, а
огребает весь честной люд. Микитишь, голубь, куда я веду?
Мы с мужиками по зову сердца помогаем в неблагодарном
деле, которое ты обозвал сбором, только за ради того, чтобы
всем всего хватало! Так что, ёшка? Будешь подпевать или
по говну мотать? – закончил он емко, предоставив Рэю два
нехитрых варианта предстоящей жизни.

– Я понял, – ответил прибывший. – Четвертина звучит
честно.

– А то ж! Быстро слобастил, голубь, – похвалил Нос и об-
ратился к Драному: – Гляди, я ж издали сказал, что этот свой
чесалка. Глаз-то у меня орлиный!

Алешка-Дятел жеманно подхватил:

– Ха, ты, Нос, вообще зверь дикой. Глаз у тебя орлиный,

нос крысиный, а уд лошадиный, ха-ха.

Нос и двое других загоготали над шуткой. Драный, видимо, не улыбался никогда.

– Ладно, Дран, не кручинься. Успеешь кулаки размять, – приободрил Нос. – Сказали, сегодня привоз большой. Вон и следующий вышел, гляди! Вот он портач, зуб даю.

– Ну побазланим, – прохрипел Драный и двинулся вперед.

Приметив новую жертву, авторитеты потеряли интерес к сговорчивому новичку. Уходя, длинноносый встретился взглядом с неряшливого вида девчонкой, которая зачем-то всё терлась неподалеку, и сделал жест, займись, мол, новичком.

Та с неохотой вынула руки из просторных рукавов тулупа, сплюнула что-то под ноги. Короткая мальчишеская стрижка, что, видимо, норма для заключенных женского пола, одежда как и у мужчин – серо-коричневое сукно, все предметы ей велики.

– Мягко стелет, жестко спать, а? – бросила она.

Девушка встряхнула сухие, светло-русые волосы, наполненные опилками, и взыскательно оглядела новичка с ног до головы ясными глазами. Были они не голубые и не серые, а в самом деле бесцветные, чистые, как ручеек.

– Я о том, что зря ты согласился, – шмыгнула она, глядя вслед авторитетам, которые уже взяли в хоровод другого новичка.

– А можно было отказаться?

– А то б! Эти уважаемые господа ничего б тебе не сделали.

– Прямо-таки?

– Таки прямо! Днем же нельзя бардачить.

– А ночью?

– А ночью, в бараке, ты бы огреб. Не от них, конечно, а от ихних шнырей, – ухмыльнулась она.

– Ясно. Побои это замечательно, уже испытал. Еще что присоветуешь?

– О, шутник, – хмыкнула девушка. – Редкость. Да я к тому, чтоб ты сильно не удивлялся, когда придет время участия в поруке.

– Хочешь сказать, уважаемые господа отнимают больше заявленной четвертины?

– Их зовут мильё. А эта порука у них хитрая. Никто не забирает четверть ежедневной плошки крупы на воде или кислой капусты, – пожала она плечами и фальцетом принялась перечислять: – зато новые рубахи, мясо на праздник, простыни, обутки, прочий slam уходит, только ручкой вслед маши! Знаешь, как считать четверть от нового зимнего тулупа? Эт вспомогатели тебя враз научат, четверть это и будет тулупчик целиком в обмен на дырявый, со скомканной набивкой.

Рэй вздохнул, но уже не расстраивался.

– Не думал, что увижу тут женщин, – только сейчас сообщил он.

– Говорят, есть порубы только для мужиков, – безразлич-

но пожалала она плечами. – А здесь нет. Община ж. Как в хозяйстве без баб?

– И правда. Извини.

– Ха, за что извинить-то?

– С мужчинами, наверное, не очень удобно.

Она неловко отвела взгляд, потерла нос картофелину. С виду Рэй дал ей чуть более двадцати пяти, но создавалось впечатление, что выглядит она старше, чем на самом деле.

– Тебя-то, красивый, за что закрыли? – сменила она тему. – Что-то не похож ты на разбойника.

– Мало разбойничал, наверное, – ответил Рэй.

Он хотел было излить негодования, рассказать, как глупо и несправедливо всё обернулось, что в первую очередь, он вообще не должен был оказаться в этом нелепом мире, а уж как герой, да с великой, хоть и весьма туманной миссией, не в чести и не в праве находиться на самых его задворках! Однако в последний момент взял себя в руки, ведь кому есть до этого дело.

Рэй с вызовом посмотрел в ее необычные, почти прозрачные глаза:

– Напал на человека. С оружием. Хотел зарезать, да к гусю подмога подоспела, вот и не рассчитал силы.

Слово «гусь» Рэй использовал по наитию, но девчонке понравилось – хихикнула.

– Хой, дикий! С виду-то не скажешь, – она прищурилась и сказала мягко: – Зарезать он хотел, как же. Поди, за кого-то

другого каторгу взял? Ла-адно, можешь не говорить. Всем подряд хоть про разбой не полоскай. Засмеют.

– Что, не веришь? – попытался утратить Рэй.

Та глянула даже с жалостью:

– Глаза у тебя не такие. Драного видел? Там такое в глазах.

Ему ведь что шей поест, что человека поленом насмерть заколотить – даже в лице не переменится. Его и сам Нос побаивается. А у тебя в глазах...

Она склонила голову, задумалась. И Рэй так и не узнал, что у него.

– Короче, меня Лиша зовут!

Рэй тоже представился и поинтересовался причиной ее заключения. Та отмахнулась:

– Тать. На четыре зимы зашла, но две уже прошли!

– Четыре зимы. Многовато за... – не закончил предложение Рэй, поскольку не понял, что за преступление такое – тать.

Лиша беззаботно покачивалась на носках:

– Наверное. А, может, и нет. Я ж купеческий дом обнесла!

Княжих писем-то не знаю и Разбойный приказ не читала... да я и читать не умею. Судья сказал четыре, стало быть, четыре. А ты, говоришь, шесть? Тож не худо!

– Мне, похоже, по статусу добавили, – досадливо признался Рэй, да тут же прикусил язык: «Ох, дурак!»

– Статусу? – шепнула она.

Рэй отмахнулся, дескать, не бери в голову, но Лишка,

вмиг учуяв секрет, прильнула, точно юркая муха, ухватила его за щеки и принялась тянуть! Он попятился, да девка оказалась проворнее и уже через секунду умудрилась притянуть к себе и скользнуть обоими указательными пальцами ему в рот, раскрыв челюсти!

Кое-как он вырвался, толкнув ее в грудь.

– Вот это да! – искренне удивилась девушка, игнорируя всё его возмущение. Она опять подалась ближе – теперь осторожно, и совсем шепотком: – Сколько лет живу, ни разу таких зубов не видала! Белая кость, честное слово. Покажи еще, а?

Рэй предупредительно отступил, пытаясь разобраться, что на уме у белоглазой чудачки.

– Пс-с, слушай, – огляделась она и повторила восторженно: – Слушай, ты же из сословных? Да не купчина, нет! Боярский? Во рту-то жемчуга один к одному! В бедняцкой братии таких к твоему году не сыщется. А чего тогда тут оказался? Ах, нешто опальный?! – чуть не визжала она от восторга.

Рэй поднял руку, прося успокоиться и сбавить тон.

– А ты ко всем в рот лезешь? Похоже, тебя тут не зря закрыли.

– Да не бойся! – хрюкнув, усмехнулась Лиша. – Я-т тебя не выдам. Другом мне будешь! Боярских друзей ни в жизнь не бывало. На вот, – она украдкой вынула из-за пояса бурый шарик и с подчеркнутой важностью вложила ему в ладонь. – Жвачка мула. Свеженькая, только утром намаля. Угощаю!

Рэй принял мягкий комочек, принюхался к восковому запаху. Лиша, заметив брезгливое выражение лица, пояснила, что это высушенная и протертая вперемешку с воском трава.

– Не видал раньше? Мы ее на работе жуем, а кто и после работы. От нее силы приходят и на душе легче становится, а еще, – добавила она, отталкивая верхнюю губу большим пальцем, – от нее зубы малька желтеют. Тебе не мешает, чтоб не отсвечивать.

Рэй оценил нездоровую улыбку. Лишка повлекла за собой к баракам.

Посредине двора, перед вытоптанной площадью, стоял ухоженный дом с высокой двускатной крышей. Возле неприемчательного крыльца, привалившись, дежурил охранник в толстом мешковатом ватнике.

– Сюда пока не суйся, – сказала Лиша, пряча ладони в рукава арестантской фуфайки, – и никогда не суйся. Там живут хозяева: судья, сторож, лекарь и иже с ними.

Чуть поодаль от главного здания располагался крытый склад без окон и еще пара хозяйственных построек.

– Там мастерские.

По другую сторону, куда направлялся герой, еще три сруба.

– В первом, что покрепче, живут милье. Эт вспомогатели, с которыми ты толки водил. К ним тоже не вздумай лезть, чем меньше они тебя видят, тем лучше.

Еще два сруба: низкие, вытянутые, как бараки.

– Это бараки, – без хитростей объяснила она. – Чесноки живут.

За домами виднелись хлев с загоном и пара низких курятников с треугольными крышами.

– На мясо не рассчитывай, оно для сторожей и милых. Рыбеха в реке водится, – рассказывала Лиша на ходу, однако внимание Рэя привлек не скот, а уходящий в высоту бревенчатый частокол, что ломаной линией тянулся по всему периметру поместья, скрывая хорошую часть неба. Заостренные колья – цельные стволы деревьев – торчали из земли на четыре человеческих роста, и перелезть такой без снаряжения не представлялось возможным. – ...Ну и уху варят, оно всё лучше голой крупы, – всё щебетала Лиша.

Двое вошли в дальний барак, который был заполнен койко-местами в обе стороны.

– В первом бараке только мужики живут, считается, что там жить лучше, а этот – смешанный. Там женская половина, не ходи, коль не хочешь там и остаться. Баб немного, так, для хозяйства, – с неясным значением сказала она и указала налево: – Тебе сюда.

Рэй вошел, собрав на себе оценивающие взгляды каторжников.

Тяжелый воздух внутри подвигался сквозняком, залетавшим сквозь узкие окна без рам. Стекло в этом мире если и было, то явно не в такой бедняцкой обстановке. Окна в теплое время года представляли собой сквозные отверстия в

стене, а на холода, когда тепло становилось важнее света, рамы, проложенные шерстью, просто запирались глухими ставнями. Вдоль стен по каждую сторону тянулись двухэтажные дощатые нары, разделенные перегородками кустарного мастерства.

– Вот сносное место, – указала она на пустующие нижние нары в середине комнаты под окном. – Отсюда только что человек уплыл на свободу. Друг, – прибавила она, опустив взгляд, но тут же шмыгнула задорно: – Хех, правда, без корабля!

– Сбежал? – удивился Рэй.

– Дурак? Помер он той ночью, – похмурилась она и уточнила: – от кашля.

– От кашля не умирают.

– А этот, балда такой, умер! Короче, сядь и не вставай, пока не вернусь.

Рэй смиренно расположился на колючих досках, в тайне надеясь не подхватить местный «кашель». Другим арестантам пока не было дела до прибывшего. Кто-то негромко разговаривал в маленьких группках, кто-то лежал на своем месте, отвернувшись ото всех, компания в углу металась в кости – молча и без капли азарта. Худосочный старикан короткого роста, с помощью пышного соргового веника, подметал серые половицы. В горле першило от пыли.

В барак вошел молодой, голубоглазый паренек в порванной рубахе – его Рэй видел на верхней палубе корабля во

время высадки. Бегающими, похоже, близорукими глазами он обрыскал помещение, по ошибке сунулся в женское крыло, откуда его сразу погнали, и вошел в левое. Тут, опасливо избегая встречи с суровыми лицами арестантов, прошел меж нарами и занял аккуратно застеленную койку. Присел, потер колени, осмотрелся.

Пыль висела туманом, что тлел в чахлах осенних лучах. Ею же пах воздух, перемешиваясь с нотками пота. «Ну и гадюшник», – выдохнул Рэй, заметив крысу в дальнем углу комнаты, и опустил лицо на руки.

Процесс перемещения в иной мир был украшен такой красотой: Башня, плавающая в астральном измерении, говорящий кот, подлинное волшебство! Бездумно подписывая геройский контракт, он полагал, что окажется в дивном мире, так же полном приключений, путешествий и захватывающих дух событий...

– А ну-ть! – проскрипел мужичок с веником, и герой послушно поднял ноги с пола. Коротыш орудовал веником, старательно сметая комок песка из дальнего края избы к выходу.

Рэй поставил ноги на пол, когда в комнате раздался сочный треск! Близорукий паренек каким-то образом оказался посередине комнаты. Он ошеломленно моргал, собирая ладонями россыпь свежей крови. Громила, что отвесил удар, педантично отряхнул спальное место, после чего подошел к мальцу и, схватив его под воротник и за ногу, швырнул в от-

крытое окно, словно нашкодившего щенка!

Рэй наблюдал раскрыв глаза, однако остальных сцена совершенно не удивила, кто-то лишь посмеялся себе под нос, а мужичок с веником не обернулся вовсе.

Тут возле героя возникла другая фигура: высоченный дедина с ушами торчком и пустыми глазами взирал сверху вниз. Рэй был уверен, что тоже занял чужое место и в порыве малодушия уж посчитал, что Лишка, предательница, нарочно усадила его сюда! Перед лицом поднялась мозолистая ладонь. Но Рэй, вскорости поняв значение жеста, пожал руку в ответ, поднявшись с кровати. Здоровяк держал его руку в теплой, сухой ладони несколько секунд, а после молча взобрался на верхнюю нару.

Рэй выдохнул. Собрался присесть обратно, но на его досках, вместе с мешком барахла, уже расселся тощий парень с лицом морщинистым, точно туго отжатая простыня. Рэй попытался указать, что уважаемый случайно занял чужое место. Парень в ответ сощурил поросячьи зенки, обведенные глубокими гусиными лапками, выставил маленькую, костлявую дулю и велел проваливать.

Лиша как раз вернулась с огромным тюком сена на руках, безвозвратно уничтожая труды короткого мужичка с веником.

– А ну свалил!

– Че ты?! Вон, мое место заняли прибытки, и че? – взволнованно закудахтал морщинистый. – Тута свободно, никого

здесь, уехал хозяин, теперь я тут, усекла, маруха?!

– Тебе, Мелочь, жить надоело? Знаешь, что он, – Лишка мотнула головой на Рэя, – едва четырех человек насмерть не зарезал? Апосля как вот также манерно попросил вручить ему добро.

– Он-то? – хихикнул Мелочь. – Чеши больше. Рохля рисованный, видно же! Гузаком на завтра станет.

Рэй чувствовал себя по-идиотски, глядя как двое обсуждают его качества, однако никак не мог решиться с правильным поведением: ощетиниться и схватить нахала за грудки, надеясь, что тот не станет драться всерьез, или продолжать стоически и злобно глядеть, делая вид, что сударь Мелочь неразумно испытывает терпение.

– Короче! – Лишка опустила копну сена на угол кровати, завалив некоторые вещи морщинистого. Она уперла руки в бока и приглушила голос: – Ты че непонятный такой? Нос лично просил за ним присмотреть. Сечешь, какая буза? Или мне до милой избы сходить?

– Ой, да сразу за милых-то! – стариковским голосом запричитал парень, откапывая свои вещи из-под сена. – Так и понял, что он пятигуз. Ха-ха, вместе что ль морковь натирать пойдете? Давайте-давайте, за весь честной барак!

Рэй проводил подхихикивающего захватчика взглядом, давась своей беспомощностью, но всё же выдыхая с облегчением. Очевидно, что морщинистый Мелочь и близко не стоял к верхушке местной иерархии, но даже такого герою не

удалось бы одолеть в одиночку.

– Что такое пятигуз?

– Да забудь. Мелочь то еще трепло.

– Что такое маруха?

– Не твое дело.

– Что Мелочь имел в виду под «натирать морковь»?

– Ничего.

– Слушай, а это правда?

– Да что? – одернулась Лишка раздраженно. – Про Носа?

А он, поди, и твое дурацкое имя не запомнил, дался ты ему.

– Соврала? А если Мелочь узнает? – обеспокоенно спросил Рэй.

– Слушай, я поняла, что ты кутенок, но это уже совсем. Думаешь, его с большого уважения Мелочью прозвали? У него ведь ни рода, ни имени нет. Ты ж его на голову выше, да и жилы вроде есть, гляди плечи какие! Плюнул и растер.

– И что, мне тут с каждым за койку драться?

Лиша выдохнула:

– Ну ты из очень высокой знати, коль так рассуждаешь. Но уясни, здесь тебе такой мазан боком выйдет. Со своим благородством останешься ночевать на улице. Думаешь, сторожам будет дело?

Рэй скривился, покачав головой. Лиша принялась растолковывать недалекому:

– Видел, как тот пацан из окна выпорхнул, да еще разукрашенный? Кстати! Я, признаться, испугалась, что это Мель-

ник тебя вышвырнул, ха! – хрюкнула девушка, стукнув Рэя по плечу. – Вот, урок ему и всем остальным. А коль у тебя в первый же день нары заберут, да еще такой недомерок, как Мелочь, тебя вовсе в женское крыло переселят.

– Спасибо, – поднял голову Рэй, но Лишка отмахнулась.

– Стелись. Я вон там живу, – ответила она, указав на противоположную сторону, где располагалось место, укрытое мешковиновой простыней, словно занавеской.

– Ты в мужской половине?

– Так я мужик! – объявила она, уперев руки в бедра.

Рэй, как дурак, окинул взглядом нехрупкую, но безусловно женскую фигуру. Они еще несколько секунд смотрели друг на друга, пока Лишка не рассмеялась:

– Да пошутила я, господи! У ты шас лицо треснет, – махнула рукой. – Ох же кутенок. В общем, меня сюда милые поселили, а я шибко и не возражала. С мужиками оно как-то даже проще, чем с бабами. Мне думается.

Рэй изобразил улыбку, после чего еще раз поблагодарил за помощь и принялся обустроиваться. Распределил ароматную солому, сформировав бугорок у изголовья, и укрыл грубым, коричневым одеялом, скупо наполненным комками шерсти. Ложиться предписывалось на голую солому: простыни – роскошь, на них спят только милые.

– Коль и раздобыл простынку, чесноку такая устроенность будет не в масть, – объяснила Лиша.

В неделю, единственный выходной, кандальники занима-

лись бытом: стирали одежду, хлопали постельное, меняли солому на спальных досках, кто-то прибирался в общих помещениях. Кормили на площади перед главным зданием, в котором жили сторожа и княжеский наместник – судья и управитель каторги в одном лице. Тут же обитал лекарь, ходить к которому боялись даже милые, поскольку тот был известен то ли крайней неискушенностью лечебных в делах, то ли сознательным желанием травить пациентов.

– Та душа не жива, что по лекарям пошла, – компетентно присказала Лиша.

На обед Рэй не попал, так как его суд завершился уже после. Вечером повар с помощником вынесли на площадь ужин – очень странный. Несколько серых мешков и два огромных чугуна. Каторжане стали подтягиваться к раздаче со своими плошками. Подали даже и не описать, что за бурду. В глиняную миску положили горсть крупных черных сухарей, сверху две ложки зеленой кашицы, а следующий, якобы повар, просто залил эту дрянь ковшом кипятка. Кандальники с аппетитом размешивали жижу, толкли в ней мокнущие сухари. Кашица оказалась смесью из протертых лука, чеснока и еще какой-то травы. На вкус оказалось пресно и гадко. Лиша поспешила успокоить, сказав, что обычно тюрю делают не на воде, а на бульоне из костей – так оно гораздо вкуснее! Рэй не поверил.

Стоило солнцу потеряться в густых елях, обступающих поместье, как темнота окрепла, укрыв собой всё вокруг.

«Поместье», конечно, было громким словом для этого лагеря. Окна в бараке заперли на ночь и душно протопили печь. Рэй лежал, закинув руки за голову и изучая черный потолок, укрепленный балкой во всю длину. Он вслепую перекатывал в руках мягкий шарик мул-травы, который так и побрезговал пробовать на вкус.

Рэй исчислил в уме жуткое четырехзначное число – количество дней, оставшихся до истечения срока заключения. Он на силу заставил себя поверить, что пока еще не всё потеряно. Возможно, у него даже появился друг.

Утренняя суета барака, слышимая сквозь сон, не разбудила новичка. Зато разбудил толчок.

– Проспишь завтрак – пойдешь работать голодом, – проговорила Лиша на ухо и для убедительности своих слов ткнула деревянной плоской по лбу.

Рэй, продирая глаза и собирая мысли в шальной, невыспавшейся голове, толкнул оконную створку. Морозный воздух тут же обдал лицо, принявшись озорно носиться по душному бараку. Снаружи, из-под гущи еловых ветвей только-только выкарабкавалось незрелое, бледно-оранжевое светило.

– Имей в виду, – с напускной суровостью сказала Лиша, – сегодня первый и последний раз, когда я тебя будила. Здесь с этим строго. Проспал утром – весь день огребаешь. А коль увидят, что я с тобой ношусь, оба схлопочем.

Вдвоем они сидели на ступеньках своего барака, Лиша – спокойно, Рэй – подрагивая от холода, даже закутавшись в фуфайку. Подмороженная земля хрустнула под носком разношенных войлочных туфель. На завтрак подали водянистую, несоленую кашу, которую герой влил в себя через силу.

– Да не морщись так, повара ж обидятся, – подначивала Лиша, глядя на мину подопечного. – Слу-ушай, – обратилась она, облизнув ложку. – А расскажи, что у бояр на завтрак.

Рэй нахмурился, вспоминая хрустящие тосты со сливочным маслом, овсянку с фруктами, яичницу. Он отложил миску и прижал ледяные пальцы к глазам, которые щипало от недосыпа.

– А куры здесь несут яйца?

– Несут, куда им деваться. Но нам они тоже не достаются. При желании можно сговориться с кем-нибудь из милых на обмен, но не советую. Обмен с милыми это крайняк, выгодных уговоров с этими вспомогателями не дождешься.

Наступал первый рабочий день, и осенняя погода не обещала его облегчить. Подруга вернулась с инструментом: двуручной пилой, стогом веревок и двумя долгорукими топорами. Она тут же сорвала с головы Рэя неряшливо смотанный платок, встряхнула и обмотала заново на крестьянский манер, что сделало его похожим на старушку. Однако так шея и уши были закрыты от зябкого утреннего воздуха.

– А у тебя щеки румяные, – улыбнулась Лиша.

Рэй безразлично пожал плечами.

– Это хорошо, – с важностью отметила она. – Если щеки румяные, значит не хвораешь и сегодня на работе не умрешь.

– Вот это предсказание. А тебя почему не румяные?

– Нет?! – всерьез испугалась Лиша, вскинула ладони к щекам и принялась растирать, и терла красные щеки до тех пор, пока не заметила ухмылку на уголках губ подопечного. Собиралась отругать его за насмешки над старшими, но сторож объявил приказ!

Каторжников выстроили на дворе шеренгой. Рэй изумился, когда понял, что происходит. Бревенчатые ворота поместья стояли отворенными настежь! За ними виднелся кусочек тёмно-рыжего неба – совершенно свободного.

– И что, нас прямо в лес выпустят?

– Да ты не думай даже! – осадил шепотом Лиша.

– О чём?!

– Да вижу, как у тебя зенки бегают. Только и думаешь, чтоб удрать!

– Будто бы ты об этом не думаешь.

Заключенные колонной по двое-трое покорно зашагали наружу. Стоило им пересечь линию ворот, как из строя, запнувшись, вылетел голубоглазый парень, которого вчера швырнули в окно. Под всеобщее гоготание он рухнул в жухлую, укрытую свежим снегом траву, громыхнув грудой инструмента, которым его навьючили.

Напористым шагом к нему пробился один из сторожей, тут же отвесив удар деревянной палкой.

– В строй! Живо! – скомандовал он и для скорейшего исполнения команды еще раз треснул палкой по спине.

На низкой дозорной вышке еще два сторожа с интересом наблюдали за знакомой, но никогда не надоедающей сценой. Парень беспомощно закрывался от побоев, неспособный исполнить приказ, и это влекло за собой следующий звонкий удар.

Кто-то схватил Рэя за предплечье. Он обернулся, столкнувшись с гневными глазами подруги.

– Куда собрался?! – процедила она напряженными губами.

Рэй воинственно глядел, как стражник поколачивает новичка на потеху остальным.

– Он же бьет его ни за что!.. – Рэй не договорил, так как Лишка вдруг больно ущипнула за руку.

– Парень всё едино в гузаки пойдет, это уже всем понятно. Отвернись, – приказала она, встав по направлению строя, – коль не хочешь следом.

– Да как ты мо... – и опять щипок оборвал слова.

Крупнозубая пила вгрызалась в толстый, будто резиновый лиственничный ствол, выбрасывая вихрь опилок влево и вправо. Рэй тянул пилу на себя, Лиша обратно; женщины тут работали наравне с мужчинами. Рубили не всё подряд, в основном лиственницу и белую ель – породы, древесина которых отличалась высокой ценой, оправдывающей транс-

портировку из этой глуши.

Удивительно, но заключенные почти свободно разбрелись по лесоповалу, сами выбирая где работать. Рэй и Лиша трудились чуть поодаль от небольшой группы других кандалников, всё под не очень-то внимательным присмотром сторожей, что расположились на жухлом лугу. Один стрелял из лука по соломенным мишеням, наглядно демонстрируя, что будет с тем, кто посмеет отойти дальше условного периметра, другой – валял на плоском, деревянном блюде желтые шарики мул-травы для заключенных.

Стук топоров разносился по просеке и бежал в бесконечную даль готовящегося к зимнему сну леса, разукрашенного строчками снега, и в этой дали так и мелькала призрачная свобода.

– Да ты уже утомил! Тяни, говорю, ровно. Всё сбежать хочешь?

– Ты посмотри на этих сторожей. Курам на смех. Нас, можно сказать, не охраняют.

– Сторожей ты напрасно за дураков держишь. Тот белобрысый при желании со ста шагов продырявит. Да и бегунов, как ты, они сразу примечают. А вообще, давай, сбеги. Куда пойдешь?

– Да хоть-куда, всё лучше, чем тут.

– Пустая голова! Здесь нас кормят и защищают.

– Видел я «защиту» сегодня утром.

– Ты откуда свалился? – нахмурилась Лишка, разгибая на-

труженную спину. – Думаешь, стены вокруг поместья, это чтобы нас держать? Не слыхал, что в лесу обитает? Там нынче такую чертовщину сыскать можно! От кабана ладно, на дереве спрячешься, да они и не больно-то до людей охочи. А если плетня встретишь? Или хима? А от шишкуна далеко ли убежишь? До ближайшей деревни больше ста верст⁹ по тайге. Сто раз тебя сожрут, пока дойдешь. А в лесу ты хоть немного ориентируешься, боярский отпрыск?

– Можно просто спускаться против реки, по которой нас привозят, – возразил Рэй, пропустив замечания на счет плетней и шишкунов, кто бы это ни были.

– Да вдоль реки шастают судейские егеря. Эти по́следы тебя за версты учуют, нагонят да вернут в Бересту с простреленными ногами.

– Тогда в обход, – не унимался Рэй. – Пусть будет дольше, но если добраться до какой-нибудь деревни...

– Только тебя там и ждут! Человеку в арестантской одежде воды-то никто не подаст. Да беглого каторжника любой дурак узнает, кому надо укрывать преступника? Не говоря, что за поимку беглеца можно получить купило соразмерно его наказанию. Покажись-ка на людях – в тот же день окажешься в ладье прямиком до Бересты да на удвоенный срок.

Сторож окликнул двоих, приказав убрать губы в карман и вернуться к работе. Рэй, наклоняясь к рукояти пилы, с завистью смерил даль леса, отказываясь смириться с невозмож-

⁹ Верста ≈ 1,06 км.

ностью побега.

Нездоровое желтое солнце карабкалось выше, однако ко второй половине дня затерялось в дымных облаках осени. На обед была странная, бурая каша, которая на холоде она не имела ни вкуса, ни запаха. Лиша сказала, что березовая. Рэй сначала не поверил. Но по бумажному вкусу, пожалуй, что и да – березовая.

В перерыв Лишка подтачивала зубья пилы. Она попыталась пальцем выпрямить погнувшийся зуб, но только оцарапала подушечку – ох, как сочно выбранилась, закусив палец! Рэй улыбнулся столь богатому лексикону.

– Давай помогу.

Он перехватил повязку, которую та неловко пыталась намотать одной рукой, расправил и наложил аккуратно. Лишка цыкнула:

– Может, подуешь еще на ранку? Привязывай плотно! Еще целый день работать.

Рэй обернулся на группу гогочущих вдали каторжан: короткий дедок, активно жестикулируя, рассказывал какую-то уморительную историю, от каждого предложения которой каторжане чуть не покатывались со смеху. Лишка глядела на них отстраненно. Рэй задал неловкий вопрос:

– Ты сегодня работаешь со мной в паре и поэтому ни с кем не разговариваешь? Или так всегда?

Она пожалала она плечами:

– Я не самый славный житель мужского крыла, подишто

заметил? Из бабьего крыла у меня подруг нет, а большинство мужиков сочли оскорблением, что меня поселили рядом. Я живу, надеясь лишь на то, что мой срок истечет раньше, чем маза милой избы.

– Лиш, а ты зачем мне помогаешь? – спросил он, работая над повязкой. – Даже если считаешь меня кем-то из благородных, здесь от этого никакой пользы.

– Так выйдем – ты мне поможешь, – бесшабашно улыбнулась она, тепло глянув на Рэя своими белыми глазами. – А ну как устроишь в какой приличный дом кухаркой или постирухой, а то и с малышкой возиться. Я ж так-то баба работающая! Давно решила, что больше не буду заниматься воровством, не вышло из меня лиходейки.

– Выйдем, ага. Мне тут еще шесть лет горбатиться.

– Да ты не хандри, соколий. Сожалеть – пустое, – философски заметила она, потрепав героя по обритой голове.

– Не понимаю, как ты тут справляешься.

– Живу пока живется. И ты приживешься. Авось, мне здесь-то даже и лучше. Жду, когда мой срок истечет, а возвращаться всё едино некуда. Семьи у меня нет, дома тоже. Разве только в дикий Северный край податься. Мать у меня северянка, – сказала Лиша, показав пальцем на свои белые глаза, – видимо, узнаваемую черту северного народа. – Вслед за отцом она приехала в Воложбу, где я и родилась. Но они оба умерли от болезни, а сводный брат выгнал из избы еще девчонкой.

Рэй выдохнул:

– Вот и дался я тебе? О себе бы подумала.

– Ай, ну не перетягивай так сильно! – стукнула она по руке, но затем с удивлением отметила, что повязка на палец наложена просто идеально. – Утомил ты. Понравился может? – бросила она, и поднялась. – Пошли работать!

Каторжане трудились, пока темнота вновь не опустилась на окрестности. После дня на лесоповале Рэй не чувствовал рук.

– Уже содрал мозоли? – Лиша протянула напарнику пучок засушенных листьев. – Прожуй, а потом приложи к ссадинам – быстро заживет.

Рэй с тоской поглядел на травы в руке, а следом на окружение. На деле барак оказался вовсе не таким грязным, как привиделось вчера. Бедным до страха – да, но не грязным. Все койко-места были заправлены стиранным бельем, лишних вещей по углам не валялось, сами арестанты были на удивление чистоплотны. Кроме гузаков, конечно, которым разрешалось мыться только обмылкой – остывшей водой, использованной другими заключенными. Виднелась ежовая рукавица арестантского режима, которая не допускала беспорядка. Вот только...

– Оп, пасюк! Пасюк бежит! – закричал один из зэков, предупреждая об опасности голубоглазого паренька, которому уже досталось за сегодня.

По полу и правда мелькнула быстрая, серая тень, что вмиг оказалась у того под ногами; новичок ахнул, испуганно заскокочил на нары. Мужики рассмеялись. По полу пробежал вовсе не лесной монстр, пасюками тут звали крыс. Грызун мелькнул под нарами парня и скрылся в стене. Пасюков не то чтобы любили, но и не обижали, ведь барак был домом и кандальнику, и грызуну.

Тут в мужское крыло вошел пышногрудый мужик с толстыми усами, из которых торчал шпилем нос. Милой по кличке Нос, один из тех, что приобщил Рэя к поруке. Он похозяйски обвел взглядом притихших заключенных, деловито прошагал по комнате до спального места Лиши, взял ее под запястье и повел за собой. Та что-то ответила, подавшись назад, однако длинноносый свел брови и, сыграв мышцами, только сильнее дернул за руку.

Рэй поднялся и окликнул бородача, лишь запоздавши соотнеся свой статус со статусом сударя Носа. А как было молчать?

И Нос остановился. Кажется, миг даже подивился этакой дурости кандальника. Они встретились глазами, и, ох, лучше бы Рэй молчал. Столь тяжелым, колючим был взгляд этого человека. Нос не просто смотрел, он испытывал на прочность саму душу. Хотелось просить прощения, бежать. Не просто так Нос входил верхнюю касту. Он медленно надвигался, видимо, прикидывая, в каком порядке будет ломать кости зарвавшемуся новичку. Рэй вызывающе смотрел в от-

вет, понимая, что еще секунда, миг и сама его душа надломится в этом молчаливом противостоянии. Не чувствуя ног, он всё же набрался смелости указать, что сударыня вовсе не хочет идти с сударем Носом!

Но сударыня в защите не нуждалась. Лиша вырвалась из хватки и изо всех сил толкнула в грудь. Да только вовсе не Носа, а Рэя.

– Сказала тебе, отвали! Пёс! – рывкнула она, после чего положила руку на грудь носатого и произнесла ласково: – Слабый он на голову, ты не сердись. Сам же просил его устроить, я с ним возилась, он и навоображал.

– Ох, сердобольная ты моя! – ухмыльнулся Нос, да и увел ставшую сговорчивой Лишку за собой, более не взглянув на пса.

Герой опешил от столь неожиданной реакции подруги, растерянно проводив пару. Бестолково присел на место, поймав презрительные взгляды других заключенных и даже не сознавая, как ему только что повезло.

Масть в Бересте была фундаментальным свойством личности. Она определяла, где кандальник спит, какую еду получает, какие вещи может иметь в распоряжении, а главное, как должен общаться с другими кандальниками. Скачок, то есть поступок не по масти, что минуту назад сотворил Рэй, мог подсолить жизнь на годы вперед.

Вернулась Лиша перед отбоем. Глаза ее сосредоточенно следовали по половицам, избегая встречи с кем-либо. Стои-

ло Рэю подойти, как девушка молча закрыла занавеской свое место. Казалось бы, всё закончилось, но даже в темноте барака Рэй прочел ее взгляд. Так открылась цена, которую Лиша платила за покровительство.

Первые закаты и рассветы сменились неделями, и скоро каждый день стал в точности похож на предыдущий. Чесноки валили хвойник – то была основная и самая изнурительная работа. Граница действующего лесоповала плавала в трех-пяти верстах от лагеря, в зависимости от направления. Очищенные от ветвей стволы сортировали: смолистая лиственница шла на строительство домов для зажиточных крестьян и купцов; белая ель, носившая свое имя за молочный цвет древесины, отличалась высокой плотностью и использовалась для изготовления мебели, посуды, поделок и некоторых инструментов. Много делали прямо в поместье, в мастерских. Такой творческой работой всё больше занимались милые да под настроение, но, при таланте и договоренности со сторожами, к работам пускали и чеснока.

Скоро устоялся снежный покров. В Бересте, за исключением мелочей, не происходило ничего. Дни поздней осени падали всё короче и холоднее, пока русло реки не сузилось под белым покрывалом, оставив серую змейку посредине.

Зима: студень, трескун, лютень месяцы

Холода крепчали, а снегá в лесу грудились.

Пришел студень – первый зимний месяц, а за ним беспощадный на морозы трескун. Тогда Рэй узнал, что такое настоящий голод. Пустая каша и хлебная тюрпа изо дня в день и близко не давали питательных веществ, которые требуются, чтобы работать в морозы на лесоповале. Заключенным выдали теплую одежду: толстые фуфайки и неудобное тряпье, которым следовало заматывать ноги и голову.

В единичные ясные дни тусклое зимнее солнце, которое тут именовали Хорсом, с трудом взбиралось до трети высоты небосвода, рыскало над еловыми пиками пару часов и снова, влекомое неодолимой силой, проваливалось за горизонт в тёмно-желтом зареве.

Река давно закрылась, и заключенные ходили по ней на другую сторону, где валили тот же лес, только чуть ближе к поместью. Работы никто и не думал отменять из-за холодов и закрытия навигации. Новых заключенных приводили дважды, пешком, прямо через леса. Обморожения среди каторжников стали постоянством, а затем обыденностью.

Вскоре заболела Лиша.

Вдобавок к отвратительному питанию, внутри барака стоял нестерпимый холод. Только места поблизости от печи обогревались сносно. Заключенные грудились на полу, оставляя нары, удаленные от тепла, однако согретого пространства не доставало.

Рэй выхаживал Лишу, используя знания своего мира. Первым делом он отогнал от нее знахаря, который велел пить маковый настой, чтобы снять кашель. Оказалось, что местные имеют совершенно дикое восприятие болезней: те считались живыми существами, что селятся в людях, вызывая недуги, а главными принципами лечения оставались терпение и противодействие. Карантин был неведом, а потому больные и здоровые заключенные не разделялись. Болезни, будучи живыми, конечно, нападали на человека, когда тот не мог их заметить, и легче всего это было сделать ночью. По этой причине сон, особенно долгий, тоже считался первоисточником болезни, тогда как работа, напротив, закаляла организм, давая силы одолеть вселившееся в душу лихо.

Не одна Лиша, но и другие заключенные страдали от плохого питания, которое становилось причиной развития цинги. Милые, что питались куда лучше, не испытывали таких симптомов и тем, не стеснялись демонстрировать свое превосходство. В бараках дела с болезнями обстояли нехорошо, каждый третий имел ссадины на деснах, нездоровый цвет кожи и непреодолимую слабость – типичные симптомы авитаминоза, лечение которой тяжелым трудом иной раз изводило больных за пару дней. Рыба в ответвлении Медвежьих притоков, на котором стояла Береста, водилась мелкая и костлявая – в основном пескари и шипастые окуни. Говорили, что в соседних, более глубоких притоках водится щука, но к ним заключенных почти не отпускали.

Самочувствие подруги не улучшалось, однако Рэй истово бился за ее жизнь. Куриный бульон, компот из мороженой смородины, настой укропа – лучшее, что смог сотворить он в этом безнадежном месте. Эти продукты отличались высоким содержанием аскорбиновой кислоты, которая была жизненно необходима для предотвращения цинги. То и другое требовалось Лише, чтобы справиться с пневмонией, которая развивалась в ходе болезни. Всё пришлось выменивать у милых по грабительскому курсу.

Болезнь напарницы оказалась непомерно тяжела и для Рэя. О геройстве уже и мыслей не было. Сознание залепляли одинаковые, ненастные дни: подъем затемно, сборы, работа, которая каждым днем подтачивает здоровье, возвращение в лагерь затемно. Ночь руки гудели от бесконечных ударов по мерзлым стволам. Наутро, проглатывая ненавистную кашу, он раздумывал, что может предпринять, но ни одной светлой мысли не приходило.

«Если она умрет, я...» – опять думал он холодным, тёмным утром, голыми ладонями удерживая плошку каши, и опять побоялся закончить это предложение словом, что так и просилось на язык – сдамся. Першение в горле и противный сухой кашель не обошли стороной и его. Побег через снежные леса был немислим.

Последним из бегунов был Яшка – паренек, который даже на порубных харчах не утратил сложения атлета. Яшка отбивал за убийство: ночью залез в дом к дочке сельского

ростовщика, а когда был застукан за делом, с дуру схватился за кочергу и зашиб младшего брата возлюбленной. Родом из крестьянской, но состоятельной семьи, он так и не примирился с неволей, отчего, видимо, подвинулся рассудком.

– Меня там ждут, – несколько дней к ряду твердил он, вглядываясь в вечеряющий лесной стан и царапая до крови левый локоть. – Она хочет, чтобы я пришел.

Рэй уже оставил надежду узнать кто такая «она». Пытался вразумить Яшку, убедить, что в глуши никого быть не может! Что через сугробы, которые утягивают по пояс, он и нескольких верст не пройдет. Яшка еще сильнее вдавливал красные ногти в локоть, напряженно глядя в сторону леса.

В один день, перед тем как пройти лагерные ворота по завершении трудового времени, он остановился, пропуская вперед себя других каторжан, выждал секунду и ломанулся обратно к лесоповалу! Стрелок на сторожевой вышке поднял лук, натянул тетиву, но в наступающей ночи так и не поймал прицел. Погоню сторожа не организовали.

Яшку нашли следующим же утром, да не в лесу, куда он стремился, а на лысой просеке лесоповала, где обтесывали стволы, – даже версты не пробежал. Кровь так глубоко пропитала снег, что бурое озеро оставалось на виду еще несколько дней. Кто-то говорил, что Яшку задрал шишкун, кто-то грешил на обычных волков, что подвывали ночами недалеко от поместья, а кто-то, не слишком, впрочем, настаивая, полагал, что побрала беднягу сама Яга, мол, именно она его и

зазывала ночами.

Жизнь тянулась медленно и тоскливо. Сторожа принижали чесноков, поддерживая в угоду милóй избе нечеловеческие порядки. Милые измывались над несколькими гузаками, чья жизнь и вовсе была не жизнью. Вечно побитые и грязные – в баню их не пускали – лишенные всякого достоинства, они слонялись по лагерю словно тени и лишь вздрагивали, если кто-то из высоких мастей окликал.

Однако в таком отчаянии, как и обещал Светл-О-Бай, проглядывалась надежда. Чесноки, в основном, держались вместе: много раз с Рэем, который не сделал никаких запасов с осени, делились записками еды, теплой одеждой, учили удить рыбу, шить одежду, делать подобие зубной пасты из лиственничной смолы и угля. Примелькавшись среди сторожей, он упросил одного особо падкого на лесть северянина, поучить его стрельбе из лука. Рэй восхищался поразительными навыками беловолосого сторожа, впрочем, делал это совершенно искренне. Тот, в порыве снисхождения, научил натягивать тетиву на лук, брать прицел и мастерить стрелы.

В один из дней к Рэю, что сидел на наре, трясаясь от холода, подошел сосед со стоящими торчком ушами. Семь лет назад он задушил знатного купца. На допросе говорить отказался, так что даже и неизвестно за что купчина расстался с жизнью, но было ясно, что убийца о своем поступке не сожалеет. Как всегда молчаливый, он поглядел на Рэя пустыми глазами и вдруг вынул из-за пазухи сверток мороженой об-

лепихи. Указал на Лишку, а следом на другого заключенного со схожими симптомами. Пораженный таким даром, Рэй принялся за дело: облепиховый морс был, пожалуй, лучшим, что можно было изготовить тут для больных.

Лихорадка напарницы не спадала еще целую неделю. И всё же в одно из морозных, пасмурных утр она потянулась, выбравшись из-под трех одеял, которые Рэй добыл неизвестно каким путем, и даже притянула усталую улыбку. Самый счастливый день в его жизни.

Луна за луной, минули пять месяцев: осенний полузимник, зимние: студень, трескун, снежень, а потом и зимобор – первый весенний.

Успехи в лечении подруги и других узников не остались без внимания. Местные знали точно, какие симптомы несовместимы с жизнью, и в том, что Лишка преставится в ближайший день, не сомневался никто. На том Рэй и подцепил шутовское прозвище Коновал¹⁰, до некоторой степени подменив местного знахаря. И пусть герою не всегда удавалось достичь результата, его лечение, в отличие от знахарского, не сводило в могилу раньше времени и зачастую хотя бы облегчало течение болезней.

Так, к весне, после исцеления гнойной раны милого по кличке Штырь, Рэй получил собственную мазу со стороны

¹⁰ Коновал (*старорусск.*) – название профессии лекаря, что занимался лечением и убоем большого скота.

милой избы: Нос великодушно предложил завести собственную маруху из бабьего крыла, а его верный приятель Штырь так был рад здоровой ноге, что зазвал Рэя раз в неделю столоваться в милой избе!

Соблазн был огромный. Последнее, кроме того, что было возможностью поесть человеческой еды, еще и считалось страх как почетно. А там, проявишь себя дельным человеком, так, чем черт не шутит, сам угодишь в милые! Рэй, однако, унял секундный порыв и рассудил иначе. Милые, как он заметил, народ переменчивый и даже дерганый, для них потеря авторитета равна смерти, ведь в бараках с пониженным милым в первую же ночь такое сотворят! В общем, не загадаешь, как долго продлится их фартовое покровительство. Сторожа и чесноки из барачков, как друзья, пожалуй, понадежнее будут, да и, по-честному сказать, сблизиться с отъявленными бандитами, а именно из таких состояла милая каста, не больно-то хотелось. Потому прошение героя было с одной стороны скромнее, а с другой – содержало многократно больший потенциал: допустить к работе в мастерских.

Глубокая весна: уже снегогон месяц

За зимобором пришел снегогон – второй месяц весны. Смертельная хватка морозов отпустила Бересту. Прошла Масленица: целую неделю кандальники отдыхали от лесопо-

вала и ложками ели сладкий кисель. Дни потянулись длиннее, солнце стало легче и выше, а лес наполнялся звонким пением пернатых. В конце месяца небо то и дело рассекали красивые клинья – это возвращались из теплых краев гуси и журавли. В воздухе пахло свежестью и жизнью!

Приход весны, однако, не улучшал ситуацию с питанием, поскольку прошлогодние запасы иссякали в ноль, а до нового урожая было еще далеко. Почти всех свиней съели зимой, а теперь кто-то повадился драть и без того малочисленных несушек. На фоне недостатка пищи милых это выводило из себя.

Три-четыре раза в седмицу находили груды окровавленных перьев. Милые были уверены, что кур режет кто-то из живущих в бараках. Несколько раз они устраивали обыск, но ни одного перышка не было найдено. Случайных заключенных это, однако, не спасало от демонстративных побоев.

Ситуация прояснилась, когда на одного из милых напало ночное лихо, которому и пришлось по вкусу местные несушки. Был это не то росомаха, не то здоровенный манул. Следующими жертвами стали ночные сторожа. Никто не был убит, но изодранные руки и ноги наглядно доказывали, что зверь вовсе не боится людей.

На прошлой неделе ночная тварь, разделавшись с последними курами и осознав безнаказанность, вовсе задрала молодую свинью, загрызла и обглодала до костей, да так, что подруги ее, содержащиеся в том же хлеву, и пискнуть не по-

смели.

Сегодня Рэй трудился над стиркой белья для столярного дома. Эта работа считалась непочетной, но на деле была в разы легче, чем лесоповал. С последнего они с Лишей окончательно свинтились благодаря покровительству милого дома уже как месяц, чему были несказанно рады. Лишка всё занималась делами на дворе, а Рэй трудился с мастерских: первые ложки и чашки его руки уже уплыли на рынок. Сказали, если от продажи поделок каторжанина поместьем появляется регулярный доход, его, в какой-то малой порции, начнут зачитывать в уплату штрафа и сокращение срока, так что Рэй старался.

– Как д-думаешь, что произошло сегодня н-ночью? – поинтересовался Рэй у напарника. Заикания возникли пару месяцев назад по неведомой причине.

– Стóрожа-то опять подрали? Да и поделом, равно дело выродок окаянный.

– Я о т-том, что это за зверь такой?

– Хрючево лесное, мало их там бродит? Вот поверьте, други, зверь людскую кровь раз попробует – уж не забудет, – авторитетно утверждал короткий мужичок по кличке Веник, сваливая гору коричневого белья в огромную лохань с водой. – Увидите, други, с нынешней ночи всякий раз будет драть того, кто в ночную остается, ага.

– Нашел кого слушать, Рэй, – вмешалась Лиша, высыпая

еще копну тряпья поверх.

– А что з-засаду бы сторожам не организовать?

– У сторожей и оружия нет. Да и непростой то морок! Надо к бабке-шептухе идти, чтобы зверя отвести, то-то!

– Бабке? Это которая Яшку побрала? – усмехнулся Рэй. – Как т-только ее не зовут: Яга, Шептуха, Йогиня.

Лишка тут задорно напела:

– А на окраине села, Люська-ведьма жила,

Хочешь – верь, хочешь – нет, было ей сто двадцать лет.

Она хихикнула и сплюнула комок мул-травы в воду:

– Чушь! Ну, говорят, живет какая-то старуха в лесу, где-то даже неподалеку от нас, кто-то из судимых дескать видел. И якбы звери ее не берут, но что с того? Если и правда там кто живет, так просто сумасшедшая баба. Поди, из нашего же поруба бегунья. Инку Белобоку помните? Чем не ведьма? – опять хихикнула.

– Ведьма или нет, – продолжил Рэй, – меня б-больше интересует, что судья пообещал сократить срок заключения тому, кто убьет зверя. И вот что любопытно, срок будет сокращен тому, кто принесет зверев х-хвост. Это что за ребячество? Колдун он, что ли, судья наш, х-хвосты-то собирать? Чем не голова или уж т-туша целиком?

– Думаешь, что-то особенное в этом хвосте? Выходит, судья-то ведает, что к нам забрело?

– А то! – опять вклинился сосед. – Ведает, еще как! Да судья сам, что лешего, боится зверюгу! Кудлатый ведь по зва-

нию выбрать не станет? «Хрусть» судейской шейкой во сне и удерет с жирненькой добычей, хе-хе!

– Хм, вот это, кстати, возможно, – посерьезнев, закивала Лишка. – Не то, что оно судью загрызет, а что судья по правде его боится. Короче, мужики, тут вот такая буза. Подслушала я утром разговор сторожей, – шепотом начала она. – Сказали, что судья уж распорядился для решения проблемы, – она сделала интригующую паузу, – пригласить героев!

Рэя будто током пробрало на этом слове.

Впервые после суда кто-то в этом мире упомянул божественных посланников! Героев, которым ни много ни мало предписано спасти не то целый мир, не то лишь людской род – тут пока ясности не было, да и спасти от чего – тоже оставалось загадкой. Но героев!

«Господи, как же я забыл? – оторопело подумал он, и пред глазами скопом пустых страниц пролетели последние месяцы. – А я – тоже?..»

– Рэй, ковш подай, – кликнула Лиша.

В общей сложности уже более полугода он провел в заточении. Суровая осень, беспощадная зима, а теперь эта голодная весна. Тепло вернулось, но голод! Серый, животный голод, что диким волком скребся изнутри и бесновался только сильнее, когда Рэю удавалось наложить руки на лишнюю порцию постной каши или обглодать вываренный в супе хребет. Да еще зверюга, что подрала последнюю скотину. Черт, да он сам готов был сожрать живьем несчастных куриц, толь-

ко бы наестся хоть один раз! Голод, холод, нищета и болезни заполонили сознание, заставили позабыть о предназначении.

– Рэй?

Голову обогревало весеннее солнце, однако сердце похолодело. Как давно он перестал думать о высшей миссии, как давно он перестал считать это место временным? Как давно смирился?

Из мутного, идущего рябью зеркала воды на него вдруг вылупилось чужое лицо: непривычно вытянутый, с резкими чертами, облик высохшего старика. Впалые щеки вырисовывались полукруглыми тенями, глаза – две черные впадины без искорки жизни, борода, которую тут не требовали брить, отросла бурым сорняком.

Узник смотрел на отражение, недоумевая: «Чего это он уставился?» Он провел рукой по отросшим волосам, и злой двойник по ту сторону почему-то сделал то же. Он положил ладони себе на лицо, однако в отражении на щеки легли костлявые пальцы с отросшими ногтями. Пустые впадины вместо глаз бессмысленно пялились... как вдруг отражение разбилось ударившим по воде ковшом!

– Кого узрел-то там, соколий?! – звонко хрюкнула Лишка, орудуя черпаком.

– А? Да так. Г-герои, говоришь? – переспросил Рэй как можно спокойнее. – А много их будет?

– Я почему знаю? – хмыкнула она, утапливая белье в ледя-

ной воде. – Будь они неладны. Вряд ли они тут что-то поймут, только на награду судьеvu позарились, небось целый мешок серебра посулили, вот и запрягли такую даль. Надеюсь, не заплатят им вперед, а то слиняут, даже не поглядим, как их сожрут.

– Сожрут? Г-героев-то? А ты не высокого о них м-мнения. Почему думаешь, что они не справятся?

– Куда там! Бездельники. Видала, их в Сяве раньше полно было. Кичливые такие, мол, снизошли до ваших бед, мужики раскошеливайтесь, бабы подол задирайте! А до дела доходит – друг друга готовы поубивать за место в кустах. А уж в ратном деле на героев стыдоба смотреть: не князьи солдаты, а деревенские колдыри им по мусалам надают.

– П-подожди, – не верил ушам Рэй, – разве герои не обладают бо-жественными талантами? Они ведь должны быть, как же там, честны, д-достойны и преданы долгу?

Лишка не в первый раз глянула на напарника с подозрением, но в этот раз взгляд был короче, а подозрений в нём больше.

– Может, они чего и должны... пришельцы-спасители, как же! Девственность мою пусть спасут, ха! – опять хрюкнула. – Да они нам тут сто лет не всрались, герои-то. От чего спасать нас?

Разговор оставил сомнения. «Действительно, от чего же?» И всё-таки факт был налицо: герои существуют, а некоторые, похоже, занимаются тем, чем, по мнению Рэя, должны зани-

маться герои!

До конца рабочего дня он смятенно размышлял об услышанном. Нечто встряхнуло его, словно от долгого сна, заставив сердце биться. Вечером он упросил Лишку подстричь ему волосы, вопреки традициям подчистую сбрил непослушную бороду, затем подстриг ногти и подшил кое-где арестантскую одежду.

Герои, однако, не спешили явиться.

Поздняя весна: уже травник месяц.

Полный лунный цикл минул со дня, когда Рэй стал жить надеждой встретить соратников. Несчетное количество раз он представлял, какой будет встреча: узнают ли они собрата, смогут ли помочь в его положении. Станут ли? То ли одна эта идея, то ли приход весны, с которым оживала природа, но призванный более не позволял себе пасть духом, сердце билось сильно и ровно.

Изо дня в день он трудился пуще прежнего, стараясь и поддержать форму, и обрести навыки. Кроме чашек и стрел, уже умел вытачивать рукояти для инструмента, детали для мебели, которую потом собирали другие мастера. Он так никогда и не жевал вощеную мул-траву, а все порции выменивал на продукты. Кто-то в голове оживился и теперь назло волшебному коту, что, верно, уж и позабыл о нём, назло

Амадею, герою, вероятно, идущему предрешенным на успех путем, непрестанно талдычил: «Этот лагерь – не конец моей истории». Да, он был здоров вопреки всем невзгодам, силен – на лесоповале других не остается, у него был друг и даже небольшой авторитет в лагере; со всем этим можно было работать. Впрочем, возникшие не пойми откуда заикания так и не удалось побороть.

Так глубоко задумался он, шагая через двор с охапкой дров на груди, что сам не заметил, как перед ним возникла стена. Он оступился, а через секунду оказался на земле, звонко усыпанный поленьями.

– И как это понимать? – уязвленно прозвучало над ним.

Рэй медленно возводил взгляд. Изящные кожаные сапоги с невысоким роговым каблуком: мягкая кожа, искусная выделка и, с ума сойти, металлические пряжки! Надо отметить, что любое изделие из металла в этом мире вообще обладало какой-то фантастической ценностью. Заправленная в штаны белоснежная рубаша со шнуровкой на груди, затянутая кожаным поясом, выгодно подчеркивала талию, крепкую грудную клетку и выдающиеся плечи. Черты лица симметричны и красивы, легкие растрепанные волосы цвета пшеницы не касались плеч, а отсутствие укладки придавало образу молодежливую небрежность и лихость. Молодой мужчина имел облик эталонного героя былин!

– Дождусь я извинений? – обратился он.

Рэй, давась заиканиями, вымолвил, что просит прощения,

но, только собрался задать вопрос, как благородные, светло-голубые глаза утратили интерес к никчемному кандалнику. Герой былин цыкнул и зашагал прочь, не дожидаясь заикающегося визави. Следом трусил молодой паренек с большим рюкзаком кустарного пошива на плечах. Этот мельком одарил Рэя каким-то уж очень брезгливым взглядом.

«Неужто и правда герой? – запоздало взволновался герой-узник. – Так и подумаешь, толкнули его».

Сегодня на пристани позади частокола вновь высились перепончатые мачты речной шхуны. Присутствие корабля не было чем-то необычным, этот швартовался каждые две-три недели, подвозя продовольствие, новых заключенных, а также гостей – редких корабейников, знахарей, странствующих монахов, распространяющих непопулярное в этих землях учение о некоем пророке, убитом солдатами старого княжества сотни лет назад, но почему-то до сих пор почитаемом, а также княжеских скороходов, привозивших документы судьбе. Гости прибывали в лагерь на правах вольных посетителей, квартировали в стольном доме и уезжали той же, максимум следующей лодкой. Однако Рэй осознал, что сегодня-то в лагере уж очень шумно из-за количества прибывших.

Получив тычку от сторожа, он собрал рассыпанные по двору поленья, но другой надзиратель, забавно окая, окликнул:

– Гой, Коновал! Оставь покамест дрова, вон те ящики на-

добно сносить до стольного дому, в клад за кухней. Обожди, сыщу тебе подмогу.

– Всё н-нормально, Митяй! – не без труда поднимаясь из приседа с ящиком на груди, ответил Рэй. – Справлюсь!

Он прошел в стольное здание по знакомому пути: направо, мимо кухни и далее до упора. Вошел в просторную кладовую, а внутри, сначала лишь краем глаза, увидел ее. И уже от этой случайности стиснулось сердце.

Цвѣта теплой платины волосы, собранные на затылке в хвост, были единственной деталью, не сокрытой плотным коричневым полусолнцем. Этим словом называли длинную накидку с капюшоном, которая защищала от непогоды. Рэй уж замечал, что подобное полусолнце, за простоту кройки и удобство, носят очень многие гости. Девушка, подогнув под себя ноги, деловито сидела на большом сундуке недалеко окна. На руках у нее пачка листов, рядом восковая дощечка для письма, в которой она оставляла заметки. Прическа, движения и взгляд неуловимо отличали ее от местных, выдавая что-то знакомое, даже родное.

И тут Рэй чертовски занервничал. Он так ждал встречи с героями, с людьми из родного мира, да только сердце так и заметалось в груди, а голова враз опустела от мыслей. Пожалуй, с тем высокомерным красавчиком было б даже проще поговорить.

Не в силах не отметить, сколь ухоженно выглядит девушка, Рэй понял, что его облик, несмотря на недавние стара-

ния, без тени сомнения выдает уголовного да невысокой масти. А когда она оторвалась от бумаг, подняв вопросительный взгляд густо-серых глаз, сердце и вовсе предало, рухнув в пятки.

Кандалник тут же отвернулся, проследовал до угла. С важным видом он поставил тяжелый ящик. Дважды проверил, успешно ли тот установлен на дощатом полу, а убедившись, что прямоугольный короб не планирует укатиться, решительно прошагал по половицам и остановился возле нее. Но тут опять столкнулся с выразительными, матово-серыми глазами, и заготовленная фраза, которая в голове звучала уверенно и непринужденно, вывалился нелепицей:

– П-п-ривет. Я, собственно... мы-можно кое... кое-что спросить?

Девушка настороженно опустила одну ногу на пол, отложила бумаги и уперла левую руку в бедро. Под накидкой-полусолнцем виднелась светлая туника, а на поясе, мать-честная, сверкнуло навершие настоящего меча! Одно это сообщало об ее исключительном положении в Бересте: оружия, не говоря, что боевого, тут не дозволялось даже сторожам. Дубовые дубинки не в счет. По лицу девушке было слегка за двадцать пять, но Рэй еще не мог этого воспринять.

– Извини, – незаинтересованно ответила она бархатистым контральто, – я жду друзей, – после чего демонстративно сосредоточила взгляд на бумагах, всем видом давая понять, что к общению не расположена.

– П-понял, н-нет проблем, – ответил Рэй и был таков.

Он вышел в коридор, прислонился к стене. «Пэ, пэ, пэ-ри-вет», – иронически изобразил он себя, врезав по лбу. Отлично поговорили.

Рабочий день тянулся до омерзения долго. «Герои!» – не давала покоя мысль. Здесь, в Бересте, возможно в последний раз на ближайшие годы! Но сторожа снова и снова выдавали глупые указания, уводившие с главной площади. Конечно, это было лучше, чем целый день провести за двором, на валке или распилке деревьев, однако встреча с товарищами не оставляла мыслей, а новые поручения лишали шансов еще раз встретить кого-нибудь из столь ожидаемых гостей.

В очередной раз за день Рэй вошел на кухню стольного здания, доставив поварам мешок костей для вечерней баланды, а украдкой всё поглядывал дальше по коридору на кладовую. Покинув кухню, он вернулся в прихожую залу. И вдруг в противоположном коридоре он снова увидел девушку с волосами цвета платины – та выходила со стороны судейского крыла.

Рэй твердо решил, что это оно. Вскинул руку, чтобы завязать разговор ее еще раз, но тут входная дверь распахнулась! В том и не было необходимости, ведь дверь и до того оставалась незапертой.

На пороге стоял воин с растрепанными, пшеничными волосами. Нарочито ударив тупым концом копья в пол, он сде-

лал громкий шаг, привлекая внимание всех, кто находился в зале: Рэя, двух сторожей и пары служивых. Матовые чешуйки его брони тонко позвякивали на каждом шаге, копьё было на треть выше его роста, а металлический наконечник противной стороны – подток – оставлял крошечные блестящие вмятины на деревянном полу. Рэй этого гостя опознал, именно в него он влетел сегодня утром. Теперь при параде.

– Настя! – копейщик поднес к виску два пальца и вальяжно отдал честь, приближаясь к девушке. – Как всегда, приятно тебя видеть.

Когда Рэй, припомнив о «друзьях», которых якобы ждала девушка, выдохнул: «Только не этот», та махнула рукой в ответ и скорыми шагами направилась к выходу из стольного дома. Воин же проводил интересным взглядом ее тонкую спину, потом прошел дальше по зале и, привалившись на копьё, склонился над одним из служивых. Рыжий мальчишка глазел на диковинного воина снизу вверх.

– Долго будешь глазеть? Я жду, – заявил герой.

Служивый будто бы опомнился:

– А! Так уже, мил господин, я собрал! – он торопливо прислонил к стене метлу, которой орудовал до этого – та сразу грохнулась на пол – и юркнул в другую комнату. Не прошло нескольких секунд, как паренек воротился, держа на руках, словно младенца, увесистый мешок.

Копейщик принял котомку, мельком осмотрел содержимое и вложил в ладонь парня пригоршню рыжих монет.

– Вот, добрый сударь, два каравая, пузырь воды, бутылъ пива, копченая...

– Да-да, молодец, – перехватил воин, похлопав рыжеволосого по голове, немного сильнее, чем если б то и вправду была благодарность. Миндалевидный наконечник копья сверкнул огненно-рыжей струей заходящего солнца, что падала сквозь открытое окно, на миг ослепив Рэя. Присутствия последнего копейщик и не заметил.

Столь же бессмысленно шумно он вышел прочь, уже на пороге всучив полученную котомку оруженосцу в кожаном жилете. Последний, перекинув мешок на плечо, преданно посеменил за господином.

«Индюк, – покачал головой Рэй, да был вынужден признать: – выглядит гад, конечно, эффектно».

Время шло к вечеру. По площади крался набивший оскомину запах разваренной крупы. Рэй, сидя на крыльце своей избы, старательно штопал рубаху, пытаясь привести ее в хоть сколь-то ухоженный вид.

Плотная тень дымохода стольного здания уже пересекла весь двор и начала карабкаться по стене мастерской, как это происходило из вечера в вечер.

«Бесполезно», – нервно коля пальцы иглой, думал Рэй. А взять и постучаться в стольное здание после ужина? Пустят ли сторожа? А первым делом, станут ли сами герои разговаривать с преступником? И тут Рэй ощутил чье-то присут-

ствие.

– Друг, а вот скажи, – глядя на карабкающуюся по стене тень дымохода, спросила она, и Рэй не поверил, что эти умные слова прозвучали наяву: – корень четной степени из положительного числа имеет положительное или отрицательное значение?

Он поднял ошарашенный взгляд на девушку в коричневой накидке и, похлопав глазами, ответил:

– П-понятия не имею. У меня с м-математикой была только одна бурная ночь перед экзаменом, но мы решили, что это ничего не значило и разошлись без обид.

Девушка улыбнулась и опустила взгляд на страшно затасканную одежду в руках товарища. Рэй приколол драгоценную в этом месте иголку на пояс штанов и поспешил набросить рубаху, скрыв тощее тело.

– Я тебя за местного приняла, но что-то тебя выдало, сама не знаю. Извини за вопрос, просто проверяла.

– А п-просто спросить не могла? – ответил Рэй, не в силах сдержать глупую улыбку.

– Зато я теперь точно знаю, что ты из наших.

Она бросила взгляд на группу заключенных возле мужского барака. Те перешептывались, безо всякого стеснения разглядывая ее. Признаться, этим же сейчас был занят и Рэй. Ведь, ох, как было что поразглядывать и на что засмотреться. Кроме одежд, которые и правда выглядели как одежды, а не дикарские обноски, какие носили берестовские кандальни-

ки, она и сама выглядела, как... после полугода в порубе, даже и не слов не подберешь как. Светло-светло-русые волосы собраны в хвост на затылке, прямые, строгие пряди оставлены по бокам. Прямой нос с горбинкой, присыпанный щепотью совсем мелких веснушек, которые лишь слегка оттеняют строгость ее образа. Чуть выступающий подбородок – волевой и не очень-то женственный. Расстояние между глазами – чуточку шире, чем то, что можно было бы назвать эталонно красивым. Не сказать, что писаная красавица, но что-то, от чего так и бросало в жар, в ее образе было. Даже хуже: чем дольше смотришь, тем тяжелее оказывается отвести взгляд.

Но глаза ее холодны, беспокойны.

– К-как тебя зовут? – решил начать Рэй, хотя уже и слышал ее имя сегодня в стольном доме.

Она чуть поджала полные, упрямые губы, на которые отчего-то сам собою опускался взгляд, и ответила:

– Анаст... можно просто Настя.

– Я Рэй. Можно п-просто Рэй, – попытался он сосрить, но заикания окончательно свели слабую шутку.

– Это место, – она окинула взглядом двор, – выглядит так тоскливо. Как ты здесь очутился?

Рэй нерешительно помедлил с ответом. Именно сейчас, когда впервые появилась возможность рассказать подлинную историю. Но так страшно было ответить! Страшно оттого, что она, человек из его мира и настоящий герой, каким ему так и не выпало шанса стать, попросту не поверит

заурядной истории несправедливо обвиненного каторжника. Каждый второй кандалник, с которым Рэю довелось общаться в Бересте, с крестом на челе утверждал как раз то, что хотелось сейчас рассказать ему: обвинили ни за что, оклеветали, судья не разобрался.

– Меня обвинили в нападении на жителя д-деревни. С оружием, без свады, по разбою, – повторил он слова из своего приговора.

Она, ничуть не смутившись озвученного, присела на ступеньку рядом.

– Не спрашивала, в чём тебя обвинили. Спрашиваю, как ты здесь оказался? – повторила она, и под ее твердым взглядом узник замер, потерявшись в этих искренних, густо-серых глазах. Ох, какие это были глаза! Цвет проливного дождя – такое поэтическое описание пришло на ум. Нежные, но внимательные, они даже не обещали беспристрастной оценки показаний, а заранее говорили: я тебе верю.

И Рэй без утайки, хотя и продолжая побарывать заикания, открылся товарищу. Светящаяся сфера, Правая Башня, аномалия, контракт без таланта, бандиты, суд – теперь казалось, что это всё было так давно. Впрочем, месяцы заточения и не такое отдалят. Отчего-то быть выслушанным, а главное понятым, оказалось чем-то эмоциональным, хотя ранее он и не замечал за собой подобной черты. Начал коротко – не хотел утомлять вовсе не оригинальной историей, но по мере рассказа прибавлял подробностей. А когда Настя придвинулась

по ступеньке и сочувствующе положила крепкую руку ему на плечо, в увядшей его душе и вправду прошел оживляющий летний дождь. Пришлось даже пару раз крепко зажмурить щиплющие глаза, чтобы не опозориться рыданиями.

– Ты веришь?

Она глянула на героя и уголки ее глаз поднялись.

– Мы же герои. Честность – первая из трех наших добродетелей. Но знаешь, обратная сторона честности – доверие.

Она задумчиво поглядела на рыжее солнце, путающееся в ветвях.

– Лиха беда начало, мне тоже нелегко пришлось, когда очутилась в этом мире. Но то, что выпало тебе... не знаю, как ты справился. Я бы, наверное, просто сдалась.

Зайчик заходящего солнца играл на кончике ее носа, и казалась Настя уже вовсе не строгой и не холодной, а вполне живой. Всё-таки настоящая красота никогда не бросается в глаза, подумал Рэй. И как раз в момент сего чувственного разговора пустой желудок узника решил удивить даму разумным тут звуком умирающего кита. Щеки загорелись, Рэй обнял живот, прижав к нему коленки.

– Совсем плохо кормят? У меня при себе почти ничего нет, извини. Давай, я попрошу судью...

– Всё нормально! Просто в обед была маленькая порция, – соврал он. Точнее, баланда и правда была крохотной, просто не сегодня, а в последние два месяца.

Она протянула глиняную бутылку.

– Квас. Его местные заместо хлеба принимают.

Рэй с аппетитом пригубил пряный, щиплющий напиток – страшно вкусный.

– Слушай, – теребя в руках кожаные перчатки, сказала Настя. – Ты же давно здесь?

Рэй кивнул, отпивая еще.

– А не видел в поместье пару человек в последние дни? Один такой высокий, с бородой от уха до уха, в тёмно-синем кафтане, – описывала она, аккуратно вырисовывая размер и форму примет. – И еще один, невысокий мальчишка, совсем молодой, в таком сером полусолнце, ну, да, как у меня, только сером. Не видел? Они бы, скорее всего, были вместе, – скомкано объяснила она, убрав спавшую прядь за чуть выступающее ушко. Затем, с надеждой заглянув в глаза собеседнику, прибавила: – Да, Андрей и Аслан их зовут, а еще...

Рэй, извиняясь, покачал головой:

– За ш-шесть лун, не видел никого похожего. Это твои друзья? Нашли же вы где встретиться.

Та кивнула, отводя взгляд. Ресницы несколько раз взволнованно прыгнули. Она щипала указательный палец снятой кожаной перчатки. Наконец решилась рассказать.

– Мы вышли из Стяготы, это, если знаешь, деревня на юге отсюда, – девушка махнула перчаткой в сторону ворот и задумчиво провела по коленям, – но отправились мы разными путями, поскольку очень спешили. Подрядились доставить письмо от старосты Стяготы местному атаману, что зимует

со своим личным отрядом на даче, на полпути между Стяготой и Берестой. Это нужно было сделать срочно, за работу взялась я. Ребята же пошли на северо-запад, чтобы встретиться с караваном переселенцев с востока, чтобы продать кое-какие вещи. Их нам тоже не хотелось упускать, поскольку за некоторые товары никто не дал бы лучшую цену.

– С востока едут переселенцы?

– Там несколько лет назад закончилась большая война, которую вело Княжество против страны кочевников. Сейчас на юго-востоке государства страшная бедность и разруха, вот люди и едут на запад, поближе к уцелевшим поселениям, – она еще раз убрала за ухо непослушную прядь и продолжила: – В общем, у меня с друзьями не должно было оказаться большого разрыва, не знаю, сотня верст максимум. Мы договорились продолжить путь в Бересту, поскольку поместье представляет собой укрепленное и относительно безопасное место. Я прибыла уже вчера вечером, пришла пешком по каменистому берегу реки. По счастью, судья радушно меня принял и разместил аж в отдельной комнате главного здания.

– То кладовая, – не удержался Рэй, но Настя не восприняла укол.

– В отличие от меня, ребята должны были идти верхом, так что могли добраться даже раньше, – рассказывала девушка. Щеки ее чуть порозовели от волнения, так что она стала казаться еще милее, хотя и думать о таком сейчас было неуместно. – И вот почему-то всё еще их нет.

– Есть основания б-беспокоиться раньше времени? Наверняка п-просто задержались в пути.

Настя приложила холодную кожу перчаток к порозовевшим щекам и зажмурилась на секунду:

– Да, да, наверняка.

– Еще бы, целая сотня верст!

– Побродишь по этим землям – поймешь, что сотня – ерунда.

– Та д-деревня на юге называется Стягота? Согласись, если что-то их задержало, пусть ненадолго, они бы не стали отправляться в ночь. Соответственно, сюда вышли б только сегодня утром.

– Может быть, конечно. Ладно Андрей, неумеха, но Аслан очень опытный следопыт, да и боец хороший. Чтобы задержать его в дороге, должно было случиться что-то серьезное, – сказала она в вздохнула.

– Наверное, тяжело вот так ждать.

Помолчали.

– Ты что-то хотел спросить? Еще днем, в кладовой. Прости, что прогнала.

– Просто п-подумал, уж не герой ли ты? Вот и всё.

– Правда? А как понял?

– Т-ты по-показалась на вид ч-чуть приятнее, чем остальные в Бересте.

– Ха-ха, – сморщив носик, снисходительно ответила Настя, – за шесть месяцев мог бы придумать комплимент по-

лучше.

– На самом д-деле, я надеялся, что другие герои расскажут что-нибудь об этом м-мире. Полгода тут прожил, а дальше этих стен не видел.

Та снова положила руку на геройское плечо и кивнула.

– Да я сама тут... – она задумалась, потерявшись в числах, – хм, а ведь уже девятнадцатая луна! – Настя подняла серые глаза к бронзовому небу, устланному длинными перистыми облаками, и тихонько рассмеялась: – Будто целая жизнь прошла. Эх, не знаю, что тебе и рассказать.

– Честно говоря, у меня т-только один вопрос: что происходит?

Настя улыбнулась красивой, белой улыбкой и подперла голову кулачком, в котором удерживала перчатки:

– Эт ты спросил так спросил! – она взяла бутылку с квасом и, сделав пару глотков, принялась за рассказ: – Что это за место – сама не знаю, может, параллельный мир, может, какое-то прошлое или будущее нашего, а может, просто другая планета. Кто мы? – вскинула она брови и произнесла с горчинкой: – Ни дать ни взять герои! Таков титул, определенный контрактом. Зачем мы тут нужны? Чтобы уберечь мир от печального конца.

– Котяра в Башне что-то такое говорил. П-повлиять на историю мира, которая будто бы идет к концу. Лично я никакого вс-селенского зла тут не встретил. Не считая обычных людских п-пороков, но таких и в нашем мире хватало – не

рухнул.

– Да, с геройской миссией не всё ладно. Где корень зла и в чём проблема с его историей, никто из знакомых мне героев не знает. Известно одно! – звонко щелкнула она пальцами. – До нас историю уже исправляли.

– Какой-то бракованный мирок, ей богу. А исправляли тоже герои?

– Тоже, – кивнула она, но подняла палец, привлекая внимание к следующей фразе: – Но важная оговорка. Те герои, которые однажды исполнили божественную миссию, четыре века назад, это не те же самые герои, что мы, понимаешь?

Рэй задумчиво кивнул.

– В глазах местного населения есть Великие Герои. Их не просто помнят за давнишние подвиги, а почитают! Некоторых, например, Елену, Велимира, Леду и Астру, чуть ли ни наравне с Белыми Богами. А оно и понятно, они были прямым продолжением самих же Белых Богов, да еще, похоже, мир спасли. И вот эти, Великие, ничего общего с современными героями не имели, потому как были не только умелы сверх всякой меры, но еще поистине честны, полны достоинства...

– И преданы своему ремеслу.

– Точно! – снова щелкнула она пальцами. – Как видно, ребята были огонь. Наше поколение пока надежд не оправдывает. Герои, которых призывали до сих пор, в основной своей массе оказались трусами и кутилами, которые только

и тратили полученные при призыве деньги да развлекались с обретенной силой.

– Уж меня от этого уберегло, – горько усмехнулся Рэй. – Слушай, Насть, всё-таки п-почему с миром опять проблемы, если Великие его давным-давно уже спасли? Котяра мне обмолвился, что успех п-первых героев был обманчив. Что это значит?

– Спроси полегче, – ответила она, показав кончик языка. Настя сделала большой глоток из бутылки, надув щеки, и принялась за сказ:

– Ты уже, наверное, узнал, что в представлении местных жителей мироздание разделено на три измерения: Явь – тварный мир материальных вещей, в котором живем мы; Навь – потусторонний мир, где живут духи и Тёмные Боги; и Правь – высший мир Белых Богов.

– Сиречь герои должны разделаться с Навью?

– Вовсе нет, – качнула она пальцем. – Навь – тёмная, но неотъемлемая сторона мироустройства, она – не зло. Ну, или даже зло, но совершенно неизбежное. По-простому, Навь нужна, чтобы была Правь и, следовательно, Явь.

– Не понял.

– Без заката не будет рассвета. Без зла не родится добро. Без света лишается смысла сама концепция тьмы. Что-то может существовать только если у этого есть противоположное состояние.

– Хлопок одной ладонью, – прошептал Рэй.

– Явь стала источником великого разрушителя – времени, которое воздействует и на Правь, и на Навь. Задача Тёмных Богов Нави – уничтожение того, чему более нет места в Яви, чей срок истек. Навь, стоящая в противовес Прави, нужна для баланса сил, наличия у людей свободной воли, а главное – развития всего мироздания, поскольку без разрушения старого нет движения вперед. Существа, живущие в Нави и Прави, могут как вредить людям, так и помогать. Навь и Правь, по преданиям, тоже разделены на какие-то свои подмиры, но, как я и сказала, я не увлекаюсь мифологией.

– Хочешь сказать, сам б-баланс этих трех миров нарушен?

– Перемены в мировом балансе происходят медленно, а потому незаметно для большинства. Но старики, кто по памяти может сравнить мир сегодняшний с тем, что было лет пятьдесят назад, говорят, что мир дурнеет: деревни чаще голодают, являются новые болезни, народ подается в воровство и даже разбой, навные чудища, а это именно по нашей части, доселе слышанные только в преданиях глубокой старины, проникли в Явь да развелись тут и там, будто чуя, что нет на явной земле того, кто мог бы дать им отпор. На дорогах между городами может быть смертельно опасно. Говорят, это всё происходит потому, что Явь сближается в Темной Навью. Эти два мира стали влиять друг на друга, нарушая хрупкое вселенское равновесие. Материальные вещи, которые никогда не могли оказаться в Нави, теперь проникают в нее, и наоборот, нематериальные силы просачиваются в Явь,

приводя к необратимым изменениям.

– Вот это уже более конкретно. Чудища – это вроде того, что у нас тут поселилось возле поместья? И почему же миры сближаются?

Настя легкомысленно пожала плечами:

– Я не знаю.

– А что местные думают?

– А вот для туземцев причина массового появления чудовищ стала настоящей притчей во языцех, – Настя с силой поставила бутылку на ступеньку и вытерла губы. – Спасения от потусторонних чудовищ изыскивают у высших сил. Сил в Княжестве две: еще не вымершее язычество, то есть вера в Белых и Тёмных Богов, и учение Пророка – вера в триединого Господа. Отсюда два очевидных пути спасения рода людского. Кто эта наша богиня с красивыми глазами – тот еще вопрос, о ней в местном фольклоре упоминания нет, как собственно, и об ее кошке.

Первые, которые язычники, говорят, что люди, живя в достатке, отреклись от традиций, забыли напутствия отцов. Да еще стали почитать не небожителей, а эфемерных землерожденных героев! Люди, следуя за Великим Героями, возгордились, отвергая Правь и великую любовь Рода-Творца – первого божества. Этим они сознательно отодвинули свой мир от Правы, став ближе к Нави. Но ведь сила геройская была от самих Белых Богов и дана! Значит, нужно срочно вернуться к традициям, присмиреть и истово молиться Сварогу, Перу-

ну, Дажьдбогу и другим представителям белого пантеона, и мир постепенно вернется «на рельсы» – Явь опять окажется посредине.

Настя откинула руку в другую сторону:

– Вторые, крестопоклонники, утверждают, что Белых Богов, конечно, никогда не было – языческий треп и наследие тёмной старины. На деле очевидно, что Бог един. Еще сотни лет назад, через Пророка, Он передал людям Писание, чтобы привести их на истинный путь и спасти не земные тела, а сами души! Жизнь человеческая – есть испытание, по завершении которой Он всякому воздает по заслугам. Познавая Бога, люди забывают страх, гнев и нужду. Смерть – лишь переход в Царство Небесное, сотворенное Создателем для праведников.

– Пару недель назад к нам заходил бахарь и рассказывал б-былину про трех богатырей. Заключение понравилось, но у тебя получается даже лучше.

Настя посмеялась:

– Почти угадал, я в прошлой жизни была... – она задумчиво склонила голову и отмахнулась: – неважно.

– А правильно я понял, что из этих двух фракций...

– Никакая не желает знаться с новыми героями. Вопрос нашего шарлатанства, вероятно, единственное, в чём сходятся ученья. Больше того, даже немногие, кто всё еще славит Великих Героев, терпеть не могут героев сегодняшних, потому как мы для Великих настоящий позор, и из-за нашего

вероломного поведения только рушится вера в последних.

– Незавидно.

– Единственное, что внушает надежду, это таланты – сверхъестественные способности от Белых Богов. Здесь надо отдать должное, в Башне не пожадничали.

– Вот только я...

– Ага, бездарный, – подтвердила она. – Прости.

– А что это хотя бы такое, талант? Предмет какой-то?

– Сам ты предмет! – рассмеялась Настя. – Талант... это талант. Один человек вот рисовать умеет, хотя специально этому никогда не учился, другой большие числа в уме складывает.

Рэй скривился, мол, как же умение рисовать исправит мировой баланс?

– Ну, господи, я же для примера. У каждого свой талант, но всегда только один. И у Великих героев, похоже, было также. Кхм, – она прочистила горло и пылко зачитала строки старинной былины: – «Акж махнет Велимир топором булатовым – лес расступится, вдругорядь взмахнет – скалы колются!» Говорят, некоторые Великие Герои даже могли повелевать силами природы и колдовать.

– И какой талант у тебя?

Девушка отвела глаза в сторону и, кажется, даже смутилась:

– Не стоит о таком распространяться. Надо тебе с Асланом поговорить, он большой теоретик в вопросе божествен-

ного промысла, – сказала она, переводя взгляд на рыжий комок света, который всё копошился в густых ветвях и наконец угас совсем.

– Сколько это уже длится?

– Если верить местным, то нас, героев новой эпохи, призывают лет как двадцать, если не больше.

– Так давно?

– Давно, да толку немного. Новые призванные не смогли отличиться ни достоинством, ни преданностью ремеслу, ни даже банальной честностью.

– В общем, оказались обычными людьми.

– Что нашу репутацию и погубило.

– А этот, с копьём, он тоже герой?

– А-а, этот! Да, яркая личность, – смущенно улыбнулась

Настя. – Но при этих его качествах приходится признать, что выпендривается он как раз на уровень своих способностей. Ярослав звать. Он не производит хорошего впечатления, – с легкой издевкой произнесла она, – но он не так плох, как ты можешь подумать. Подружись, если будет возможность.

– Так вы что, не вместе сюда пришли?

– Только сейчас понял? Да, мы дружим, в последнее время оба живем в деревне Умира. Это тоже на юге отсюда, но еще дальше Стяготы. «Умира», собственно, и означает «у мира», то есть «под солнцем», вокруг нее много полей. Но, нет, в Бересте мы с Ярославом очутились совершенно случайно. У меня тут встреча с Асланом и Андреем, а вот Яр со своим

неразговорчивым приятелем Тихомиром собрался получить награду за убийство какой-то здешней образины, и, сказать честно, я не горю желанием в это вступать.

Рэй поинтересовался, что та думает насчет зверя и каков план Ярослава относительно его поимки?

– Да ловить-то он вряд ли станет, – дернув плечами, ответила Настя. – Ярослав не из тех, кто глубоко планирует и выжидает удачного момента. Я бы поставила на то, что он отправится сразу в логово хищника.

– Отчаянно. И опасно. Не хочешь ему помочь?

– Я? – рассмеялась Настя и изобразила высокомерный тон Ярослава: – «У тебя что, настолько плохо с деньгами?» Мое участие он расценит, как попытку влезть в его дела и украсть гонорар, а мне это ни к чему. Я сказала: мы друзья, и я не хочу портить отношения. Для него подобные задания дело принципиальное. Да и по виду не такая сложная работа.

– Я бы т-тоже, – несмело подхватил Рэй, – тоже х-хотел бы получить заявленную награду. Но не деньги, конечно. Судья обещал уменьшить срок заключения убийце зверя.

– Не дури, – внезапно потеряв доброжелательность в голосе, хмыкнула Настя.

– Сама с-сказала, что работа нес-сложная.

– А ты сказал, что у тебя нет таланта. Как со зверем собрался биться?

– Такая уж сила в этом таланте? Можно просто устроить засаду. Мы ведь знаем, где зверь объявится, по три раза в

неделю приходит, как в столовую.

– Ох, охотник-лесоруб, ты же полгода за стены не выходил. Деревья-то, поди, в ответ не кусались? Думается мне, что этот волк, или кто бы это ни был, тебя даже не сожрет, а обхитрит, да так, что со смеху будет покатываться... а-а! – в глазах Насти блеснула колкая усмешка, – в этот момент ты и нанесешь удар! Поняла. Отличный план.

Рэй нахмурился. «За кого девчонка себя принимает? Подумать только, героиня какая. Не выходил из поруба! Да можно подумать, тут внутри выживать не требуется. Поди, красавица и не знает, как это – зима без отопления».

– Вот и-изловлю в-волка, поставишь мне праздничный стол за свой счет, а? – высказал Рэй, сам не ожидавши от себя дерзости.

– О достопочтенный охотник! Прости, что высмеяла твои навыки. Да только ты, похоже, понятия не имеешь, о чём говоришь.

– На спор? – не удержался он. Уж блефовать, так до конца. Настя прыснула и молча протянула открытую руку, принимая ставку:

– Если ты настаиваешь. Мне-то не составит труда тебя угостить, если по какой-то божественной случайности ты преуспеешь.

– Не н-недооценивай меня. Срок?

– Да сколько угодно, – уверенно ухмыльнулась она. – Пока Ярослав вон не завалит его в логове.

За сим Рэй поднялся со ступенек.

– С мясом и с пивом! – уточнил он, обернувшись. – Видел, у судьи есть в бочонках.

– Как скажешь, – сверкнув белыми зубками, ответила Настя. – Да уж оголтело-то не геройствуй, пожалуйста. Не хочу быть виноватой в столь глупой смерти.

Рэй посетил мастерские, выбрав легкий, долгорукий топор. Старший сторож позволил каторжнику остаться вне барака после отбоя, ведь наличие добровольца на место съеденного уменьшало шансы, что пострадает кто-то из служивых.

На месте Насти у крыльца барака теперь поджидала Лиша, Рэй кивнул ей.

– Думала, ты уж в стольное здание переезжаешь, – отчужденно произнесла она, провожая взглядом.

– С чего бы? – обернулся тот.

– Так миловался с ней на глазах у честного люда, а теперь дурака рисуешь? Битый час с этой сивухой болтал.

– П-просто интересно бы-было узнать, кто такие герои.

– А она так всё и рассказала первому же порубнику! Щелка белобрыся.

– Не надо ее обзывать. Настя не плохой человек.

– Настя, значит? – удивленно хмыкнула Лиша. – Прелесть какая. Да мне-то что, но гляди, не ты один на нее штаны топорщишь.

– Ничего я не...

– Просто предупредила! Нос, чтоб ты знал, тоже на эту па-
ву со вчерашнего дня глядит, налюбоваться не может. А как
ты с ней обжимался допоздна, так зубами скрежетать стал.
Не по масти тебе бабенка, не понимаешь? Прилетит тебе за
своеволие.

– Разберусь, – буркнул Рэй и разместился на углу ржа
избы, принявшись подправлять колун оселком.

Весенние сумерки окрепли за пару часов, выпала про-
мозглая роса. Рэй бродил по непривычно тихому двору. Пы-
таясь найти улики, он осмотрел пустующие курятники: два
домика, ростом ему по плечо. Затем хлев, в котором про-
живала последняя пара поросычких, эти беззаботно храпели
бок о бок.

И хотя он не мог знать, наведается ли зверина сегодня,
внутри и правда оказалось отличное место для засады, да и
температура на улице уже позволяла не околеть за ночное
время.

«Вот какие оба важные, – думал он о героях. – Удивится
этот напыщенный Ярослав, как узнает, что чудище, за кото-
рым он пришел за тридевять земель, изловили голыми ру-
ками!» – замечтался герой, устраиваясь в противоположном
от соседок углу и закапывая себя соломой для маскировки
и тепла.

Он привалился к стене, обняв до остроты наточенный ко-

лун. В окне открылся небосвод, на котором горели белые искорки и розоватый хвост туманности, пересекающий небо с севера на юг. «Среди всех этих звезд видна ли моя, вокруг которой вращается голубая планета?» Луны, которая в этом мире имеет близкий к латунному оттенок, сейчас было совсем не видно. Рэй безмятежно рассматривал небеса, в которых отражается бесконечность миров. А вот расслабляться в засаде не стоило.

Послышался шорох – охотник наострил слух, ладони перехватили топор, пульс энергично застучал. Шорох повторился: будто бы кто-то дергано перебирал ногами по соломе. «Шурк-шурк, бам» – что-то ударило в стену! Знобкий холодок закрался в грудь, ведь звуки доносились вовсе не снаружи, а изнутри хлева, со стороны, где дремали в непроглядной темноте свиньи. Охотник вдохнул глубоко и бесшумно, слепо вглядываясь в черную пустоту. Тьма внутри была так густа, что чернота оставалась одинаковой, независимо от того, открыты глаза или нет.

Рэй сложил губы в трубочку и выпустил тонкий свист, как в тот же миг тьма набухла, зарычала и бросилась в лицо! Герой ринулся к земле, когти свистнули над самой макушкой! Рэй вскочил, черная тень, толкнувшись от стены, прыгнула к окну, взмах – колун тюкнул о раму, а могучие лапы уже совершили толчок такой силы, что вовсе не хрупкий массив свинарника качнулся, словно игрушечный!

Вид, что открылся охотнику в следующий миг, заворо-

жил: грациозный черный силуэт, напоминающий огромного волка, пролетел по звездному небу. Он ловко приземлился на кромку лагерного частокола и растворился в ночи!

Тишь вернулась в хлев. Как же быстро всё случилось! Восстанавливая дыхание, Рэй прижался к стене, которая отдавалась его быстрым пульсом, сполз на солому, удивленно глядя перед собой. Такое странное чувство трепетало в груди.

Забутьё! Вот что было самым страшным в этом поместье. Не тяжелые работы, не холода и не голод, а непроглядно-серое забутьё! Потеря себя – вот чем была страшна Береста, сама душа здесь черствела, превращаясь в скукоженный сухарь. Угнетенная, искалеченная режимом, она радовалась мимолетному послаблению от сторожей, не слишком морозному дню, добытому рыбьему хребту с жалкими остатками мяса, она боялась даже мечтать о чём-то большом, боялась пошевелиться и стряхнуть с себя этот серый пепел, что костенел на ней каждым месяцем. И вот, костяные наросты треснули! Душа ожила.

Пожалуй, сейчас Рэй мог бы дополнить одну из самодовольных тирад Светлобая, сказав, что лишь в неволе познается свобода. Рэй ощутил силу, которой загорелись руки. Он принял решение, подготовился и попытался достичь успеха, проиграл, но не был сражен. Напротив, уже обдумывал следующий план.

Кроме того, теперь-то он понял, отчего судья затребовал столь странное доказательство изведения зверя, ведь пыш-

ных хвостов у таинственного морока было два.

Воробей прошуршал крыльями, присев на оконную раму хлева и чирикнул. Утреннее солнце серебрилось в окне, настойчиво давя на веки. Рэй нашел себя под кучей соломы, спина и плечи затекли ото сна в неудобной позе.

Напротив лежала с растерзанным горлом свинья, а ее подруга обнюхивала бурое подсыхающее озеро. Дежурство на месте преступления не уберегло очередную жертву, но герою удалось защитить мясо. Видимо, у милых сегодня будет свинина.

С раннего утра солнце расстаралось, обогривая молодую растительность. С барачков только что сняли навесные замки, которыми те запирались на ночь, а из кухни повеял знакомый аромат переваренной ячменки. Охотник отчитался перед старшим сторожем о своих успехах.

– Не видел барыню со светлыми волосами, что приехала на днях?

– Из героев-то? У себя, поди сивушка, в закуте, – пожал он плечами, причмокивая комком мул-травы. – До зари лучину жгла, знать, не спалось. Страхолюдина такая по лагерю шагает. Ох, только бы сказала, я б ее на перине обогрел, – маслено улыбнулся он. – Тебя-то, Коновал, не подрали? Ужто колуном отбился? – иронично осведомился сторож, глядя на снаряжение героя.

– Просто повезло. Можно к ней?

Охранник пошевелил нестриженной, будто пучок соломы, бородой и дозволил пройти в стольное здание кандальнику, который до сих пор не создавал проблем. Обязал, однако, оставить «оружие» у входа.

Рэй толкнул дощатую дверцу. Кладовая, в которой разместилась Настя, была холодна и пуста. Закутанный в плащ комочек сидел, привалившись руками на стол возле единственного оконного проема. Рэй присел на ящик с противоположной стороны стола и потербил стог.

Светлые волосы выпали из-под одежд, комочек вздрогнул. Рэй отметил, что тяжелые веки с тёмными кругами и растрепанные волосы вовсе не портят Настиной необычной красоты.

– А-а, ты, – она потерла глаза и прикрыла сильный зевок.

– Доброе утро.

– Ага. Поймал зверину? – она перегнулась через стол и вытащила черное петушиное перо из волос охотника. – Маскировка под жертву? Очень хитро, Рэй, – сонно глядя на пушинку, прокомментировала она.

И хотя отправлять колкости доставляло ей удовольствие, веселья в голосе не было.

– Друзья не добрались? – спросил он, заранее зная ответ.

По лицу и тяжелому взгляду было видно, что Настя почти не спала. Она глянула в окно. В лучах юного солнца ее серые глаза стали ясно-серебряными.

Рэй поведал о произошедшем ночью.

– Говорила тебе. Лишь то, что ты остался жив, уже можно считать успехом. Не стоит так рисковать. Ты лучше забудь о нашем споре. Я еще подумаю, чем тебе помочь. Ярослав-то действует необдуманно, но он рассчитывает на дурную силу, а в твоём плане и такой не было.

– И понял почему план был неудачен. В темноте против зверя нет шансов.

– Быстро соображаешь, – сказала Настя и спрятала лицо обратно в плащ.

Рэй выдохнул, собираясь уже уйти, когда девушка вдруг произнесла из-под капюшона:

– Пойду им навстречу.

– В глухой лес? Надеюсь случайно встретить?

Настя взволнованно подняла голову:

– А что, если этот же зверь напал на них в пути?!

– И как твои блуждания по тайге им помогут?

– Не знаю, – растерянно призналась она. – Мы не планировали оставаться в Бересте надолго, собирались сразу идти до Стяготы, а потом и в Умиру. Вдруг они по какой-то причине не смогли добраться до поместья и отправились обратно на юг?

– И забыли про тебя? Как же.

Ладони ее решительно уперлись в серую древесину.

– Ну а что делать-то? Всё, не могу!

Настя подскочила и зашагала к выходу, но Рэй схватил ее под руку.

– Давай ты еще раз это обдумаешь.

Девушка вырвалась:

– Тебя не спросила! У тебя и таланта нет. Порубник, который света не видел, мне советы дает?

– Да, таланта нет. Да, отсидел тут полгода.

– Прости, я...

– Нет, ты права, – он тоже поднялся. – Я очень мало знаю о внешнем мире. Но как раз ты-то знаешь, а собираешься действовать столь безрассудно.

– Но, – замялась она, – но надо искать! Ну а как же? – Настя подняла усталый взгляд: дождливые тучки в глазах померчнели; решительность притупилась.

– Допустим, твое предположение о нападении зверя верно. Что намерена делать? Говорю, я это чудище видел, в одиночку не одолеть, – ненароком Рэй опустил взгляд на единственное оружие девушки – длинный меч на поясе, эфес которого осторожно выглядывал из-под плаща.

– Не числом, а умением, знаешь ли! – бросила она, сведя полы накидки.

– Приди в себя и прими совет.

– Смотрю, заикаться перестал. Геройством за одну ночь исцелился?

– Просто не хочу, чтобы с тобой что-то с-случилось.

– Будто тебе дело есть.

– А вот и есть! Не хочу терять друга сразу после знакомства.

– Не стоит так, – Настя выдохнула, опустила взгляд и даже присела обратно на табурет, принявшись теревить кончик указательного пальца снятой перчатки. – Не стоит называть другом первого встречного. Тем более героя.

Рэй отмахнулся и спросил, что могло задержать друзей? Настя зажала ладони промеж коленей и пояснила, что обычных причин нет, отсюда и беспокойство.

– Они абсолютно точно должны были выйти тем же днем, а сюда добраться еще позавчера, понимаешь?

– Дорога до Бересты чем-то опасна?

– Чем-то, – хмыкнула девушка.

Она вынула из рюкзака, что лежал под ногами, упитанную книжицу в переплете из серого картона, отложила перчатки. Рэй обратил внимание на мозолистые ладони; ногти были аккуратно и коротко подстрижены. Из тетрадки выскользнул большой, сложенный листок: на толстой, грубой бумаге размещались значки, названия мест, схематичные линии гостинцев и рек.

– Дорог в этой местности, можно сказать, нет. Основным сообщением является система рек и ручьев, вместе именуемая Медвежьими притоками.

– Могли напасть дикие звери?

– Обычные – вряд ли, – покачала она головой, отчего длинная платиновая прядь упала меж глазами.

– А не обычные – это...

– Навные. Те, что не из этого мира, не из Яви. У нас, в ди-

ком Северо-Восточном крае, этого полно. Так, – задумалась она, изучая линии и пунктиры, – ребята бы, скорее всего, шли не с юга, а откуда-то с юго-запада или даже запада, в зависимости от того, где перехватили караван переселенцев, – палец указал на череду галочек, изображающих горы. – Например, через этот хребет два пути. Окольный идет по равнине, летом там даже натаптывается дорожка, но прямохожим путем можно пройти втрое быстрее, через сам перевал.

Она постучала по бумажке, пояснив, что в Стяготе их предупреждали, что перевал этот нехороший. Не все с него возвращаются, не раз на нём находили оставленные повозки, и якобы там, на брошенной Вруновой лесосеке, что у подгорья, живут сбродники, которые нападают на путников. Сбродники – самые отъявленные, даже одичалые бандиты, часто из беглых каторжников.

– Хм, часто у вас побеги?

– За шесть месяцев – ни разу. Был Яшка, да его сожрали той же ночью, что драпанул.

– Ну, значит, никаких беглых каторжников на лесосеке нет, это хорошо.

– Извини, хотел бы помочь тебе с поисками, но не в моем положении.

Та выдохнула и неуверенно спросила:

– Seriously? Со мной хочешь?

– Ты не сможешь высиживать тут еще день, а если Аслан и Андрей не придут, первым делом проверишь эти места. Луч-

ше уж сейчас, пока светло. Но кто ж меня за ворота выпустит? Попроси помочь Ярослава. Я покараулю в лагере, если они вдруг вернуться.

Настя сжала кулак и выщедила:

– Яр скажет, что я дура, а попусту искать приключения по лесам – недостойно героя.

– Так я тебе это и сказал!

Девушка выставила указательный палец:

– Замолчи, пожалуйста. Мы идём! – и скорым шагом вышла из комнаты.

Рэй остался в недоумении.

Спустя несколько минут Настя возвратилась весьма довольная собой. На стол шлепнулась бумага с руническими письменами, на которой красовалась еще не высохшая подпись судьи.

– Разовый выход. Учти! Ты на моей ответственности.

Рэй, изумленный, взял листок – не поверил.

– Меня, арестанта, без стражи отпустят за ворота? У тебя талант ведения переговоров?

– Просто сказала, что это необходимо для поисков зверя. Этот ваш судья, похоже, на всё готов, чтобы извести мохнатого. Ты, кстати, на хорошем счету, судья сказал, что всякого бы не отпустил. Но повторяю, под мою ответственность. Думаю, не нужно объяснять, какие последствия для меня наступят, если сбежишь.

– Я в твоем распоряжении, – вернув листок, решительно

ответил Рэй. – Попрошу что-нибудь в мастерских в качестве оружия.

Не успел он закончить, как поверх бумаги рухнул перетянутый бечевой сверток серой ткани. Рэй аж замер: на столе развернулся небольшой арсенал. Топор военный с клювом, топор плотницкий, метательный топорик, несколько шкуродерных ножей, тесак с костяной рукоятью, сабля, короткий кожевенный нож, булава, несколько стрел, странная деревянная дуга.

– У меня тут немного, – призналась она. – Это Аслана всё, бери что по руке придется.

– А это лук? – спросил Рэй, глядя на изогнутый посох.

Девушка уложила руку на древесину, обмотанную полоской вороненой кожи посередине.

– Не мой, тоже Аслана. Умеешь стрелять?

– Стрелял тут несколько раз, сторож-северянин учил. Можно взять?

Пальчики пробежали по кожаной обмотке. Помедлив, она протянула предмет:

– С возвратом, понял?

Перед уходом Настя продемонстрировала старшему сторожу письмо судьи касательно узника Рэя и оставила напутствие на случай, если Аслан и Андрей таки явятся в лагерь.

– Без завтрака пойдешь? – направляясь к воротам, спросила она.

– Обойдусь, – ответил Рэй, глядя, как поварá выносят

на двор черные от сажи котелки ячменной каши, настолько жидкой, что та плещется при переноске.

Створка главных ворот отошла, и на глазах у всего лагеря кандальник Рэй, следом за наемным героем, вышел наружу.

Свободный от тетивы лук был изогнут поперек. Северянин объяснил, что упирать лук в землю, чтобы натянуть тетиву – оскорбление всех лучников. Рэй по науке опустил древко, переступил его одной ногой – получился рычаг. Этим приемом можно натянуть даже очень тугое древко. Настя глянула с уважением. Лук обрел привычную глазу дуговую форму, но натяг оказался Рэю не по мускулам – тетива стояла камнем.

– У Аслана тут военный, а не охотничий натяг, – предупредила Настя. – Справишься?

Рэй кивнул, хотя, признаться, не был уверен в силах.

Ясное небо, весенний флер и птичье разноголосье поднимали настроение. Пусть герой сотню раз ходил этой тропинкой на лесоповал, сегодня окрестности казались поразительно живыми. От одного этого чувства хотелось идти неведомо куда, и к чёрту всех чудовищ, что рыскают на пути!

Они прошли по стежке иссохшей, потрескавшейся глины, и вскоре пейзаж полесья, сильно полысевшего от лесоповальных работ, остался позади, сменившись смешанной чащей.

– Весной и летом тут даже можно жить, – глядя в высокую, зелено-голубую даль, сказала девушка. Чистое небо вы-

глядело волшебю.

– Насть, мне до сих пор не у кого было спросить. Небо всегда такого странного цвета?

– Только к лету. Зимой оно привычное нам – ясно-голубое. Сейчас еще не так заметно, но в жаркие месяцы, вроде разноцвета и сенозарника, из голубого начнет еще больше уходить в зеленый: до бирюзы, а иной раз даже до изумруда. Но то в полдень. К вечеру небо наоборот клонит в тёмно-рыжую краску. Привыкнешь.

– Красиво.

– Красотой сыт не будешь. Я явилась в этот мир в конце осени, перед холодами. Зимы тут лютые.

– Кому рассказываешь? Внутри барачков зимой пар изо рта идет. Однажды я добыл целое куриное яйцо. Большая ценность, между прочим. Спрятал себе под солому, хотел съесть следующим днем, но на утро попытался его разбить и просто не смог.

– Замерзло?!

– Насквозь! Желтая ледышка под скорлупой. Даже не знал, что так бывает.

– Рэй, не представляю, как ты здесь выжил.

– Человек ко всему привыкает. Оттого, правда, еще страшнее.

Они шагали по тропинке, и всякий камушек, всякая неровность нещадно впивались в пятки. Арестантские войлочные туфли без стелек показали себя отвратительной для

путешествий обувью. На девушке были высокие кожаные сапоги, на вершок¹¹ ниже колена. Герои вышли на просторную, солнечную опушку.

– А сегодня даже жарко, – она потянулась, вдыхая аромат молодой зелени, затем откинула полы полусолнца за плечи. Под накидкой открылась простая бежевая сорочка с широким воротником и тёмно-коричневые обтягивающие брюки с высокой талией, укрепленной кожаным корсетом. Образ довершали черные ножны, опоясанные вокруг бедер; благородный длинный меч сверкал гардой и навершием.

Настя сорвала завязку с волос – конский хвостик рассыпался по плечам жидкой платиной. Она потрепала густые волосы и снова собрала их на затылке, оставив свободные пряди слева и справа. И правда было на что полюбоваться. «Ох, зря я это», – подумал Рэй, постаравшись отогнать неуместные мысли, да было поздно.

– Фто? – спросила она, удерживая замшевую веревочку в зубах.

Герой покачал головой:

– Твои волосы. Красивый оттенок.

– Крашенные, – отмахнулась девушка, завершив с хвостиком.

Рэй улыбнулся, с честью приняв отвергнутый комплимент.

– У героев есть какой-то план? – спросил он. – Относи-

¹¹ Вершок \approx 4,4 см.

тельно основного призвания.

– Уже сказала, мы с ребятами просто пытаемся выжить. Если так хочется выполнить волю божества с красивыми глазами, наверное, стоит начать с вещей Великих Героев. Это предметы, не то найденные, не то созданные первыми героями. Говорят, они обладают подлинным могуществом. Тебе, бездарному, точно бы пригодились. Опять же, где их взять и что это за вещи – непонятно. Одно известно, стоят они баснословно. Дюжина хлебопашцев за всю жизнь не заработает столько, сколько стоит одна геройская вещица.

Настя остановилась и вынула карту:

– Врунова лесосека должна быть уже рядом, – руки девушки напряглись, от чего развернутый лист рассекли изгибы.

Рэй еще раз пригляделся к нацарапанной углем карте: скрупулезной, но не такой уж аккуратной, усеянной пометками под разными углами, исправлениями и крошечными рисунками неизвестного значения. Не удержался:

– Не знаю, какой у тебя талант. Но точно не рисование.

Кулак глухо врезался в предплечье, отчего шутник чуть не отлетел в сторону. Записная книжка захлопнулась, а воительница зашагала быстрее.

Они ступали по сухой илистой тропе с высокими обочинами – руслу ручья. Спустия версту Настя огляделась и уверено вышагнула из русла, заходя в чашу.

– Разве ты здесь уже была?

– Нет. Но тут пробивается заросшая лесовозная дорога,

стало быть, лесосека именно там.

Рэй, беззаботно шагавший за Настей, насторожился, потому как он никакой лесовозной дороги, хоть бы и заросшей, не наблюдал. Он отметил, что с момента, как они отошли от лагеря, девушка стала придерживать ножны левой рукой. Он тоже приготовил стрелу, подтянув и прижав ее к древку указательным пальцем.

Путники выбрались на просеку, заросшую ситником и вереском. Поодаль, утопая в океане цветущей травы, кренились седые деревянные постройки. У некоторых провалилась крыша, другие вовсе представляли собой лишь обломки стен. Давным-давно здесь стоял прежний трудовой лагерь, такой, у которого и правда не было окружающих стен.

– Видимо, Врунова лесосека, – мотнула головой Настя.

– Не похоже, что там кто-то живет. Значит, слухи о беглых кандалниках – и есть слухи.

Бездонно-черные окна основного строения провожали путников пустым, грустным взглядом.

Небо над головой было безупречно чистым, но северный горизонт упорно коптил, обещая дождь ко второй половине дня. В траве забегал холодный ветерок. Путники спустились с пригорка и резко пошли в гору, вновь заходя в лес. Тут и правда тянулась заросшая, едва различимая двусная колея. Старинный перевал проходил вдоль невысокого скального массива, и в верхней его точке возникал слепой перешийек, видимый лишь тем, кто находится внутри. Кроны де-

ревью тут столь плотно сцепились друг с другом, что даже в солнечный полдень в этой лощине царили негостеприимные сумерки.

Место под скалой тёмного камня выглядело странно: скрытые сумраком, тут и там лежали подгнившие доски, тряпье, разбитые бочки. Остов телеги без колес прилег у обочины и уже наполовину утоп в грунт.

– Аслан и Андрей прошли бы здесь? – спросил Рэй.

Настя сверилась с картой. В сомнениях кивнула: Врунова лесосека и эти скалы были единственным заметным ориентиром на местности.

Герои осмотрели урочище под крутым скальным рельефом. Не считая разбросанного хлама, ничего примечательного на перевале не нашлось. Настя дошла до другой стороны, где дорожка начинала круто скатываться вниз, почти сразу теряясь в буйной растительности. Она с досадой развела руками:

– Видимо, надо возвращаться? Сюда они могли зайти с любой стороны, в зависимости от того, где перехватили переселенцев. Если, конечно, они вообще с ними встретились, – обреченно прибавила она, признавая ничтожные перспективы их с Рэем авантюры.

Тот готов был согласиться, как вдруг на глаза попалась черная точка на песке диаметром в полсантиметра, с ободком из пыли. Какие-то потаенные чувства подсказали, что капелька крови, павшая на песок, выглядела бы именно так.

Сделав несколько шагов, он углубился в чащу.

В ветвях колокольчиком щебетал зяблик, прокатилась глухая трель дятла, а деревья поскрипывали от ветра, что волновал их высокие кроны. Рэй вдруг заметил ворох, не к месту брошенный посреди леса. Он подошел, чтобы рассмотреть странный тук под сосной, однако сердце на секунду сжалось, когда он очутился вплотную: неясная форма обрела очертания. Человек.

Не сводя скованного волнением взгляда, Рэй позвал Настю.

Он убрал лук, подкрался, будто не желая будить человека под деревом. Лицо спящего было сокрыто, под глубоким капюшоном виднелась молодая, но полностью обесцвеченная кожа. Глаза оставались закрыты. Легкое сложение, едва не подросток. С севера через лес прополз тихий, студеный ветер.

Не прислушиваясь к дурным предчувствиям, Рэй поднял руку, чтобы тронуть плечо. До прикосновения оставалась ладонь, как вдруг из носа мальчишки выкатилась блестяще-черная сороконожка. Рэй молнией одернул руку – даже испугаться не успел. Насекомое на миг задержалось на бескровных губах, шевельнуло длинными усиками и юркнуло под одежду. Рэй поежился, стряхивая запоздало накинувшиеся мурашки.

Рядом послышались шаги. Настя выкрикнула имя! Припала к спящему, ударив коленками землю. Скинула его ка-

пюшон, открыв короткие, под ежика волосы, еще раз произнесла его имя. И хотя руки ее охладели задолго до того, прикосновение к мертвой коже леденило сверх.

– Нет, – неслышно шепнула она. – Ну почему, почему опять?

Она пылко коснулась его щеки, потрогала лишенную пульса шею, зажмурилась, будто снося физическую боль.

Несколько минут герои сохраняли молчание.

Пару скупых слез Настя смахнула со щек одним суровым взмахом. Но Рэй таких девушек знал и был уверен: плакать она еще будет и очень горько, но не сейчас и не при нём. Сам стиснул зубы от горечи. Ну какова вероятность найти единственного человека в этих бескрайних лесах? А они нашли! И что?

Настя осторожно обыскала одежду друга. Сумка, оружие, деньги – всё пропало. Удалось отыскать книжечку в голубой обложке. Не открывая, она прижала ее к груди и закрыла глаза.

Шорох листвы коснулся слуха, на который Рэй тут же вскинул лук!

Неживая тишина кралась по сумрачному лесу. Безучастный ветер шуршал свежей листвой. Треск ветвей повторился. Людей тут не могло быть вовсе, однако две пары шагов, не скрываясь, приближались, да ровно со стороны лесосеки, мимо которой только что прошли герои. Настя подхватила Рэя под руку и увела в плотный орешник неподалеку.

Спустя малое время донесли обрывки разговора – герои затаились, слившись с кустом. Люди, само присутствие которых в этой глуши казалось невозможным, подошли точно к месту, где беззаботно дремал молодой герой. Оба носили тёмные штаны и тяжелые коричневые ватники, у обоих на поясе деревянные дубинки, однако один, что повыше, вскинув руки, держал на плечах еще и массивную деревянную палицу с круглыми металлическими вставками. Мальчишка, спящий под деревом, не удивил явившихся.

– А этот, кстати, долго дергался, да? – сказал высокий, выполняя разминку в виде поворотов корпусом с дубиной на плечах.

Фраза задела по сердцу, ведь из нее становилось ясно, что где-то есть и второй убитый, а Рэй одним взглядом ощутил, с какой страшной силой Настя сдвинула рукоять меча.

Второй лиходея, коренастый и широкоплечий, промышчал что-то, соглашаясь. Рэй же глядел на бандитов во все глаза и ни в какую не верил в то, что видит.

– Это ведь, – шепнул он, – сторожа! Из нашего лагеря. Вовсе не беглые каторжники тут на людей нападали!

Настя резко обернулась на Рэя:

– Уверен, что это ваши?

– Сторожа из Бересты, да я обоих по именам знаю. Оба мерзавцы редкостные, но почему же они...

– Ладно, хватай, к первому унесем, – молвил тем временем высокий, прислоняя булаву к дереву и объясняя зачем

они сюда пришли: – Старшему передали, что на будущей седмице тут опять табор с востока пойдет. А этот вонять будет – наострит переселенцев и засаду сорвет.

Лиходеи подхватили тело за руки и за ноги; герои оставались сокрыты в густой листве. «На таком расстоянии нас точно не заметят», – подумалось Рэю в миг, когда возле уха шаркнула сталь! Не успел он осознать, как коричневая накидка сорвалась с ее плеч и вспорхнула в воздух! Рэй подался вперед, но не успел остановить воительницу.

Точно рысь на охоте, в четыре стремительных шага она преодолела дистанцию еще до того, как среагировали сторожа, явно не ожидавшие встретить здесь кого-то. Клинок сверкнул, и рубящий удар застал высокого лиходея врасплох, не оставив шанса даже вынуть оружие! Неловко выставленная ладонь стала его защитой, лезвие благородного клинка обрушилось на кисть, и хрустящий «шлеп» разлетелся по веткам.

Меч, чисто срубив пол-ладони, прошел ниже, пробил ключицу и застрял в ребрах верхнего отдела. Она рванула клинок на себя, притягивая безвольное тело; упор ноги – меч свободен. Лиходей только возопил от боли, но клинок сверкнул снова, и горло его окропилось тёмным потоком, оборвав вскрик! Красная, почти невидимая морось на секунду повисла в воздухе.

Воительница могла бы тут же накинуться и на второго, но по одному звуку поняла, что тот уже сообразился и снял с

пояса железный тесак. Она степенно переступила с ноги на ногу, заняла верхнюю стойку, удерживая меч горизонтально и направляя лезвие на коренастого сторожа. Никогда еще не видел Рэй столь холодной ярости.

Высокий сторож, первым попавший под удар, только к этой секунде рухнул на землю. Настя, продолжая атаку, сделала выпад по коренастому, но противник по-звериному отскочил; два умелых удара описали опрокинутую восьмерку: противник порезал запястье о первый и с металлическим лязгом отразил второй. Он попытался ударить в ответ, да его тесак, со звоном упершийся в Настин меч, оставил его открытым – на плече тут же зарделся красный порез. Вниз по ватнику побежала тёмная струйка. Пусть коренастый был ощутимо крупнее девушки, ее умения и скорость с лихом компенсировали разницу в силе.

В это время Рэй непослушными пальцами тщился уложить стрелу на лучное ложе, позорно позабыв все тренировки с северянином. Когда стрела легка как надо, первый противник уже лежал на земле. Стрелок навел лук на сражающуюся пару, со страшным усилием натянул тетиву, будто и правда стальную.

После короткого клинча, противники разошлись, но сторож, отступая, потайным движением выхватил из-за пазухи короткий нож без рукояти и метнул в Настю! Сталь прозвенела. Отбитая уверенным взмахом железка сделала несколько неуклюжих оборотов и потерялась в траве.

Клинок мечницы смотрел вниз, а сама она повернулась к противнику полубоком, уложив обе руки на эфес и иллюзорно оставшись открытой. Тот бросился в атаку, совершив резкий колющий выпад, который тут же оказался отражен ударом меча снизу; Настя вмиг приблизилась, перехватила атакующую руку противника, уводя ее вверх, а удар под пятку заставил нападавшего потерять равновесие. И одновременно с тем, как спина преступника столкнулась с землей, на грудь его упал наступающий укол!

Сапог наступил на ватник, помогая освободить меч. Противник, рыча от боли, взмахнул тесаком, целясь по ноге, но короткое лезвие его тесака со звоном врезалось в меч, который уже во второй раз вонзился в грудь!

Рычание и лязг металла затихли. Пала тишина, нарушаемая лишь ненормальным биением сердца.

Настя схватила за того грудки:

– Кто навел вас на героев?! Кто главный?!

Тот дышал тяжело, пугано вглядываясь в горящие серым пламенем глаза. Воровская честь держалась недолго, и на последнем вдохе сторож выдал единственное слово. Нос.

Рэй устало расслабил тетиву – так и не сыскал решимости для выстрела. Подошел. Глаза лиходея, упавшего первым, внимательно следили за движением, но ясно было, что это его последние секунды. Сторож под ногами Насти коротко и тяжело дышал, а черные пятна на ватнике слились друг с другом в густое озеро.

Девушка обернулась, запястьем стерев со щеки алую капельку.

Красная сталь меча; багровые шлейфы пересекают рукава; морось бурых капель на бежевой тунике, почти столько же на лице; прядь волос припала к розовым губам. В серых глазах шел печальный дождь.

Настя сидела на камне.

Протерев лицо и шею отрезком ткани, смоченным из бурдюка, она теперь очищала меч им же.

– Полей, пожалуйста, – бесстрастно произнесла она.

– У тебя еще... – хотел указать Рэй на капли крови, оставшиеся на лице, но вместо этого прикусил язык и поднял бурдюк.

Струйка воды коснулась клинка, тут же становясь алой. Без походной накидки ее плечи казались маленькими; узкая талия, стройные ножки, сосем как у обычной девчонки, вовсе не рубаки, которую он видел несколько минут назад. «Что же этот мир делает с людьми?» – подумал он, глядя на Настю и отмечая некоторые черты, незаметные с первого взгляда: твердая линия губ, особая решительность во взгляде.

Не стесняясь, она скрестила руки и скинула с себя перепачканную кровью рубаху, оставшись в совсем тонкой майке. Вынула из рюкзака почти такую же рубаху на замену.

В овраге неподалеку они нашли полностью раздетое тело

крупно сложенного мужчины с несколькими колотыми ранами. Настя не плакала. Только смотрела, долго и внимательно. Рэй не сказал ничего.

Обратно шли молча, предусмотрительно обходя старую лесосеку, где могли-таки оставаться другие бандиты. Настя зачем-то держала в руках тесак, которым сражался лиходея. То и дело она до жути ловкими движениями вращала его, взвешивая в руках.

– Зачем ты его взяла? – нарушил тишину Рэй. – Им... убивали.

Настя прагматично пояснила, что металл памяти не имеет, а сам клинок неплохой: булатная сталь, можно будет продать кузнецу.

– Железо в этих краях дорого стоит. Если б пожил в деревне, то заметил, что большую часть инструмента селяне вынуждены делать из древесины. Железный инструмент, как и железное оружие, это предметы роскоши. Плуг, к примеру, нередко вовсе идет как неотъемлемая часть земельного участка.

Рэй понимал, что тесак из толстого куска булата имеет ценность, однако не представлял, как Настя может так спокойно касаться рукояти оружия, принадлежащего предположительному убийце. Предложение провести похороны хотя бы для героев было отвергнуто.

– Мы договорились, – твердо сказала она, – никаких обрядов пост мортем. Мертвым это не поможет, а живым... жи-

вым еще есть чем заняться. Так мы договорились.

Тучи густели. От утреннего солнца не осталось и следа, ветерок, не сильный, но промозглый, неприкаянно метался по лесу. Так же погано было на душе.

– Ты... – начал Рэй, а когда Настя повернула голову, продолжил: – это, наверное, неправильно прозвучит, но ты очень красиво сражалась. Будто бы всю жизнь этим занималась. Это благодаря таланту?

Девушка опустила взгляд, рассматривая землю под сапогами.

– Я бы без сожалений вручила его первому встречному, если б могла. Ничего хорошего мой талант еще не сделал, – сказала она отчужденно. – Порой я думаю о том, чтобы вовсе уйти куда-нибудь далеко-далеко. На север, где нет ни героев, ни войн, ни людей.

– А что там, вообще, на севере?

– Без понятия. Великий князь утверждает, что это его земли, но с ним многие не согласятся, поскольку ни оброка, ни налогов оттуда не поступает. Официально это один из семи краев Княжества, так же как Северо-Восточный, где мы сейчас. Но северный край и краем-то не называют, так и пишется на картах: Северная Земля. Ну или «Земли» – кому как нравится.

Она подтянула кожаные перчатки на руках и плотнее закрылась накидкой от холодного ветра.

– Сначала там сотни верст тайги, потом тундра, которая

перемежается с болотами и скальным рельефом. В тундре, говорят, живут дикие племена, исповедующие свои кровавые верования и законы. Еще молвят, что в этих карликовых степях, живут призраки. Затем начинаются полярные степи, на окраине которых стоят Голубые горы – бесконечно длинный хребет, что тянется с запада через всю страну. На вершинах Голубых гор и сразу за ними живут великаны, – с натугом улыбнулась она, но только чтобы стало ясно, что последнее не стоит воспринимать всерьез.

– Как они посмели напасть на героев? Ведь наша миссия...

– Неясна даже нам самим. Один герой никакой ценности не представляет. Великий Герой, тот да, по легендам стоил небольшой армии. Но мы... чужаки без рода и имени, – говорила она низким голосом, а Рэй чувствовал, как комок подступил к ее горлу. – Парадокс, но для местных именно мы незнакомцы, явившиеся из волшебного мира. Да с кучей денег в придачу! Может, Аслан и Андрей были ранены или что-то случилось в пути. Присмотрев легкую добычу, сторожа и не побрезговали.

– Как бы не так, – процедил Рэй. – Он назвал имя. Нос – один из авторитетов в поместье.

– А в Бересте знали, что к вам едут герои?

– Все, – кивнул Рэй, – даже рядовые заключенные.

– Вот и ответ. Едва ли местные надсмотрщики пошли на эту службу от хорошей жизни.

Она остановилась и приняла свой на удивление тяжелый рюкзак, который до сих нес Рэй.

– Прости, не смог помочь тебе во время сражения.

– Проехали, – отмахнулась Настя, – сама виновата. Бросилась на эмоциях, а сдуру еще и тебя под удар поставила.

– Но ведь они заслужили!

– Заслужили... – шепнула она задумчиво. – Может и так. Нам ли это решать? – вскинув брови, спросила она и направилась дальше.

– Конечно! – догоняя, сказал Рэй. – Это не люди, живут лишь за счет того, что причиняют страдания другим. Жаль тоже не засадил им.

– Не стоит из-за такого расстраиваться.

– Надо бы выследить и остальных. Поди, не вдвоем они на героев напали. Сколько еще в таких лагере? Не говоря про ублюдка Носа. Перебить бы до последнего!

– Рэй, – нахмурилась Настя, – оставь.

– Как это оставь?! Это же твои друзья там сейчас...

– Ну о них-то ты что знаешь?! Об Аслане, об Андрее, – выпалила она и тут же смахнула с покрасневших глаз. – Нашелся заступник.

– Я... не хотел.

– Да знаю, что не хотел, – бросила она, одернув свою накидку и закрывшись от начавшегося дождя.

Замолчали. Впереди возникла тропинка, что вела к воротам Бересты. Дорога намокала, темнея и мягчая на каждом

шагу.

– Лук, видимо, можешь оставить себе. Да и за железное оружие, которое я забрала, тебе причитается часть. Таково наше негласное правило: всё делим поровну.

Рэй покачал головой:

– Заключенным нельзя иметь деньги, тем более оружие. Да и в лагере всё равно отнимут, не сторожа, так милые.

Он взглянул на Настю и опять заметил оставшуюся на ее щеке кровь. Не удержался и, придерживав за плечо, стер крапинку большим пальцем: без сторонних мыслей, а лишь беспокоясь о том, чтобы не пускать друга со следами убийства на лице под внимательные очи судьи. Настя же в ответ подняла такой взгляд, от которого в груди стало горячо. Он отстранился.

Спустя несколько секунд она сказала тихо:

– Я сегодня уеду.

«Уже?» – чуть было не спросил он.

– Не вижу смысла оставаться.

– А Ярослав? Вдруг и другие охранники лагеря замешаны? Вдруг на него тоже готовят засаду?

– Удачи им, – хмыкнула она. – Повторяю, зверина – заказ Яра. Мне надо вернуться в Умиру. Пожить спокойной жизнью. У меня там работа и свой уголок в тамошнем конехозяйстве. С лошадьми оказалось работать куда проще, чем с людьми.

Голос ее был неестественно ровный и строгий. «Запла-

чет», – снова подумал Рэй.

Когда двое подошли к лагерю, вместо застенчивой мороси с неба уже сходил проливной дождь, укрывший равномерным шелестом всё вокруг.

– Буду признательна, если не станешь докладывать судьбе о том, как я...

– Да о чём ты говоришь! Кстати. Не знал, что герои «работают», – быстро сменил он тему.

– А на что жить? Геройский кошель богат, но иссякнет оглянуться не успеешь. Или, думал, мы только и скитаемся по свету в поисках чудовищ? Учитывая отношение населения к нашему ремеслу, мирская работа – лучший способ выжить в Княжестве и даже обзавестись добрыми знакомствами. Ярослав вот берет опасные заказы на нечисть, нарочито заявляя, что это и есть его призвание. На деле же он куда больше времени посвящает своей работе подмастерья умирского кузнеца.

– Стоит ли помогать людям, что ни в грош не ценят нашу жизнь?

Настя замедлилась, пригляделась к коричневому частоколу впереди и, к удивлению героя, ответила:

– Думаю, что да. Несмотря на то, что ты видел здесь, в мире гораздо больше честных и добрых сердцем людей, а отморозки, видимо, бывают в любом обществе. Так что не суди здешних строго.

«Какой же волей нужно обладать, чтобы после случивше-

гося просить о снисхождении к этим людям?»

– В общем, – продолжила она после паузы, намереваясь сказать заходи, коль окажешься в Умире, но оборвала себя на полуслове.

Ливень стих, сменившись моросью, слышалась работа топоров на лесоповале. «Стоило ли дразнить себя этой минутной свободой?» – ступив на знакомую лагерную землю, подумал Рэй. Он доложил старшему сторожу, после чего был приставлен к работе в мастерских.

Остаток рабочего дня пролетел скоро. Пусть случившееся сегодня потрясло, из головы так и не шел зверь, что по-прежнему обитал неподалеку от поместья. Два хвоста, по мнению героя, могли быть исключительно признаком нетварного, то есть навьего происхождения.

У барака он встретился с каторжниками, что вернулись с работ в лесу раньше обычного из-за какого-то местного праздника.

– Смею ли я обратиться к охотнику на нечистого зверя? – саркастично и громко изрекла подруга, выдернув его из вороха мыслей. Рэй поглядел: насквозь мокрая от дождя – смешная.

– Чего тебе, Лиш? – отряхивая руки, спросил он.

– Уж прости, что безродная баба-то навязывается. Как смычка с воительницей прошла?

– Не было смычки. Мы просто проверяли кое-что.

– Ага, проверяли. Как морковка натирается, – хихикнула она. – Видала, как ты едва не вприпрыжку побежал за ней. Хорошо погулял?

– Чем тебе Настя не угодила?

– Героиня эта? Да плевала я на нее, – отмахнулась Лишка, шагая к бараку за посудой. – Но не стоило тебе ради нее рисковать своим положением. Она-то свалит, а ты куда денешься? Думаешь, Нос тебе спустит, что ты, обступив всех, этакую паву, царевну-лебедь облобызал?

– Нос. Вот к кому у меня есть пара вопросов.

Поварá как раз готовили раздачу ужина. Подали свинью, мясо которой Рэй защитил прошлой ночью. Конечно, мяса чесноки не получают, однако, судя по запаху, сегодня в кашу положили обрезки сала, что не могло не радовать. И еще пахло овощным супом на костях – это тоже лучше, чем хлебная тюрка или березовая каша.

Не евший с утра, он взял плошку и привычно встроился в очередь. Тут же один из кандальников, схватив за плечо, грубо оттолкнул назад. Герой соотнес свои размеры с его и отошел молча, но следующий же каторжник и вовсе вытолкнул из очереди!

Поймав на себе презрительные взгляды и осознав, что сила не на его стороне, снова отошел назад. Такие дела, единственный день общения с героями глубоко отпечатался на репутации. И он еще даже не представлял насколько.

Лишь Мелочь пристроился в очереди рядом – вот, где те-

перь было место Рэя. Мелочь панибратски ткнул в плечо:

– Коновал! – своим стариковским голосом обратился он. – Тебя Нос приглашает. Перед отбоем в милую хату, усек?

– Зачем?

– Потереть хочет, не тупи, – крикнул Мелочь, тоже обступая героя в очереди. – Чтоб после ужина доложился.

Рэй крепко взял Мелочь за воротник и поставил назад:

– Пусть сам и заходит, коль разговор у него, нечего шпи-ней засылать, – напоказ огрызнулся он. Впрочем, руководствуясь вовсе не понятиями, а банальной трусостью: чесноку, заявившемуся в милую избу, запросто могли «подарить сокола». Соколом на местном наречии звалась маленькая, словно перо, заточка из железа или даже из дерева – из белой ели умельцы тут острующие делали.

Когда на раздаче наконец подошла очередь Рэя, супа уже не осталось, а каши он получил лишь половину порции со дна котелка, где осталась подгорелая. Поужинал на улице, избегая остальных.

Перед отбоем старший сторож вошел в барак, объявив новое распоряжение судьи: всякому, кто желает, в качестве проявления исправительного поведения, дозволено остаться на ночную вахту:

– Достопочтенный наместник распорядился сократить срок заключения на треть тому, кто одолеет зверя! Даже если только окажет посильную в том помощь, – окинул он заключенных по оба крыла презрительным взглядом и продол-

жил: – А коли оставшийся срок заключения кандалника уже составляет менее трех зим, такому будет велено отправляться на волю первым же кораблем!

Предложение соблазнительное, однако желающих не нашлось: вопли очередного стражника, подранного три ночи назад, были свежи в памяти.

Той же ночью, только замки защелкнулись на дверях, неосторожного каторжника, что «решил податься в герои», а на деле свинтивший на свидание с красивой гостьей, не уступив сие право старшему по масти, неслабо поколотили – милая изба прислала привет.

Поздняя весна: травник месяца

Со дня прогулки за пределы Бересты минуло несколько дней. Настю Рэй более не видел. Каждую ночь, с силой сжимая в руках зеленую тетрадь, полученную в Башне, он раздумывал над произошедшим. Кто еще из сторожей стоял за убийством героев? Откуда взялся зверь и как его одолеть? Для чего, вообще, нужны эти дурацкие тетради?! И почему совершенно никто из местных не обращает на них внимания?

На первой странице Рэй начертал углем размытый образ ночного зверя с двумя пышными хвостами; тем, правда, лишь убедился, что талантом рисования он обделен ничуть

не меньше Насти. После встречи с ней Рэй всегда носил тетрадь с собой, словно вцепившись в нее, как в последнюю соломинку, хотя сам понятия не имел, откуда эта соломинка тянется.

Новым утром из-за тына опять выглядывали паруса шхуны – прибыли новые гости. Поместье всё больше походило не на изолированную рабочую колонию, а на торговый двор.

– Еще болит? – спросила Лиша, касаясь припухлости на виске Рэя: – Герои-то, красавцы, придут и уйдут, а ты – кандалник и останешься в общине кандалников, – опять назидательствовала она. – Говорила, не нужно тебе с геройскими связываться.

– Да сто раз говорила! – отмахнулся Рэй, сжимая в руках тетрадь. – Настя либо уедет сегодняшним кораблем, либо уже на днях пешком ушла, можешь расслабиться.

– Да я сказала, ссать мне на нее, – хмыкнула Лиша. – На, – протянула плошку каши со свиными шкварками с верхом.

– Чего это?

– Баланда. Или хочешь опять огарки со дна доедать? – вскинула она брови.

Рэй, поджав губы, принял чашу.

– Вчера разговаривала с Носом. О тебе.

– Что, зачем это?!

– Затем! Ты на себя посмотри. Обувь подменили, пальцы на улицу торчат, ватник отобрали, ешь последним в очереди. Думаешь, долго так протянешь? Иди-ка, с Мелочью подру-

жись, он тебя научит рыбы хребты обсасывать. Короче, Нос говорит, ты бываешь полезным со своим лекарством. А он пустыху не гоняет, сказал, коль не станешь больше дурить – забудется косяк.

– Словно в первый день со мной возишься. Я ничего плохого не делал, так что и Носова милость мне не нужна. Ты вот знаешь, что он в сговоре со сторожами?!

– Откровение-то какое! Как, думаешь, он в милую избу угодил, едва зашел в поруб? Они ж Федоткой-сторожом друганы закадычные, еще из сявской шайки.

Сяв – один из крупных городов Северо-Восточного; далеко, в двух неделях на юг от Бересты.

– Тем более! Не надо за меня ничего просить. Знаю, как ты расплачиваешься, – всё же погрузив ложку в густую кашу, ответил он.

– Мое тело – мое дело, понял? Тебя-то оно не сильно интересует, – с плохо скрытой обидой вдруг высказала Лиша.

– А это здесь при чём?

– Да ни при чём! – поднялась она резко. – Жри и дуй за инструментом, только топоры не бери, а то рука болит. Постарайся двуручную пилу добыть, с ней полегче.

Рэй выдохнул. Телом ее он и правда не интересовался. Не то что бы собой так дурна, наоборот: за полгода примелькалась, даже глазу приятна стала. Но, во-первых, Лиша была другом, а друг, как и врач, существо без пола. Во-вторых, Лиша считалась марухой сударя Носа, то есть интересоваться-

ся ею мог исключительно сударь Нос, и даже никто из милых.

Доедая кашу, Рэй опять всмотрелся в рисунок на первой странице дневника, будто в нём могло быть что-то, что он до сих пор не разглядел. Но размазанный уголь не делился знаниями. Надо идти за инструментом, иначе пил не останется. Рэй свернул тетрадь, убрал ее за пояс, закинул остатки каши в рот и направился в мастерские.

Не дошел. По пути ему встретился родной силуэт судьи. Старик исключительно редко покидал стольное здание – только для проведения заседаний в судебной избе у пристани. Рэй, кажется, вовсе увидел его во второй или третий раз после суда.

Внезапно они встретились глазами, и судья, двинув кистью, подозвал заключенного к себе. Разговаривать с судьей запрещалось настрого, даже за неосторожный взгляд можно было получить дубинок от особо исполнительных сторожей. Рэй предусмотрительно огляделся, убеждаясь, что к удивлению учтивый жест был адресован именно ему. Он приблизился, поклонился в пояс, а судья, сложив руки на животе, оглядел его снизу вверх.

– Хочу кое-что спросить, – начал он медленным хриплым голосом. – Давеча ты вместе с одним из, кхм, героев покидал лагерь.

Пульс подскочил, когда Рэй понял тему разговора.

– Анастасия сообщила, что поиски были неуспешны.

Рэй кивнул, не подняв взгляд.

– Тем же днем, кхм, что уходили вы, не вернулись с увольнительной два сторожа. Обычно-то сторожа не уходят из поруба, ибо просто некуда. Но эти двое всегда покидали Бересту на свои отгулы. Лесники, чтоб их. Но впервые они не возвратились на службу. Не попадалось ли каких-то улик, свидетельствующих об их судьбе?

Рэй поглядел на судью: взгляд умудренных глаз, казалось, бьет насквозь, раскрывая даже мысли о лжи.

– Я полагаю... смею предположить, что они не вернуться. Однако Анастасия!..

Служитель закона резко убрал руки за спину, вздернул подбородок. Хорошенько обдумал сказанное.

– Герои – крайне подозрительные личности. Я терплю их присутствие, думаю, по понятной тебе причине. – Рэй, – обратился он доверительно, а герой удивился, что судья помнит его имя. – Мне приятна твоя честность, буду честен в ответ, сказав, что я не сильно сожалею об исчезновении этих двоих, м-м, которые несколько зим тому назад сами завершили тут свои сроки. Посему я не планирую подвергать сомнению доброе имя Анастасии. Просто выскажи мнение, мне это важно. Героям можно доверять?

Рэй обдумал и произнес:

– Герои во многом обычные люди, не всегда их действия покажутся безупречными. И всё же из того, что мне стало известно, думаю, мнение о них на этой земле не совсем справедливо. Анастасия не заслуживает каких-либо подозрений.

Тот кивнул, оценивая услышанное, обдумал еще несколько долгих секунд.

– Ступай, – по-доброму сказал он, отправившись обратно к стольному зданию.

Каторжник еще раз поклонился вслед, так и не поняв, остался ли судья удовлетворен ответом.

– Рэй! – отчаянно крикнула Лиша, увидев, как тот, всё еще без инструмента, стоит столбом посреди двора.

Вернувшись с лесоповала вечером, герой оценил положение в Бересте. Зверина собирала аншлаг. На дворе грибами выросли палатки и шатры тех приезжих, кому не хватило места в стольном доме. Посредине площади полыхал высокий костер, вокруг которого расположилась группа из охотников, корабейников и прочих скитальцев, прослышавших о таинственном звере. Приметил Рэй и героя Ярослава с большой кружкой в руках. Атмосфера веяла весельем и алкоголем.

– Бездари, – бросила Лиша, злобно косясь на сборище. – Хмыри, пеньтюхи! Совести ни капли, прямо у нас на глазах пируют.

– Не сердись ты, не было уже двуручных пил, – примириительно обратился Рэй.

– А ты б еще дольше ворон считал! – разминая запястье, недовольно зыркнула Лиша. – Могли бы и с нами едой поделиться, явно с запасом привезли.

– Да как же, станется с них, – поддержал Рэй, который и

сам ужасно хотел присоединиться к сборищу. Впрочем, во-все не за съестным.

Протрубили отбой, и заключенные покорно разошлись по баракам, но смех и разговоры на дворе не стихли даже за полночь. Каторжники, лежа на нарах, до лязга скрежетали зубами, чуя соблазнительный аромат жареного на углях мяса.

На ночь все охотники остались снаружи, разведя еще несколько жаровен для освещения. Темнота, однако, преобладала. Следопыты выставили по территории несколько медвежьих капканов, растяжки с колокольчиками, силки.

Зверь в отместку задрал последнюю свинью. А словно желая утереть нос явившимся охотникам, оставил отгрызенную башку с розовым пяточком почти посередь двора. Как волку удалось пробраться внутрь законопаченного со всех сторон свинарника, да мимо многочисленных патрульных, осталось загадкой.

– Нет, друже, никакой это не волк, – почесывая бороду, говорил под утро один из приезжих охотников.

– Больно здоровый, думаешь? – спросил второй помоложе, подвязывая на боку зеленый дублет.

– Бес знает, так и не разглядел толком. Но согласись, тварь хитрющая, будто знает наши приемы наперед. Вот попомни мое слово, как судейский и говорит, то какая-то нечисть.

Рэй, собиравший инструмент для работы, почтительно

приблизился к охотникам и спросил, вдруг зверь и правда навий – что тогда?

– А что, видал?

– Два хвоста, – коротко ответил он.

Охотники переглянулись. Тот, что постарше, нахмурился и качнул головой, велел другому не разговаривать с кандалниками.

Рэй домыл посуду, готовясь к новому рабочему дню. Чтобы решить проблему продовольствия на грядущий год, судья распорядился распахать еще одну деревню¹² за периметром лагеря.

Герой-каторжанин, оказавшись у подножия социальной пирамиды, теперь в том числе занимался переноской рабочего снаряжения. Он получил в мастерских пилы, топоры и еще груды инвентаря для пахоты. Массивный инструмент значительно ограничивал обзор. Услышав, что сторожа объявили построение, он поспешил, но едва вышел из мастерской, как влетел в возникшее перед ним препятствие! Он с трудом удержался на ногах, шумно рассыпав часть инструмента.

– Снова ты?!

Металлический подток длинного копья угрожающе уткнулся в землю, от чего та пошла трещинками.

Перед Рэем вздымал грудь блондин. Он был в славном до-

¹² Деревня (*старорусск.*) – в исходном значении – место, очищенное от деревьев: пашня, огород.

спехе из металлических чешуек в форме лепестков и с кожаными наплечниками. Из-под железа выглядывала красная бармица из толстой, плотной ткани, что закрывала горло: от холода, которого в эти дни не ожидалось, и от зубов, которые еще как ожидались. Под мышкой он держал блестящий каплевидный шлем с наносником. Красивое лицо исказилось злобой.

– Я не стал придавать этому значение в первый раз, но вот ты снова проявил неуважение!

Позади копейщика стоял невысокий оруженосец с грязно-водянистыми глазами и чуть свалывшимися, тёмно-каштановыми волосами. Одет был в ту же тёмно-серую рубаху с закатанными рукавами, а сверху нее – кожаный жилет.

Рэй смиренно склонил голову:

– Прошу простить, я не видел, куда иду, – ответил он, понимая, что общение с героем и опоздание на построение ему сейчас нужны меньше всего.

Копейщик презрительно фыркнул:

– Я должен поверить, что ты дважды влетел в меня, не заметив? Это у вас, зэков, такое развлечение? А ну посмотрим, что геройский сделает, если ему наперерез хмыря засылать снова и снова.

– Местные могут снизойти и до более замысловатой шутки, – с прищуром ответил Рэй, – но залетный герой в бречащем доспехе им неинтересен.

– Следи-ка за языком, псовий колдырь! – глаза и губы ко-

пейщика светло удивлением – такой наглости от зэка он не ожидал. – Ты, видимо, до сих пор не понял, с кем разговариваешь. Мое имя Ярослав! Герой, убийца василиска и мастер копья.

Рэй выдохнул, обдумывая ответ, но времени было в обрез. Он обеспокоенно обернулся на сторожа, который криками уже строил заключенных. Наклонился, чтобы подобрать оброненные мотыги и уйти, как только копейщику надоест этот спектакль.

– Что это у тебя? – копейщик выхватил тетрадь из-за пояса Рэя, а тот оторопело потянулся следом, да было поздно – копейщик уже изучал содержимое. – Это... что за мазня? – усмехнулся блондин, небрежно схватив тетрадь одной рукой. – Хохма! Тишка, видел? Художника тут содержат, – потряхнул листками.

– Верни! – крикнул Рэй, свалив остатки инструмента на землю и подавшись вперед, но на удивление крепкая рука щуплого с виду оруженосца угрожающе пала на плечо.

– Вернуть? Ха-ха, тебе нужна бумага? По нужде ходить, что ли? Зря добро переводишь.

Тут смех копейщика оборвался. Он пристрасстно осмотрел тетрадь, теперь уже ее саму, а не содержимое. А ведь правда, среди всех он стал первым, кто обратил на нее внимание. Он пристально исследовал чистые страницы, затем тёмно-зеленую обложку. По итогу осторожно закрыл дневник, накрыв ладонью. Отряхнул – не для того, чтобы смахнуть настоя-

щую пыль, а как жест запоздалого уважения.

Лицо переменялось, стало жестким, глаза сверкнули! Он выбросил руку, схватив прежнего хозяина за воротник, притянул и тихо процедил:

– Где это взял?

– Это моя тетрадь, – Рэй схватил воина за запястье, решительно глядя в ответ.

– Хм. Думаю, ты врешь, – он небрежно оттолкнул узника. – По виду ты обычный ворюга, которого как раз и заперли в этом месте за этакие заслуги. Эту вещь не так легко потерять, знаешь ли. Потому ты однозначно вор. Может, даже убийца?

Рэй настойчиво шагнул, попытавшись выхватить предмет, но взамен тупая сторона копья уперлась в солнечное сплетение. Копейщик встал боком, упредительно покачав головой, а тетрадь в отведенной руке стала недосягаема.

– Не пытайся. Тебе это не принадлежит, чернь вроде тебя никогда бы...

– Это моя тетрадь! – настаивал Рэй.

Вспомнилась первая встреча с бандитами, которые ограбили его догола. Тогда он был бессилен. Нет, безволен! Но сейчас, несмотря на несопоставимые шансы, чувствовал, что пойдет на всё, лишь бы вернуть отнятое. Одежда, которую отнимали милые, еда, которой не хватало так отчаянно – всё тлен! Но тетрадь, единственное, что позволяло не забыть, кто он такой, отдавать было никак нельзя. И только внутрен-

няя осторожность удерживала от того, чтобы схватить с земли мотыгу в качестве оружия и вступить в бой с этим надутым героем-копейщиком, который, по правде сказать, так и нарывался!

– Хорошо, допустим, – переменяв тон, спокойно ответил Ярослав. – Где ты ее взял, расскажи? И, если скажешь правду, я решу, можно ли «вернуть» тебе дневник.

– Там же, где и ты свой.

Ярослав улыбнулся одними губами, склонил голову, подумал секунду и по очереди швырнул копье с тетрадью оруженосцу – тот ловко поймал оба предмета. Затем вынул из кармана тонкую черную ленту, неторопливо и со старанием собрал пшеничные волосы в короткий хвост на затылке. Зря Рэй отвлекся на эти авантажные жесты; Ярослав сделал небольшой шаг, глядя в глаза – тупая боль прострелила живот. Рэй ощутил все четыре фаланги кулака ниже ребер, другая рука, не позволив согнуться, схватила за грудки. Складки крест-накрест зачеркнули только что красивое лицо:

– Ты еще вздумал умничать?

Воин схватил заключенного за голову и направил точно в колено! Рэй отлетел на землю. Прочие узники, что ожидали на построении, с подлинным восхищением вылупились на эту уморительную картину.

– Геройский Коновала лупит! – с придыханием шушукались они, и только присутствие рядом сторожа не позволяло заключенным хлопать и улюлюкать во весь голос.

– Во пятижоп-то каков!

– Нешто к копейщику тоже в помощники набивался, а тот ему и показал леща соленого! – вкусно ехидствовали каторжане.

Золотящееся на солнце, бритвенное острие копья уже упиралось в горло. Легкого движения было достаточно, чтобы вскрыть артерию, завершив сей бесславный путь.

«Как же надоела эта слабость», – сжимая кулак, подумал Рэй, в который раз лежа побитый на земле. Было почти не больно, зато очень обидно. Уж на всё он был готов, чтобы свою неудачливую в этом мире планиду переменить. Да только, чтобы жизнь перевернуть, одного хотения мало.

– Ну давай, здесь и убьешь? – усмехнулся он, безо всяких оснований веря, что герой так не поступит.

– Можно подумать, меня кто-то остановит! Вы – не люди. Чернь, что не способна жить в приличном обществе.

– Валяй! Смертоубийство на глазах у сторожей, – Рэй даже приподнялся, непринужденно откинувшись на локте, и бросил взгляд на стольный дом. – Судья, который и без того не доверяет героям, будет от нас в восторге.

Воин тоже обернулся на стольный дом. Потешная выходила драка: один машет копьём, другой разлегся на земле.

– Да и Светл, поди, расстроится, – не без подтекста прибавил Рэй. – Он так старался, чтобы я не помер раньше времени.

– Светл?

– Что, говорящий кот не счел нужным тебе представить-ся?

Воин резко крутанул копьём, уводя его в сторону, и металлический подток опять ударился в землю. Прозвучал приказ подняться.

– Передумал убивать? – поднимаясь и отряхиваясь, спросил Рэй, пока Ярослав ловил цепким взглядом каждое его движение.

– Значит, хочешь убедить, что ты герой? – уже совсем тихо спросил он.

Рэй фыркнул, мол, больно надо в чём-то тебя убеждать.

– Настя может подтвердить мои слова.

– А, круто! – посмеялся копейщик. – А чего ж не сам князь? Ты и правда думаешь, что я законченный идиот. Она позавчера покинула Бересту.

Лишь теперь Ярослав поинтересовался кто перед ним и что зарисовано в дневнике? Понимая, что от внимания воина не избавиться, Рэй назвал свое имя; руки не подал; пояснил, как очутился в порубе; запись в дневнике касается зверя.

– Надо понимать, за головой которого ты и прибыл в такое место, – завершил Рэй.

Воин призадумался, уложив руку в кожаной перчатке на подбородок, и насмешливо сказал:

– Так это же замечательно!

Рэй поглядел с опасением, а Ярослав вздернул уголки губ

и указал копьём в сторону ворот:

– Мы как раз идем на охоту! Ваш управитель поднял на-
граду аж до трех дюжин алтынов, теперь и мне не стыдно
взяться за дело, – еще раз ловко обернул копьё, закинув те-
перь на плечо. – И ты, герой, глубоко заинтересованный в
благополучии этого мира, конечно, не откажешься составить
мне, своему товарищу по ремеслу, компанию, – объяснил
Ярослав, закинув свободную руку на плечо Рэя – твердую,
точно дубовая ветвь.

– Что за бардак?! – подбежав, рывкнул главный сторож,
показывая дубинкой на разбросанные вокруг инструменты,
потом уставился на героя, который отчего-то стоит в обним-
ку с кандальником. – Почему инструмент не приготовлен?!
Построение...

– Помолчи, – грубо оборвал его Ярослав. – Этот заклю-
ченный идет со мной, – сказал он и, не дожидаясь ответа,
направился к воротам.

– Ты... эй, не велено! Полно судимых от работ отважи-
вать. – Ты! – ткнул он Рэю и указал дубиной на линию за-
ключенных. – Живо собрал шмурдяк и в строй!

Прежде чем Рэй успел приступить к выполнению коман-
ды, к нему подбежала Лиша, наспех помогая собрать инвен-
тарь:

– Рэй, ну какого лешего?! – шикнула она чуть не со сле-
зами на глазах.

Ярослав же остановился и мотнул головой оруженосцу,

отдав немой приказ. Помощник расторопно скинул рюкзак и, покопавшись, представил надсмотрщику письмо за подписью судьи, гласящее:

Указ служивому люду трудового поместья Береста. Герою Ярославу, откликнувшемуся на зов о помощи в истреблении лесного зверя, что ставит под угрозу жизни обитателей поместья, надлежит оказать поддержку, допустить по его требованию во все помещения и вручить любые разумные средства для исполнения задачи.

– Вопросы есть? Это средство, – Ярослав указал копьём на Рэя, – идет со мной.

Несчастный заключенный почти физически ощущал ненавистные взгляды на своей спине в момент, когда вновь выдвигался за ворота вместе с героем.

– Пятижоп! – весело напутствовала толпа, и даже сторож не предупреждал эти своеволия.

«Теперь и правда почить на клыках таинственного зверя», – подумал Рэй.

Герои шли по дороге, которой Рэй выходил с Настей несколькими днями ранее, но вскоре сошли с нее, взяв путь не на запад, а на север.

– Верни мою вещь, – повторил Рэй, шагая через пустующий лесоповал.

– Чтобы ты удрал, получив ее? Ни в коем разе тебе не верю, не желаю портить свою репутацию твоим побегом.

На ходу Ярослав задал несколько вопросов на различные научные темы, подобно тому, как это сделала Настя при их первой встрече.

– Да сколько можно с вопросами?

– Просто отвечай. Если ты из нашего мира, в вопросе нет ничего сложного.

– И чего вас в математику тянет? Число Пи, вообще-то, имманентная константа.

Ярослав обернулся, тупо уставившись на героя.

– Имею в виду, что Пи в десятичной системе исчисления во всех мирах и на всех планетах должно иметь одинаковое значение.

– Ты... не уходи от ответа. Местные, что не из знати, и читать-то не всегда умеют, откуда им знать геометрию?

Рэй назвал первые пять цифр числа Пи.

– И всё? Дальше, – повелел Ярослав.

– Как проверять собрался?

– Думаешь, дальше пятой не знаю?

– Думаю, не знаешь, ведь пятую я уже назвал неверно, – не удержался от мальчишества Рэй.

– То есть ты решил, что хитрить – хорошая стратегия в твоём положении? Не понимаю твоей обиды. Ты выглядишь как обычный зэк. Есть хоть какие-то доказательства, подтверждающие твои слова?

– Тетрадь прямо у тебя в руках! И Настя.

– Достал. Даже если б она была здесь, эта наивная девчон-

ка. Ты, – обернулся Ярослав на ходу, – мог запросто провести ее. Вдобавок, именно от нее узнать и о дневнике, и о нашем мире. И об этом Светле-бае.

– Всякий видит что хочет.

– Чего ты переживаешь? Разве не лучше составить компанию истинному герою в его благородной миссии, чем валить елки целый день?

– Мы обычные елки не валим. Только лиственницу и...

– Кроме того, тебе ведь хотелось убить зверя? Я слышал, судья обещал сократить срок. Не думай, не обижу. Скажу, что ты отлично исполнил роль наживки. Так что будь благодарен, ведь это твой шанс выйти досрочно. А другого просто не будет, ибо сегодня чудищу настанет конец.

Рэй удивился: как они собираются его ловить?

– Ловить? Еще чего! Мы загоним и убьем тварь. Скрытое существо, нападает исподтишка, по ночам, а значит, само оно слабо и в открытом противостоянии мне неровня.

Перед глазами Рэя мелькнули два черных хвоста на фоне звездного неба. Он попытался возразить, мол, зверь-то явно непростой, но Ярослав будто не слышал.

– А-а, вот и наши парни! – удовлетворенно отметил он, увидев группу людей на лужайке лесоповала.

Четверо, плюс две собаки. Выглядели профессионально: одежды защитных цветов, кожаные жилетки, высокие кожаные сапоги, легкие охотничьи шапочки с козырьками и массивные рюкзаки за спинами. Конечно при оружии.

Приблизившись, Рэй оценил: трое молодых охотников и один постарше с роскошной бородой медвежьего цвета – вожак. Все были вчера ночью у костра. Три арбалетчика, включая самого же командира, и молодой пикинер с рожоном в руках на полтора роста. Собаки – невнятная помесь овчарки и лайки: белая и рыжая.

Ярослав пожал руку старшему:

– Собрал?

– Как договаривались, три стрелка, – командир вскинул на плечо массивный арбалет, усиленный роговыми пластинами, – и одно копьё. Парни проверенные. А это, – он опустил взгляд на животных у ног, – Роза и Мимоза, значит.

Те сидели, весело выставив розовые языки.

– Арбалеты? – скривился Ярослав. – Цель у нас быстрая, промахнулся – голову откусит, пока перезарядишь.

– Раблеты эт на западе, с лебедочным взводом или со стремнем, чтоб ногой придерживать, – рокочущим басом объяснил бородатый вожак. – Я видал – по молодости путешествовал. Тугие! – он звонко ударил кулаком в ладонь, – чтоб укладный доспех бить. На зверя такой вовсе не годится. А это не раблет, а самострел, – опять вскинул свое оружие на плечо, – взводится одной рукой, бьет короче, чем лук, но сильнее. В лесу по навьего зверя лучше не сыщешь.

– Как скажешь, – отмахнулся Ярослав, не вдаваясь, – тебе же отбиваться, если что.

– Уж отобьюсь. У тебя что?

– Я, – заявил Ярослав. После подчеркивающей важность паузы продолжил: – Мой оруженосец Тихомир, не лезь к нему, он не разговаривает с рождения. И еще один человек, которому не терпится сразиться со зверем, – небрежно махнул на заключенного.

– Так то ж кандальник.

– Рэй, – невозмутимо представился тот с коротким поклоном. – Не смог отказать своему другу в просьбе о помощи, – потрепав Ярослава по плечу, прибавил он.

– Другу? Хэк, давно-ль герои с кандальниками дружбу водят?

– Не слушай его, – хмуро ответил Ярослав. – За убийство зверя обещано сокращение срока, вот он и увязался.

– Во-но как, даже мастер копья, значит, подмогу решил подтянуть, ну это верно, верно. М-м, да, непростая подзалупина в этом лесу завелась, – охотник, поглаживая бороду, пригляделся к Рэю. – А то и в качестве наживки поставим.

Ярослав с Рэем колко переглянулись. И тут, воспользовавшись случаем, Рэй вежливо попросил у оруженосца свой дневник, чтобы записать несколько вещей касательно охоты. Подручный бросил вопросительный взгляд на господина, а тот, пересилив себя, кивнул. Тетрадь вернулась во владение, и сразу стало тепло на душе. Ярослав, однако, сделал жест Тихомиру: следы.

Отряд прошел освещенный солнцем лесоповал и углубился в чащу. Группа вытянулась в строчку, шагая друг за дру-

ГОМ.

«Ку-ку, ку-ку», – укала в высоких кронах кукушка.

Двигаясь дугами, они нарезали вокруг Бересты не менее пяти полукругов, каждый шире предыдущего, снова и снова упираясь в реку. Собаки, зарывшись носами в траву и задорно виляя хвостами, обыскивали местность. Солнце продвигалось по небу высокой параболой.

Так, в блуждании по лесу, день перевалил хорошо за вторую половину.

– Слыхали? – замерев, шепнул командир.

Все настороженно переглянулись.

– За мной!

Двое стрелков скинули рюкзаки и мигом переместились вперед колонны.

– Эй, что учуяли? – спросил Ярослав.

Командир улыбнулся в густую бороду и одним пальцем приказал рогатчику придержать Розу и Мимозу, а стрелков увлек за собой. Ярослав еще раз кликнул бородача, но тот не отреагировал. Стрелки скрылись в высокой траве. Командир прижал палец к губам, требуя безупречной тишины:

– Гтовьсь, – шепнул он, и стрелки подняли самострелы. Заряженные в них стрелы имели широкие треугольные наконечники – ласточкин хвост.

Лишь сейчас глаз заключенного уловил движение: под кудрявой грядой боярышника копошились коричневые ко-

мочки.

– Жда-ать.

Птицы оставались едва различимы в траве, и когда одна из них подняла голубую с алым пятном голову, с губ вожака сорвалось еле слышимое «жу!» – и три самострела щелкнули почти в унисон.

Короткие стрелы прыгнули низкими дугами, поразив заросли боярышника, в которых тут же занялась суматоха: птицы бросились в рассыпную, одна, заплескав крыльями, удрала прочь, но раненые не проползли далеко.

Командир дал подзатыльник промахнувшемуся стрелку. Потом удовлетворенно осмотрел добычу.

– Ну, всё, всё, – прохрипел он, отогнув гибкую шею фазана, и одним точным движением рассек ее маленьким ножом, перехватив птицу под лапы.

Собаки радостно подбежали к командиру, одна, с белой мордой, принялась с аппетитом слизывать бегущую кровь.

– Это еще что?! – отряхиваясь от лесного сора, выбрался из кустов Ярослав, который, за сегодняшний жаркий день, порядком уже был измотан мошкаррой и ношением своего славного доспеха.

Бородач удивленно пожал плечами: ужин. Мол, без обеда ж работали, барин. Слово «барин» тут, конечно, было произнесено уничижительно.

– Вы что, развлекаться сюда пришли, охотники?! У нас заказ, вообще-то.

Охотники насмешливо переглянулись, ясно давая понять, что выполнять чьи-то приказы они не планируют. Герой негодовал, строил грозное лицо и требовал бросить добычу, немедленно продолжив поиски! Но даже Рэю было понятно, что герой только сотрясает воздух.

– Какая охота, мастер-копейщик? – вышел вперед старший из охотников. – Вот-вот свечерет. Кто на ночного зверя по ночам-то ходит?

– И кто виноват, что мы битый час вокруг этого клоповьего гнезда топтались?!

Хотя фраза никак не задевала Рэя лично, он всё же уязвился, ведь никаких клопов в довольно-таки чистой Бересте не было.

– Не топтались, а следы искали, – объяснял командир. – Теперь знаем, что по эту сторону ничего нет, стало быть, завтра по тот берег уйдем.

– Идем прямо сейчас! Еще часа три до сумерек, успеем проверить восточный берег.

– Так мы и идем на восточный берег, – усмехнулся вождь. – Просто охотиться сегодня больше не будем. Пока переберемся на ту сторону, пока место подыщем, бивак поставим, вот ужин нам лес услужил. А как сумерки поутру дрогнут, так и пойдем по вашу гниду подкурячью, еще до первой зари встанем.

– Пустая трата времени. До сумерек сегодня поохотимся! – упорствовал Ярослав.

– До сумерек у нас уже должен стоять бивак! Иль хочешь, чтобы кудлатый нас за гузно исподтишка взял, пока мы костер в впотьмах мастырим?

Копейщик, раздраженный, подошел к командиру:

– Изволь впредь сообщать о своих планах. Ты ни слова не говорил о ночлеге, когда мы обсуждали поход.

– Тебе нужен был следопыт для охоты. Вот он я. Нужны были люди, способные сладить даже с нечистой. Вот они. Смотри, даже Роза и Мимоза согласились тебе помочь, – почти без издевки прибавил командир. – Награда – всё честно: половина тебе, половина нам на всех. Чего брови-то кривишь?

– Думаешь, мне, герою, больше заняться нечем, как целую ночь в твои игры играть?

Бородач закинул в рот соломинку, вальяжно ее пожевывая:

– А теперь, значит, слушай... герой. Я этим мужам голова. И если их под опасность ставить, то по моим правилам. Это лес! – раскинул он руки и сбавил голос: – А лес ошибок не спускает. Да и мы, ох, не по тварного зверя явились. В таком деле удачная охота – это если все воротились живы да здоровы. Так что я решаю, когда охотиться, а когда готовиться. Слобастил?

– Забываешься, – с усмешкой покачал головой копейщик.

– А то шо? Ты-ка напомни-ка мне, мастер-господин, – приближаясь вплотную, пренебрежительно спросил боро-

дач.

Повисла пауза. Двое испытующе смотрели друг другу в глаза.

– А то не все вернутся живы и здоровы, – ответил Ярослав.

Командир выдвинул челюсть, вздернув соломинку, едва не задев пушистым кончиком лицо Ярослава, опустил руку к увесистому кинжалу на поясе. Стрелки, что оказались у копейщика за спиной, напряглись и даже медленно взвели самострелы; рогатчик, не меняясь в лице, перехватил рожон.

Рэй не мог поверить: только что все были заодно. Теперь же, из-за упрямства этого дурака с копьем, и ему может достаться! Герой мысленно приготовился к драке, хотя еще и не определился, на чью сторону выпадет его участие. Мастер копья казался умелым воином, но сию секунду получить в грудь арбалетный пыр¹³ хотелось еще меньше. После охоты на фазанов сомнений в меткости охотников не осталось. А вот Ярослав даже не напрягся.

– Зря строитесь, колдыри. Вы мне неровня.

– Ты-ка вот что, копыеносец-броненосец, – всё-таки смягчившись, принял командир, – негоже в гостях у лешего побои устраивать. Ты, конечно, по копыю мастер, но со всеми-то нами тебе никак не сладить.

– Рискнешь проверить?

– Да умерь пыл. Ты, может, в городе храбришься да перед

¹³ Пыр (*старорусск.*) – стрела для самострела, короче и тяжелее в сравнении с лучной стрелой.

бабами рисуешься, а тут-то лес – наши владения, по-нашему и вести себя придется.

– Так я просто прогоню вас обратно в свои клоповники, а со зверем разберусь один.

– Сам-то не забылся? Заказ такой же твой, как и мой, – командир, теряя терпение, сплюнул тростинку под ноги. – Ладно тебе, не скалься, не кичись. Не обойтись тебе без нас, иначе б давно по зверя сходил. Да и мне не больно улыбается в одного идти. Переживет барская твоя спинка ночевку в лесу. Мы тебе и кроватку взяли, мя-я-гонькую. Большую! – усмехнулся. – Хоть с оруженосцем, хоть с порубным другом своим ложись.

Глупые смешки стрелков за спиной оборвались глухим ударом – Ярослав согнулся, лбом пробив бородача в крупный, загнутый к земле нос и в ту же секунду взмахнул копьем, удерживая его за подток! Командир отшатнулся от удара, и лезвие копья, догоняя, вжухнуло по бурым волосам над самым лбом, срезав клочок!

Щелкнул самострел! Но Ярослав, продолжая неммыслимо быстрое движение копья, в тот же миг отразил летящий на незримой скорости пыр! Только две окалины брызнули от столкновения; острие копья пропело и, не останавливаясь, описало в воздухе кольцо, срубив плечо второму, еще заряженному самострелу. Тетива сорвалась, и пыр, пролетев недалеко, зарылся в траву. Неожиданная отдача разрядившегося орудия дезориентировала стрелка. Перехват, взмах –

и подток копья врезался растерянному стрелку точно в подбородок, а копейщик в один шаг сократил дистанцию. Упершись носком в землю, он забросил другую ногу назад себя и с разворота зарядил сапогом второму стрелку! Этот отлетел и больше не встал.

Ровно в то же мгновение: шаг, удар под колено, захват шеи! Двузубый рожон выпал из рук, а острое кинжала легло на сонную артерию рогатчика. Как этот щуплый оруженосец с водянистыми глазами очутился у того за спиной, ускользнуло даже от взгляда Рэя.

Оба пса грозно, хоть и запоздало, залаяли на светловолового воина. Тот не обращал внимания.

Перед началом сражения Рэй вдохнул, а выдохнуть, кажется, так и позабыл. «Поразительно!» – с подлинным восхищением подумал он. Да Рэй ведь на полном серьезе собирался мотыгой сражаться с Ярославом за свою тетрадь. Дуралей! У него не было шансов даже против одного Тихомира.

Их с Ярославом взгляды вдруг встретились: в голубых глазах копейщика почему-то мелькнуло разочарование.

Битва против четырех профессиональных охотников не заняла и четырех секунд.

– Господа, – официальным тоном объявил Ярослав, а его ровное дыхание демонстрировало хороший запас сил. – Я предлагаю устроить привал, а утром начать настоящую охоту. Надеюсь, вы приготовите вкусный ужин, а также поделитесь теплым спальником с каждым из нас.

Хочешь мира – готовься к войне, признавал Рэй, глядя насколько слаженно поколоченные охотники устраивают бивак. Удивительно, что хаотичный по своей природе конфликт способен приводить к порядку.

Отряд пересек реку в узком, но бурном месте – пришлось свалить длиннющую сосну, соорудив мост, который кое-как дотянулся до другого берега. Лесище по эту сторону Медвежьего притока стояло удивительно плотно: лиственные деревья бок о бок с хвойными, кустарники разных высот, высокие травы – растения конкурировали за каждый сантиметр земли и солнца.

Группа устроила ночлег на крохотной поляне, окруженной елями. Охотники разобрали рюкзаки, нарубили дров и устроили для всех вполне даже уютные спальные места. Фазанов разделали и пожарили на костре целыми кусками вместе с прихваченной репой. Нашлась даже соль – роскошная по местным меркам приправа.

Действительно, пока отряд собирал бивак и ужинал, ясное небо тайком опрокинулось на запад, а видимость упала до нескольких шагов. Да еще набежали тучи. Спустя час, кроме яркого костра, уже ничто не нарушало монополию обступившей темноты. Всё-таки командир охотников верно определил время подготовки к отбою.

«Ух, у-у. Ух, у-у», – недовольно ухала крупная птица неподалеку. Рэй сидел на овечьей шкуре, наслаждаясь теп-

лом. С многомесячного голода вкус фазаньего мяса показался божественным. По одну сторону костра собрались герои, по другую – охотники. Собаки обе ластились к Рэю, рыжая Мимоза так и вовсе уложила голову ему на колено.

Охотники взыскательно обсуждали повадки различных зверей, на которых могла походить цель, а Рэй слушал, пытается уловить любые крупницы знаний. И всё же ночной костер и непринужденная атмосфера постепенно расслабили загонщиков, так что серьезные темы начали соскальзывать.

– Ну и, значит, она такая вся: грудь взывается, щеки налились, а сама: да ты дурной, мол, тятка ж дома, ну как застучает! А у самой аж соски вот так торчат под рубахой, – рассказывал загонщик, упирая в грудь две веточки. Мужики слушали и маслено посмеивались.

Ярослав отпустил пренебрежительный вздох:

– Вот почему не люблю нанимать голытьбу для работы.

Он покопался в рюкзаке своего оруженосца и вынул оттуда толстую тетрадь цвета горячо раскаленного железа. Его дневник оказался вдвое толще, чем тот, с которым носился Рэй. Из маленькой шкатулки копейщик выбрал подходящий костяной держатель и угольный камень, соединил и принялся вести запись.

Грифель долго и вдумчиво царапал по листкам. Исписав две страницы, копейщик сложил вещи в рюкзак, улегся на спину и закинул ногу на ногу, провалившись глазами в тёмную прогалину ночного неба меж хвойными кронами.

– Что записывал? – нарушил молчание Рэй.

Воин, спустя несколько секунд, будто бы решая стоит ли отвечать, сухо произнес:

– Ого, вижу, ты еще не удрал. Так тебе и расскажи, что в моем дневнике.

– Всё еще мне не веришь?

– А есть основания для обратного? Не удался план, да?

– У меня не было плана.

– Ага. Думал ведь к охотникам присоединиться во время той потасовки? Признайся.

Рэй усмехнулся. Всё произошло так быстро, что выстроить коварный план не было времени. Ярослав, неудовлетворенный ответом, перевалился на бок и спросил:

– А если бы было время? Если бы они начали побеждать? Подстрелили меня, перехватили Тихомира, – он мотнул головой в сторону молчуна, что сам по себе занимался костром, – ударил бы в спину?

Рэй опустил голову:

– Не ударил бы. Но не в силу глубокой к тебе симпатии. Скорее, выждать, чем разрешится драка, было путем наименьшего сопротивления. Самый безопасный, а по сути, пассивный поступок. Иногда мне кажется, что я могу что-то изменить, но жизнь снова и снова ставит меня на место, да еще весьма болезненно.

– Хох! – удивился воин, звякнув чешуйками доспеха. – Какая тонкая душа нынче у зэка. По крайней мере, хватает

смелости такое признать, – качая ногой, он снова перевел взгляд на краешек черного, беззвездного неба. – Но, будучи таким податливым, героем тебе не стать.

– Да я ведь особо в герои-то и не стремлюсь. Не задалось у меня...

– А это зря! – заявил Ярослав, но не успел Рэй удивиться, как тот продолжил: – Знаешь, мы никто в этом мире. Судьба, боги или кто-то другой уготовил нам тернистый путь героя, скорее всего, со смертельным окончанием. Но вот скажи, не лучше ль гордо следовать за своими принципами, глядя угрозе в лицо и биться остервенело даже в проигрышной битве, чем дрожать от страха перед неминуемым концом, который настигнет, набросившись со спины? Пусть и чуть позже.

Рэй не ответил. От чего-то слова задиры устыдили. Именно то, что сейчас описал Ярослав, забило в груди, когда Рэй попытался засадить таинственного зверя в хлеву. Чувство жизни! О лагерное существование оно, впрочем, быстро притупилось. Рэй посмотрел на покрытые твердыми мозолями ладони, освещенные жарким костром. Отвага не входила в три добродетели героев, но то, о чём сказал Ярослав, казалось достойным подходом к жизни.

Мужики взорвались смехом над очередной сальной шуткой. Белошерстная Роза и песочная Мимоза, наевшись птичьих костей, дремали, сложив головы неподалеку от костра.

– Кстати, говоришь, знаешь Настю Журавлика?

– Журавлика? – усмехнулся Рэй.

– Не говорила, да? Она стесняется, когда ее так зовут, – с теплой улыбкой сказал Ярослав. – Мы путешествовали в северо-западные города этой зимой: Стрельник и Великий Восток. Очень умелый она воин, конечно. Боевой журавлик. Да вот рассуждала точно, как ты сейчас, не желала геройства. Даже от таланта бы отказалась, да не придумала как. Всё хотела найти спокойное место, чтобы осесть надолго – так она в Умире и очутилась. Мечтала либо домой вернуться, либо всё это геройство просто бросить. Мы из-за этого и разминулись. Она тогда ушла на юг с двумя ребятами.

– Аслан и Андрей?

– Ага! Они, видишь ли, поставили себе цель, – саркастично изрек Ярослав, вскинув руки, – найти путь домой! Бред. Хм. Так ты, выходит, с Асланом и Андреем знаком?

Рэй качнул головой, невольно припомнив, что с теми стало.

– С ними я за Журавлика не переживаю, отличные ребята, – кивнул Ярослав. – Андрейка у нас волшебник или типа того! Геройский талант колдовства получил, представляешь? Ха, только вот колдовство еще не освоил. Вроде бы какой-то туман умел призывать. И то – в безветренную погоду! – рассмеялся воин, звякая доспехом. – А вообще, мы с ними...

– Послушай! – перебил Рэй. – Что за тема с этими тетрадами? Зачем мою забирал, что в них такого важного?

Ярослав перестал качать ногой. Поднялся. Деловито уселся, подогнув ноги, и опять принялся рассматривать якобы героя перед собой.

– Вот такие вопросы и заставляют сомневаться в тебе. Что за герой не знает о дневнике?

Рэй в очередной раз пояснил, что его призыв прошел совсем не гладко, а кот из Башни мало что объяснил. Ярослав только прищипнул и, с характерным высокомерием, принялся объяснять.

– Тетрадка. Она называется... ну, вообще-то, в Башне ее никак не назвали, но мы, настоящие герои, конечно, зовем ее дневником! А как иначе? Нужен он, понятное дело, чтобы записывать свои подвиги. Или же, – задумался Ярослав, – если подвигов пока нет, то просто всё, что с тобой происходит. Сколько угодно пиши – не закончится, вот за это Башне спасибо. Можешь сведения полезные заносить, карты местности, приметы зверей и чудовищ, информацию об известных людях Княжества. Можешь даже рассуждения, мысли излагать.

– Тоненькая, много мыслей не запишешь.

– На твою башку хватит! Не-ет, если ты и правда герой, – усмехнулся Ярослав, – то надо тебя в Башню возвращать, как производственный брак! Не понял, что тетрадь бесконечная?

Рэй поднял свою, запросто пролистал от начала до конца, ни в какую бесконечность не провалился и вернул на Яро-

слава вопросительный взгляд. Воин театрално ударил себя по лбу, затем выхватил тетрадь и начал медленно и демонстративно перелистывать:

– Вол-шеб-на-я! Твоя понимать? Пока пишешь, страницы не заканчиваются. На, – метнул предмет обратно, – можешь хоть сто томов сюда занести. Причем всегда открывается на той странице, какая тебе нужна. Ты б заметил, если б хоть что-нибудь записал, кроме этого бездарного рисунка.

Рэй принял дневник, и правда дивясь собственной непрозорливости.

– Твой с каракулями, конечно, никакой ценности не представляет. А вот, – Ярослав с любовью глянул на свой, – ты слышал о вещах Великих Героев?

– Настя упоминала. Волшебные предметы, обладающие паранормальными свойствами. Сказала, что они стоят очень дорого.

– Дорого, ха! – высокомерно цыкнул Ярослав. – Дорого – это хорошим оружием с челядью драться, – он качнул головой на свое копьё, а потом на охотников. – Вовсе не в деньгах цена геройских вещей. Как ты уже понял, Великие Герои давно свалили из этого мира, да дьявол бы знал куда! Но многие их вещи остались и даже нашли отражение в сказках и былинах. Как же эти сказочные вещи отыскать спустя столько веков?

– Дневники... – внезапно осознал Рэй, – у Великих Героев они тоже были, да?

– Вижу дотумкал. Дневники Великих Героев – не только единственная зацепка, ведущая к легендарным вещам, но еще и ключ к истории, к тому, что произошло века назад! С кем или чем первые герои бились за этот мир? Чем закончилось сражение? Почему всё повторяется?!

По коже пробежали мурашки, когда Ярослав, тоже вдохновившись, пылко задал последний вопрос.

– Ух, зябко становится, – потирая предплечья, сказал один из стрелков, – а ну-ть, еще полешко до огня закинь.

– Да и не холодно вовсе. Иль ты костер поярше сделать хочешь, а? – с издевкой ответил второй стрелок, укладывая два толстых полена поверх огнища.

– Не бойсь, мы от кудлатой гадины далёко. Ему легче до лагеря сходить на обед. Что ваше кудлатое величество изволит откусывать, курочки аль свинки? – подтрунивал рогатчик, подсовывая стрелку то один, то другой кусок фазана.

– Брехачи! – возмутился в ответ стрелок. – Без кудлатого тут хватает. Сами знаете, что это за лес.

– А что это за лес? – включился Рэй в разговор следопытов.

Те заговорщически переглянулись.

– Айх, – отмахнулся командир, который до сих пор сидел в стороне от вечерней болтовни. – Волки-кривотолки. Еще давно молва была, значт. Что именно в этот лес люди почём-то уходят. Не пойми на кой! Никому слова не говорят, уходят и всё. И не возвращаются, конечно. Оно как зовет их

кто-то, манит. А потом, ну, тут их повешенными находили. Раз несколько.

Рэй слегка побледнел. Он бы ни за что не испугался глупой деревенской байки, да только вспомнился Яшка! Которого как раз и заманили в лес. Этого, впрочем, никто не вешал.

Вдалеке опять ухнула птица, новым, еще более злобным голосом. Рэй обернулся, взглядевшись в слепой лес – тот будто бы смотрел в ответ. Небо – матовое и черное, словно тушь, высилось над биваком, и будто бы ничего не осталось в мире, кроме этой махонькой полянки, освещенной последним во Вселенной костром.

– Чушь какая. Кто ж их вешает-то?

– Да леший знает. Давно ж то было! Много лет уже никто не терялся тут.

«Ага, не считая Яшки».

– Дак, – неуверенно вступился рогатчик. – Тут, бишь, деревень-то не осталось. Была одна, еще при бабке моей, да как-то разъехались все. Авось, с того и не теряются, что некому уже?

Стрекот костра наполнял плотную тишину, в которой каждый обдумал нехитрое умозаключение. Рэй так и смолчал о Яшке. Он хотел было спросить про шептуху, о которой судачили заключенные, но командир следопытов отмахнулся:

– Нормально всё, лес как лес! – крикнул он, уперев руку

в колено. – Раскудахтались, несущики.

– А горемыки же? Горемыки же равно дело бродят, – не унимался один из стрелков, – еще с тех времен, стало быть.

Группа помолчала, глядя в оранжевые языки пламени, что дрожали в тихой, безветренной ночи. Головня треснула, и уголек стрельнул из костра.

– Ну, – приосанился капитан, поймав любопытный взгляд Рэя, – горемыка – эт повешенный и есть.

Вдалеке прокатился протяжный вой, на который собаки синхронно подняли головы, наострив уши.

– Ага! Токмо оживший, вообще-то! – с усмешкой уточнил рогатчик, который дорабатывал самострел другого стрелка, поврежденный Ярославом. – Оживший повешенный – каков видок, а?

– Ну говорю, молва, значт, есть, – продолжил старший, – ежели повешенный на солнечном месте висит, то ничего ему не будет: иссохнет, истлеет, да и боги с ним. А ежели где-то в тени повесили, с северной стороны дерева, во влажном лесу, да дождей прошло, в общем, не иссыхает тело, но и не гниет. А лешим-то такие мертвяки противны, что земли не касаются. Да и без земли ведь, ясное дело, не будет костям покоя, так? Вот и висит он, горемыка. Душа, мол, так и болтается в теле, неупокоенная, неотпетая. Может одну луну так висеть, а может и все двенадцать. А веревка гниет, надсаживается весом, и в итоге отрывается он, аки яблоко подгнившее. А дух-то его так и мается в незакопанных костях, обе-

зумевший. Ну и ходить начинает такое безобразие по лесу, покуда леший его не прибьет. Горемыка от лешего по кустам прячется да вроде как ищет чего-то, а сам не помнит чего, вещь какую потерянную, иль человека родного, иль просто дорогу из лесу. По ночам, говорят, коль в лесу оказался да услышал, как хрипит кто-то над ухом, надо лавровый лист быстро-быстро разжевать и давай бог ноги!

Рогатчик грустно выдохнул:

– Эх, а я-то последнюю лаврушку в репу закинул.

– Да, о ногах, – будто было мало, подхватил другой охотник, – говорят, будто бы, пока горемыка этот еще висит, звери ему ноги обгладывают, кому только по колени, кому выше – сколь достанут. И получается, что ноги у него длиной как руки делаются. И бродит такой горемыка уже совсем как зверь дикий, на четырех культах.

В черноте леса, совсем рядом с биваком, раздался отчетливый короткий треск, словно кто-то переломил плечом сухую ветвь.

Каждый обернулся на звук, сначала вроде бы машинально, однако, когда герои краем глаза заметили окаменевшие лица охотников, тоже напряглись: ох, недоброе что-то таилось в этом звуке и этой черноте. Потом и в траве, совсем рядом с биваком что-то зашуршало! Собаки, только успокоившись от волчьего воя, снова подняли головы в направлении шума. Роза даже поднялась, вздернув острые уши и хвост по направлению.

Тишина. Только костер потрескивал, недовольно шипя влажными дровами.

– На свет идет... – оторопело прошептал капитан и истово закрестился. – Господи, спаси.

Герои вскочили, изготовив оружие! Ярослав – обеими руками копьё, заняв оборонительную нижнюю стойку; у Тихомира вмиг оказалось по кинжалу в руке.

Полминуты тишины. Герои ни разу не моргнули.

– Идет.

Все пристально глядели в недвижимую стену черноты, арбалетчики навели стрелы.

– Щас, – прошипел капитан, тоже взводя самострел до щелчка, – еще чуть подпустим. Гтовьсь!

В лесу снова послышался шорох, точно кто-то неловко перевалился через опрокинутое дерево. «Шурк, топ, шурк, топ», – слышалось в темноте.

– Рэй, за спину! – скомандовал Ярослав, а Рэй, везунчик, оказавшийся к шуму ближе всех, попятился.

– Тихо все! – повторил капитан. – Отгоню его, отгоню. Слушайте внимательно!

Герои стояли напряженно, дышали беззвучно. Бородач привстал, прицелился в направлении шума, чуть склонился.

– Слушайте, слушайте, – весь напрягся, что аж побагровел, лицо его вдруг странным образом расслабилось – и командир тромбоном испустил раскатистую очередь газов!

Охотники враз взорвались хохотом, костер всколыхнулся!

А в кустах от этого страшного грохота, аж сорвавшись с ветки, метнулся прочь тучный зверек, походящий на енота.

– Не бойтесь, герои! – держась за животы, гоготали загонщики. – Дед Голубых гор нечисть распугал!

– Идиоты! – Ярослав со злости запнул палку в огонь, от чего тот всполошился стаей светлячков. – Охальники! Угрозило же связаться!

Рэй тоже рассмеялся, и над собственной трусостью, и признавая, что охотникам таки удалось отомстить за принятые побои. Герои переглянулись и одновременно отправились на боковую.

– Ярослав, – шепотом обратился Рэй, лежа на спальнике. – Я всё еще против такой охоты.

– И что? Если так боишься, можешь валить обратно в ваше «поместье», мне всё равно, – не оборачиваясь, ответил копейщик.

– Дело не в том! Слушай, я видел зверя.

Ярослав раздраженно перевернулся на спальнике лицом к герою.

– Видел? Я уже понял, и что мне с этого? Едва ли ты представишь описание лучше, чем мазня в твоём дневнике.

– Послушай, у него двойной...

– Заладил ты с этим хвостом! А хер у него не двойной?

– Это какой-то дух, понимаешь?! Не животное.

– То-то он себя ведет точно, как зверина: ворует еду там,

где это легче всего, – отмахнулся воин. – Бред.

Рэй попытался привести аргументы, хотя и сам понимал, что надлежащих доказательств у него нет.

Тихомир остался у костра. Пусть охотники уверяли, что необходимости в этом нет, Ярослав наотрез отказался ложиться спать всем отрядом без дозорного.

Ночь в лесу выдалась призрачно долгой. Рэй ворочался в неглубоком сне, снова и снова тревожимый обрывистыми, полными чертовщины сновидениями.

В какой-то момент не к месту бодрые глаза распахнулись. Он полежал минутку, но понял, что сна больше нет. Тьма еще и не думала покидать леса, которое грудилось так плотно по эту сторону от реки. Привыкшие к темноте глаза различали лишь очертания ближайших игольчатых стволов, обступивших стоянку. Смоляное небо висело пустое и беззвездное. Кажется, даже перед отбоем чернота вокруг была не настолько плотной.

Герой поднялся, оглядев бивак. Без присмотра костер истлел до пепла, и часового почему-то не оказалось поблизости. Другие посапывали в своих спальниках. Рэй решил, что может подежурить. Он помешал издыхающие уголья, забросив последнюю горсть хвороста, сготовленного охотниками, и потянулся.

«Куда, интересно, Тихомир умотал? С виду такой ответственный». Пламя невероятно медленно занялось под сухим

хворостом. Сколько же сейчас времени? Кажется, вот-вот должно светать, но небо совсем непроглядное.

Ни щебетания в ветвях, ни шелеста листвы, и даже ночные сверчки, словно сговорившись, блюли эту строгую тишину. Спросонья герой бездумно глядел, как ленивые огоньки щекачут древесину. И тут из лесной темноты прилетел скрип.

Герой обернулся на звук. Что за странности? Может, Тихомир капкан ставит? Но ведь ни о чём таком не уговаривались – самим бы ноги не поломать.

Заклученный прошел до кромки освещенного пространства. «Скри-и-и», – прилетело из непроглядной чащобы, и локти вспучились гусиной кожей. Пусть ему совсем не хотелось уходить от стоянки в ночной лес, какая-то неосознанная сила влекла, притупляя волю, и вынуждала шагнуть в темноту.

Минута прошла так, что он и не заметил, а ноги уверенно ступали по лесному ковру. Могучие деревья тянулись слева и справа молчаливыми стражами. Впереди они будто расступались, но сразу же смыкались за спиной. Кроны вдруг зашипели налетевшим не пойми откуда, жгуче холодным ветром.

Он ступал вперед, даже не ощущая собственных шагов, мягкий лесной грунт упорно стелился под ногами. Деревья грудились позади, костер бивака давно потерялся из виду.

– Не ходи! – вдруг раздался голос прямо над ухом, и будто бы кто-то даже схватил на секунду за локоть!

Рэй подскочил, озирнулся!

Нет, не схватил... не мог этот схватить. Рэй смятенно глядел назад. А там стоял Яшка! Стоял в семи шагах, вот, подойти и задень. Ветви качнулись, и всё – исчез призрак.

Вот же нечистая понесла в этот клятый лес! Рэй усилием воли сбросил оторопь, огляделся, да оказалось, что он уже и понятия не имеет с какой стороны пришел. А ноги, будь они неладны, взяли и зашагали еще дальше в чащу.

Герой очутился на просторной опушке, нет, пожалуй, даже в небольшом поле, обнесенном со всех сторон ельником. Вот только лес, из которого вышел Рэй, был обычным, человеческим, а тот, что стоял позади избушки – великанский, точно крепостные стены там. За полгода работ на лесоповале не доводилось ему видеть елей таких монументальных размеров! И тут, вдали, у леса, того, который гигантский, нарисовался тёмно-серый силуэт приземистой избушки.

Как же она оказалась здесь, за сотни верст ото всех деревень? Поле сплошь поросло длинными палками репейника и крапивы: молодые перемежались с сухими прошлогодними, и даже тропинка не вела к этой скрипучей дверке. Холодный, подлинно зимний ветер тянулся по этому ухабистому полю, колыша жирные лопухи. Хлипкая дверь издала жалобный стон. Чернота, словно живая, выглядывала из узкого дверного проема. И наконец герой понял, отчего образ этого домика вызывает такую тревогу: в потрескавшихся бревенчатых стенах не было вырублено ни одного окна.

Дверь так и болталась на зябком ветру. На первый стук никто не ответил, после второго Рэй шагнул в темноту. Стоило переступить порог, как ветер снаружи замер, скрип прекратился.

Пол в сенях отсутствовал – только спрессованная годами земля. Направо открывались сени, много лет брошенные без уборки, налево – тяжелая дверь из массива, ведущая в основной сруб домовладения. Рэй потянул толстую деревянную ручку, и дубовое полотно подалось легко и беззвучно.

Внутри киселем висел затхлый воздух. Рэй позвал хозяев, еще раз постучал о косяк из дубового бруса. Неудобно низкий потолок касался головы.

«Иди, иди», – сказал кто-то снизу, будто из подпола, но настолько тихо и приглушенно, что не понять, вправду были слова или причудилось. Пробираясь сквозь мрак, он миновал традиционную большую печь, что исполняла роль внутренних стен.

Тишина клубилась внутри махонькой избы. Он сделал шаг, и сердце рухнуло в пятки, когда на другом конце комнаты брызнули искры и лучина вспыхнула сама собой! Под зыбким светом обрел очертания силуэт.

Грудь обожгло мистическим ужасом, затылок сжался под скопом мурашек. Рэй попятился, коснулся спиной стены, чтобы удержать равновесие, а та вдруг поежилась, точно живая! «Не трожь, не трожь!» – человеческими голосами зарычали в ответ бревна в стене. Человеческое существо на стуле с

резной спинкой сидело неподвижно.

– Чую, чую его! – проскрипел силуэт пронзительно, что задрожали стены.

Так стало страшно, что ноги онемели. Но герой заставил себя выпрямиться поднять взгляд на едва освещенный желтым огоньком силуэт. Металлический голос прозвенел:

– Да-а, да. Правда же? Крепко спит!

Сидящий, чуть скрюченный образ по очертаниям принадлежал худенькой старушке, но расслабленность и недвижимость ее позы допускали, что хозяйка давным-давно отошла в мир иной аккуратно на том стуле. И всё же из-под тряпья прозвучало почти радушно:

– Тебе сказка, а мне бубликов вязка. Хи-хи, ха-ха.

Слова ее звенели резко, но сразу за ними накатывала эта липкая тишина. Тени, скачущие под светом дрожащей лучины, мельтешили по комнате: то быстро, то медленно, но, что самое неприятное, вовсе не в такт движениям огонька. Тени пришли сами, и свеча им не указ.

Сцепив пальцы в замок, чтоб унять дрожь, герой поздоровался в надежде на реакцию, затем представился по имени.

– Бабушка гадала, надвое сказала: то ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет, – весело прошуршали ветхие шали, укрывающие худое тело на стуле, но силуэт так и не двинулся. – Говори, да не ври, ох, говори, да не ври, – скрипела старуха. – Правда, что ли?! Уснул и спит. Вот те раз. А я-то думала!

На ослабших ногах герой сделал шаг. Ее лицо оставалось скрыто несколькими слоями истлевшего от годов рублища.

– Будет тебе сказка. А мне бубликов вязка. Спи, спи еще. Хи-хи, ха-ха.

Сердце металось, желая вырваться из груди и в одиночку сбежать из мерзкого дома. Герой протянул руку, чтобы тронуть силуэт за плечо и развеять наконец этот морок. И когда до прикосновения оставалась ладонь... ох, он предчувствовал, что это не кончится хорошим. Но нет, фигура не схватила его за руку ледяной ладонью, не набросилась гротескным чудовищем. Из-под шали всего-то затянулась песенка – ладная да спокойная, запросто можно было бы уснуть под такую. Если б только не понимать ее слов.

– Баю-баю люли, не проснешься уж ты,

По Калинову мосту, да в последнюю версту.

Пока к личику венок, колочу тебе гробок,

Из дубовых из досок – твой последний закуток.

После слов тишина. А герой в секундной потусторонней вспышке отчетливо увидел со стороны свое тело с побледневшей до снега кожей, которое, под сенью низких облаков, засыпают лопатами мерзлой земли.

И пусть лютая бесовщина одолевала рассудок, он нутром почувствовал, что нельзя поддаваться сводящему с ума ужасу.

– Не веря, не зная, – усмехнулась вдруг старуха, – погибли пламя. Мясо сгорит, а кости истлеют. Заплутаешь – не

вернешься.

По какой-то причине в этих бессмысленных речах вдруг промелькнуло далекое значение. А старуха замолкла.

– Знать, – промолвил Рэй, отступая на шаг, – мне нужны знания.

– Эх, три, четыре, пять – бабушка гадает, всё одно опять! Пять горошинок, пять росточков. Молодые, а все умерли, зачахли, завяли. Не такая тебе сказка нужна!

Рэй сосредоточился. Не найдя места, он присел на колени, выпрямился. Голос его вдруг обрел самостоятельность и начал рассказ независимо от воли хозяина. Рассказ о герое из другого мира. О тёмном хищнике с двумя хвостами, что приходит по ночам. О раненых людях. О том, что ему, герою, нужна помощь.

Рэй завершил. Сокровенное безмолвие тянулось несколько минут, тело старухи так и не шевельнулось под желтым светом лучины, которая вовсе не истлевала со временем. И карга заговорила:

– Ох, и мертвой водой окропить – плоть и кости срастаются, живой водой окропить – сам мертвец оживает. Кости разгрызет, мясо прожует, нет, нет.

– Что это значит?

– Сивка-бурка, вещая каурка. Вперед бежит – копытцем по облаку стучит. Лиса за лошадку! – усмехнулась она, и присовокупила лихо: – Скакун за добычу! Хороша ль тебе сказка?

Герой с силой втянул воздуха в легкие, что болели от нехватки кислорода, отчаянно стремясь понять значение безумных повестей старухи.

– Слепая! Слепая старуха. Хи-хи, ха-ха. Что она видит? Что понимает? Чего ей желать?

– Ты что-то хочешь взамен? Помоги, расскажи, как справиться со зверем!

– Не зверь. Не бес, не див, не бука! Дитя. Потерявшееся и обездоленное. Найденное и опять оставленное. Дитя Святобора. Как одиноко! Как страдает! Найти б ей дом. Найти бы ей дом...

Рэй от отчаяния сжал кулаки:

– Что это значит? Я не понимаю!

– Хвостом след устиляет, доли и горы меж ног пропускает. Из такой старой сказки. Из такой старой! А всё опять, всё по новой. Не уморишь, коль и пожелаешь, ни стрела, ни копье не нагонят. А она-то окропит дождливую землю. Уж ей-то! Кровь не вперво́й на вкус придется. Любимая дочка владыки лесов. Тяжелая ноша. Сколько путей, сколько дорог? Найти б ей дом. Куда ж ей податься? Ко свету ли, ко тьме ли? Куда сам пойдешь?

Рэй молчал, неспособный уловить струны разума в этих запутанных безумием речах. Эх, знал бы он, что эта-то старуха слов на ветер не бросает, и спустя время каждое обретет смысл!

– Она? – спросил Рэй. – Объясни попроще. Что такое дитя

Святобора?

– Не смертью! Не бедой беду отгонять. Укроти дух, – проговорила со значением старуха. – Приглуши землю. Изгони с земли.

Руки самовольно бросились за пояс, где с чего-то оказалась свернутая пополам тетрадка, хоть он и вовсе не помнил, что брал ее с собой в чашу. «Наконец-то пригодилась!» Рэй схватил с печи уголек и, напрягая глаза, начал записывать: укроти дух, приглуши землю, прогони зверя.

– Издолга ее путь лежал, но дороги ее не томят. Укроти дух. Но земля ей верна. Приглуши землю. Взъярится тогда, ослабнет, падет! Да не возноси булат. Изгони.

Горящая лучина вдруг зачахла, оставив на себе лишь худой голубоватый огонек, не дающий света, а по комнате змеями пополз пробирающийся до костей мороз, от которого дыхание пошло паром.

– Секите, розги, белы кости, – вещал силуэт старухи в темноте.

Пора, пора зайти ей в гости!

Мороз морозу не вредит,

Душонка лисья пусть дрожит!

На второй строчке герой от напряжения раздавил в пальцах хрупкий уголек, и черные осколки рассыпались по листку.

– Тропой лесной, по мертвецам.

Тропой чрез доли, да не в храм.

Молчи, земля, молчи, вода,

Пусть будет только море льда! – завершилось чтение второго наговора.

Из-за неудобства и спешки буквы выходили слишком крупными, Рэй махом перелистнул станицу, когда от слов следующего четверостишия уже вибрировали стены.

– Пойди по нивам да по льдам,

Ночной тени и утра мглам.

Дух уноси с собой за край,

За ўжа след, за псовий лай.

Карга вдруг затихла, и холод, что валил точно из открытого зимой окна, угас. Рэй дописал последнюю строчку, и уголек снова рассыпался в руках. Он поднял взгляд на черный силуэт старухи.

– Вот тебе сказка, а мне бубликов вязка. Хи-хи, ха-ха, – весело проговорила она, а лучина взялась желтым, как прежде. – Ох, белый свет не околица, а пустая речь не половица, – назидательно изрекла она, когда герой поднялся с колен. – Одно незабвенно: быть по-сказанному как по-писанному!

Старуха, всё также слепо глядела в пустоту перед собой, а Рэй так и не был уверен, жива ли та, и с кем он только что общался.

– Поглядим, поглядим, – с усмешкой завершила она и принялась за очередной складный напев: – Неотпетая душа вышла да гулять пошла.

В заколдованном лесу кто ее найдет одну?

Не пройти уж через мост, век плурует меж берез.

Оставайся у меня, под лучиной, у огня...

С этими словами горящая призрачным огнем лучинка вдруг опала, оставив перед глазами ледяной мрак. Что-то холодное коснулось лодыжки, затем запястья, а потом и по шее медленно пополз тяжелый холодок. Тонкое шипение послышалось над ухом.

Очнувшись, Рэй вдохнул воздух так жадно, словно не дышал пару минут! Вокруг стоял лес – глухой и мутный из-за тумана. Озноб так и бил через тело. Рэй уложил ледяные ладони на лицо, провел вверх по волосам и закинул голову к сереющему утреннему небу.

Он хотел бы поверить, что всё ему приснилось. Сейчас они с охотниками и мастером-копейщиком уберут бивак и продолжат охоту. Да как бы не так. Не было уже поблизости ни охотников, ни Ярослава с Тихомиром, да и очнулся Рэй вовсе не в биваке.

Он бросил взгляд на зеленый дневник, что опять оказался под рукой, точно преследуя. Уж десяток раз должен был потеряться, проклятый, а он тут как тут. Раскрыв, Рэй взгляделся в смазанный угольный рисунок ночного зверя, потом ненароком перелистнул страницу, и сердце снова тревожно застучало. Лист сверху донизу оказался исписан дергаными письменами, присыпанными маркой угольной крошкой. Он

разобрал собственный почерк и стихи, что напела карга во сне.

Нужно было идти. Вчера вечером отряд пересек реку, именно на восточном берегу этого рукава Медвежьих притоков охотники планировали продолжить поиски.

«Прочешь три стиха, чтобы извести зверя? Вот он какой, геройский путь. Но если чудище нападет, я и пары слогов пропеть не успею», – с досадой выдохнул он. Что-то подсказывало, что волшебные стихи нужно не просто оттарабанить набегу, спасаясь от кудлатого, а сделать это с чувством и истовым вдохновением.

Туман стал почти прозрачным, но полностью не исчез, солнце так и не изволило выглянуть. Блуждания по чаще продолжались до полудня, когда мрачнеющее с каждым часом небо всё же отпустило на землю первые капли – вчера охотники предупреждали о дожде. Ветер сердито заметался в кронах, заставляя стволы поскрипывать. После обеда на лес и вовсе обрушился ливень.

В войлочных туфлях хлопала вода, однако Рэй не оставил попыток выйти на кого-нибудь из отряда: двигался расширяющейся спиралью. Те, скорее всего, разделились на группы, чтобы увеличить охват. На душе скребло и от того, что Ярослав наверняка решил, что выбравшийся на свободу узник попросту удрал при первой же возможности.

Часы меж тем тянулись. Лес промок насквозь. Трава то

и дело скользила под уставшими ногами. Как вдруг впереди раздалось слабое, протяжное «кря». Рэй был уверен, что этот утиный звук издает специальный манок, из тех, что были у охотников. Тут ко крякающему гудку добавился дерганный лай собак. Рэй устремился на звук!

Он прорывался сквозь мрачный лес, старательно отмахивая руками. Во что бы то ни стало требовалось не только воссоединиться с отрядом, но и успеть предупредить их о непростой природе намеченной цели, ведь недаром местная шептуха снарядила его аж тремя колдовскими распевами. Долгое «кря» прозвучало совсем близко! «Ни стрела, ни копье не нагонят». Герой бросился через шиповник и, не заметив свежих царапин, вырвался на лужок.

На земле лежал человек в костюме защитного цвета – один из загонщиков. Этот с силой прижимал руку к груди, по которой будто разлили полведра бордовой краски. Издающий шадящие писки манок был крепко зажат в зубах.

– ...Да, живой, живой, – ответил охотник, жмурясь от боли. – Только рука вот. Ох, здоровая же гадина! Больше медведя, но прыткий не по весу, айх, дрянь! – прохрипел он, когда Рэй отогнул его руку: зияющие полосы сверкнули в разодранной на бицепсе одежде, кровь стекала ровным каскадом.

– Давай бинты – помогу.

Суровый загонщик отмахнулся:

– Сам перевязжусь! Беги лучше к остальным. Там, – размыто указал он, – мужики с собаками за ним по следу идут,

старик говорит, уж подстрелил его, вот-вот нагонят!

Рэй сорвался с места, но раненый успел окликнуть:

– Эй, самострел бери! Да сумку тоже. Я не унесу. Давай-давай!

Рэй поднял снаряжение: разряженный арбалет и заплечный вещмешок. Уложил снаряд на ложе и продолжил погону. Поначалу он слышал чьи-то твердые шаги впереди и, кажется, бряцанье чешуек брони Ярослава, но недолго. Собачий лай доносился то с одной стороны, то с другой. Где-то далеко прокатился мужицкий крик, но скачущее по лесу эхо не позволило определить направление – Рэй поднажал, однако спустя время так никого и не встретил.

Остановился. «Тук, тук, тук, тук», – энергично отбивало сердце. Он закрыл глаза, весь обратился в слух, ощутив шуршание каждой капельки. Дождливый лес был покоен. Оставалось лишь гадать, куда умчалась охота. Хорошо побегали.

Минуло несколько часов.

Дождь по временам слабел, но издыхающая морось не прервалась ни на секунду. Хвоя, сырость и трава – ароматы леса вились вокруг. И за всё время герой больше не слышал ни собак, ни охотничьего свистка. Со всех сторон виделся и север, и юг. Внезапно вовсе не зверь, скрывшийся в пучине лесов, оказался проблемой, тревожный факт был налицо: искатель заблудился.

Чаща начала полниться сумерками. Сначала потерялись

далекие деревья, потом те, что стояли поблизости; всё смешивалось в серо-голубую массу, небо переменялось с бусого на дымно-серый.

Голод и холод одолели охотничий инстинкт. Рэй давно разрядил оружие. Обессиленный, мокрый насквозь, он брел вперед, уже не особо приглядываясь к окружению. Охотничий самострел тяжелел с каждым часом, однако бросать чужую вещь, да и единственное оружие, было нельзя. В диком лесу не попалось ни одного места, где можно было бы укрыться от непогоды. Припомнились шишкуны, неши и буки – пока невиданные существа, но встречаться с ними вовсе не хотелось.

«Кап. Кап. Кап», – непрерывно били по голове крупные, холодные капли. Вода стекала по волосам на лицо, катилась по щекам, выискивая путь сквозь щетину. Войлочные туфли сочно чавкали, держа на ступнях неприятный холод. Сам не заметив, он начал спускаться по склону. В сумраке носок ударился о что-то, и заключенный, едва удержавшись на измотанных ногах, съехал по траве с крутого холма.

И тут, позади, сокрытый высоким вереском, возник черный треугольник. Под холмом лежала пещера. Хоть та и могла быть обитаема, Рэй оценил свои шансы, понимая, что не вправе уйти в надвигающуюся ночь, отказавшись от первого за много часов укрытия. Была не была! Он взвел самострел, раздвинул черно-фиолетовые стебли и, пригнувшись, бесстрашно шагнул внутрь.

Даже обвыкшиеся с сумерками глаза остались слепы в низком тоннеле. Проверив содержимое охотничьей сумки, он вынул обрезки бересты и пузырек масла. Но вот единственной тканью, пригодной для сооружения пакли, оказалась одежда. Герой рассудил, что арестантская рубаша, которая длиной до середины бедра, поможет лучше сохранить тепло, чем штаны. Да и рубашу жалко было: толстая, почти новая – подгон от милой избы, а штаны так и так рваньё. И последние, без сожалений, были отправлены на обмотку подхваченной коряги.

Факел дрожал, норовя погаснуть от сырости. Тоннель, уходящий под холм, вскоре разрешался гротом с низким потолком. В нос ударило тухлым. С земли пялилась рогатая, измазанная кровью голова оленя с пустыми глазницами. Нашлись кости и других зверей, кучка перепачканных перьев. На полу пушинки меха. Вывод напрашивался сам собой: «Я прямо в норе нашего лесного зверя». Впрочем, нора вовсе не походила на обиталище волшебного духа. Неужто, прав был Ярослав? Но лучшего места, чтобы воплотить идею, навеянную дурными сновидениями, не могло представиться.

Отринув скептицизм, он вбил факел в землю и устроился на коленях. Раскрыл перед собой дневник, сам удивляясь, что на полном серьезе собирается читать стихи, нашептанные призраками в кошмарном сне. Однако таковы были правила этого непростого мира. Герой взгляделся в дерганые, будто живые письма на страницах. Расслабился, сосредото-

точился и изрек как было начертано:

– Секите, розги, белы кости... – первая строка сошла с губ невыразительно, словно неловко заброшенная в море веревка. Но через секунду эту веревку будто схватил кто-то могучий и властный. Вторая строка прозвучала куда более уверенно, а третью уже вытянули из героя чуть ли не силой.

Факел погас, уступив шальному ветру, что заметался по каверне, ураганом закручивая горький чад. Рэй, не заметив утраты света, продолжил читать с закрытыми глазами.

Взвился мороз. Первая часть ритуала, что заключалась в укрощении зверя, была завершена, и тут же, снаружи, далеко-далеко, пролетел по засыпающей чаще страшный, мучительный вой!

– Тропой лесной по мертвецам... – настойчиво продолжал Рэй.

Мороз прихватил еще крепче, герой ощутил, как кожа покрывается хрустящим инеем, однако не смел шевельнуться. А колдовство крепчало, пускало в землю корни, росло. Второй наговор – приглушение земли, от которой питается дух был исполнен. И сама земля загудела, точно колокол, потревоженный ударом.

«Читай, читай», – шелестел кто-то над самым ухом. Но еще во время чтения второго четверостишия снаружи раздались мужицкие крики и нарастающий лай собак – охота приближалась! Неужели хищник намерен скрыться от преследователей в своем логове? Осталась последняя часть!

– Пойди по нивам да по льдам...

– Жу! – раздалось снаружи – охотничья команда «огонь».

– А-а! – заорал кто-то. – По боку замыкай!

Псы гнали добычу под арбалетный огонь.

– Пойди по нивам да по льдам... – повторил Рэй, но звуки охоты отвлекали, лишая возможности снова войти в состояние концентрации.

Бурное колдовство, что кипело вокруг, начало успокаиваться, так и не найдя себе разрешения – веревка, заброшенная в океан, выскользнула безвозвратно. Третья, самая важная часть ритуала грозила остаться незавершенной.

«Читай!» – властно потребовал голос. Но в эту секунду что-то ловкое и массивное спустилось в нору. Легкие следы пробежали по туннелю. Разум героя оледенел. Зверь уже был здесь.

Рэй чиркнул огнивом, и курчавый огонек заблестал поверх бересты, освещая мутное от дыма пространство. Он подхватил заряженный самострел, поднял его перед собой и в ту же секунду столкнулся глазами с ней. И опять, как в том сне, ощутил себя уменьшенным: морда величественного существа располагалась выше его головы. Пристальный взгляд ее ярко-коричневых глаз заставил замереть.

Невиданное чудовище и правда весьма походило на волка. Величаво она ступила в свою обитель, а заметив вторженца, вздернула щеки, оголив длинные, с ладонь, клыки.

Лисица! Лапы подогнуты, тело напряжено, и два пышных хвоста вздернуты к своду! Челюсти так мощны, что враз перекусят шею. Когти уперлись в землю. Самострел наведен, а угловатый наконечник стрелы щерится, целя ей точно промеж глаз! Оба недвижимы.

«Нужно стрелять!» – кричит разумная часть сознания. Большой палец дрожит, поглаживая тугой спусковой рычаг самострела. Биение сердца скорым ритмом отмеряет секунды. Снаружи опять слышны загонщики. Но Рэй замечает ее дрожь: в бедре торчат сразу два арбалетных болта; вес хищника распределен по остальным лапам.

Рэй держал ее на прицеле – не стрелял. Но и она почему-то тоже не вгрызалась ему горло. Он мог покончить со зверем в эту секунду, раз и навсегда. Получить сокращение срока, утереть нос Ярославу и, пожалуй, убийство лихого зверя даже вернуло бы ему добрую часть уважения в поместье.

Несмотря на немилосердное отношение со стороны этого мира, герой вдруг отчаянно и бесшабашно решил в него поверить! Падет, да не возноси булат, сказала старуха. Случайность, судьба или божественное провидение – какая в сущности разница? Медленно, словно закат солнца, Рэй опускает оружие. Умные, насыщенно-бурые глаза ловят его движения.

«Хоть ты, факел, не гасни», – подумал он про себя, когда язычок пламени опять задрожал. Рэй наконец увел оружие в

сторону. Отдавая ужасающей смелости, он обошел ее сбоку, уложил руку на ребра, и ладонь провалилась во влажный от дождей, но такой горячий мех. Хищник снова оголил клыки, одно движение, и они вскрыли б горло приключенца быстрее, чем тот успел пожалеть о своем поступке. Он крепко взялся за пыр и, упершись в рыжую шкуру, плавным, но верным движением вынул снаряд. Рык, оскал, зубы сковали запястье!

Несколько секунд Рэй вверял руку лесному хищнику. Кости так и не захрустели. По запястью скатилась полоска крови. Хватка зубов ослабла. Он высвободил руку и продолжил. Снаружи снова забрежал раскатистый лай, совсем близко! Герой повторил движение, и пропитавшееся кровью древко осталось в руке. Факел истлел, источая плотный столб дыма. «Ну всё», – мысленно попрощался Рэй, закрывая глаза.

Однако во тьме ничего не произошло. Его рука всё еще касалась горячей шкуры. Неужели это существо осознало, что он сделал? Оставив вещи и прихватив лишь дневник, герой попятился назад. Загонщики уже нашли лаз. Слышно, как собаки скребут у самого входа, готовые броситься в атаку!

– По команде запускаем! – крикнул один, удерживая натянутые поводки Розы и Мимозы, что рвались в нору.

В глубине раздался шорох.

– Взводи! – тут же приказал второй голос, и группа вмиг

встала наизготовку. – Гтовьсь.

– Не стрелять! – донесся из норы хриплый, но вполне человеческий голос.

Среди охотников завелся спор: откуда бы человек в волчьей норе? Когда один из стрелков уже надавил большим пальцем на спусковой рычаг, в остатках вечернего света, выплыла из темноты пещеры бледная человеческая ладонь.

– Это ж!.. – воскликнул Ярослав. – А ну убрали арбалеты! Рэй! – будто бы даже обрадовался копейщик, затем подбежал и треснул того по плечу. – Ха-ха, шельмец, мы-то думали, дал стрекача в ночь! Уж и не рассчитывали найти, решили, что всё, сожрали бегуна. Ты, увалень, как в норе оказался?

Под неугомонный лай собак, которые, обдирая когтями землю, рвались в пещеру, Рэй рассказал историю своего ночного похода сквозь чащу. Впрочем, весьма усеченно.

– До ветру ушел, говоришь? А костер потух, и ты уж заблудился? – понизив голос, крикнул командир. – Каким же пнём надо быть, чтобы заплутать в пяти шагах от бивака! – хмыкнул он, прижимая платком поцарапанную щеку. – Ох, Мимоза, никшни ты ради бога! – гаркнул он на собаку, но та не унималась, отчаянно лая на черный круг впереди. – Ну, че там? – спросил командир, качнув головой на вереск за спиной кандалника.

– В норе-то? – глупо уточнил Рэй, сам не осознавая, что, а точнее кто, находится там сию секунду. – Хорошая нора, можно жить. Пучок шерсти вот нашел, видно, когда-то эта

зверюга там обитала, то-то собаки рвутся.

– Ну ясно, что «когда-то»! Иначе б даже костей твоих не собрали, – присвистнул Ярослав.

Командир, посерьезнев, оглядел Рэя:

– Слушай. А штаны-то где потерял?

Рэй неловко поглядел вниз. Усталые охотники враз повеселели:

– Энтак от волчары улепетывал, что портки слетели!

– Ладно, всё! – оборвал бородач. – Все нашлись, это нам знак. Немедля в бивак, а утром прочь.

– Как это прочь?! Почти заловили гада, – возмутился Ярослав. – Ты ж сам уверял, что попал в него из самострела!

– Мож, попал, а мож, и не попал. Но с двумя ранеными я на кудлатого охотиться не собираюсь. И тут уж, мастер копыя, хоть бей меня, хоть колоти, а наша охота закончена, – он переглянулся с охотниками, убедившись в общем мнении. – Рубили мы нечисть: шишкунов, коловертышей стаю, даже кикимор, но чтоб таких проныр – эт не, не попадалось. Не надо нам такой славы. Желаешь – можешь сам тут погулять завтра.

Через час, уже в полной темноте, группа, измотанная и вымокшая, вернулась к биваку, который охотники быстро восстановили.

Дождь наконец-то прекратился, и мерное шуршание капель, от которого так устал слух, сменилось привычной ноч-

ной тишиной. Собаки первыми растянулись возле огня: белая Роза стала от лесной грязи в крапинку серой, а у Мимозы шерсть на загривке и ушах встопорщилась веником.

Завершив с лагерем, охотники принялись бинтовать раны, коих вышло немало. Впрочем, серьезного ничего. Тихомир и Ярослав не пострадали. Герои как-никак, видно, такая у них планида – некогда с ранениями валяться.

Костер потрескивал, старательно освещая бивак, и каждый с удовольствием развесил вокруг горячего огня насквозь сырые одежды, так что теперь не только Рэй бродил по лагерю без штанов.

Прислонившись к дереву, он подозвал Ярослава.

– Ладно, чего уж. Прокатила нас зверюга, – посетовал копейщик, разминая мускулистые плечи. – Ну ничего, не сдались мне эти горе-охотники. Попробуем поискать тут завтра с Тишкой. Авось, раненного и сами изловим, больше заработок выйдет. Ты со мной?

– Яр. То, как я охотникам рассказал... в общем, не совсем так это случилось.

– Всё-таки хотел сбежать? – пожал плечами Ярослав. – Можешь не оправдываться. Я б, наверное, так же поступил, отличная возможность.

– Я не сбежал. Слушай.

И тут уж герой поведал полную историю ночной прогулки сквозь леса и встречи со зверем, дочь Святобора, как ее именовала старуха. Ярослав, к удивлению, молчал, только

время от времени озадаченно кивая. По завершению рассказа, копейщик выдохнул и спросил:

– Лиса?

– Точно говорю.

– Зараза, а! – внезапно весьма раздраженный, он постучал кулаком о кулак.

– Ты чего?

– А того, что, не знай я, что это и правда лиса, ни за что б тебе не поверил!

– Ты знал?!

– А ты думал, что я оголтело, без подготовки и без разведки? Я несколько дней ее выслеживал. Честно, сам ее не видел, но вот Тишка ухватил взглядом и сообщил. А он, как ты понял, немой, так что, не зная наших с ним жестов, подслушать ты бы не смог. Так что, да, лиса. Правда, сложение более мускулистое, как бы волчье, но хвост пышный, не собачий, а как раз лисий. И что, говоришь, заколдовал ее?

Рэй кивнул. Скепсиса на лице копейщика прибавилось.

– Давай подытожим, – он выставил ладонь, принимаясь на пальцах считать сомнительные факты. – Этой ночью тебе приснилась старуха. Которая спела тебе стих, которым можно прогнать лису.

– Три стиха.

– Во сне ты это всё записал. Но потом записанное уже взаправду отразилось на страницах дневника?

– Могу показать.

– Потом, – отказался Ярослав. – Проснулся ты уже не в лагере, а где-то в чаще. Затем случайно пересекаешься с охотой во время погони, но тут же потерял. Каким-то чудом вышел на лисью нору. Там произнес вслух записанное и... подожди, то есть зверя тут больше не будет? – с подозрением спросил Ярослав, наклонившись так, чтобы охотники, сидевшие позади, не слышали.

– Три части ритуала последовательно направлены на изгнание злого духа. Я не завершил последнюю часть, но учитывая смысл первых двух, полагаю, что волшебная лиса больше никак не сможет здесь оставаться. Она ослабла первым стихом и лишилась поддержки от земли вторым. Теперь, вероятно, просто умрет.

– Полная фигня, – озадаченно покачал головой копейщик. – А кто это был-то, в хижине?

– Без понятия. Заключенные говорили, что возле лагеря живет какая-то ведунья-шептуха.

– Бред.

– Не веришь, конечно.

– К большому сожалению, верю. Ибо, – он потрянул своим медно-золотым дневником, – это, как я уже объяснял, не просто бумага. Дневник никогда не пролистать до последней страницы, чернила не плывут даже в воде, он не пачкается и не мнется, его почти невозможно потерять, по крайней мере, пока ты жив. Удивлен ли я тем, что в нём отразились записи, которые герой сделал во сне? Едва ли.

– Значит, веришь, что это мой дневник?

– Да-а, мощно получилось. Молодец ты, конечно.

Рэй улыбнулся, изумляясь похвале от копейщика. Впрочем, изумлялся недолго.

– Полный кретин, я имею в виду.

– Да что не так? Получается, зверя-то мы одолели.

– Как награду получим, ты скажи?! – обхватив за шею героя-заклинателя, прошипел Яр. – Обязательное условие – хвост. Хвосты, точнее, если верить тебе же. Думаешь, судья за наше слово выдаст мешок серебра и сократит срок?

Рэй развел руками.

– Ну, может, оно и хорошо, что так всё обернулось, – выдохнул Ярослав, прислонившись к сосне. – Честность за честность, я такой прыти ни у одной местной животины не видел. Даже я не уверен, что совладал бы с ней один на один. Может, и повезло, что мы все живьем вернулись. Знаешь, тут поживешь, еще не таких чудищ насмотришься. Ты, вообще, в курсе, что я собственными руками сразил василиска?

– Ты упоминал, но верится с трудом.

– Невежа. Ладно, внемли старшему. Всё началось рано утром...

Рэй с удовольствием слушал непрошенный рассказ. Сколько в нём было преувеличений, судить сложно, ведь василисков он никогда не видел, однако приходилось признать: Ярослав умел рассказывать истории.

– ...И он, представь, перья: красно-оранжевые, как огонь

трепещут! Берет разбег – снова собирается взлетать! Я копьё перехватываю, прямо вот так, – показывал Ярослав, занимая позу олимпийского многоборца, – метнул! И ровно в плечевой сустав – хрясь! Заметался, крыльями по земле лупит, пылищи стену поднял. Я на скорости пробегаю в это облако, скольжу у него под брюхом, ловлю копьё и, фщих, в живот! Кровь рекой! Ящер заклекотал, на землю осел, а я подскакиваю и копьё точнёхонько ему в глаз, да с разворота, да сквозь череп, буц! Он как передернется весь разом. Меня, представляешь, шагов на двадцать отшвырнул, во-оу! Да-а, вспахал же я землю лицом, вон, даже шрам под глазом остался, – с гордостью показал он. – Так вот дело было!

Горящий в центре бивака костер щедро раздавал тепло. Охотничий отряд отогревался у очага, ужиная кашей, щедро сдобренной курдюком.

– А почему Настя не захотела присоединиться к поискам? – примеряя сменные штаны, предоставленные охотниками, спросил Рэй.

– Настя, – задумчиво начал Ярослав, – в первую очередь, она не хотела вмешиваться в мой заказ. Геройский этикет вроде как.

– Она и мне так сказала, но думается, что это неглавная причина.

– Для такого человека, как она, и этого бы хватило, Журавлик у нас правильная. Но тут ты в корень зришь, дело не

столько в этом. Я же говорил тебе, что Настя не слишком-то рвется в герои. Ее мечта – вернуться домой, вернуть жизнь, что у нее украли, как и у каждого из нас. Она ненавидит сражения, охоту и любые формы конкуренции. Потому и моё предложение о совместной охоте отвергла.

– Так ты ей предлагал?

Ярослав, неприязненно покосившись на загонщиков, шепнул:

– Дались мне эти горе-охотники, если б мне боевой Журавлик подсобил! Она же, блин, мощь! Видел бы ты ее в сражении. Но сейчас у нее своя компания, так что я не лезу. Они хорошие ребята. А вдруг они и правда найдут путь домой? Если кто сможет, то они! – весело завершил копейщик.

– Ярослав, я не рассказал тебе еще кое-что. Об Аслане и Андрее.

Копейщик переломил в кулаке ветку, когда Рэй завершил повествование о судьбе этих двоих. Он выругался, и со всей силы врезал по стволу сосны, так что даже иголки посыпались.

– Почему она не рассказала мне перед отъездом?! Дура! И еще одна отправилась домой. В одиночку! Через глухую тайгу! Я ведь подумал еще: странно, что она одна уходит. Идиотка, вечно всё пытается решить сама, – он принялся нервно бродить по полянке, а затем еще раз вдарил по глупому дереву, что встало на пути.

– Извини, что сразу не сообщил.

– Да что это бы изменило? Настя один бес уже уехала, а я бы только отвлекался. Ты о ней тоже беспокоишься. При- знайся, приглянулась?

Рэй скрестил руки на груди:

– А герои-то, вообще, ну?..

– Встречаются? – рассмеялся Ярослав. – А что, мы не лю- ди? С местными непросто – разные мы с ними. Друг в дру- ге мы видим куда больше родного. Значит, понравилась! Да можешь не скрывать. Красивая, сильная и верная, как тут не втрескаться?

– А сам?

– Не-е, не мой тип. Правильная, косная. Мне еще покуро- лесить охота. Думаешь, такая женушка отпустит охотиться на василиска? А узнает, что я «охочусь» не только за чудо- вищами, но и за другими красотами, так вовсе в капусту из- рубит, оно мне надо?

– Ты говоришь, она очень сильна. Какой у нее талант?

Ярослав перевел взгляд светло-голубых глаз на Рэя.

– Если она тебе сама не рассказала, то уж я всяко не впра- ве выдавать секреты.

– Да что такого секретного в таланте?

– Знаешь проблему – знаешь решение, слышал о таком? Информация не только в нашем мире играла огромную роль. Если кто-то знает, как работает талант героя, этот кто-то зна- ет и как с таким героем справиться.

– И что? Я понял, какой талант у тебя, ты мастер копья.

– Не совсем точно, но считай, что так. Копье хорошее оружие, – он бросил взгляд на лежащее поверх вещмешка древко, – но, скажем, в тесном помещении мне намного сложнее им пользоваться. Вот тебе и идея для ловушки.

– Ловушки? – изумился Рэй. – Да что не так с этим миром? Почему герой вынужден скрываться?

Копейщик поразмыслил и, присаживаясь на спальник, произнес:

– Тебе в каком-то смысле повезло, в заточении никто не узнал о твоём происхождении. Ты инстинктивно понял, что об этом не стоит распространяться. Прими совет, продолжай скрывать.

Поздняя весна: заканчивается травник месяца

Охотничий отряд шел обратно ранним утром, в Бересту должны были вернуться еще до обеда. Рэй зевал до боли в челюсти из-за беспокойного ночного сна – опасался снова переместиться в пространстве; а ну как старуха, недовольная недочитанными стихами, решит призвать к ответу.

– Не зевай, коровья лепеха как залетит в варежку, – с усмешкой ткнул в спину Ярослав.

– Если только ты закинешь.

– Не выспался?

Рэй покачал головой, разминая затекшую шею.

– О Насте думал?

– Лучше бы о ней. Не так уж она мне интересна, – немного съюлил Рэй. – Да и куда мне, невольнику.

– Ну да, ну да, – якобы безразлично ответил копейщик, обгоняя Рэя на широкой тропинке, а поравнявшись, вдруг заговорщически толкнул в бок, шепнув: – Но задница у нее огонь, а?

Рэй сначала хмыкнул, ибо скабрзностей не любил, но через секунду с серьезностью кивнул: огонь.

Группа без триумфа возвратилась в Бересту.

Ярослав отчитался о сомнительных успехах охоты, сдал «средство» в виде каторжанина и, отвергнув предложение судьи провести еще одну вылазку, вышел из стольного здания.

– Я сегодня ухожу. Прямо сейчас, точнее. Пойду вдоль реки и прочь отсюда. Осяду на какое-то время в Умире. К тому же присмотрю, чтобы Настя глупостей не натворила. Ты-то как?

Рэй дернул плечами, осматривая опостылевший взгляду двор.

– В общем, – после короткой паузы продолжил мастер копья, – судья не разрешил тебя отпустить для другого задания, а выплатить разом твой огромный штраф у меня просто неостанет денег.

– Само собой, пять лет еще срок, – пожал плечами Рэй, как вдруг спохватился: – Ты что, просил судью? За меня?

Ярослав самодовольно хмыкнул:

– Ты меня хоть и считаешь надутым подонком, это твое право, но мне вовсе не чужды геройские добродетели. Надеюсь, понимаешь, что я не имею права пособничать заключенному в побеге, тут уж извиняй. Но если чем-то другим помочь...

Рэй покачал головой:

– Одно общение с героями уже принесло мне немало бед.

Ярослав понимающе кивнул.

– Тишка, мы готовы?

Безмолвный следопыт похлопал по плечу, за которым виселся рюкзак.

– Рэй, – обратился копейщик, оказавшись у того за спиной. – Это твоя жизнь, тебе и решать, как ее прожить. Ты можешь стать героем, я вижу это в тебе. Не мирись с судьбой. Она жестока и несправедлива, потому бейся, даже кровью выбивая свое.

Рэй обернулся вслед, не понимая, к чему клонит Ярослав.

– Беги, – односложно сказал он. – При первой же возможности! Не для того мы отдали наши настоящие жизни, чтобы провести их в заключении. Я не имею права оказать тебе помощь в противозаконном действии, – с силой сжимая древко, повторил он, – но если только доберешься до Умиры, обещаю, что не отвернусь от тебя. Я останусь там еще минимум на месяц, а может, и дольше.

Рэй глядел герою вслед до тех пор, пока главные ворота

не захлопнулись.

Последние месяцы он и не планировал побег, однако слова Ярослава вновь затаили в его душе веру в геройское призвание.

Тут подле него оказался сторож, один из Носовых приятелей, и ощеренная ухмылка на его лице не предвещала добра.

– Нагулялся?

Каторжник не ответил.

– Правила ты знаешь, – протянул он дурно пахнущую кадку. – Опоздал на построение – отработывай.

– Меня ночью даже в лагере не было. Я с мастером копья...

– Не помню такого! Как это, чтоб кандальник, и после отбоя за стенами остался? Или по-другому объяснить? – устранивая большой палец за ремень, на котором подвешена дубина, пригрозил сторож.

Рэй огляделся, пытаясь найти взглядом сторожа-северянина, с которым немного дружил, однако того поблизости не оказалось. Он принял тару и отправился вычищать отхожие ямы, выкопанные под деревянными нужниками.

Пропустив ужин, с трудом отмывшись холодной водой после гадкой работы, он вернулся в барак почти к отбою, лишь для того, чтобы обнаружить, что место его уже занято кем-то другим, а немногие прореженные вещи свалены у входа в мужскую половину.

Он с безразличием прилег на сломанные нары возле вхо-

да. Эфемерные «удобства» порубной жизни казались сейчас столь никчемными, что переживать из-за спального места было мелочно и глупо. Он укрылся чужим дырявым одеялом.

«Каковы будут последствия того, что я не завершил третий стих?»

Он ослабил духа, а потом что-то сделал с землей, так что дух более не мог на ней обитать. Третья часть предполагала изгнание. Куда же подается зверь? А вдруг вовсе одичает?

Рэй прокручивал в голове образ хищника, звериные глаза. И вдруг отчего-то стало ему нестерпимо грустно. Сердце затеснило, и даже глаза защищало от жалости к себе. Он внезапно понял, что это конец. Не имеет никого значения, что будет со зверем. Герои ушли из поместья, сказ о них ушел вместе с ними, и Рэю никогда не стать его частью снова. Едва ли в ближайшие годы судьба снова занесет в сие пропащее место этих сильных, красивых людей, к которым Рэю не суждено было приобщиться.

И тут, в порыве жгучей тоски, ему стало ясно: «Ничего этого не было!»

Не было поисков на перевале Вруновой лесосеки, не было почивших Аслана и Андрея, и не было яростной битвы с лихими сторожами. Не было видений в избе без окон, и не было охоты на лютого зверя. Всё – химера и наваждение, всё это не из его жизни, ибо он – порубник!

В жизни порубника есть нары. В данном случае, сломан-

ные и неудобные, но это решаемо. Есть завтрак, лесоповал, есть восход и закат. С этим ему должно примириться.

Сквозь тягучие, постные мысли сон не шел, Рэй ворочался даже после полуночи. И тут он услышал рядом со своими ногами подлый, крадущийся шаг.

Всю навалившуюся хандру сдуло в один миг! В оставшуюся долю секунды Рэй даже успел усмехнуться: «Ан нет. Примириться никак нельзя!»

Шаг раздался еще ближе. Наученный порядками Бересты, герой заранее сжался и закрыл живот, на который в ту же секунду рухнул кулак! Первый удар был отражен, но следующие посыпались один за другим. Конечно, отыграться за геройство на нём решили не только сторожа.

Чьи-то руки схватили его, во рту снова пахнуло кровью. Рэй пнул кого-то в непроглядной темноте и, пользуясь ею, юркнул с кровати вниз, еще одному заехал локтем в пах, кувыркнулся и босиком ринулся через барак.

Оказавшись возле приоткрытого на ночь окна, он закинул ногу, чтобы выбраться наружу, но его схватили за воротник, и в лицо прилетел еще один сокрушительный удар, от которого тело само собой перевалилось через подоконник.

Земля ударила холодной росой.

Когда Рэй подумал, что на том побои завершатся, заметил, как мужики один за другим тоже выбираются через оконный проем! Видимо, теперь за него взялись всерьез. Не все, конечно, а несколько особо рьяных прислужников ми-

лой избы. Он поднялся, не обращая внимания на боль, и поковылял в сторону стольного дома, где в былые дни дежурил ночной сторож.

Беглеца быстро нагнали и повалили на землю, добавляя тумачков и браня связанными с героями ругательствами. Невозможно сказать, сколько это продолжалось, пока глухой удар не прозвучал над двором!

В сумеречной кутерьме раздалось грозное рычание Лишки, которая вновь вступилась за Рэя беззаветно. Та звонко огрела еловым поленом одного из напавших, да так, что тот шмякнулся наземь рядом с побитым.

Обритый зэк провел ладонью по липкому виску и прорычал:

– Куёлда драная!

Другой узник навалился на Лишку сзади, схватив за руки. Лысый поднялся с колен, стирая кровь с виска, и отвесил ей удар такой силы, что устояла она только потому, что другой удержал ее сзади.

Рэй попытался подняться, но тут же сжался под скопом тяжелых ударов, что валились один за другим. Из стольного дома выбежал сторож. Увидев происходящее, он прозвонил в тревожный колокол, однако заключенные вовсе не испугались охранников.

– Прекратить! – вырвалось из глотки старшего сторожа, который вылетел на улицу в одной рубашке и портках и всполошенной курицей заметался по двору, то решаясь бросить-

ся на гумызников с одними кулаками, то всё-таки сбегать в каптерку снаряжением.

Пинок снова пришелся на спину героя, а затем еще одна босая нога ударила по лицу, да так, что всё вокруг закрутилось калейдоскопом.

– Дубаки идут! – крикнул лысый, что навалился сверху на героя. – Гаси обоих, – приказал он же, сбавив тон, – на этого милые еще с первого похода за ворота сокола подточили.

– Пошто обоих-то?! – испугался другой зэк. – Только геройского ж велено! Лишка-то сама ведь того, с Носом трется.

– А Носу... недолго осталось в милых ходить. Не знал?

– Ты чего! – туповато возражал узник. – Я против Носа не пойду!

Лысый оставил Рэя, вскочил, взяв друга за грудки, и прошипел сквозь зубы:

– Гаси, я сказал! Обоих. Либо утром в бабьем крыле проснешься.

– Прекратить бардак! – заорали вновь, и сразу раздались тупые удары дубинки.

Вдалеке блеснула искра, и факел осветил лица еще нескольких сторожей, что бежали на двор. Но в ту же секунду из окна барака стали выбираться другие заключенные, присоединяясь к побоищу! Кутерьма завелась страшная. Не только Лиша, но и лопоухий сосед по нарам, и короткий мужичек по кличке Веник и кто-то еще ринулись Коновалу на помощь, принявшись метелить шнырей милой избы, с кои-

ми у них, впрочем, имелись и собственные счета. Сторожа колотили всех подряд.

– Ох, вы у меня! – рычал один, нещадно вколачивая дубинку в одного из эков. – Совсем страх потеряли, навозники клятые!

Однако вскоре и этот оказался свален на землю превосходящим числом и крепкими побоями. Человеческая масса росла на глазах. Колокол всполошился снова – возле главного здания собирались стражники. Тактическая ошибка последних была в том, что они подходили не скопом, а порознь, потому долгое время не могли перехватить инициативу.

Краем глаза Рэй заметил, как в суматохе один заключенный вынул из-за пазухи короткий предмет. Забыв о боли, герой предпринял попытку подняться под градом ударов, но тут кто-то схватил его за волосы и рывком повалил на землю!

– Этого следом.

Мрачная тень на фоне черно-синего неба приблизилась к Лише. И будто само время дало трещину. Мир замер; на секунду показалось, что ночной свод вспыхнул багряно-красным отсветом; рука ушла назад и врезалась в бок подруги!

Та вскрикнула и осела, как только руки, что удерживали ее, разомкнулись за спиной. А герой лежал на земле: бессильный, бессмысленный.

– Теперь этого, – удовлетворенно повторил голос лысого, который коленом сдавливал шею героя.

Грохот и вопли безвозвратно уничтожили тишину внутри

лагерных стен. Группа сторожей, вооруженных дубинами и щитами, приближалась.

– Резче!

Зэк с заточкой в руках подбежал к герою, склонился, и в момент, когда занес металлический осколок, на руку его всем весом опять навалилась Лиша! И двое сцепились на-смерть. Они боролись несколько секунд, пока лысый подначивал скорее добить мерзавку. Подчиненный кандальник треснул ей один раз, другой, но в какой-то момент Лиша скинула его себя, перехватила ладонь с зажатым в ней лезвием и, под болезненный вой, вогнала ему же в грудь!

– Пенёк криворукий, – прорычал лысый. Он вытащил из кармана собственную заточку, чтобы довершить дело.

Гурьбой навалились сторожа, щиты и дубинки забренчали, и звон глухих ударов градом посыпался на всех, кто еще стоял на ногах. Кости ломались, а дубовая древесина напивалась кровью. Железная заточка упала подле героя, который, поддавшись инстинкту, сгреб предмет вместе с землей и сунул в карман.

Накопившие силу сторожа наконец одержали верх, обездвигив бесконтрольными побоями каждого, кто оказался на площади в неположенный час.

– Так, это, – оправдывался лысый кандальник, каждую секунду шмыгая бегущим кровью носом, – я же что? Я же вот, как перед Господом говорю. Сбежать он хотел, геройский

этот, а мы остановили. Побег удумал, гумызник!

– Сбежать? Кто?! – звеня яростью, прорычал сторож. Его буквально трясло злости; скула припухла от неслабого удара. И тут пламя факела в его руке встрепенулось.

Беззвучно, как тонкий порыв ветра, рядом пролетела тень. Рухнувшая тишь оборвала склоки. Все затравленно притаились, тщетно высматривая что-то незримое, что возникло в сумраке.

– Зверь! Морок вернулся! – не выдержал кто-то, а короткий рык в темноте тут же подтвердил догадку.

Заключенные завопили, со связанными руками бросились врассыпную. Сторожа скучились, по-военному укрывшись щитами.

– А ну все по баракам! – приказал старший, надрывая голос, но зэки и так уж сверкали пятками на все стороны.

И чудище предстало пред людьми. Позволив взглянуть на себя секунду, черный морок сорвался с места так, что за ним вздыбилась земля! Четыре лапы разом ударили сторожа в грудь – тот отлетел через полдвора, а существо вцепилось зубами в плечо Рэя, прокусив измазанную кровью рубаху! На глазах у всех морок подбросил его словно куклу, перехватил в зубах.

Во тьме пылко блеснули хищные глаза. Одним прыжком зверь взмыл на крышу стольного дома вместе с добычей и унес трепыхающееся без сознания тело во тьму.

III

Первый день лета: разноцвет месяц

Северо-Восточный

Под горячими солнечными лучами оглушительно стрекотали кузнечики, в высоте, меж жемчужных облаков призывно итькал кречет. Высокое летнее небо светилось ровным, густым аквамарином.

Рэй нашел себя в кустарнике с угловатыми, острыми листьями. По телу ныли синяки и порезы. Он тронул запекшиеся ссадины на лице, поднялся, силясь припомнить произошедшее.

Перед глазами вспыхнула картинка: злобная тень отводит руку для удара, и заточка вонзается в живот девушке. «Лиша», – кольнуло в сердце. Он осмотрелся – местность вокруг была незнакома. Если трудовое поместье и стояло поблизости, отсюда его не было видно.

Стрекот кузнечиков забивал слух, не давая возможности припомнить события ночи. Как он-то тут очутился? Прихрамывая, он выбрался из зарослей. Плечо тоже саднило – под арестантской рубахой открылся ровный ряд следов, оставленных хищными зубами.

Он вспомнил всё. Нападение кандальников ночью, как Лиша, даже раненая, в очередной раз спасла его жизнь, как

летела в слепой темноте кровь под ударами дубин. А затем явился двуххвостый зверь.

Недоумевая, почему, а главное, зачем до сих пор жив, Рэй побрел вперед. Ужели чудище просто бросило его посреди леса? Дурак, с чего он решил, что оно уйдет или умрет после двух частей ритуала? Ведь ясно объяснили, что нужно прочесть все три! Даже там, в пещере, кто-то над ухом заставлял его читать, а он, никчемный герой, даже с такой задачей не справился.

Солнце согрело озябшее за ночь тело, но отчаяние и боль переполняли. Как же надоела эта беспомощность. Вспомнились слова Ярослава. Беги, сказал он, а тяжесть в кармане напомнила о подхваченной заточке. И в измученной душе опять нашлась воля. Он до боли сжал в кулаке железный осколок, решив поверить еще раз: «Это не конец моей истории».

Солнце вздымалось по чистому небу причудливого мятного оттенка. До омерзения погожий день разогрел душистый лесной воздух, пока герой пробирался сквозь чащу, не обращая внимания на паутину на лице, укусы насекомых и ноющие босые ноги.

Минула пара часов. Он не знал, в какую сторону движется, но исступленная решимость выиграла внутри, заставляя упорно шагать вперед. Страшился, что вот-вот, за следующей опушкой, за ближайшей елью, снова откроется знако-

мый простор лесоповала и бурый частокол рядом с рекой, и пристань с пришвартованной шхуной. Не знал Рэй и о мерах, которые, после случившегося ночью, предприняли в поместье. Приходилось озираться, прислушиваться к окружению. Всё думал, коль поблизости окажутся преследователи из Бересты, ему, в таком-то состоянии, ни за что будет не оторваться. И накаркал. В стороне раздался шорох.

Герой пригнулся, затаившись в высоком ситнике. Не к месту припомнились и множественные предостережения о чудищах, что водятся в лесах. Плетни, шишкуну, лешие и кого только не встретишь в диком Северо-Восточном. Впрочем, кто бы знал, что чудище, которое давно уже идет за героем, окажется пострашнее всего, что обитает в этих лесах.

Несколько секунд герой скрывался. Вдыхая беззвучно, одним ртом; замер словно камень, даже сердце заставил биться приглушенно.

– И куда ж ты это держишь путь? – точно гром раздался подлинный человеческий голос.

Душа его замерла словно мышь, угодившая в кошачьи лапы!

Герой поднялся, понимая, что обнаружен, огляделся. Он должен быть уже в десятке верст от Бересты.

– Хм, даже забавно, что ты пытался спрятаться, – послышалось еще ближе, но трава, кустарники и ветви не позволяли увидеть источник.

Беглец нервно осматривался. Никого! Или он наконец-то

спятил ото всего произошедшего? Нет, нельзя поддаваться оторопи. Волевым усилием он приказал страху отступить. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца! Он сжал в кармане железную заточку, готовый ко всему.

– Да здесь я, – уж и утомленно прозвучало за спиной.

Беглец озирнулся. Ярко-карие глаза смотрели на него с расстояния в один локоть! Рэй отшагнул, затаив дыхание.

– Ну, пошто же тебя на север-то понесло, болезный? – участливо поинтересовалась незнакомка. Ее лицо таинственно прикрывал накиннутый капюшон. Она склонила голову на бок, и густая прядь цвета горячей осени тронула бледную щеку.

Захваченный врасплох, беглец продолжал пятиться. Девушка же, скрывая руки, да и всё тело под бурой, бесформенной робой, сделала два ловких шага и снова оказалась близко, едва не нос к носу. Он неуклюже подался назад, и под напором незнакомки уставшие ноги потеряли равновесие – герой рухнул наземь.

Пару секунд они взирали друг на друга. Он – с земли, недоуменно; она – сверху, пожалуй, презрительно.

– Откуда, т-ты взялась? – сглотнув, спросил он.

Перед ним стояла девушка с нечесаными, спадающими до груди космами медного цвета. Крепкие, но не особо ухоженные волосы своевольно струились по коричневому балахону, который монашеской робой тянулся почти до земли. За спиной котомка – по виду пустая. Единственное украшение –

выгоревшая от времен гарусная веревочка вокруг тонкой талии. Линия розовых губ выделялась на бледном лице, украшенном малость вздернутым носиком и скромным, едва заметным румянцем на щеках.

Проигнорировав вопрос, она присела перед беглецом, по-детски уперев локти в колени, и принялась с тоской изучать его лицо.

– Кто бы мог подумать, – цыкнула она, – вот же невезение.

– Кто ты такая?!

Получив в ответ еще один пренебрежительный взгляд, он припомнил о железном осколке в кармане. Взмах лезвия заставил девушку отстраниться! Рэй перенес вес и вскочил на ноги. Пригнув колени, он сжал в ладони острый, обкусанный кусок железа. Незнакомка странным образом улыбнулась, наблюдая за этими действиями.

– Кто я? – спросила она, вскинув брови. – А мне было интересно, кто ты такой! Рэй из Падуба.

Рэй против воли всматривался в ее сочно-карие, глаза.

– Но сейчас уже неинтересно, – продолжила она, – поняла. Герой! – а после паузы на выдохе протянула: – Разумеется.

– От-ткуда тебе известно? Даже в лагере никто не знал.

– Да-а, и правда, откуда б мне знать? – усмехнулась она, склонив голову. – Уж с виду-то по тебе никак не определишь! Ты более похож на, – она снизила голос и опять одарила неприязненным взглядом, – на затравленного зверя, нежели на героя из сказок.

– Полгода назад, когда меня заперли в порубе, я перестал верить в сказки. И ты права – герой из меня прескверный.

– Какое самонаблюдение! – она весело улыбнулась, и в этой улыбке на миг сверкнули на удивление длинные клыки – точно звериные.

– Ты из Бересты? Но я тебя никогда не видел.

Незнакомка только пожала плечами в ответ, и понимай как хочешь.

– Знай, я не вернусь назад! – стараясь придать лицу суровое выражение, молвил Рэй.

– Не вернешься, стало быть? – с прищуром уточнила она. Девушка говорила с каким-то забавным просторечным акцентом. – А кабы нашлось пошто вернуться?

Рэй глядел непонимающе. Та подняла руку, продемонстрировав знакомую тетрадь в тёмно-зеленой обложке! Дыханье застряло в груди, когда он вспомнил, что драгоценного дневника-то при нём не было с пробуждения. Забыв об опасности, он подался вперед, выхватил предмет из ее руки и сразу же отступил обратно, трусливо приподняв заточку. Через секунду сам же себя укорил, поняв, что и правда ведет себя как звереныш.

Видно, по дневнику она и догадалась, что он герой. Как бы иначе?

Девушка беспечно огляделась по сторонам и спросила:

– Может, ответишь, с чего не захотел идти вдоль реки? Оно ведь вроде удобнее. А! Учитывая, что у тебя нет ни-

какой еды, ты, верно, намеревался поохотиться. Да только здесь ты вряд ли кого-то изловишь, тем паче в таком состоянии, – оценила она, глядя на кровоподтеки и синяки, что множились по телу беглеца. – М-м, разве что больная белка, – она опустила голову, потеряла большой и указательный пальцы, – вздумает покончить с собой.

Беглец хмыкнул:

– Вёрсты шла за мной от лагеря, только чтоб поглумиться?

Иду куда хочу!

Девушка скинула капюшон, открыв высокий, чистый лоб и богатую, карамельно-рыжую шевелюру. Она снова сделала шаг, будто нарочно стараясь подобраться слишком близко. Вздернула носик, приняухалась. Затем загадочно сказала в сторону:

– Иду куда хочу, значит? Тоже мне, путешественник. Тебе ведь в Стяготу надобно? Деревню скотоводов на юге отсюда. Больше-то по этим лесам идти некуда.

– Тебя не касается, куда я шел. А если ты из Бересты, то зря тратишь время. Я не вернусь, – сказал он и попытался уйти прочь.

– А-а, – пропела в спину девица, – вот ты как? Тогда иди конечно. И извини, что задержала.

Коричневый балахон со скинутым на плечи капюшоном доходил почти до земли, но внизу можно было разглядеть босые пальцы ног – не одежда, а рубище какое-то. Впрочем, получше, чем рваньё, что осталось сейчас на герое.

«С виду нищая холопка, если вообще не из смердов или бродяг, – подумал Рэй. – Но откуда, черт возьми, она тут взялась? Откуда знает мое имя?!»

Нищая холопка проводила героя взглядом и, по виду, даже не собиралась преследовать. Между ними уже было с десятков шагов. Кандальник не оборачивался, хотя и продолжал напрягать слух, ощущая на затылке ее хитрый взгляд.

«Всё-таки до чего странная. А вдруг, не человек даже?!» По душе пробежал холодок. Мало ли, навья нечисть, что просто обернулась молоденькой девушкой. После живой избы в лесу и творившейся там чертовщины, в такое запросто можно было поверить.

Всё выглядело так, будто встреча закончена, но герой был уверен, что возникшая посреди леса девица – а то вовсе и не девица – так просто не отстанет. И на следующем шаге опасения подтвердились.

– Стягота в другой стороне!

Рэй остановился и подумал, вот бы сейчас лавровый лист от нечисти разжевать, как охотники учили. Буркнул себе под нос: «Вот же привязалась, шла бы...»

– Так ведь уйду! – прозвучало так, словно чертовка опять очутилась ровно за спиной!

Адреналин вяло потек по венам, Рэй обернулся, сжав заточку в руке. Девка в одну секунду переместилась на добрые пятнадцать шагов, а он не слышал даже шороха – сомнений в нечистой природе этого существа не осталось. Чарующие

глаза смотрели на него цепко, и были они так выразительны, что казалось сами испускают легкий, теплый свет. «Глубокие...»

– Я-то уйду. Но ты сгинеешь в этом лесу, – холодно высказала она и добавила тихо: – Они идут за тобой. Осталось подождать... совсем чуть-чуть.

Рэй стряхнул колдовство завораживающих глаз, нервно облизнул губы и поднял заточку, решительно настроенный сражаться за свою свободу.

– Никчемный же ты человек, – нахмурилась девчонка, глядя на оружие.

Она сделала еще маленький шаг, отчего острие коснулось ворса ее балахона, поглядела на металл, после чего просто взяла самый кончик железного осколка большим и указательным пальцем, да так непринужденно и ловко, что Рэй не успел и шевельнуться. А потом, то ли оружие и правда оказалось зажато точно в тисках, то ли гипнотические глаза лишили остатков сил, но двинуть острием боец уже не мог. В груди похолодело.

– Жалкий герой, – разочарованно качала она головой. – И куда тебе до своих славных предков, героев старины: Буртуна, Велимира, Горицвета. Так и не возьму в толк, на что вы в наш мир приходите, – она нарочито подтянула острие заточки аккурат ко своему горлу. Хватка ее маленькой ладони была неодолима. – Проще было бы убивать вас на месте. Чтобы не мучились.

Ее посуровевший голос резонировал с металлом. Незаметное движение руки – заточка глухо и жалобно надломилась. Рукоять высвободилась, отчего Рэй невольно отшатнулся, а острый кончик теперь перекатывался меж ее пальцами.

«Конец», – подумал про себя Рэй, увидев, насколько та превосходит его в силе.

– Великих Героев, – сказала она, приближаясь и вращая острый осколок, – позорит одно твое существование. Подарить тебе безболезненную смерть? – спросила, выронив осколок из руки. – Иль струсишь и сдашься преследователям?

Рэй на миг закрыл глаза. Этот мир уже слишком много раз причинил боль. Но виной ли тому несправедливый мир или же слабость героя? Будь на его месте Ярослав, тот не стал бы и раздумывать о том, стоит ли драться ради собственной жизни!

Со всех сил Рэй толкнул наглуую девку в грудь, и обломленное лезвие заточки, в общем-то, не менее опасное, вжухнуло подле ее лица. Наступая, он снова ударил наотмашь. Пусть действия эти были подвигнуты горьким отчаянием, внутреннее «я» восстало, отказываясь принимать исход. Он махал крест-накрест, а девушка со звериной ловкостью уворачивалась от каждого удара, даже не утруждая себя тем, чтобы для сохранения баланса вынуть руки из-за спины. Напротив, глаза ее озорно блеснули.

После очередного удара рыжая отпрыгнула, спиной припав на массивную сосну.

– Я не вернусь в Бересту! – задыхаясь, выкрикнул он.

Та безразлично пожала плечами.

– Тебя ведь нанял судья?

– Вообще-то, он кое-кого нанял. Или, – беззаботно обдумывала она, – по-вашему сказать, задействовал? За тобой идут двое, но я не из них. Егерь, что стережет реку. И собака. Довольно противная шавка. Егерь не ведает, жив ли кандальник Рэй, но след, что остается за тобой в этом лесу, уж слишком отчетливый. Напав на него, он и решили проверить. Думаю, они нагонят тебя уже скоро, и тогда... – поглядела она в сторону.

Рэй ухватился за возможность и нанес удар! Обломленная заточка ткнулась в сосновый ствол возле ее лица. Девчонка, впрочем, и не думала сопротивляться.

Он же в сердцах выкрикнул:

– Не хотел я быть героем! Разве обязан я страдать лишь за этот пустой титул? Я не совершал преступлений, за которые мог бы оказаться порубе. Ненавижу ваш мир! И знаешь что? Даже пальцем не пошевелю ради него. Что сделать, чтобы он уже рухнул в пропасть?!

Безразличная к угрозам, она смотрела на героя, удивленная этой пылкой речью. Ростом она оказалась всего на полголовы ниже.

– Рухнул? – тихо спросила она и подняла к небу мечта-

тельный взгляд. – Хм, может, это и к лучшему.

Вдалеке простучал трелью дятел. Пронесшийся теплый ветер пошелестел листвой и стих. Легкий аромат: кедр, нотка сладкого яблока и едва ощутимый миндаль на хвостике – сколь необычен был запах рыжеволосой незнакомки! Рэй приподнял обмотанную рукоять заточки, коснувшись ее подбородка.

– Убью. Если не скажешь, зачем за мной увязалась! – проговорил он, хотя и понимал, что нипочем так не поступит.

– А в эту-то угрозу и верится с трудом, – с жалостью ответила незнакомка.

Противники глядели друг на друга неотрывно. Наконец она вздохнула и произнесла бесстрастно:

– Отчаяние твое понятно, хоть оно и чуждо геройской добродетели достоинства. Но тебе в каком-то смысле повезло. Да, видел ты лишь плохую сторону этой земли, зато во всей ее уродливой красе, а посему знаешь, чего следует избегать. Ты знаешь, как легко можно поддаться жестокости и малодушию. Знаешь, как страшно бездействие, знаешь, как дорого стоят надежда, добросердечие и верность. Счастье радуется, когда приходит, а беда радуется, когда уходит. Пусть мне и претит говорить такое, но добра в мире ничуть не меньше, чем зла. Главный же вопрос, господин герой, в том, что видишь ты?

– Что вижу я?

Рэй убрал заточку от ее горла. Всё равно б ничего ей не

сделал, к чему себя дураком выставлять? А она скучно пожала плечами:

– Говорят, мир вокруг человека складывается точно такой, какова его душа. Коль душа у человека маленькая, то и мирок вокруг скалывается подлый, корыстный, то и дело норвящий от такого человечка откусить. Вокруг трусливой души мир опасный, вновь и вновь ужасающий ужасом. Вокруг предателя – самого постоянно витают интриги и обман. Так что же ты, Рэй из неведомого мира, собираешься привнести в этот? Как твой жизненный путь его изменит? – спросили внимательные, сияюще-карие глаза.

– Изменит... Не собираюсь я ничего изменять! У тебя силицы побольше будет, кусок железа одними пальцами сломала. Надо – изменяй сама.

Она милостиво вздернула уголок рта:

– Мне-то точно не надо. Моя история давно закончилась, – сказала она со странной интонацией. – А заточка твоя – дрянь, чтобы ее сломать, никакой силы не нужно было. Да и сила геройская не в мускулах, а в стремлении и воле. Уж не на то ли тебе даны три геройских добродетели?

Честность, достоинство и верность ремеслу. Даже о трех добродетелях знала эта чертовка!

– Эх, – выдохнула она, – не ведаю, как тебе домой воротиться. На моей памяти ни один герой еще этого не сделал. Но вот Стягота, куда тебе следует податься, она в другой стороне. Заплутаешь в лесах – точно не продержишься долго и

на поприще геройском не преуспеешь.

Рэй скрипнул зубами. Последние события происходили вне всякого его контроля.

– Какое тебе до меня дело?!

– Никакого. Ступай. Застрянешь в буреломе – только порадуюсь.

– Может, я и не в Стяготу иду?

– Вот же ты тупой! – утратила она терпение. – Нет здесь больше ничего! Кроме смрадной Стяготы да унылой Бере-сты, на пять восходов солнца деревень не стоит. Куда ж ты, скажи, выладился, если не к скотоводам на юге? С собой ни еды, ни воды, даже топора нет. Ты видел, как охотники были снаряжены всего к одной ночи в лесу? Даже тот дуралей копьём!

«Какова мерзавка!» – опять подивился Рэй. И про охоту-то она знает. Колдунья ли? Дело ясное – не человек. Но чего хочет? Убить уж могла бы сотню раз.

– Что до причины моего присутствия, – будто подслушав мысли героя, сказала она, – тут всё просто. Ты... теперь мой.

Солнце перевалило за полдень, небо слегка зеленело, ветер летел по лесу ленивый и душистый.

– Что за чушь! – возмутился беглец. – Ты существо из Нави? Где живешь, у тебя дом есть?

В ответ девушка ткнула пальчиком в плечо Рэя, чуть левее середины груди. Заключенный со злостью швырнул в траву

бесполезную железку и побрел прочь.

– Куда решил податься в сей раз, уважаемый герой? – ехидно бросила она, последовав.

Рэй хотел было огрызнуться, развернулся резко, да опять едва не коснулся ее носа своим! А негодяйка лишь озорно улыбнулась. Беглец смутился, отвернулся, зашагав быстрее.

– Откуда тебе известно кто я? Герой. Какой из меня герой? От них ждут чудес. Силы, умения, отваги. Я за всю жизнь и оружия-то не держал, пока не очутился в вашем разваливающемся мире.

– Разве это не сделает твои подвиги еще более героическими? – легкомысленно спросила она. – В конце концов, люди преодолевают не внешние трудности, а собственные слабости. Истинно храбр не тот, кто ничего не боится, а тот, кто преодолевает свой самый сильный страх.

– Какая мудрость. Но мне сейчас не до философии.

– А философия тут ни при чём! Вот тебе простая идея. Люди верят, что Белобог посылает им удачу, здоровье и богатства. Без этих благ не будет на земле стремлений и развития. Но в легкой жизни душа черствеет, слабнет и нищает. Чернобог же – разрушитель и жнец. Он карает людские пороки: лень, апатию, стяжательство. Насыляет болезни и несчастья. Но именно его влияние позволяет людям расти над собой в борьбе со случившимися невзгодами. Встречая трудности, человек развивает силу и находчивость. А главное, разрушение старого создает место для нового. Так и разви-

вается мир! Частью которого ты стал.

– Чернобог? – удивился Рэй. – Ему, что ли, поклоняешься?

– Я никому не поклоняюсь, – хмыкнула она. – Лишь сказала, как устроен мир. Это мышление, которое тебе следует принять, покуда желаешь стоять своего звания. А уж останется ли звание пустым или преисполнится достоинством, зависит лишь от тебя. Но поверь, в былые времена оно одно стоило целого состояния. И вообще, у героев есть божественные таланты! Не к чести тебе пенять на свою слабость.

Рэй аж остановился.

– А я герой без таланта, понятно?! Странно, что ты, всезнайка, до сих пор не поняла. Явившись изменить судьбу вашего мирка, я не имею совершенно никаких на то сил!

– Правда? Удивляешь всё больше. В плохом смысле, конечно. Как же так с тобою случилось?

И герой взял и зачем-то принялся без утайки объяснять, что он «аномалия призыва», как изволил выразиться говорящий кот.

– Его звали Амадей. Вот кто был героем в очереди. Я просто довесок. Мне, видимо из жалости, дали пустой контракт героя, погибшего в ходе призыва, а я и согласился, не осознавая последствий...

Рэй, предаваясь фатализму, вел рассказ, как вдруг рыжеволосая схватила его под локоть и потянула в другом, на де-

вяносто градусов, направлении.

– Да я ж сказала, не туда прешь!

Рэй вырвался. Остановился.

– Ну чего глазами сверкаешь? Или будем на жизнь жаловаться? Уж в этом я тебя легко переплюну... – она не договорила, резко повернула голову, будто на какой-то звук. – Хм, быстро они. Знаешь, эта псина уже совсем рядом. Ты не сможешь убежать, если егеря окажутся вблизи. Мы не должны оставаться на месте.

– То есть мой чистосердечный рассказ о призыве и о героях тебя совсем не удивляет? – высказал Рэй, а затем еще с большим возмущением добавил: – И с каких пор это «мы»?!

Возраст рыжей стервозы в ее нелепом балахоне было не определить: черты лица уже недетские, но кожа чистая и ни морщинки, а глаза – ох, что за глаза. Но засматриваться было некогда. Сжав зубы, Рэй выговорил:

– Ладно, раз ты такая умная. Помоги мне добраться в эту Стяготу и помоги уйти от преследователей. Пожалуйста.

– М-м-м! – замурлыкала она, словно только этого и дожидалась. – Не знаю, не знаю. Я-то и собиралась помочь, да ты оказался таков грубиян! – пряча руки за спиной, она кокетливо повернулась боком, делая вид, что потягивается.

– Ох, да провались ты, – бросил Рэй и сам зашагал в указанном направлении.

Сначала за спиной стоял лишь шелестящий лес, и герой ожидал следующей издевки, но тут раздались преследующие

шаги.

– А знаешь, Горицвет мог одной стрелой сосну надвое расколоть. Такой он был сильный, – сказала она как бы невзначай.

– Кто это, Великий Герой? Наслышан о них, впечатляет, – саркастично ответил беглец. – Только дела мне нет до этого Горе-как-там-его.

– Ты и так не обременен мудростью, а поверх того еще и невежу из себя строишь. Отвратительный образ получается.

Как раз в этот миг подло торчащий из земли корень ухватил за носок – Рэй споткнулся, едва не рухнув в траву на радость привязавшейся зловоредине. Удержав равновесие, он пристыженно обернулся. Девчонка сощурила слегка вздернутые у внешнего края глазки и улыбнулась:

– Вот, как я и сказала, что поделать? Коль слабак, то, сколь не рядись, а в геройские латы не влезешь.

– Отвяжись от меня, пожалуйста. Что сделать, чтобы ты ушла?

– О-хо-хо! Сначала ты меня упорно отрицал, затем впал в гнев, неубедительно грозя расправой, и вот мы дошли до торга. Никакого своеобразия! Дальше, вестимо, будет душевная хандра? – загибала она пальчик за пальчиком. – Боюсь представить, какой ты противный в этом состоянии. Зато еще немного и ты со мной примиришься, – самодовольно улыбнулась она.

– Какие познания о человеческих душах. Может, ты тоже

из моего мира? Ничему уже не удивлюсь.

Перескочив кочку, она шагала спиной вперед, хитро поглядывая на недалекого героя.

– Не принимай самый легкий ответ за правильный, очевидное редко бывает истинным.

– Да, я уже понял, ты любишь порассуждать.

– Так хоть один из нас должен это делать.

– И опять это «нас».

Рэй незаметно ускорил шаг, надеясь, что и ей под ногу угодит какая-нибудь коряга, но кошачья ловкость позволяла той без труда шагать спиной вперед по лесному ковру. Не оглядываясь, она и вовсе подпрыгнула, замахнув на ствол поваленной сосны. Рюкзачок за спиной ей не мешал. Держась одной рукой за сухую ветвь, акробатка склонилась над героем, провожая его надменной ухмылкой.

Рэй прошагал не обернувшись. Она спрыгнула с сосны и догнала.

– Коль ты теперь изволил меня слушать, то советовала бы заканчивать блуждания по куличкам и отправиться вдоль реки.

– Думаешь, я не знаю, что возле реки ходят егеря?

Та утомленно опустила плечи. Тугодумство героя переставало быть забавным.

– Медвежьи притоки – огромная путаница рек. Только длина единственного рукава между Берестой и Стяготой – полторы сотни верст. Думаешь, ваши воровские душонки

целая армия стережет? Много чести.

– Повторяю, я не преступник.

– Думаю, люди, которых ты обокрал, с тобой не согласятся.

– Позволь узнать, с чего из всех возможных преступлений ты предположила за мной воровство?

– Душонкой слабоват для убийцы! – надменно хихикнула она. – Умом – для фальшивомонетчика, а волей – для заговорщика. Может, конокрад? Ладно, максимум охотник за приданным! Соблазняешь молодых девушек, выдавая себя за знатного богача, женишься, получаешь большое приданое и растворяешься как дымка поутру... Что так смотришь, обиделся? Я думала, в вашем племени это почетная профессия. У вас об этих авантюристах даже песни сложены. Убрать с лица побои, отмыть, приодеть – авось, сойдешь за...

– Я не совершал преступлений, – сухо изрек Рэй.

– Как же ты оказался в порубе, таки осужденный за преступление?

– Обвинили местные лиходеи. Ограбив меня, едва я вышел из Правой Башни, они сочли барыш недостаточным, а потому выдали за преступника ради получения виры.

– Эх, удивительно, как старательно люди пишут себе законы, а затем используют в противоположном значении.

– У меня просто не было доказательств, подтверждающих мои показания. А с законами всё в порядке, насколько я мог понять.

– Значит, судья неправильно эти законы применил.

– Тоже нет. Учитывая число соблюденных формальностей, полагаю, что судья следовал закону довольно точно, – объяснял Рэй, проходя вперед и придерживая тяжелую еловую ветвь, тем позволяя девушке пройти следом.

Та проигнорировала жест, да еще будто нарочно встала на месте.

– Хочешь сказать, приговор был справедлив? – выгнула она бровь.

– Мне не довелось читать Разбойный приказ. Но полагаю, что юридически... да, приговор был справедлив.

– При том, что ты ничего не совершал?

– Мне сложно это объяснить.

– Хорошо, потому что я совершенно не хочу понимать, – пожалала она плечами, продолжив путь. – Возвращаясь к нашему маленькому походу. Реку патрулируют, но егерь тут всего один, если ты не знал – обслуживает дичью стол судьи и следит, чтобы в окрестностях вашего обиталища не слонялись посторонние. Кабы ты меня слушал, то уже понял, что егерь с псиной сейчас у тебя за спиной. Потому двинуться к реке – лучшее решение, ведь на каменистом берегу наш след быстро потеряется. Сегодня тепло и солнечно, поэтому твой запах над рекою быстро пропадет, и ищейка потеряет след. Как я и сказала, он тебя преследует, но и сам не знает, на чей след напала псина.

Не имея сил спорить, Рэй согласился, и спустя время они

оказались возле спокойного русла реки, берега которого были обложены крупными серыми булыжниками.

Они шли пару часов, пока небесное светило мерно снижалось, примешивая в свет всё больше рыжих красок. Девушка сощурилась, глядя на вечернее солнце, против которого они шагали.

– Что не так?

– Ярило, – ответила она, имея в виду летнее солнце. – Ненавижу этот чёрмный¹⁴ цвет. У зимнего Хорса он почти белый, но летом, когда на небе Ярило, каждый вечер полнится этой ржавчиной.

– А мне нравится. Как и зеленоватое небо, что проявилось с приходом лета. На моей планете нет таких столь насыщенных закатов. В первые дни, когда я только оказался в лагере, мне нравилось смотреть закаты и восходы. Яркий оттенок почему-то внушал надежду.

Рыжая скривилась:

– Это уже хандра? Ты, видно, еще тот зануда.

Рэй сбавил шаг, облизнул обветренные губы.

– Прости, я очень хочу пить. Вода в реке пригодна?

Девчонка повернула голову, безусловно удовлетворенная вопросом.

– Ужель? Тебе, великому путешественнику, требуется совет безродной бродяжки?

– Знал, что не дождусь от тебя ответа.

¹⁴ Чёрмный (*старорусск.*) – искрасна-рыжий.

Та ухмыльнулась и стала отходить от реки обратно в лесной стан.

– Идем, – со знакомым снисхождением произнесла она, одернув заплечную сумку. – Эта река бежит с юга, да мимо той же скотоводческой Стяготы. Для зверей вода годится, но в твоём состоянии рисковать не стоит. Не хватало, чтобы ты животом заболел. Там, повыше, слышен ручей.

Несколько раз он зачерпнул воду ладонями, а потом погрузил губы в студёный родник и пил, пока горло не заломило от холода. Отдышался, а затем, сняв изодранную, кровавую рубаху, ополоснулся, умыл лицо.

– Как далеко егерь?

– Давно не слыхала. Мы достаточно шли вдоль реки, чтобы оборвать след.

Рэй вытерся рубахой и поднял взгляд на загадочную девицу, что сидела подле журчащего ручейка в этом сосновом бору; в чистой, холодной воде блистало вечернее солнце.

– Скажи, а ты не видела, – несмело обратился Рэй, – что случилось в лагере сегодня ночью? Среди заключённых была девушка. Постарше тебя, короткие волосы, ясные глаза. Она была ранена... из-за меня.

– Белоглазка? Видела такую. Но нет, не видела, чтобы её тело сбрасывали в реку, отчего думается, что она ещё жива. Впрочем, за тяжесть ранения не поручусь.

– Видела, – повторил Рэй. – Как же ты связана с Берестой?

В ответ рыжая опять безразлично пожалала плечами.

– Ты ведьма, что живет неподалеку от лагеря?! Это же с тобой я разговаривал в тот раз?

Она, сложив ладони под подбородком, скучно посмотрела на героя и показала два пальчика.

– Понятия не имею, с кем ты там разговаривал. Но это вторая неверная догадка.

– И что будет, когда я ошибусь в третий раз?

– Хотела бы сказать, что тогда я покину тебя навсегда. Но нет, ни догадка, ни ошибка совершенно ничего не изменят, – и в словах ее вдруг мелькнула тоска, которую герою было не под силу понять.

«Никто не ждет, что ты и вправду что-то изменишь», – припомнился тут господин Светл-О-Бай.

Надо было идти дальше.

Они шагали по редкому полесью, что тянулось вдоль кромки реки. Рэй уже валился с ног от усталости и голода, однако не смел жаловаться. Лес вокруг раскалялся характерной вечерней рыжиной.

– Тут есть календарь?

– Двенадцатилунный, но меня он мало заботит. Календарем пользуется пахарь, а я в поле не работаю. Да и каждая луна и без того ощущается по-своему. Сегодня вот уже изок месяц.

– Изок, – повторил Рэй. – Красивое слово. Но в лагере говорили, что первый месяц лета – разноцвет.

– Так это одно и то же. Разве не слышишь?

Рэй прислушался, пытаясь понять, что именно нужно услышать. Девушка бессильно выдохнула. Затем с детским энтузиазмом наклонилась к траве, прошла недалеко и резко опустила руку на землю. Подняла добычу, рассмотрела. Предъявила беглецу открытую ладонь, на которой сидел серо-зеленый кузнечик. Тот потерял задние лапки и бесшабашно ринулся с высоты обратно в траву.

– Изок – это кузнечик? – улыбнулся Рэй.

– Старое наречие. В городах первый месяц лета давно зовут разноцветом, но в удаленных деревнях старого обряда более расхожим остается изок.

«И правда», – он прислушался к теплому ветерку, несущему мерное стрекотание. Отчего-то столь тонкий элемент природы, запечатленный в названии целого месяца, показался гармоничным.

– Всё же, люди наверняка очень любят свой мир.

Девушка насмешливо хмыкнула:

– Что, отменяешь всеобщее разрушение?

– А скоро стемнеет?

– Через пару часов. Успеем пройти еще чуть-чуть.

Рыжая шагала рядом. В какой-то миг она поерзала, скинув с плеч свою котомку и молча протянула. Рэй вопросительно посмотрел в ответ.

– Подарок, – склонила она голову.

– Что-то не верится.

– Не хочешь – не бери. Но это будет глупо.

Рэй принял сумку. Тёмно-песочного цвета рюкзак из толстой холщовой ткани, с ляжками за спиной, весьма затертый, но прочный.

– Сумка Елены, – с усмешкой произнесла она.

Герой непонимающе покачал головой. Разочарование на лице рыжей демонстрировало, что шутка не удалась.

– Ладно, забудь, – продолжила она, – это не Сумка Елены, я пошутила.

– Сумка Елены – предмет Великих Героев? – догадался Рэй. – Настя, другой герой, рассказывала, что есть такие могущественные вещи, которыми владели первые герои.

– Настоящая Сумка Елены была бездонной, а время в ней не истекало. За свою жизнь Елена смастерила лишь пару таких. Что у тебя в руках – лишь копия, выполненная ее учеником, имя которого не сохранилось в истории.

Рэй поднял рюкзак и произнес с усмешкой:

– Хочешь сказать, он бездонный?

– Особенно туго соображающему герою повторяю: это не Сумка Елены. Хотя эта внутри и правда окажется побольше, чем снаружи.

Не поверив, герой пропустил руку вглубь, однако там, где должно было оказаться дно рюкзака, продолжалась черная пустота – ладонь провалилась. Обычный снаружи рюкзак объемом оказался сравним с огромным мешком на полцентанера крупы или иной россыпи.

– Не знаю точно, думаю, работает он лишь на четверть. Значит, всё, что ты в него положишь, будет весить на одну четверть меньше. Немного, но в дальнейшем походе очень полезно. И, да, время внутри него тоже должно идти чуть медленнее.

Рэй, совершенно восхищенный, разглядывал суму, пытаюсь понять, в чём фокус. По ощущениям внутри было обычное пространство, однако со стороны смотрелось невероятно: рука, которая с лихвой должна была доставать до дна, помещалась в рюкзаке на всю длину.

– Наигрался?

– Наверное, очень полезная вещь. За так отдаешь мне?

Девчонка только хмыкнула, ускорив шаг.

«А, у-у. А, у-у», – взволнованно распевался кулик. Весь путь слева за леском слышалось журчание, но вот река опять разделилась надвое: большее течение уходило на юг, но маленький рукав круто забирал на запад, перерезая дорогу путникам.

Пышные березы на той стороне, освещались густым заревом, будто пылали. Девушка замедлила шаг, с явной неохотой приближаясь к крутому берегу. Рэй вопросительно оглянулся на свою провожатую.

– Нам прямо, – буркнула она, глядя на воду. – Обходить – это еще верст тридцать.

Рэй пожал плечами, прямо так прямо. Обуви у него не бы-

ло, так что он без проволочек спрыгнул с берега, оказавшись в воде по шиколотку. Помочил руки, локти – ох, холоднучая! Но ничего, противоположный берег совсем недалеко, шагов семьдесят.

– А ты, бездарь, плавать-то умеешь? – со странной интонацией спросила она.

– Божественного таланта на это, конечно, не имею, но... – ответил он и прищурился, – ты что, воды боишься?

Та высокомерно фыркнула, ловко скакнула с обрыва и зашагала в глубину. Рэй последовал.

Вешняя вода обожгла живот, подмышки, лицо. Дыхание перехватило, но ледяной шок быстро прошел, и герой, отмахивая руками, поплыл – наискось, с учетом слабого течения. Невзначай он обернулся и аж замер от уморительного зрелища: рыжая кулем барахтается на одном месте, плещет руками – только брызги летят! Рассмеяться б над этой зазнайкой, да уж очень холодно.

Рэй подплыл, схватил ее робу и притянул. Девчонка еще и попыталась вырваться, но от неосторожного движения тут же провалилась под воду, глотнув речной воды.

– Здесь уже глубоко, не дергайся.

– Сама справлюсь!

– Сама – утонешь. Ты же нисколько плавать не умеешь, да?

– Мне и не нужно, – шикнула девчонка, украдкой поглядывая на героя.

– Ну хватайся уже.

Рыжая прицепилась за плечи героя и едва не взобралась ему на спину. Поняв, что вода ей больше не угрожает, привычным манером скомандовала, указав на другой берег:

– Давай, нечего в воде барахтаться!

Словно бы это Рэй предложил искупаться в ледяной весенней воде! Пришлось герою грести за двоих, что в течи-нии-то оказалось не так просто.

Выбрались на пологий берег.

Сердце усиленно било по ребрам. Он скинул котомку со спины, ожидая вынуть вместо драгоценного дневника кипу сырых страниц, однако тот, к удивлению, остался сухим – ни капли не проникло в заколдованную сумку. Облегченно выдохнув, растянулся по мягкому речному песку.

Отдышавшись, он поднял голову и, негодуя, произнес:

– Не могла сразу сказать, что плавать не...

Рыжеволосая стояла неподалеку, старательно выжимая свой балахон, словно даже капли воды были ей неприятны. Балахон, конечно, ей пришлось снять, и оказалось, что под ним нет ничего, кроме полоски пушка ниже пояса. Линия спины, подобно дуге лука, очерчивала безупречный изгиб на фоне сияющего раскаленным железом неба. Поджарое сложение, ямочки на пояснице, почти плоский живот с едва различимыми кубиками пресса. Длинные мокрые волосы, собранные на правую сторону, открывали тонкий обод шеи; небольшая грудь приподнялась от холода твердыми, розовы-

ми вишенками.

– Не пялься. Бесишь, – махнула она тканью словно хлыстом, стряхивая с нее ледяные капли. И опять – будто это не она оголилась безо всякого предупреждения, а он, дурак, оказался в неподходящем месте.

Рэй отвернулся:

– И надо было тебе в реку лезть, раз воды боишься?

– Можно подумать, я по своей воле в ней оказалась.

– Можно подумать, по моей. Ты ж сама в провожатые навязалась.

– Очень далеко! Обход на тридцать верст – это, в твоем состоянии, почитай, целый день пути, – сказала она, с раздражением отжимая робу. Затем уперла руку в бедро, с разочарованием глядя на глупую одежду, которая, несмотря на ее старания, упрямо оставалась сырой. Нагота ее совсем не смущала.

– Получается, я виноват?

– Получается, ты, – подтвердила она, еще раз тряхнув робой, точно пыльным ковром.

– Оденься, пожалуйста.

– Сейчас вернусь.

Уняв желание проводить беззастенчивую сударыню взглядом, Рэй растянулся на берегу. Сил не было. «Лиша... – подумал он, – хоть бы этот Нос смог за нее заступиться».

Он ненадолго прикрыл глаза. Тем временем пылающие березы угасали, заливаясь пунцовым закатом. Тело прообра-

ло дрожью.

– Не валяйся на земле, у тебя уже губы посинели, – сказала вернувшаяся девушка.

Она вывалила на землю груды хвороста. Рэй сидел подрагивая, спрятав ладони под мышки.

– А тебе н-не холодно в сыром?

– К холоду привыкла. Я выросла далеко на севере, уж там намного холоднее.

– В северном крае? – удивился Рэй и, надеясь-таки разузнать хоть что-то о новой подруге, попросил рассказать.

– Что, про северные дали? – без интереса уточнила она. – Там круглый год мороз, почти нет деревьев и много снега.

– Н-нет. Про твой д-дом.

Она на секунду прервала построение конуса будущего костра. Задумчиво рассмотрела ветку в руках.

– Я очень давно оттуда ушла и мало что помню.

– М-мне интересно, расскажи.

Девушка перевела взгляд на тихую реку, и губы ее слегка вытянулись. Солнце только-только спряталось за зубастыми елями, подкрадывались сумерки.

– Там и правда много снега, – начала она, предаваясь, похоже, очень теплым воспоминаниям. – Знаешь, он там белый. Это особенный цвет, ты такого никогда не видел. Сияюще-белый! Даже когда солнца нет. И всегда разный: сегодня пушистый, завтра колючий, потом упругий, потом теплый.

– Теплый снег?

– Лето, – продолжала она вдохновенно, – длится всего три лунных цикла, за это время отцветают мелкие цветы, что ютятся на солнечных склонах предгорий. Успевают вырасти ягоды, такие кислые и сочные! Голубые горы – горы-мудрецы, из века в век стоят на страже полярных земель. Вечно снежные пики, что тянутся через весь континент, занимая северный горизонт. А долгими зимними ночами можно увидеть, как сияют волшебством небеса. Люди зовут это северное сияние? Представь, необъятная сияющая река течет через небосвод от края до края. А еще, – она вдруг затихла и улыбнулась алому закату: – звезды. Такие многочисленные и яркие. И когда смотришь в небо, можно утонуть в его глубине и потеряться среди всех этих самоцветов, неисчислимых... и таких далеких.

– Ну и к-кто из нас зануда?

Не отреагировав, она спросила с мимолетной надеждой:

– Говорят, вы, герои, приходите со звезд. Это правда?

– Ты явно знаешь, что нет.

– Знаю.

Кострище было собрано, а подруга с усердием натирала палочку, упертую в комок, свитый из тонкого древесного жмыха. Рэй подтащил сырое бревно, выброшенное на берег былым течением, и присел рядом. Струйка дыма вытянулась вверх.

– Спасибо, – сказал он, подставив онемевшие руки к огню.

Закатные лучи скрылись за грозовой тучей, набрякшей под вечер в северной части неба и спешащей закрыть собою небосвод. Рэй глядел в желтые угли, бьющиеся в сердце ко-стра.

– Всё же попробую еще раз. Кто ты?

– Твоя самая большая удача? – надменный и насмешливый тон вернулся, как тут и был. Ни следа уязвимости, которую Рэй заметил полчаса назад, спросив о доме.

– Не похоже на удачу.

– Тогда судьба? – предлагала она варианты, поправляя костер. Языки пламени восходили выше, устремляясь за неведомыми искрами.

– Жестокая судьба. Может быть.

– Или просто случайный результат твоих действий? – повернулась она, а уловив непонимание собеседника, прибавила: – Мы провели вместе целый день. Мог бы уже понять кто я.

– А ты бы что выбрала? Из перечисленных вариантов.

Та усмехнулась, но, ощутив нешуточный тон, ответила уверенно:

– Последнее.

– Случайный результат? Как бы глупо это ни было?

– Как бы глупо это ни было. Я не хочу верить в судьбу, ни в добрую, ни в жестокую, – говорила она, и огонь отражался в ее печальных глазах.

– Хочешь, чтобы всё зависело лишь от тебя?

– Наличие судьбы – ужасная идея. Она всё лишает смысла. Страдания предписаны, победы предрешены. Твое существование ничего не значит. Мне неинтересно проживать задуманную кем-то юдоль. Мои поступки свершены моей волей – так я бы хотела верить. Думаю, лишь то, чего ты достиг своими решениями, пусть и сквозь ошибки, имеет хоть какое-то значение. Воля – основополагающий принцип взаимодействия Нави и Прави, но в истинной форме он проявляется только, здесь в третьем мире – Яви.

Рэй попросил рассказать подробнее.

– Вообрази себе Навь. Тёмный, астральный мир, почти не имеющий границ. Там бестелесная душа чувствует себя очень комфортно. Нет препятствий, боли, волнений и невыполнимых желаний. Но из-за этого в Нави невозможен рост, развитие души. Явь – гораздо более плотный мир, наполненный колоссальным количеством энергии. Жить в тут нелегко, однако именно здесь куются сильнейшие души.

– А ты даже более вдумчива, чем кажешься на первый взгляд.

– А ты не такой уж симпатичный, чем кажешься на первый взгляд, – не упустила возможности вставить шпильку девица.

Рэй лишь выдохнул.

– Чего голову повесил? Непременно ждал лести в ответ? – подняв брови, спросила она. – Глупо ожидать преданности от невольника.

– Ты, что ли, невольник?

– Пленил меня и даже не понимаешь, – грустно улыбнулась она.

– Никого я не... – начал было Рэй, но девушка вдруг под села вплотную.

Карие, наполненные мудростью и красотой глаза опять захватили его внимание. Внутри насыщенной радужки мерцал черный, слегка вытянутый вертикально зрачок. Он видел эти глаза раньше. И теперь наконец-то вспомнил.

Она прильнула ближе, опустив руку на плечо. Сквозь зябкую одежду ее прикосновения казались горячими. Усталое сердце взволновалось. Она потянула завязку на рубахе и открыла плечо.

– Первым делом ты спросил, где мой дом, словно бы знал, что ответ всё объяснит. Я уже показывала, но погляди же еще раз.

Пальчик опустил с его плеча на грудь. Последовав взглядом, он обнаружил черную татуировку на уровне сердца. Не совсем четкий, сплошной контур походил на лису в прыжке. И было у нее два хвоста.

– Печать Святобора.

Рэй на миг обомлел:

– Дитя...

– Ты хотел всё увидеть? – загадочно спросила она. – Я покажу. Но прежде ответь... – тут все звуки мира исчезли, и только острый шепот сорвался ее с губ: – можно... тебя

съесть?

Волнение забурлило в груди еще до того, как по побе-режью прокатился рокочущий вой, от которого вспорхнули вдали стаи птиц! Хруст костей, перемешанный со звериным ревом, последовал. Она присела на коленки, вытянув руки вперед. Спина удлинилась, изогнулась вниз, затем встала дыбком; из-под робы выстрелили искажаемые судорогами ноги, глубоко под кожей обрастающие мускулами и моментально укрываемые звериной шкурой.

Вой разлетелся по берегу вновь. Чудище, путем стремительной смены гротескных форм, предстало пред героем. Пусть в лесной пещере было темно, он отлично запомнил эту форму и этот взгляд. Зверь, однако, подрос не до прежнего размера, и всё равно масса чудища вкупе с могучими мускулами, которыми обвивалось это совершенное тело, заставляла испытывать трепет.

Завершив метаморфозу, зверь повернулся, обнажив клыки – белые как мел и острые как мечи, а над его станом – более даже волчьим, нежели лисьим – царственно взвились два хвоста с белыми кончиками. Она ступила шаг, и четырехпалая лапа оставила отпечаток в мягком речном песке.

Рэя в равной степени охватили волнение и восхищение. В крепких сумерках лишь свет палящего костра играл контрастными тенями на ее шкуре. Чудовище приблизилось вплотную, горячее дыхание пробежало по коже. Его хрупкая жизнь, над которой склонилось чудище, могла быть оборва-

на в любой миг. И всё же теперь, кроме мешанины чувств, забил ключом другой источник внутри его сердца. Он поднял руку, коснулся оскаленной морды, обнаженного клыка, и в эту секунду мир исчез, обратившись тьмой.

Не здесь, а где-то в далеком далеке. В северной ночи, которая луна за луной тянется в высокогорных плато северной земли. В глубочайшем в холоде и отчаянном одиночестве. В овале лунного света, на ярко-белом снегу лежит, поджав колени к подбородку, девочка с длинными, белыми, как снег, волосами. Короткие упитанные ножки. Поджатые к груди кулачки. Столь хрупкая, не кровожадный зверь, а лишь ребенок – беззащитный, потерявшийся.

Он подступил к ней, припав коленями на снег, провел теплой ладонью по блестящим волосам на виске. Внезапный порыв вьюги заставил зажмуриться! Колючий снег застлал глаза.

И он вновь очутился на берегу летней реки. Звериные красновато-карие глаза всё еще были напротив. Он улыбнулся, не замечая боли, которой горит ладонь, зажатая меж клыков.

– Знаешь, – сказал он, склоняясь вперед так, что лоб его коснулся острого, мокрого носа, – а ты очень красивая.

Лисица пару секунд наблюдала за героем, но вскоре фыркнула, выпустив руку, и совершила один сильный прыжок, что унес ее далеко в заросли, где за ловкой тенью невозможно

было уследить.

Он опустил взгляд на ладонь, по которой стекал тонкий, красный ручеек.

«Приятно познакомиться... Сольвейг».

Более часа Рэй оставался в одиночестве. «Сегодня звезд видно не будет», – подумал он, глядя в черное, затянутое тучами небо. Он еще раз всмотрелся в аккуратный четырехпалый отпечаток на песке. Шорох кустарников выдал возвращение спутницы. Она, опять в человеческом облики, появилась на берегу с охапкой хвороста. Дождавшись, когда она закончит с костром, герой спросил:

– Обязательно было кусаться?

– Нечего руки совать.

– Это вместо «извини»?

– Вместо «спасибо за ужин»! Как у тебя с головой?! – она обернулась, и, кажется, на глазах ее что-то сверкнуло. – Чтоб ты знал, в звериной форме я иначе воспринимаю мир. Вкус крови во рту...

– Я понял. Прости. Больше так не буду.

– И не трогай нос! У лис прикосновение к носу означает... другое.

Ночные сверчки стрекотали, но негромко – предчувствовали грозу. Над рекой протяжно ухала неясить.

– Теперь тебе понятно? Твои глупые действия... – заговорила она, присев подле костра, так что Рэй видел лишь

ее спину. – Я дух, который живет, питаюсь энергией земли. Жил, точнее, но ты использовал это страшное, древнее колдовство. Сначала мою душу словно пронзило тысячей игл. А потом и земля, само дыхание которой шло сквозь мое естество, вдруг замерла, обернувшись мертвым железом. Мир угас, и во тьме я осталась. В таких ритуалах обычно используется и третья часть, но ты так и не исполнил ее – не изгнал меня и не дал сил на то, чтобы я могла добраться до другого источника. Жестокий, – шепнула она, и сердце героя затеснило. – Как сделал ты, поступают только со злейшими духами, что душат ночами младенцев, заводят путников в болота, устраивают поджоги. Когда люди не хотят, чтобы дух жил даже после того, как покинет их край. Разве я заслужила такое?

Рэй хотел было объясниться, ведь всё это и правда случайность! Но не нашел подходящих слов, да и пустые оправдания ничего не стоили.

– Что мне оставалось после двух заклинаний? Весь мой мир, живой секунду назад, попросту погас, и я не видела ничего, кроме тьмы. И вдруг лишь твоя жизненная энергия, твоя душа, блеклая, точно свечка на горизонте черного океана, замерцала вдалеке. Мое тело было изранено охотниками, а дух – тобой. Не имея доступа к силе этих краев, я не смогла бы пережить даже ночь. Мне оставалось лишь умереть... или поселиться в твоём сердце.

Рэй подошел и присел рядом, коснувшись ее плеча своим.

– Получилось, я и правда пленил тебя.

– И кому из нас следует извиняться?

– Откуда мне было знать? Ты нападала на животных в поместье, а мы и так голодали. Ты нападала на людей.

– Но я ни одного не убила! Ранила лишь тех, что угрожали мне оружием. Это, по-твоему, неправильно?

– С твоими способностями могла бы и сама охотиться, не влезая на территорию людей. Разве обязательно было воровать?

– «Воровать»? – отклонилась она. – Моя душа отличается от твоей, но физическое тело точно также требует пищи.

– Это не оправдание. Ты не имела права убивать чужих животных.

– Это только твоя мораль. По-моему, справедливее убить животное, не знавшее свободы и выращенное на еду, чем оборвать жизнь вольного зверя да в его же доме. Кроме того, разве не вы сами виноваты, что не могли обеспечить себя достаточным количеством пищи?

Рэй молчал.

– И вообще, мне нет дела до ваших законов.

– Это неверно. Ты вступила в отношения с людьми, значит, тебя законы тоже коснулись. Съеденные животные тебе не принадлежали. За это люди и были злы.

– А, поняла. Ты поборник морали. Да такой, что даже свой незаслуженный приговор находил справедливым. Борец за законность, тут ты правильной дорогой идешь! Абсолютная

справедливость была по душе и Великим Героям.

Она отвернулась, с обидой швырнув тяжелую ветку в костер, отчего обугленный конус обвалился, сделав лужок тусклее.

– Но жизнь показывает, что герои, да впрочем и обычные люди, правильно ведут себя лишь до того момента, пока не обретут силу. Лишь до момента, пока не поймут, что мораль только сковывает, уже не давая ничего взамен. Вы рьяно защищаете свои законы, но только пока сами нуждаетесь в них. Говорите, что воровать нехорошо, но только для того, чтобы вас самих ничего не отняли силой. Что убивать – страшный грех, но лишь для того, чтобы сберечь собственные жизни! Однако стоит обрести чуть больше силы или власти, как угроза отпадает, и защита, которую давала мораль, больше не нужна. Неприкосновенность чужих благ забывается сама собой. Вдруг становится ясно, что сильный-то вправе отнять у слабого.

– У тебя, похоже, большой опыт в общении с героями. Но мыслишь ты в слишком узких категориях.

Та пожала плечами.

– А в человека ты тоже стала превращаться благодаря мне? – решил сменить тему Рэй.

Лисица неприятно усмехнулась:

– Не льсти себе. Даже говорить не хочу о твоих способностях заклинателя. Мы... я – лүми-ва́ки – люди снега или белые люди. В давние времена в нашем роду было много пле-

мен, но века шли, и мы, народ луми-кеттү – снежные лисы – остались едва не последними носителями двух форм: звериной и человеческой. Это и есть особенность наших душ.

– Снежных лис? Так ты ведь рыжая, – усмехнулся Рэй, но собеседница только больше помрачнела.

– Я говорила, что ушла из дома, – проглотив комок, продолжила она. – Там, среди морозных степей и горных равнин, у меня был красивый мех, чистый, подобно свежеснежному снегу. Но чем дальше я уходила от родных мест, тем темнее становился окрас. Уже много лет он полностью рыжий. Отвратительный цвет. Даже местная холодная зима не в силах его очистить.

– А я нахожу такой цвет красивым.

– Тебе это всё кажется смешным?! – она резко повернулась, и тусклые искорки блеснули на ее глазах. – Почему же не выстрелил?! Там, в пещере! Когда я оказалась в норе, второй круг колдовства уже был замкнут. Я не могла ничего с тобой сделать, не могла убить единственный свет, который вижу! Я была готова всё прекратить. Нужно было пустить тетиву.

– Просто мне стало ясно, что я не желаю тебе смерти.

– Благими намерениями... – хмыкнула она. – Пред лицом смерти я испугалась, выбрав твое сердце. А ведь могла наконец-то всё это завершить, – сказала она с нестерпимой, похожей, очень давнишней горечью.

Она спрятала лицо в капюшоне своей накидки и сказала

еще тише:

– Знаешь... я тебя ненавижу.

Герой выдохнул, обдумывая рассказ, отправил взгляд на поверхность реки, над которой скользили редкие зеленые светлячки.

– А жизнь всё-таки лучше! – не к месту бодро сказал он, так что девушка даже подняла удивленный взгляд. – Я считаю, что ты правильно выбрала. Да и держать тебя на цепи я не имею никакого желания – можешь быть свободна. Просто скажи, что нужно сделать, чтобы тебя освободить?

Она опять сникла, потупив взгляд.

– Нужно произнести слова? Еще один наговор? Готов хоть живьем вырезать этот символ с груди.

Скрывая лицо в робе, та покачала головой и объяснила, что вовсе не знает, как развеять однажды установленную метку Святобора и, что не менее важно, сама не понимает, с чего та первым делом взялась у Рэя на груди.

– Может, оно так всегда происходит, а может, тут особый случай. Думаешь, я каждый день перемещаюсь в человеческие сердца? Да и не в одной связке наших душ тут дело. В твоём сердце настолько мало жизненной энергии, что я, вероятно, просто умру, если меня от него сейчас оторвать. Теперь видишь? Ты мой. Моя тюрьма.

– Сольвейг... – обратился он сочувствующе, но девчонка вдруг вскочила и рывком схватила его за грудки!

Она стояла спиной к костру, так что он не мог разглядеть

ее лица.

– Откуда знаешь это имя?!

В ответ он ее взял ее за руки и высвободился из хватки, однако оставив на себе просто испепеляющий взгляд.

– Узнал, когда прикоснулся к тебе. Только что, в форме лисы.

– Не могло такого быть! – внезапно выкрикнула она.

– Но тебя ведь так зовут.

– Нет! Нет, нет, нет! – прокричала она, прижимая ладони к вискам. Задумалась и снова отвернулась к огню, закусив ноготь. – Но почему же опять... Это имя, ты не можешь его знать.

– Да что с тобой? Что такого в имени?

– Не можешь! Ты не можешь, ведь его... дал мне Горлицвет.

Рэй, окончательно потерявшись, осел на бревно.

– Великий Герой? Они ж пятьсот лет назад жили. А тебе тогда сколько?

– Не пятьсот, – недовольно бросила лисица, – а всего триста пятьдесят лет назад. Вы, люди, вообще не в ладах с восприятием времени, а тебе уже было сказано, я не человек. Мы не стареем, как вы, и иначе живем сквозь время. Но только почему же?! Почему это всё опять происходит? – она присела подле костра, пряча глаза. – За что?..

– Сольвейг. Знаешь, в моем мире есть похожее имя. Если переводить нестрого, оно может читаться как «ледяная де-

ва». Для снежной лисы, кажется, в самый раз. Может, оттого Горлицвет и назвал тебя так?

Она вдруг посмотрела как-то по-особенному – влажные глаза были печальны и красивы.

– Не нравится такое имя? – спросил Рэй.

– Мне всё равно, – отвернулась. – У народа луми-кетту нет имен, и это тоже не мое. Зови как хочешь, если нужно. Просто я не могу поверить, что ты знаешь его. Такое старое имя. Так давно никто не звал меня им.

– Ну что ж! – Рэй поднялся с бревна, прочистил горло и набрал полные легкие, готовясь к спонтанной речи. Провозгласил, надеясь, что верно запомнил название ее народности: – Достопочтенная луми-ваки, рода луми-кетту! Мы знакомы лишь день, но я с уверенностью могу сказать, что ты самая несносная из известных мне женщин. Да и лис. Но сейчас я, пред рекой по левую сторону и камышом по правую, приношу тебе обещание в том, что избавлю тебя от уз, что связали наши сердца! Чего бы мне то ни стоило.

Сольвейг сначала удивилась, но вскоре тень улыбки тронула ее губы. Покачав головой, она смахнула капельку изпод глаза.

– Думаешь, я из-за того плачу? Что привязала свою душу к бездарному герою?

Рэй остался в растерянности – он-то полагал, что как раз из-за этого.

– Какой же ты чурбан. И вообще! – уже знакомым высо-

комерным тоном изрекла она. – Это очень глупо – клясться перед природой в том, чего совершенно не понимаешь. Как исполнишь обещанное? Метка Святобора – мощнейший связующий символ.

– Вещи Великих Героев, – ответил Рэй. – Если хоть часть того, что я слышал о них, правда, то какая-нибудь сможет развеять метку и дать тебе силы, чтобы найти новое место обитания.

Девушка с сомнением покачала головой, в общем-то не сильно веря в такую возможность, а всё же приподнятые краешки губ выдавали заинтересованность в объявленной авантюре. Рэй протянул мизинец, но, заметив непонимание на лице северного духа, взял ту за руку и сцепил их мизинцы на фоне костра.

– Так мы даем важные обещания.

– Ого, геройское обещание? Таких я еще не получала. Эх, не знаешь ты во что ввязываешься.

– А мне, похоже, не впервой, – ответил Рэй, и договор с духом северных степей был заключен.

Настойчивое летнее солнце застигало закрытые глаза черно-желтым сиянием, пока герой, вопреки привычке, неторопливо медленно пробуждался. Голова наполнилась приятной сонной тяжестью. Он огляделся, поймав взглядом стройный силуэт Сольвейг: закинув ногу на ногу, она любовалась рекой, свежий утренний ветер касался ее волос.

– Не помню, чтобы герои так помногу спали, – сказала она реке.

Рэю сейчас было так хорошо, что не ответил. Складки рюкзака, на котором он спал, красными полосами отпечатались на щеке – признак хорошего сна.

– Держи, – она протянула ветку с нанизанными кусками жареного мяса. – Что вылупился? Это заяц. Поймала сегодня утром, пока ты изволил отсыпаться. Да не думай лишнего! Уже говорила, мой дух теперь живет целиком за счет твоей жизненной энергии. Если ты плохо себя чувствуешь, это отразится на мне, так что отныне изволь кормить два рта.

– Ты была просто огромной, когда я встретил тебя в пещере.

– Такова моя естественная форма, но тогда я жила на своей земле. Мне едва достало сил унести тебя из лагеря, а вчера ты вновь заставил меня обернуться, и я истратила на то последние силы. Полагаю, коль я ныне обернусь лисой, то и вовсе стану похожа на дворовую шавку.

– Сто лет не ел зайчатину. Спасибо, Сольвейг.

– Вижу, ты всё-таки решил использовать это имя, – впервые с начала разговора изволила обернуться она. – Знаешь, для меня сто лет вполне реальное время. Коль собираешься стать напарником премудрой снежной лисы, тебе следует быть более аккуратным в выражениях. Едва ли ты мог бы прожить озвученные сто лет.

Рэй пропустил замечание мимо ушей, плотные волокна

мяса на зубах казались невероятны.

– Не могу выразить, как я благодарен, – прожеывая, ответил он.

Девчонка горделиво приосанилась:

– Знаешь, я ведь милостивый дух. Можешь смиренно благоговеть, лишь ощутив удивительный вкус этой еды.

– Не могу, – повторил Рэй.

Сольвейг непонимающе уставилась на героя.

– Ведь на вкус просто отвратительно, – улыбнулся он, всё же с огромным удовольствием отрывая следующий кусок.

Обиженная лиса вспыхнула, поднялась, одарила героя коротким ненавидящим взглядом и зашагала прочь. Рэй, подхватив рюкзак, поспешил следом.

– Ну правда, как можно настолько испоганить зайчатину?

– Сгинь!

– Сверху подгорела до углей, а внутри ну совершенно сырая. Ты не только плавать, но и готовить не умеешь, премудрая лиса.

– Ух, бесишь, – шикнула она. – Отныне не жди моей доброты и ищи еду сам. Оголодаешь – туда и дорога!

Рэй шел следом, сражаясь с почившим на ветке зайцем. Вместе они двигались сквозь молодой лесок.

– Что такое падуб? Коль меня нарекли этим словом.

Девушка осмотрелась и мотнула головой на высокий кустарник, который отличали интересные листья со множественными заостренными под лезвие кончиками.

– Падуб, – констатировала она, проходя мимо дерева, на ветвях которого завязывались мелкие белые цветочки.

Листья у падуба были жирными, матовыми и каждый по форме выглядел как опасное холодное оружие.

– В деревнях его еще называют остролист. К осени на нём вырастут красные ягоды-костянки, а листья обретут белую кромку. Непростое дерево. К нему обращаются за помощью охотники, странники, порой даже ведуны. Но падуб избирателен и вовсе не каждому открывает свои тайны.

Рэй не совсем понял, почему Сольвейг вдруг заговорила о дереве, как о чём-то одушевленном, однако не успел додумать эту мысль.

– Каков твой план? – строго спросила она.

Рэй остановился:

– Ты о чём?

– Короткая же у тебя память, – Сольвейг тоже остановилась, скрестила руки поверх хламиды. – Твое обещание. Как собираешься сыскать предмет Великих Героев, которым разорвешь нашу связь?

– Сначала я найду героев этого века. Ярослав и Настя сейчас должны быть в Умире. Уверен, они посоветуют что-нибудь, если я смогу до них добраться.

– Помнится, этот Ярослав взял тебя на охоту в качестве приманки на лютого зверя.

– Не значит, что он плохой человек, – возразил Рэй. – Ну, в каком-то смысле значит. Но ты поможешь мне туда до-

браться?

– Будто у меня есть выбор. Но Умира далеко, а тебе нельзя показываться на людях – эти кровавые обноски сразу выдадут беглеца.

Рэй предположил, что он сможет добыть приличную одежду в деревне Стягота, что и лежит на пути. Сольвейг предупредила:

– Стягота – первое место, куда пытаются бежать лиходеи из Бересты. Вашего брата там знают и не жалуют.

– Что-нибудь придумаю, – ответил он, на ходу ощупывая глубокие внутренности рюкзака. – Ты сказала, что наши души теперь связаны. Что будет, если мы физически окажемся далеко друг от друга?

– С тобой ничего. У тебя человеческое сердце, которому отведен свой век. Но мое работает иначе. Лишившись источника, коим является твоя душа, я очень скоро ослабну, а истратив остатки сил, просто усну. А может, вовсе исчезну. Человеческие души отправляются в Навь, через Калинов мост. Душа луми-кетту только наполовину людская. Понятия не имею, какие у Велеса заведены правила относительно моего племени.

– Ты северная лиса. Что, если вернуть тебя на север?

– Это место, где я родилась. Метку это не развеет, но и энергия твоей души мне не потребуется. Но это непомерно далеко и... – она вдруг обернулась: – Чего ты в нём роешься?

Тот шагал, по плечо провалившись в волшебный рюкзак.

Наконец остановился, присел и запустил руку еще глубже. Выволок пригоршню мусора. Улов в вековой суме вышел небогатый: одубевший обрезок кожи, иссохший гриб и два круглых предмета. Первым оказалась желтая костяная пуговица с тремя дырочками, вторым – почерневшая монета.

Глаза Сольвейг на миг расширились, когда она увидела содержимое ладони.

– Это много? – спросил герой, отряхивая монету и собираясь выбросить остальное.

Она будто бы даже несмело взглянула на ладонь, страхась спугнуть это видение, затем украдкой спросила:

– А м-можно мне взять?

Тот повел плечом и протянул монету, но девушка присела рядом и, взяв его за руку, приняла пуговицу из другой ладони. Она с теплотой рассмотрела предмет, удерживая пальчиками обеих рук, будто не до конца веря в его существование.

– Это что-то особенное?

Она качнула головой, так что ее густые пряди легко коснулись щек.

– Самая обычная пуговка, – ответила она, улыбаясь предмету. После чего с любовью примерила, как та смотрелась бы на воротнике ее хламиды. – Просто думала, что давно потеряла, а она вон где пряталась. Может, он ее хранил?..

– Он? Так и думал, что это рюкзак самого Горицвета. Что насчет монеты?

– Монеты? А, да, – она мелком взглянула на гнутый круг-

ляш, – это только выглядит как алтын. Но это не серебро, а старая железная полушка. Удивительно, что ты ее нашел. Сейчас такие не в ходу, оно и понятно, монетка три сотни лет в заплечнике провалялась. Даже не знаю, кто это такой важный на ней изображен. Но она всё равно должна иметь свою скромную цену в металле.

– Царь какой-то, наверное. А кто, вообще, правит этими семью краями?

– Царей тут никогда не было. Вроде бы княжит сейчас Василий Дмитриевич, сын Дмитрия Ивановича.

– Стало быть, монархия. Интересно, какой формы, – задумался Рэй.

– Формы? – спросила она, не без труда отвлекшись от занявшей ее пуговицы.

Беглец улыбнулся, покачав головой:

– Поспешим, нам далеко идти.

Юное лето: разноцвет месяц

Наступило третье утро.

К обеду они наконец подошли к своей цели. Скотоводческая деревня Стягота лежала в низине, окруженной перелесками. В окрестностях даже появилась битая дорога.

– Это Стягота? Не верится, что добрались. И даже ни одного патруля не встретили, – изнемогая от усталости, сказал

Рэй.

– Рано радуешься. Нам по-прежнему надо что-то придумать с твоей одеждой. Зайдешь в деревню в таком виде, тебя тут и схватят да усадят в первую же ладью до Бересты. Второй раз за тобой не полезу.

– Буду осторожен, – кивнул он. – Знаешь, я ведь и не поблагодарил тебя за то, что вытащила меня из этого жуткого места, – он шагнул чуть впереди, прикрывая ладонью глаза от сильного солнца.

Лисица же вдруг отвернулась, гордо приподняв подбородок, и зашагала быстрее.

– Да еще в такой момент. Вероятно, уже и помер, если б не ты.

– То-то и оно! – надувшись, высказала Сольвейг. – Три дня с тобой идем, мог бы давно слова подобрать.

– Злишься, что раньше «спасибо» не сказал?

Девушка опять хмыкнула и отвернула голову еще дальше.

– Ну виноват. А что, надо было сразу за оградой лагеря тебе в ноги пасть? Я даже о твоём существовании не знал. Тут, вообще, я жертва, через такое пройти! К тому же на момент побоища в Бересте, мы с тобой уже были связаны меткой у меня на груди. Могла бы нормально меня вытащить, до сих пор плечо ноет от твоих зубов, – возмутился он, хотя и понимал, что малодушничает. Эх, надо учиться вести себя достойнее, как подобает герою.

Девушка опустила голову, молча сложив руки на животе.

Они шли какое-то время, но тут Сольвейг задала вопрос:

– Почему друзья-герои не оказали тебе помощи? Эти Настя и Ярослав.

– Ну, думаю...

– А можешь не думать! У тебя это плохо получается. Ты жертва, значит? Думаешь, им-то легко было тебя оставить?

– Что ты на меня опять взъелась? С чего было им рисковать или выплачивать мой огромный штраф? Мы и не друзья даже, едва друг друга знали.

– И всё равно! Как не понимаешь, что с тобой у них куда больше общего, чем с кем-либо еще в этом мире.

Теперь Рэй опустил взгляд. Как ему было радостно увидеть других героев, так и они наверняка были рады встретить нового друга.

– Думаешь, легко было им оставить собрата на потеху судьбе? Но они-то совершенно ничего не могли поделать. А вот ты, видно, даже не понял, как мудро поступила снежная лиса. Внемли же! Кабы недалекий узник Рэй «сбежал», его б преследовали до Калинова моста!

– А если бы стало известно, что ему помогли герои, это бы в очередной раз подпортило их репутацию, – продолжил Рэй.

– То-то же! А так, видишь? Унылый и безымянный узник почил на клыках лютого зверя, что водился подле поместья. Любого спроси – скажет, что судьбе бедолаги можно лишь посочувствовать.

– Ты права. Личности героев остались вне подозрений, а мертвеца не станут разыскивать, – Рэй вновь поглядел на плечо с тёмными отметинами от зубов, но теперь иначе.

Путники шагали сквозь малонаселенные окраины. Дома здесь стояли далеко друг от друга и почему-то многие смотрелись оставленными: упавшие заборы, заросшие сорняком ограды, прохудившиеся крыши.

– Хм, в одном из этих наверняка сыщутся какие-нибудь обноски, – предложила Сольвейг. – Сойдешь за бродягу, а не беглого лиходея.

– Полагаю, кроме как домушничать, вариантов не остается.

Рэй воровато оглядел пустую улицу: даже вдалеке, у основного массива деревни, никого не было видно. Но герой всё не решался. Рыжая заметила душевные терзания на лице спутника и неохотно сказала:

– Ты постой здесь, я сама погляжу.

– Нет. Я должен сам, – ответил он, рассудив, что переключивание вины не отменит факта преступления, да еще станет самообманом.

Герой выбрал обветшалое жилище с заколоченными окнами: кособокая бревенчатая изба пустовала по виду уже не первый год. По пояс войдя в океан свежей зеленой овсянки, он обошел дом с обратной стороны, чтобы никто со стороны деревни не мог его заметить, и принялся взбираться по стене к окну.

– А ты рецидивист! – не удержавшись, хихикнула Сольвейг.

– Это брошенный дом.

– Но заколочена изба как раз на то, чтобы в нее не забирался кто попало. Эх, только ведь из неволи сбежал и тут же взялся за лихое! – придерживая голову ладонью, дивилась Сольвейг. – Где же твоя беззаветная вера в законность и высокую мораль?

– Она никуда не делась. Уверяю, я весьма огорчен тем, что совершаю сей поступок. Но без одежд мне не обойтись.

Сольвейг фыркнула:

– Не обойтись, так давай поглядим вон ту избу, она тоже

брошена, но выглядит куда целее и богаче. Авось еще и что ценное сыщем. Не понимаю, к чему из себя ханжу строить? Нет свидетелей – нет преступления.

– Тут ты неправа, – вскарабкавшись до высокого непрозрачного окна светлицы и уцепившись за доску, ответил Рэй. – Один свидетель есть всегда, Сольвейг, это ты сам. Законопослушное, а главное честное поведение – не самоцель и не ханжество. Совершая мелкие проступки, срезая углы, исхитряясь ради мелкой выгоды, мы размениваем душу. От таких обменов притупляется чувство плохого и хорошего. Ты перестаешь замечать в себе этот сор, а он тем временем накапливается, тяжелеет и тянет тебя ниже и ниже. Оглянуться не успеешь, как совершение тяжкого преступления сначала покажется допустимым, а потом даже справедливым.

Рэй потянул доску, стараясь открыть проход в уже выбитое когда-то окно.

– Потому-то я, кех, не собираюсь ничего красть! У нас есть монета, оставлю ее в обмен на одежду, так что это уже будет... не совсем кража.

– В обмен кому? С домовым торговать собрался? Да и он уж, поди, ушел. Кстати, эти доски выглядят уж очень...

Не успела она окончить, как истлевшая древесина рассыпалась под пальцами, и герой гулким хлопком низвергнулся в траву под окном. Рыжеволосая с удовлетворением склонилась над ним:

– Что, великодушный расхититель, не удался взлом?

Рэй с горечью отмахнулся, стряхивая с себя сор и глядя на непреступное окно.

– О-хо, – пропела девчонка, – какой печальный взгляд, знать, вот где мы дошли до хандры. Что ж с тобой поделаться?

Она подошла к избе, потянулась, а затем подскочила, толкнувшись одной ногой об угол стены, другой – об оконную раму, и зацепилась за перекладину стрехи. Перехватившись, скользнула под стреху, где из-за просевшей крыши сместились стропила.

Несколько минут слышалось, как лисица хозяйничает в доме.

Ловкачка выбралась из-под крыши тем же путем и протянула ворох рваных одежд.

– Выбериай.

– И правда вылитые домушники.

– Успокойся, там много лет никто не жил. Ты посмотри, хлам, а не одежда.

Рэй покачал головой, прошел к плотно заколоченным дверям с другой стороны дома и сунул монету под порог.

– Серьезно? – не веря в такую глупость, выдохнула Сольвейг. – Единственные деньги решил оставить?

– Я же сказал, мы не будем красть. Честность, достоинство и преданность ремеслу. Геройский путь! Привыкай.

Девушка с безразличием закинула руки за голову.

– Предо мною-то можешь не интересничать, мне некуда

податься. Хоть и начнешь творить разбой на дорогах, останется лишь последовать.

– Впечатляющая преданность, – саркастично ответил он, избавляясь от грязной арестантской одежды.

Тёмно-бежевые льняные штаны с дырками на обоих коленях и веревкой на поясе, косоворотка того же цвета – одёжи достались потрепанные, но чистые и впору. Дряхлые лапти с завязками легли на серые онучи¹⁵. Такая обувь, хоть и непривычная, оказалась безмерно удобнее войлочных туфель, какие носили в Бересте, а уж надеть сухие башмаки на босые ноги, иссаженные днями пути, оказалось настоящим блаженством.

– Что скажешь? – спросил Рэй, оценивая на себе холопский наряд.

Сольвейг, закатив глаза, пошла к дороге.

Миновав умирающие окраины, герои вошли в залитую солнцем деревню. Массив Стяготы составляли маленькие одноэтажные избы. Благодаря сухой погоде, что стояла последние пару дней, грязь на дороге затвердела высокими гребнями. Что тут творилось в дождь – страшно представить. На зеленых угорах вокруг пестрили многочисленные стада черно-белых коров. Ветер нес по округе разноголосое щебетание.

¹⁵ Онучи (*старорусск.*) – деталь одежды, представляющая собой обмотку ступней под сапоги или лапти.

Двое дошли до центра поселения. Душистый дымок с полынью и вереском пролетел мимо. Площадь занимало языческое капище. Двенадцать прямоугольных плит, утопленных в грунт, составляли на земле круглый циферблат – символ цикличности. На шестой по счету плите, которая, следует думать, овеществляла нынешний разноцвет месяц, были разложены горшки с цветами, краюшки хлеба, семечки и прочие подношения.

В центре возвышался светло-серый обелиск высотой в две сажени¹⁶, с любовью разукрашенный ленточками, цветами, нарисованными коровами, лосями и другими рогатыми животными. В нижней части вырублено горнило, в котором тлеют бревна, укрытые благовонными травами. Чуть в стороне от капища стояла в человеческий рост табличка из песчаника с выбитыми рунами. Место веяло историей и мистицизмом.

Так Рэй залюбовался, что не заметил, как рядом очутился мужичок в серой тунике с отрезанными рукавами и соломенной панаме.

– Добре, – скрипнул тот и, потеряв мозолистые ладони, спросил: – Пошто до Велеса?

– Просто смотрю. Красиво.

– Кех, смотри, без смотрелок останешься. Велес пустой головы не любит. Откуда горазд-то, не со Стяготы же?

– Я издалека приехал. Хожу по свету, гляжу, как люди в

¹⁶ Сажень \approx 2,16 м.

разных краях живут. А это всё в честь кого построено?

– Ясному Велесу во славу, – с улыбкой ответил мужик и поклонился обелиску.

– Это ваш бог?

– Ну, кому, може, и бог. Алтарь отца нашего, покровителя старушки Стяготы, – мужик с благоговейным прищуром воззрелся на рогатую вершину. – Бог-то, он у этих, крестопоклонников, будь они неладны, чудо ихнее, без тела и без имени. Ходят, сказывают о своем боге невидимом, а он нам тут и сто лет не всрался! Давеча, вон, аж до хаты ко мне пришли, болтуны. Битый час голову морочили, пока дубиной не погнал. До того звонко одного огрел! И что ж этот чудотворец не заступился? А вот Велес, – он опять возвел вдохновенный взор на вершину обелиска.

– А скрижаль о чём? Она выглядит младше, чем основное капище.

– А-а, – досадливо махнул мужик, – то сказ буди. Про Велимира еще. Всё руки не доходят убрать – тяжеленная. Да и жалко многим.

У Рэя екнуло сердце.

– Велимир? Это сказ про Великого Героя?

– Былина тут записана. М-м, ты читать умеешь?

Рэй виновато покачал головой, но тем, похоже, вызвал уважение селянина.

– Фех, ерундистика эти глаголы! Только глаза портить. Чего такого можно прочитать, чего сказать нельзя, а?

– Так о чём скрижаль?

– Беда в эти земли пришла – навья, знать, возле Стяготы поселилась и ну смертный ветер наводит! В первую седмицу крысы, мыши издохли, во вторую – живь: кошки, овцы, козы, а в третью и младенцы чахнуть стали, – холоп вел рукой по рунам на каменной скрижали, словно бы взаправду читал. – Месяц Велесу молились, дары, жертвы несли. И ответил покровитель! И явился к нам мастер Велимир. Милостью Велеса извел навью и ушел мор с нею. Правда ль, выдумка ль, а придание старб. Полюбился Велимир, стали его славить, как святого посланника. Но Велеса-то как же забывать? Не дело!

– Так зачем скрижаль убирать? Нехорошо забывать добрый поступок.

– Так Велимира Велес послал! Не герой удаль проявил, а Весел в его обличии. Тьфу, плуты землерожденные. Велеса! Вот кого деда славить завещали, а не этих. Старые-то герои ладно, достойны звания были, белый лик Сварожичей не позорили, а новые – срам и только. Уродени окаянные! – харкнул в сторону и зашагал прочь, бурча поругания себе под нос.

Осадок от встречи остался паршивый, однако слова селянина в очередной раз в красках демонстрировали отношение к героям. «Как же мы так опозорились?»

– Видимо, лучше и словом не упоминать о новых героях, – произнесла Сольвейг, которая до сих пор стояла на удале-

нии. – А ведь раньше всё было не так плохо, – она перевела взгляд на каменную скрижаль и с теплотой прибавила: – Так-то, дядя Велимир.

– Дядя? – удивился Рэй. – Ты говорила, что была знакома аж с Горицветом. О его подвигах тоже имеются скрижали?

– О его – нет, – ответила она и поспешила уйти.

Вот так так, удивился Рэй, но решил, что пока лучше не затрагивать эту тему.

– А о Велесе расскажешь? – спросил он, следуя. – Многие заключенные в Бересте молились не Сваргу, которого тут вроде бы считают главным, а именно Велесу.

– Это очень старый и, я бы сказала, противоречивый бог. Он был одним из первых. Для скотоводов и землеробов Велес стал важнее Перуна Громовержца и даже самого Отца Небесного Сварога. Ясный Велес – великий и простой одновременно. Даже не знаю, к Белым или Тёмным богам его отнести. Говорят, братья Сварожичи прогнали его из Ирия, небесного сада, за то, что он раскрыл людям многие тайны мироздания. Большинство почитает его как бога скотоводства, но то – лишь малая его ипостась. Знающие описывают Велеса как бога-оборотня – покровителя зверей: домашних и диких. Он же – бог-колдун, который носит волшебный посох, управляющий ветрами и дождями. В таком образе он покровительствует ученым мужам: писателям, историкам и натуралистам. Он и бог подземного мира, покровитель мистиков и чародеев. Супругой имеет старейшую в мире ведь-

му – Старую Ягу Виевну. То ли от близости с Велесом, а то и сама по себе, она стала собирательницей знаний и волшебных предметов. Она знает языки всех животных и стережет лесную тропинку, что ведет на Калинов мост, за которым начинается Навь. Но Йогиня – не первая жена Велеса. Не знаю, кто была первой, но многие верят, что именно от той был порожден Святобор.

– Хм, выходит, что Ясный Велес – твой дед? – несерьезно спросил Рэй, о чём пожалел, но Сольвейг, легко приняла шутку.

– Если это так, думаю, по мне видно, что никаких выгод от родства с другими мирами я не получила.

– Не считая лисьих хвостов.

– Находишь это стоящим приобретением? – весело ухмыльнулась она.

– Судья за них три дюжины алтынов предлагал.

– Всего-то три?! Дешево же вы меня оценили.

Рэй посерьезнел и опустил голову:

– Сольвейг. Как считаешь, мы сможем добраться до Умиры, не имея никакой еды, денег и вещей для дороги?

– Это к тебе вопрос, – пожала она плечами. – Нужда заставит – дотопаешь. Впрчоем, нести тебя на руках я не собираюсь. Но, – она вдруг затихла, бросив короткий взгляд на свежий кровоподтек на плече его рубахи, а затем уложила руку себе на сердце. – Я бы сказала, что надо отдохнуть. Ты уже в поместье был плохой.

Рэй колко взглянул в ответ.

Сольвейг настояла:

– Лучше бы нам пойти на постоянный двор.

Рэй собирался возразить, мол, денег-то ни гроша.

– Если с былых времен ничего не изменилось, то по вечерам в таких местах играют в игры. На азартных столах порой оказываются немалые суммы.

– Допустим, в них и можно выиграть, но что ж я поставлю?

– Меня, – бесстрастно ответила Сольвейг и повелительно указала домик в форме буквы «Г».

Они прошли под выцветшую деревянную вывеску, расписанную желто-зелеными яблоками в плетеной корзине. Поднявшись по трем волнистым от тысяч шагов ступенькам, они вошли в бедняцкую залу на шесть столов и дюжину скамеек. Место, однако, было безлюдным, что неудивительно, ведь у крестьян больше работы, чем сейчас, будет лишь на осеннюю жатву.

Пара прошла по зале, встав у большой, еще не топленной печи, мазанной бежевой штукатуркой и расписанной карминным узором в виде маков. Герой постучал по косяку.

– Азартные игры – худший способ пополнения кошелька, – недовольно прошептал он. – Да и как это я поставлю тебя, что за глупости?

– У тебя есть что-то еще?

– Ты не «что-то»!

– Ей же заботливый. Да забота твоя мне без толку. И я не человек, так что можешь оставить жалостливые позывы.

Наверху раздался грохот падающей посуды, а с полотка меж половиц нитками просыпался песок. Раздалась трескучая ругань. Через минуту по лестнице, преодолевая высоту, сошел хозяин.

Вышло бы неточностью сказать, что сударь выглядел не свежо, скорее, он был едва жив. Вчерашняя пьянка глубоко отпечаталась на его виде: опухшие веки, серое лицо, передник поверх серой рубахи облит слоем засохшей массы. Уклончивая походка выдавала, что хмель еще не выветрился. Хозяин достойного заведения пробубнил невнятный вопрос.

– У вас играют? – спросила девица, скидывая капюшон.

Мужик кивнул, ослабшей рукой почесал живот, пытаясь сосредоточить на ней непослушные глаза.

– Вечером, буди.

– Мы из соседней деревни. Можно подождем тут?

Тот снова кивнул и поинтересовался, не желают ли гости чего-нибудь попить или поесть? Сольвейг ответила, что о них можно не беспокоиться. И сударь не беспокоился. Сорвавшись с последней ступеньки и чудом устояв на ногах, он исчез за соседней дверью, оставив гостей в зале. Рэй и Сольвейг уселись за дальним столиком.

– Я не умею играть ни в карты, ни в кости.

– Ты ж в порубе отсидел. Говорят, лучшие игроки именно

из тех мест, – цинично ответила она, но тут же продолжила серьезно: – Посмотри на себя. Ты не можешь работать в таком состоянии, а нам нужно место, где ты мог бы отдохнуть.

– И кто из нас заботлив без меры?

– Да мне совершенно плевать на тебя, но повторяю, я живу в твоей душе. Болеешь ты – болею я. Потому перестань своевольничать и делай что велено. Твое тело теперь также и моё, – скрестив руки на груди, она откинулась на лавке и прибавила: – Сам виноват.

Потянулись минуты ожидания. Корчма была обустроена самым невзыскательным образом: шесть дощатых столов, по лавке с каждой стороны да еще большой стол возле печи – служебный; стены из желто-серого слезящегося бревна, рассыпавшийся скрипучий пол, пропитанный пивными разводами, – даже не лиственничный, понял Рэй, обычная ель.

Время от времени пустота залы нарушалась местными, что заходили за пивом или квасом навынос. Последним был детина ростом в косую сажень, так что Рэю пришлось высоко поднять голову, когда тот, проходя мимо, лениво кивнул носом-пятак. Этот почему-то был в кольчуге до бедер. Видно, наемный гридень местного богатея. Скорее всего, за бо-чонком пива он явился по поручению хозяина – попросил травяного.

Корчмаря к этому часу словно подменили: лапти аккуратно повязаны на белые онучи, передник сверкает белизной, волосы расчесаны, борода клином, в глазах забегал алчный

огонек. Он шустро обслуживал редких гостей, еще и успевая кашеварить на кухне: стучал ножами и бренчал посудой. От затопленной печи потянуло дымом и теплом.

Еще в Бересте Рэй узнал, что Стягота это холопская забоярская деревня, то есть, вся земля тут принадлежит боярину, а крестьяне: холопы и закупы, живущие на ней и получающие в пользование железный инструмент, несут повинность в форме оброка по общинному принципу, который выплачивался готовым продуктом с наделов, переданных в пользование общины.

В заведение пришли первые едаки, через час набралось человек десять – корчма ожила, а скоро и повеселела. Корчмарь только мельтешил меж столами, подавая пиво и еду. В меню были хлеб, репа и каша – различных формах и сочетаниях. Усач, что присел сбоку от геройского столика с таким аппетитом хрустел солеными рыжиками, что у Рэя свело живот.

За парой дальних столов уселись несколько игроков, но играли они престранно. По столу были рассыпаны маленькие резные фигурки, изображающие кувшинчики, самовары, кастрюльки и другие предметы с кухни, а игроки по очереди подцепляли их крючками. Рэй мотнул головой, молча спросив у Сольвейг, что за игра такая чудная?

– Бирюльки. У каждой бирюльки в куче своя цена. Обычно, чем цена выше, тем сложнее ее подцепить и вытащить, не потревожив остальные. Побеждает тот, кто за свои попытки

вытащит больше фигурок. Но бирюльки – это так, пока все трезвые, на купило в нее не играют.

Группа, потягивая пенное, играла в незатейливую игру с живым интересом. Ловчее всех тянул бирюльки здоровенный усатый холоп – тот, что давеча лопал рыжики. В его ладонях маленькие деревянные фигурки вовсе смотрелись как пригоршня ячменя. Несмотря на уверенность подруги в предстоящем плане, Рэй сидел как на иголках. Без опыта в азартных играх предстояло играть с умелыми игроками да при ставках неясного содержания.

– Что ты трясешься, аки енот в кустах?! Бесишь. Короче, я сама разберусь.

– Да ты хоть правила знаешь, дикая лисица? – шепнул он, склонившись.

– Я премудрая снежная лиса! Повадки вашего племени мне, к сожалению, знакомы. А еще раз назовешь меня дикой – пожалеешь, – она ткнула указательным пальцем ему в лоб, отодвигая подальше. – Сиди и не дергайся и, что бы ни случилось, не подходи.

– Да так я тебя и оставлю! – возразил он, но Сольвейг уже вышла из-за стола.

Она прошла по зале, склонилась над столом и с интересом расспросила скотоводов, во что те играют. Мужики неприязненно смерили девку. Та перекинулась с ними еще парой слов, даже пошутила о чём-то. Но усач категорически покачал головой:

– С чужаками метать не сядем.

– Да пусть поиграет молодуха, че, – весело ответил другой. – Всё лучше на щечки румяные поглядеть, чем на рожу твою мосластую! Только, чур, нашими костями, – указал он девчонке. – Чтоб без жулья.

– Рыжая, – буркнул усатый, плюнул на пол и с отвращением присовокупил: – Да девка еще. Кости зашепчет.

– Нешто рыжая так сразу и шептуха? У меня вон тетка рыжая, в Падубе живет. Была б шептуха, поди, побогаче б жила, а у ней из скотины только вошь на аркане проживает в кармане, – загыкал улыбчивый холоп с щербиной в зубах.

– Во-во, слыхала, молодуха? – поддержал третий игрок. – Дажь за стол, поглядим, как метаешь.

– Какой у вас кон? – спросила Сольвейг, пока не усаживаясь.

– А енто у нас всегда по одной четвертинке на круг.

– Не-ет, – угрюмо прогудел усатый. – На шелуху не буду. Она ж твердит, что горазда метать. Знать, по целой копейке будем играть.

«Просто отлично», – покачал головой Рэй, раздумывая, как подруга собирается играть, не имея ни монетки.

Тогда Сольвейг лихо оглядела всех по очереди и жертвой своего обаяния избрала именно усатого. Она обошла здоровяка сбоку, прильнула к нему на грани дозволенного, положив руку на плечо, и наклонилась над ухом.

Выслушав, плечистый скривил толстые губы, хотел бы-

ло вскинуться в ответ на унижительное предложение да прогнать бессовестную втыкуху, но, опершись на стол, вдруг осмотрел ее снизу доверху. А та и, как нарочно, уложила руку на бедро, деловито выставляя себя напоказ. Тот крепко потер широкий подбородок.

– Костлявая... – еще покривился он, а затем оправил ус да крякнул с плотоядной усмешкой: – Ну, сыграем, – и толкнул по столу несколько монет взаймы.

– Во-хо-хо! – разом воскликнули остальные игроки и рассмеялись: – Ну точно же шептуха, где видано, чтоб Гомзá кому-то занимал?! Ау, бондарь! Под такое дело неси нам еще травяного.

Бирюльки сгребли в мешок и вынули игральные кости. У Рэя уже заболели глаза, до того пристально он высматривал этот стол. Сольвейг же демонстрировала спокойствие, словно риск проигрыша ее и не заботил. Впрочем, общение с местными ей давалось на удивление легко.

Играть сели вчетвером. Скотовод Гомза большими глотками допил тёмное пиво, перевернул деревянную кружку, треснув ободком об угол и вытряхнув капельки пенного напитка. Он сгреб пригоршню костей в стакан, поколдовал над головой умелыми, энергичными движениями и с силой опрокинул на столешницу. Затертые, пожелтевшие кости со сбитыми уголками показали: 1, 2, 6, 6, 6, 6. Это четыре в ряд. Успешный бросок одобрили другие игроки.

По очереди каждый закидывал шесть костей в стакан и

совершал бросок. Один раз разрешалось перекинуть любое количество кубиков. Из получившейся руки следовало собирать комбинации разной ценности; величина значений особой роли не играла. Более детальных правил Рэй разобрать не успел.

Прочие игроки не дотянули до результата усатого, и пришел черед Сольвейг. Та взяла кривоватые кости одной рукой, предварительно ощупав и взвесив каждую, затем крутанула их в стакане. Взгляды игроков и еще пары зевак сошлись на столе. Получилось пять двоек в ряд.

Мужики рассмеялись, кто-то похлопал насупившегося Гомзу по плечу. Тот покачал усами и толкнул скромный банк в виде четырех тусклых монеток в сторону победительницы.

Рэй выдохнул: «Невероятно. Теперь просто уходи!» – сказал он про себя, однако усатый сгреб со стола кости и совершил следующий бросок. Никто и не думал заканчивать, а игра наконец-то пошла с интересом.

Состязание тянулось уже более часа. Хозяин корчмы щедро подносил игрокам пиво, зная, что это лучшее время для продаж. Рыжая играла с переменным успехом, однако под ее рукой всё же скопилась ладошка монет. За столом уже сменились двое игроков, однако Гомза – крепкий усатый муж в синей рубахе-покоснице – не уступил своего места после очередного проигрыша. Всё пристальнее он гляделся наглую девку, каждая победа которой и раздражала, и заводила его.

1, 2, 2, 3, 3, 6 – выбросила Сольвейг – то есть две пары.

1, 2, 2, 5, 5, 3 – у Гомзы тоже две пары.

За столом вновь прошло возбуждение и улюлюканье. Сольвейг потянулась за горстью монет, однако Гомза крепко обхватил ее руку.

– По величине пары, – хрипло проговорил он.

Остальные селяне переглянулись, кто-то неловко почесал бороду, кто-то потупил взгляд.

– Нет такого правила! – дерзко возразила девица. – Пара уже сыграла, значит считать нужно по величине оставшегося битка, – пояснила она, указывая, что шестая ее кость была выше.

Безразмерный кулачище сжимал тонкую руку, от чего девушка даже привстала, а ссора привлекла внимание и других мирян.

– По величине пары, – упрямо выцедил Гомза.

– А давеча-т всё по битку играли, – прозвучал кто-то в толпе, но замолк в ту же секунду, как столкнулся со свирепыми глазами усатого.

Рэй поднялся с лавки, но Сольвейг вдруг согласилась:

– По величине пары, – и толкнула весь выигрыш скотоводу.

На том конфликт можно было и забыть, но лисица на следующем же круге выкинула две высокие пары с малым битком против обратной комбинации.

Сверкнув белыми зубками, она с невинным лицом уточ-

нила, точно ли они играют по правилу о величине пары, а не битка. И если б Рэй не был уверен в обратном, решил бы, что та нарочно провоцирует главного оппонента. Гомза сидел насупившись, сжимал огромные кулаки и шевелил напряженными усами.

– Славно Гомзу обкручивает! – то и дело посмеивался кто-то из зрителей, и такие насмешки, среди прочего, маленькими каплями наполняли и без того невеликую чашу терпения усатого.

Кости без устали показывали различные сочетания точек, заставляя одних игроков раздражаться емкой бранью, а других – тоже бранью, но разухабисто-веселой! Рыжеволосая смеялась над мужицкими шутками, что-то отвечала и время от времени строила глазки, собрав подле себя группу болельщиков, которые с лихим возгласом поднимали кружки на всякий раз, как та уделывала не любимого многими здоровяка. Запах кухни, пива и чеснока витал по зале так густо, что залетавшие комары валились замертво.

По улице уже бродила вечерняя мгла, звезды на небе загорались одна за другой. Молодой, аккуратно собранный господин, наслаждаясь чудесной летней ночью, неторопливо шел по дороге в «Яблочную». Сам он проживал у другого корчмаря, который содержал куда более чинный постоялый двор, но «Яблочная» была до известной степени примечательна в здешних краях своим травяным пивом с нотками

эстрагона и солодки. И вот этот господин решил, что сегодня он в настроении именно для такого напитка. Он как раз закончил чтение книги об истории князей Храбродарских, и идея прогуляться на ночь глядя пришлась по душе. Вдобавок холопы насудачили, что в «Яблочной» местный увалень Гомза уж третий час играет с какой-то молодухой, которая метает кости с ним на равных. Кости не интересовали молодого господина, дуболом Гомза – тем паче, а вот на ловкую сударыню очень даже стоило поглядеть. Однако уже издали стало понятно: низенькая хата корчмы сегодня полна народом, а столпотворений господин страсть как не любил.

Он вошел в душную, смердящую чесноком и едким потом хату. Покривил носом, оглядывая голытьбу, поискал глазами корчмаря – не нашел. Поглядел на тарелки с тюрей на столах – скривился еще больше и уж решил: «А и черт с этим пивом». Но тут из толпы колокольчиком прозвучал смех. Приятный голосок что-то весело сказал, и холопы взорвались рочущим хохотом!

Издали виднелись здоровенные плечи в голубой рубахе – местный облом Гомза. Молодой сударь пригляделся еще да тут замер – увидел ее. Сударыня с роскошной карамельно-рыжей шевелюрой сидела, вальяжно закинув ногу на ногу. Босая, что примечательно. Да и одета была как нищенка, но что-то в ее образе выдавало куда более интересное происхождение. «Монашка? – сначала подумал господин, уже и позабыв о давящем запахе чеснока. – Хм, точно не монаш-

ка», – с хитрой улыбкой на губах заключил он, заметив довольно широкий воротник, чрез который виднелась ключица и длинная, тонкая шея. Облик сударыни сам собой не бросался в глаза, но слоило задержать взгляд, как отвести его становилось, ох, как непросто.

Кулак с треском рухнул на стол! Это Гомза, после двух побед поставив весь полученный выигрыш, а это, на минуточку, восемь копеек, на которые небогатой Стяготе, почитай, две седмицы можно жить не работая, враз проигрался.

– У меня пять в ряд против твоих двух пар, – зафиксировала Сольвейг, хотя в том и не было необходимости: все, включая усатого, видели стройную комбинацию на столе.

Гомза оперся на локти, нервно сложил кулачищи на блестящем от пота лбу. Он уже проиграл много больше, чем мог себе позволить. Он откинулся спиной на бревенчатую стену, закрыв глаза и глубоко вдохнув.

– По четвераста, – шмыгнув носом, озвучил он неразумно высокую для этого заведения ставку, равную двадцати пяти копейкам! И Гомза знал, что таких денег, даже с учетом последнего выигрыша, у соперницы нет.

Сам воздух замер под напряженными взглядами зрителей, что сошлись на рыжеволосой. В этот раз никто не посмел подначивать ее к принятию этого баснословного кона. Рыжая глубоко вдохнула, перекатывая кубики на ладони. Она на секунду столкнулась с глазами Рэя, который стоял в тол-

пе: он гневно качнул головой, велел отказаться и уматывать сей же час! Сольвейг вернула невозмутимый взгляд на Гомзу, ответила уверенным «играем», выложив все свои монеты на край стола. Денег, однако, недоставало чтобы уравнять ставку, потому она вынула костяную пуговицу и символично уложила ее поверх горстки монет; Рэй заметил, как дрогнули ее пальцы в этот момент.

Скотовод осмотрел странный предмет – и просиял, как понял, что пуговица положена поскольку монет и правда больше нет. Наконец-то сыграет главная ставка, которой он поджидал целый вечер! Гомза маслено улыбнулся, обводя глазами скрытую в хламиде фигуру, и швырнул пуговку обратно в банк. Селяне поддержали риск поднятыми кружками – им-то что, не их честь на кону.

Усатый сгорбился над столом, готовясь к действию. В воцарившейся тишине корчмарь поднес ему следующую меру пива, однако Гомза отбил его руку, расплескав половину, да велел убираться!

Скотовод впился взглядом в Сольвейг, подобрал кости, с силой зашвырнул в стакан, начав потряхивать. Костяшки без остановки хрустели внутри, гипнотизируя зрителей. Он тряс кубышкой сначала на уровне груди, затем поднял к лицу, то показывая, то скрывая свои глаза от соперницы, потом вознес над головой, обернул много-много раз, будто сматывал целый клубок пряжи, и внезапным скорым движением врезал кубышкой о стол!

Первой легла 1, а рядом с ней в ряд, словно солдаты по приказу, высыпались: 4, 4, 4, 4, 4. Это пять в ряд! Зрители взволновались: выше могли быть только шесть по порядку или шесть в ряд. Гомза поставил кубышку на стол. Показная небрежность в движениях выдавала, что он очень доволен результатом.

Сольвейг встряхнула кубики в стакане и, не особо выделяясь, сделала бросок – получилось всего-то две пары. Не дрогнувшее лицо Гомзы отражало выдержку – он не смел радоваться раньше времени и ждал второй попытки.

Рыжая осмотрела кости. Решив не оставлять в руке ни одной, она собрала все поодиночке, и, глядя скотоводу в ответ, встряхнула кубышку. Собралась уже метнуть кубики на стол, да в последний миг взгляд ее упал на желтую пуговицу, что лежала поверх монет. Движение вышло неуверенным – кубики веером выплеснулись из стакана, заплясали по столу, и одна костяшка, набравшая большую скорость, ударилась об угол, затем о лавку и улетела аж на середину залы.

Народ подобрал ноги, избегая хаотичных движений костяшки. По зале зашуршали взволнованные разговоры, а на столе рядком лежали кубики со значениями: 2, 2, 3, 4, 5 и пятый, который всё еще озорно вращался на полу, решал.

Главная костяшка утомленно опрокинулась на грань – корчму оглушила волна возбуждения! Рэй раздвинул зевак: единственная жирная точка глядела на зрителей, точно глаз! У Сольвейг пять по порядку, а это равный результат.

Лавка под Гомзой скрипнула, отлетела назад, точно на пружине! Усач вознесся над столом всем своим ростом.

– А-а! – зарычал. – Перекидывай!

– Тут ничья, – непреклонно возразила Сольвейг.

– У-ух, шнора! Нарочно на пол сбросила! – узорчатая венка на его виске злобно пульсировала.

– Значение-то от этого не меняется.

– Да ничья, бросайте оба заново, чего уж, – примирительно предложил кто-то возле стола, но тут же отлетел вдаль, получив легкий толчок от Гомзы.

– Ёнда! Помеха была, перекидывай! – грозил Гомза, раздувая плечи, а широкий лоб его блистал в свете многочисленных лучин и коптящих салом фитилей.

Сольвейг непреклонно покачала головой, настаивая на ничьей.

– Ух, жухляндра! – рыкнул он, голосом легко пересиливая шум корчмы, венка на виске расцвела розочкой, усы вспучились иголками. Он сжал массивные кулаки, которые весь этот неудачный вечер так и чесались кому-нибудь наподдать. Обозвал Сольвейг рыжей сивухой, что, вообще-то, оксюморон, треснул по столу и одним взмахом оттолкнул его в сторону, так что несколько кругляшей звонко заскакали по полу. Гомза схватил ее за хламиду, сорвав с лавки. Та попыталась вырваться, но скотовод уже поволок ее к выходу из корчмы, приговаривая:

– Всё мне выплатишь, жучка! Я те покажу, какво Гомзу

обкручивать!

Кто-то попытался удержать силача, но тот, словно бык, смёл с пути всех. Рэй не стерпел, в два шага подлетел к двоим, повинувшись раскалившемуся адреналином сердцу, рванул Гомзу за плечо и, сам того от себя не ожидая, с хорошего размаха заехал точно по усам!

Удар был очень сильным. Пожалуй, такой даже сразу не повторишь. Но повторять и не пришлось, а последующие события смазались в памяти. На деле было как-то так: сначала геройский кулак уперся в онемевший от алкоголя череп вола, а через миг один крестьянский кулачище вознес героя, почему-то ставшего невесомым, под потолок, а другой так впелся в лицо, что корчма завертелась дикой каруселью – герой, пролетев через залу, врезался в кого-то аж у входных дверей, свалив человека с ног!

Вмиг возле игрального стола понеслась драка, которой некоторые уж битый час дожидались! Кто-то еще пытался остановить громилу, который раздавал тумаки всем подряд, молодые парни пустились отстаивать честь рыжей сударыни, а кто-то под настроение бросился в потасовку, не особо выбирая сторону. Кулачные забавы тут любили даже больше игр.

Мебель затрещала, здесь и там брякнули глухие удары, а дубовая лавка, вознесенная Гомзой, пролетела через обеденную, подчистую разнеся стол другой компании, которая сразу влилась в побоище. Дрались сурово: до выбитых зу-

бов и сломанных костей, но, что примечательно, без настоящей злобы, а наоборот – весело да под задорный разбойничий свист! Кто упал, того более не трогали, лишних увечий не наносили – получил уже человек всё, за чем пришел; на Сольвейг, девушку, тоже никто не замахнулся, хоть она и оказалась в эпицентре.

Крики, отборная ругань, кровь, стук и бряк бесновались в корчме, пока наконец не громынуло:

– Мол-чать! – и тяжелая булава сотрясла стену так, что изба всколыхнулась.

Струйки песка опять свесились с потолка. Корчмарь дышал со злостью вырвал пудовую палицу из стены, оставив на бревне зияющую вмятину, закинул палицу на плечо и угрожающе приблизился к столу. Задиры замерли как вкопанные.

– Песьи отребья! Опять бардак у меня завели?! – заорал он, потряхивая оружием, да так борзо и убедительно, что никто не осмелился возразить.

Позади Рэя, который только-только возвращался в реальность, прозвучал шуточный бархатистый голос:

– Вот ведь это я не вовремя зашел. Ты как, лапоть, живой? – добродушно спросил тот, кого Рэй снес своим полетом.

Этот молодой сударь поднялся на ноги и манерно оправил дорогие одежды, которым, кстати говоря, было явно не место в такой корчме.

– Ну, судари родные, вижу, веселимся? – беззастенчиво окликнул он присутствующих.

– Дурьё лапотье! – рыкнул корчмарь, объясняя господину. – Опять из-за костей бардак у меня завели. Ух, спорынья на колосе! – всё потрясал он булавой, грозя бедокурам.

Рэй издал удивленный вздох, фокусируя размытое ударом зрение и вытаскивая из глубины сознания странно знакомое лицо этого прилично одетого человека. Легкие, почти женские черты лица, тонкая полоска губ, острые скулы и длинные до плеч, каштановые волосы в каре. Этот улыбнулся как-то мимоходом, но быстро вернул взгляд красивых, зеленоватых глаз на героя.

– Ого, это же... – обдумав секунду, удивленно спросил он, – это ты, да?!

– Амадей! – вернув дыхание, произнес Рэй.

Перед ним стоял сударь среднего роста в изящном коричневом кафтане длиной до колен и с несуразно длинными рукавами с прорезьями, чрез которые были продеты руки. Лоб опоясывал черный ободок с народным золотым узором. Амадей! Тот самый герой, в довесок к которому, со слов Светлобая, принесло в Правую Башню Рэя. Герой, которого отправили буквально за час до того, как Рэй начал свое короткое и бесславное приключение.

– Ну и? – разведя руки, Амадей по-хозяйски обратился сразу ко всей толпе, затем подошел к спорному столу и прищелкнул пальцами: – Кости! Ах, сколько же костей перело-

мало в ходе этой игры, – скаламбурил он, но шутка почему-то не вызвала смеха. – Эх, лапотники.

Сольвейг, тут же заметив путь отступления, подбежала к господину и выложила всё, что произошло, да без стеснения давя на жалость. Амадей, кажется, даже не слушал, попросту уцепившись взглядом в ее притягательные, карие глаза.

– Ах, милая... да, я тебя понял. – Эй, Гомза! – обратился он к усатому, – умеешь проигрывать. Ладно голытьбу поколачиваешь за всякий грош, но красавице-то мог бы уступить!

Гомза дернул плечом, стряхнув с себя тех, кто еще пытался его удержать, и, раздувая ноздри, вперился взглядом в явившегося молодца. Несмотря на очевидную разницу в силе, что-то потаенное сдерживало норов скотовода.

– Ладно, давайте так. Сколько у вас тут было? – Амадей вынул бархатный кошелек. – По четвераста?! Да уж, барыши. А всё говорят, что холоп у нас впроголодь живет! На, держи, значит, алтынчик, который ты поставил, еще алтынчик, который не выиграл, и соглашайся на ничью.

Гомза опустил тупой, будто близорукий, взгляд на два блестящих кругляша, оказавшиеся на безразмерной ладони – отказываться от таких денег, ох, как не хотелось.

– А мы-то... мы не на купило играли! – сказал он, сдавив, однако, монеты в кулаке и сунув в карман. Затем перевел взгляд на рыжую, что пряталась за плечом господина. – Не на купило, да! Шо зенками сверкаешь? Проиграла!

– До чего низкие нравы, – развел руками шатен. Он обер-

нулся через плечо, столкнувшись с чуть ни плачущим взглядом рыжеволосой чаровницы.

«Ох и актриса», – заметил этот взгляд и Рэй. А очарованный шатен тем временем сделал так: взгляделся в глаза усатому и негромко повторил:

– Я сказал, тут ничья. Теперь уходи.

И случилось невероятное. Для Рэя «теперь уходи» прозвучало глупо, даже по-детски, а вот Гомза весь замер, зажмурился, сильно-сильно поморгал, пошатнулся, чего, кажется, никто не заметил. Затем, будто очнувшись, треснул кулаком по столу, пугано огляделся на других гостей, треснул по столу еще раз, сплюнул Сольвейг под ноги и, растолкав пару человек, выбежал из корчмы.

– Охальник, – поцокал Амадей, потирая будто бы уставшие глаза. – Но! – с лучистой улыбкой обернулся он к Сольвейг. – Всё-таки неожиданные встречи, они самые приятные.

Он откинул полы расстегнутого купеческого кафтана, оставил ногу назад и, склонившись, взял Сольвейг за руку, поцеловав самые кончики пальцев. Поведение господина начисто выбивалось из принятых в этой корчме обычаев, однако даже легкие оскорбления, которыми он одарил присутствующих, не позволили кому-либо выразить недовольство.

– Эх, а ведь я только за травяным пивом хотел зайти. Видимо, не сегодня. Идем, милая! – зачем-то всё еще держа за руку, он повел девушку из корчмы. – О, забыл, как тебя, Рэй? Ты тоже, пойдём скорее! В этой славной деревушке есть бо-

лее достойный двор, я вас провожу.

Прежде чем уйти, Рэй сбегал до стола, сгреб оставшиеся на нём монеты, которые теперь считались непроигранными, и лишь потом поспешил за парой. Селяне проводили троицу неприветливыми взглядами.

Скула, на которую пришелся удар скотовода, запоздало заныла тупой болью. С выходом на тихую, тёмную улицу, стало понятно, что и в голове неслабо шумит. Луна была нарастающей и живописной. Трое прошли по улицам селения и оказались возле большого подворья, на котором за резной калиткой располагались конюшни, хозяйские постройки и просторный двухэтажный терем с кружевными окнами.

– ...Так вы вместе? – спросил Амадей по пути. – Прости мои фамильярности, друг. Увидел девушку в беде и не смог пройти мимо! У тебя очень интересная спутница, – сказал он, неотрывно глядя на Сольвейг.

Та ответила признательной улыбкой:

– Не стоило платить этому сермяге, господин Амадей.

– Пожалуйста, оставь эти важности, я бессловный, просто стараюсь поддерживать внешний вид. Мы с Рэем одного непримечательного звания. Амадей – достаточно. И не переживай насчет денег, считай, что я заплатил ему за вашу приятную компанию на сегодняшней вечер.

– Ты нас очень выручил. Не представляю, как бы я оттуда выбралась, этот бугай такой страшный! – всё еще рисовалась

Сольвейг, и это раздражало Рэя.

– Боже, ты такая прелесть, – уже вполне влюбленно говорил Амадей. – Но не бойся! Он к тебе более не посмеет подойти.

– Да просто нужно было уйти, как только выиграла маленькую сумму! – взревновав, вклинился Рэй. – Вот надо было тебе банковать на деньги, которых у тебя не было? – пробурчал он, трогая подбитую скулу.

– А ты-то, чурбан, на что в драку полез?! – тут же огрызнулась на него Сольвейг. – Я же сказала, прижмись и не встречай! Удивительно, как он из тебя душу не выбил, с такими-то кулачищами.

– То есть надо было тебя этому скотоводу отдать? В следующий раз так и сделаю.

– Пóлно, пóлно, друзья, – посмеялся Амадей. – Идемте скорее. Давным-давно других героев не видел!

Они пересекли двор и вошли терем. Эта корчма действительно оказалась больше и богаче: ровный дощатый пол – удивительно чистый, цилиндрованные бревна в стенах, вместо колючих лавок настоящие стулья, но вот посетителей почему-то не было ни одного.

– Хозяин! – весело позвал герой. – Буди кухарку, ставьте нам ужин на троих! Да не скупитесь.

Внутри засуетились. К состоятельному герою подбежала девочка в белом сарафане. Подобрвав подол, она присела на колени и бережно стянула яловые красные сапоги с его ног.

Да-а, вообразите, на этом чинном дворе, было принято разуваться.

– И света нам дай, – кликнул Амадей удаляющегося корчмаря. – Вон, очаг растопи, что ли. Полночи будем болтать!

Девочка-служанка посмотрела снизу на Рэя, прося разрешения снять и его «обувь». Тот неловко отказался, распутывая завязку на единственном трухлявом лапте – второй, оказалось, слетел еще в момент удара.

Амадей пригласил Сольвейг к столу возле камина, растопкой которого уже занималась другая девица. Он отставил деревянный стул, предложив место, а та кивнула с видом высородной дамы.

Очаг затрещал сухими, душистыми дровами, раздавая тепло и освещая залу. На столе появились кувшины с простоквашей и квасом, плошки с квашеной капустой, редькой, мочеными яблоками – последние сразу заметила Сольвейг. В центр стола, как того требовали традиции, поставили большой каравай – судя по цвету, ржано-ячменный.

– Рэй! – устроившись, вдохновенно обратился герой. – Не верится. Я-то думал, сразу встретимся, как из Башни выйдем. Сколь прошло, полгода? Уж я и не ждал. И как мы разминулись?

– Да, много всего приключилось, – с натянутой улыбкой ответил беглец.

Молодка в белом сарафане и с толстой эбеновой косой разлила всем квасу из потной крынки.

– За встречу?! – улыбнувшись красивой улыбкой, воззвал Амадей.

Сольвейг радостно треснула по его кружке, так что квас плеснулся и смешался. Холодный, сладковато-кислый, пряный и терпкий, напиток ударил по вкусовым рецепторам. Трахею закололо.

– На юге делают более сладкий, с изюмом, а здесь, в Северо-Восточном, кроме ржаных сухарей, любят добавлять терновник или травы: шалфей, эстрагон, и иногда солодку. Вкусно? Ты не стесняйся, пей во всё горло, в этой стране именно так принято!

Не успел Амадей окончить, как Сольвейг уже брякнула пустой кружкой по столу и стерла рукавом пенные усы:

– Вкуснотища!

Амадей тут же щелкнул пальцами, велел наполнить кружки.

– Расскажи, как ты, Рэй? – обеспокоенно обратился он. – Нездоровый у тебя вид. Да еще без шапки, неужто в неволю угодил?

– Да уж, помотало меня, – притянул он улыбку, поджимая пальцы на босых ногах, которые он поставил на постеленные онучи. – А как это ты узнал, что я невольник? И причем тут шапка?

– Так ведь мужчине с непокрытой головой, – важно развел руками Амадей, – никак невозможно! Дóма и в корчме – пусть. Но по улице только преступники и нищие без голов-

ного убора ходят, ну и смерды – самая несвободная категория населения, – он стукнул указательным пальцем по лбу, по которому шел расшитый тканый ободок, видимо, с деревянным обручем внутри. – Хотя бы такой ободок или ленточку, иначе за человека не сочтут. Можно и панаму, но это тоже для бедняков, по мне так с ободком оно авантажнее.

Рэй кивнул:

– Ну, ты прав, дела у меня совсем не авантажно. А у тебя, вижу, всё отлично?

– Удивительный мир, правда же?! – с восторгом спросил Амадей. – Не устаю восхищаться! Столько невероятных вещей здесь происходит. Я бесконечно счастлив, что мне довелось сюда попасть. Какая здесь природа, волшебные животные, удивительные города, вкусная кухня и радушные люди, – он обернулся к Сольвейг и, ловко подмигнув, прибавил: – А какие в Княжестве девушки. О! – придумал он, подняв дополненную кружку объявил: – За, – и совсем шепотком: – Светлобая!

Рэя передернуло от упоминания этого имени, а Сольвейг, не вдаваясь, поддержала второй тост.

– Как же богиня? – спросил Рэй, придерживая пока кружку. – Это ведь она нас призвала, а вовсе не кот.

– А-а, эта. Даже не знаю ее имени. Честно, я пытался узнать, но тут о ней никто не слышал. Скажу больше, – сбавил он голос, – я встречал героев, которые вместо юной девушки видели красивого юношу с теми же глазами рисунка

звездного неба. Переменчивый образ? У меня вот сразу вызывает недоверие, – повел он плечом и сделал глоток. – Есть тут Мокошь – божество плодородия, семейного очага, деторождения и иже с ними, или, к примеру, Марена – суровая жена Чернобога, богиня северных ветров, полярной ночи и зимнего периода. Но их описание не имеет ничего общего с тем, что видели мы. На мой взгляд, господин Светл-О-Бай – куда более важный персонаж Правой Башни.

Рэя призадумался. Кивнул, с сомнением стукнул о кружку Амадея; всё же квас был бесподобным.

Амадей вновь поднял испытующий взгляд, против которого у Рэя не было противодействия. Скиталец в деталях рассказал историю своих злоключений, стоило ему явиться в мир, и как его сослали к черту на рога.

Растроганный Амадей вскорости забрал у Рэя кружку с квасом – слабоалкогольный напиток для таких историй не годился. Велел подать наперстки и вишневку. Шикнул на служанку и сам разлил густой вишневой наливки – сугубо ради легкости в сердце. И уж тут беглец, с сердцем, которое с первой же стопки и правда стало невозможно легким, поведал об арестантской жизни в порубе.

– И что потом?! – во все уши внимал Амадей. – Опять сокамерники поколотили?

– Да нет, чесноки – ребята неплохие, они сто раз меня выручали. Вот милые в тот раз меня неслабо по ребрам отхо-

дили. А на следующий день я не смог вовремя подняться на построение, так что сторожа отправили меня на штрафную работу.

Поникший товарищ водил пальцем по ободку пустого деревянного наперстка. Он поднял взгляд, проникновенно посмотрел.

– Ты прости меня, – искренне шепнул он и ненадолго сжал запястье. – Я и подумать не мог, как тяжело придется тому, кого не одарили талантом. Надеюсь, Светл тебе что получше предложит. То-то ты на него в обиде!

– Да вовсе нет. В общем-то, я ведь сам виноват.

– Неправда! Это они, из Башни, нас призвали, им и отвечать! – от досады он стукнул он по столу. – Невезуха. Надо было поискать тебя сразу! Вот ведь как жребий пал.

– Не вини себя. Едва ли ты смог бы отыскать хоть какие-то мои следы, учитывая, как скоро меня увезли на север этого края.

На стол поставили кипящий чугунок. Девочка подняла крышку, и комната наполнилась кучерявыми парами лука и тушеного мяса. Она раскладывала ужин по глубоким тарелкам, но на последней Амадей вдруг прервал ее:

– Что ты, как скареда, одну труху накладываешь! Не видишь, человек у тебя за столом голодный? А ну, брысь!

Он выхватил черпак, погрозив девчонке, которая тут же юркнула прочь, и добавил в тарелку Рэя щедрый кусок разваристого мяса.

– Извините, ребята, понабрался я уже местных словечек, – неловко улыбнулся Амадей, затем отломил от каравая большой кусок и положил на другую тарелку, предложив ее новому другу.

Рэй, однако, убрал руки со стола.

– Спасибо. Но у нас и близко не хватит денег, чтобы заплатить за всё, – произнес он, при этом укоризненно взглянув на Сольвейг, которая уже уплетала горячее мясо за обе щеки.

– А! То-то вы с селянами в кости играть уселись. Отчаянно, ха-ха!

– Да фшё пыло пы ноумально! – не прожевав, пробубнила Сольвейг. – Ежели б этот чурбан не влез!

– Да за тебя же волновался, дуреха! Как тебе такое в голову пришло – себя поставить на кон?

– А вы, надо думать, уже давно знакомы, – хихикнул Амадей. – Ладно, вижу, что ты скромничаешь. Не думай о деньгах, Рэй, налетай. И вот что! Случившееся с тобой, оно страсть как несправедливо, поэтому, считай, что этот мир возвращает должок. А может, – заговорщически подмигнул он, – для того мир нас и столкнул с такой силой?

Томленное мясо вперемешку с луком и репой, да сдобренное травами, таяло на языке. Рэй держал себя в руках, стараясь не объедаться с непривычки, но изголодавшийся организм был сильнее воли. Квашеная капуста, моченая редька, соленые грибы и прочие вкусности превосходно дополняли

мясное блюдо.

– Я вот ни с кем по-настоящему не подружился в этом мире, – досадно признался Амадей. – Разные мы с ними. А вы-то двое как сошлись?

Герой переглянулся с подругой, но в момент, когда собрался рассказать историю своего похищения из трудового поместья, та включилась, поведав уточненную версию. Оказалось, что Рэй сам, под покровом ночи, сбежал из неволи, а когда сторожевые собаки почти настигли, он встретил бродячую травницу, что спасла от погони. С ней он и продолжил путь.

– О-ох! – умильно выдохнул Амадей. От выпитого глаза его блестели, а щеки пылали нежными розами. – Встреча в миг опасности! Это очень красиво. Я так вам завидую!

– Чему ж тут?.. – прожевав, удивленно спросил Рэй.

– Так ведь не зря говорят: потерял я то время, что провел... без любви!

Сольвейг аж поперхнулась от такого заключения! А вот Рэй от души рассмеялся.

За разговором время шло быстро.

– ...Хм-м, даже и не знаю, что тебе рассказать, – задумался Амадей, когда Рэй попросил того поведать о главном: героях и их миссии. – По правде, вот на этом поприще я ничего не добился. В Башне ведь никаких инструкций на этот счет не дали.

– Но ведь Светл-О-Бай рассказывал тебе о нашей мис-

сии, – удивился Рэй.

– А вот и нет! – искренне вскинулся Амадей. – Я и сам понял, что ничего не понял, лишь когда оказался за пределами Башни. Котофей сказал, что герой должен изменить направление угасающей истории рода людского. Вот это, кстати, интересно, спасти не мир целиком, а именно людей, мол, под угрозой-то именно они. А потом это: Там, по воле богов было свершено призвание! Ты находишься в месте...

– Это помню.

– Я боялся, что с какими-то страшными демонами придется воевать, но нет, ничего подобного я не встретил. В этом мире, конечно, тьма всякой чертовщины, особенно за пределами деревень и городов, но не похоже, что она сильно мешает туземцам. Кто такие Великие Герои, что были тут до нас? Даже о Велимире, о котором целая повесть, вон, на главной площади изложена на скрижали, тут очень мало информации.

– Говорят, он мор одолел. Навью какую-то убил.

– Ага-а, – протянул Амадей. – Навьи – это собирательное имя для жителей потустороннего мира, но ты слышал эту историю? Заметил, сколь она пуста?

– По описанию течения болезни, что поразила деревню, очень похоже на известную нам чуму.

– А ты соображаешь! Чума – первая же мысль, что пришла мне, как медику по образованию, когда услышал этиологию болезни, описанную в предании.

Румянец от выпитого алкоголя алел на щеках всех троих. За столом Рэй рассказывал неприятные истории, что приключились с ним за время заключения, которых всё было мало Амадею. Тот, в свою очередь, поведал о путешествиях, которые он предпринял этой зимой в Гусляры и Воложбу – города на юге Северо-Восточного.

Рэй упивался чувством полного живота и, прогреваясь возле камина, даже осоловел от выпитого и съеденного. Его подмывало спросить про талант. Ярослав и Настю он в бою видел, потому очень любопытно было, чему Башня научила Амадея. Однако учитывая, сколь щепетильной тема геройских талантов была для тех двоих, пока воздержался от расспросов.

– Господин Амадей, – с почтением обратились худенькая девушка, из тех, что обслуживали стол. – Баня, как велели, натоплена.

– О, ну, на том и завершим, – уперев руки в стол, обратился он к гостям. – Айда париться и отсыпаться!

– Ты еще и баню нам приготовил? Век мне с тобой не расплатиться.

– Сказал, забудь об этом. Пойдем скорее, в бане помылся – заново родился, – произнес он, обходя героя со спины и укладывая ладони ему на плечи. – Утром проснешься новым человеком. Да не каторжником, а соловьем вольным! Сольвейг, ты не против, если мы в первый жар?

Та оторвалась от моченого яблока, которое усердно обгла-

дывала последнюю минуту, выпрямилась, как-то застенчиво
оправила волосы, собрав всю копну на одном плече. Возра-
зила:

– Я пойду с Рэем.

– Оу-у, я понял, я понял, – с ухмылкой проговорил Ама-
дей. – Что это я, право слово, извините мою бестактность!

Рэй удивленно посмотрел на Сольвейг: ее румяные щеки
играли в свете горящего камина, а глаза были загадочны, как
и всегда.

Молодая служанка провела их через хозяйский двор к ни-
зенькой бревенчатой бане. Звездная ночь сияла во всём ве-
ликолепии, что вновь зацепило взгляд снежной лисы.

– Одежду вам тотчас же постирают, оставляйте в предбан-
нике. А куда окончите, возьмете чистые платья – я вам
сложила на полке. Господин Амадей велел подготовить вам
светлицу на втором этаже, подле него. Просил передать, что-
бы уважаемые гости заходили сразу, если что потребуется.

Рэй поблагодарил за внимательность и проследовал в ши-
рокий предбанник.

– И чего ты удумала? – спросил он, когда их оставили на-
едине.

Знакомый презрительный взгляд пронзил в ответ:

– Сгинь, бесишь, – она уселась на лавку возле входа и об-
ратила взор на тёмное небо.

– Сама за мной в баню увязалась, что за игры?

– В противном случае мне бы отрядили в помощники одну

из этих дурёх. Ибо негоже девушке мыться в бане одной, тем паче скоро полночь.

– Делов-то? За столом ты против ухаживаний не возражала.

– Тебе что? Ступай в парильню первый. Подожду.

Рэй скинул одежду и вошел в сухое, жаркое отделение. Большинство крестьянских бань топились по-черному – так мылись и в банный день в Бересте. Однако в этой стояла большая глиняная печь, так что внутренняя древесная отделка не была закопчена. Небольшая парильня освещалась несколькими масляными фитилями, что разгоняли темноту, делая обстановку вполне романтической.

Герой присел на верхний полóк и утонул в жарком роскошестве. Усталые мышцы постанывали. Вскоре зашипало ссадины. Жар тек по венам, и беглец даже стал проваливаться в сладкий сон. Внезапно дверь в парильню отворилась – вошла Сольвейг: длинные, непокорные пряди скрывали лишь ее грудь. И без того красные щеки героя полыхнули еще сильнее.

– Жди своей очереди!

– Отвернись, – толкнула она его горячую щеку, отвернув голову.

– Сам могу помыться!

– Раны грязные, ты не достанешь.

Она провела горячим полотенцем по его спине, аккуратно обводя ссадины и ушибы.

– Не дергайся же! И расслабь спину.

– Что за п-привычка оголяться без предупреждения?!

– Прикажешь в парной в одежде находиться?

Рэй смолчал, претерпевая медицинскую процедуру.

– Соль, – обратился он вполголоса, – а ты заметила, как на Амадея смотрели в корчме? Гомзе, вопрею этому, сказал «уходи», а тот взял и вправду ушел.

– Амадей из твоего племени – тебе должно быть виднее, что это за человек.

Рэй сидел на нижнем полке, прикрыв глаза и борясь с инстинктом. Отвлечься разговором не получилось. Девичьи прикосновения не оставляли шансов на состояние покоя, да еще лисица, сама горячая как уголек, будто нарочно, уселась почти вплотную.

Но скоро она окатила спину теплой водой, и Рэй не заметил, как девушка вновь оказалась в дверях.

– Дальше сам.

Соломенная кровать с толстыми чистыми простынями не шла ни в какое сравнение с тюремными нарами или вовсе голой землей, на которой Рэй провел последние ночи. Он рухнул, укутавшись в просторное банное платье и расслабился впервые за многие месяцы.

Дверь отворилась спустя время – Сольвейг, розовощекая, в такой же длинной сорочке, прошла внутрь. Амадей, настоящий друг, загодя побеспокоился, чтобы кровать у пары бы-

ла только одна. Сольвейг присела на лавку, укрытую полови-
ком. Сладко потянулась, поглядев в окно, из которого веяла
юркая ночная прохлада.

– Хорошие у тебя друзья по ремеслу. Эх, знала б, что
есть на свете такой достойный герой, как сударь Амадей, гля-
дишь, не связалась бы с бездарем.

– Сочувствую, – буркнул Рэй в пуховую подушку.

Та ухмыльнулась, блеснув острыми зубками, но тут с
удивлением взглянула на свою хламиду, что оказалась рядом
на крючке. Еще совсем сырая, но Сольвейг торопливо под-
нялась и сняла ее.

– Увидел ее постиранную на улице, вот и забрал, – пояс-
нил Рэй.

– Это... что? – непонимающе спросила она, касаясь паль-
цами костяной пуговки с тремя отверстиями, пришитой на
широкий воротник. – Как?.. – повторила, отчего-то очень
удивленная явлением пуговки.

– Подобрал ее еще в корчме, вместе с монетами, что ты
выиграла, тут попросил у работниц иголку и нитки, пока ты
была в бане – вся история. Можешь срезать, если не нравит-
ся, – проговорил он, не поднимая головы.

Та улыбнулась. Еще раз тронула пуговку и бережно пове-
сила робу обратно.

Время давно ушло за полночь.

В светлице догорал масляный фитиль. Сольвейг, сидя
лавке, орудовала сосновым гребешком, безуспешно пытаюсь

расчесать свои космы. Рэй уже засыпал, когда за стенкой впервые раздался смех. Потом что-то упало, зашуршало.

Поначалу он не обратил внимания, но вскоре смех перешел на вздохи, а потаенный шорох стал размеренным. Тонкие стены не дали возможности усомниться в существовании действия по ту сторону.

– Служанка ведь сказала, что нас разместят по соседству со светлицей Амадея? – поднявшись над подушкой, спросил Рэй.

– Во всяком случае, других гостей я в этой корчме не видела. Хм, какой радушный у тебя друг, всё делит с гостями. А время шло.

Таинство за стеной, затягивалось. Рэй в который раз перевернулся, на кровати. «Да сколько можно? Второй час», – не без зависти подумал он. Сольвейг вальяжно играла волосами, лежа на лавке. Будто услышав его мысли, сказала:

– Ох, животные этим хоть для дела занимаются, ваша же природа еще проще.

– Тоже мне, высшее существо, – ответил в тон Рэй. – Ты ведь сама наполовину человек.

– И на что ты так неуклюже намекаешь? – гордо хмыкнула она, накручивая прядь блестящих волос на палец. – Тебе сейчас не до того должно быть. Ох, неволю больше это слушать! Пойду погуляю. Наполовину-то я всё-таки лиса, а мы существа ночные.

Дверь хлопнула, а герой остался почти в одиночестве.

*По дневнику Великого Героя Горицвета
До нашей с ней встречи
Северные Земли, подножие Голубых гор*

Яркое, полное здоровья солнце вырвалось из-за горизонта этим морозным утром и быстро заняло высокую точку. Холодное и ясное небо обещало занятой день. Она накинула на плечи длинную шерстяную тальму, застегнув ее на костяную пуговку с тремя дырочками, и выпустила из-под воротника копну белоснежных волос.

Сладко зевнув, она оглядела крошечную, в дюжину лагуг, выселку на окраине карликовой степи, затем привычными движениями смелá с крыши юрты напорошивший за ночь снег, поприветствовала соплеменников. А потом, почти скрывшейся из-за минувшего снегопада тропой, отправилась через степь на далекий еловый холм. Юный соплеменник увязался следом.

Два топорика тюкали по промерзшим стволам кривовато растущих деревьев. Не прошло часа, как мальчишка убежал на другую сторону холма, в более плотную часть степи. Вернулся с торбой ледяной воды из подземного ручья. Освежившись, они поработали еще, но вскоре помощник опять сбежал.

Свалив наконец сучковатую ель, что была только вдвое

выше ее самой, девушка сдула с лица прядь и уже собиралась отругать бездельника за отлынивание от работы, но тут перед ней возник целый туес разноцветных ягод! Белобрысый мальчишка со сверкающей улыбкой стоял рядом.

– Ого, какие ароматные!

– А то! Нравится? – он отряхнул снег со своей накидки и собрал на затылке длинные, девчачьи волосы сверкающе-белого цвета.

Ягодки – кислые, сладкие, терпкие, словно леденцы. Каждая имела собственный вкус и послевкусие.

– Я еще вяленое мясо взял. Ты ведь опять ничего не взяла поесть?

– Эх, еще недавно ты только рожи корчил да снежками меня закидывал. А нынче не отходишь. Влюбился? – хихикнула она, взъерошивая его густые волосы.

– Размечталась! – отмахнулся он, недовольно снимая головную повязку, чтобы повторно распрямить волосы и уложить аккуратно за спиной. – Кабы тебе не начать за мною бегать! – бахвально указав на себя пальцем, ответил он. – Я стану лучшим лесорубом деревни, а там поставлю себе здоровенный дом в нашем урочище под горами, да не из шкур, а из бревен, на века!

– Ага, так тебе дед и разрешить строить из бревна целую избу, в наших-то краях, где деревьев так мало.

– А я сам стану старейшиной! И ничей совет мне не пригодится. Так что скоро это тебе станет за честь поднести мне

воды из руч...

Ворох снега, внезапно рухнувший с пухлой ветви, обрувал хвостовство – это она расчетливо вмазала топором по соседнему стволу, вызвав обрушение. Секунду мальчишка стоял ошалевший от холода за воротником, затем, усыпанный снегом, совершил прыжок, по-звериному вытянувшись в длину:

– А-ах, ты!

Девчонка ловко скрылась за карликовой елкой, а выглянув, подразнила красным от ягод языком:

– Бе-бе-бе.

Догонялки длились, пока они не изрисовали следами весь восточный склон, залитый полуденным солнцем.

Повалившись в сверкающий снег, они выдыхали клубы пара, восстанавливая дыхание. Девушка поднялась, скинув серебряно-белую прядь с лица на затылок, а он глядел замороженно, как блестят на солнце ее нос и лоб.

– Ты водишь, – толкнув в плечо, измотанно сказал мальчишка.

Девушка смахнула снежок с его розовой щеки и возразила: следует закончить работу, они уже достаточно бездельничают.

Пара свалила еще три крепких дерева. Завтра с помощью веревок их оттащат к юртам на материал.

Оставив друга в деревне, она отправилась далеко на восток, за горный перевал, где располагалась маленькая бере-

зовая роща – такая же карликовая, как еловая неподалеку от деревни. Набрав коры с белых деревьев, необходимой для растопки, она зашагала обратно. Знобкое чувство закралось в грудь, когда она заметила струйку дыма на горизонте, где неприступными седыми пиками стояли Голубые горы. Великаны никогда не спускались с высот в их урочище и даже не забредали на южную сторону горной гряды. Она, вероятно, не видела ни одного уже лет тридцать.

Доставив в деревню полную корзину курчавой бересты, она отправилась на ручей. Стирка в ледяной воде никогда не была для проблемой – она собрала копну волос на затылке и принялась за дело. К вечеру, возвратившись в свое крохотное поселение, вместе с подругой сварила простой обед, после чего допоздна помогала родственникам на строительстве другой юрты.

Уже когда работы завершались, лыковая веревка, которой был перетянут стяг бревен, вдруг лопнула. И она только в последний миг успела одернуть из-под обвала белобрысую малявку, что беспечно бродила по стройке вместе со взрослыми. Попытка отчитать проказницу осталась безуспешной: счастливые, ясно-голубые глаза говорили, что та даже не испугалась.

– Дед! Хоть ты за ней смотри.

Долгоносый старичок улыбнулся. Он почесал белую бороду и вернулся к вырезанию деревянной фигурки из древесины волнистого земляничного оттенка.

Солнечный диск спустился за западный край Голубых гор. Войдя в свою хижину, она рухнула без сил, закутавшись сразу в несколько одеял.

Она не знает, сколько спала. Глаза открылись сами собой глубокой ночью, когда в долине опять разыгралась пурга. Снаружи послышался треск – столь тихий и страшный звук, ведь добрых его причин быть не могло. Несколько секунд она лежала, глядя в темноту юрты. Уверяла себя, что ей просто показалось, приснилось. В хижине стояло мерное посапывание малышни; вьюга гудела снаружи, то обманчиво затихая, то резко набираясь сил и стремясь сдуть хрупкие постройки, ютящиеся в этих снегах.

Надежды рухнули, когда снаружи раздался удар. Холод, гуляющий по лощине, внезапно проник в самое сердце. Облизнув обветренные губы, она поднялась. Снося озноб и укрываясь тяжелой тальмой, перешагнула маленькие ноги и прошла босиком к выходу. Осторожно откинула тряпичную занавеску... оцепенев от ужаса.

В слепой ночи, на фоне бледно-синих снегов высились размытые плотным снегопадом человекоподобные фигуры. Пусть лачуги поселения были малы, рост спустившихся с гор великанов превосходил их втрое. Один мог уничтожить домик, попросту наступив на него, вместе с обитателями внутри.

Старик, дрожа от страха и холода, сжимая ладонями жгу-

чий снег, взирал на громаду, поднявшуюся над ним. Слезинка скользнула по жидким белым усам и исчезла в снегу. Рука великана, вооруженная массивным орудием, рухнула, сотрясаши саму землю!

Звук этой смерти, что в тот же миг схватила и унесла вьюга, навсегда останется в ее памяти.

*Юное лето: разноцвет месяц
Северо-Восточный край*

– ...И на престоле сейчас великий князь, Владыка семи краев Василий Дмитриевич, – уточнил Рэй, делая пометку в дневнике, на который сквозь окно корчмы падал золотистый утренний луч.

Увидев в Амадее человека интересующегося, Рэй принялся вытягивать из него информацию о всё еще новом для себя мире. А Амадей и не думал скупиться на знания, так что учеба шла полным ходом. Глаза у него тоже были умные и сочно-зеленые. Пожалуй, даже причудливого малахитового оттенка.

Амадей со значением кивнул:

– Отец сегодняшнего князя, Дмитрий Иванович, был личностью незаурядной. Прославился тем, что объединил земли Княжества и разбил армию восточных кочевников – Пламенную Орду, иго которой довлело над государством более

ста лет, за что стал Освободителем.

Сольвейг сидела рядом: скучное лицо она придерживала ладонью. Всю ночь она слонялась по окрестностям по своим лисьим делам – умаялась, вернулась только на утро, так что сейчас от заумной болтовни героев веки так и тянуло вниз.

Амадей продолжал:

– История Дмитрия Ивановича закончилась восемь лет назад – умер от болезни. Покинутый пост занял его старший сын и сегодняшней великий князь Василий Дмитриевич. Пока что молодой князь имеет в народе вполне мирное прозвище Книгочей, в том числе за то, что в столице, Старецграде, построил первый в государстве книгопечатный цех.

– Достойно.

– Но пока там печатают только Святое Писание, да примитивным методом ксилографии. Так что скорее спорно, чем достойно.

Амадей потянулся, зевнул широко, закрывшись локтем, и разложился на столе.

– М-м, что еще? Престол находится в Старецграде, что в Западном крае. Это очень большой конгломерат, средоточие бюрократического аппарата Княжества, а также его культурный и духовный центр.

– Какая фракция сильнее, крестопоклонники или язычники?

– Ох, Рэй, такой вопрос можно было задавать лет две-

сти назад. Староверы и последователи Белых Богов, как показывает наша Стягота, конечно, остались, но это исключение, подтверждающее правило. Сегодня в Княжестве единственная вера – в триединого Сущего. Язычники еще просто «не просветлели», но таких всё меньше. Доносились вести, что сегодня в Западном и Юго-Западном даже идут гонения оставшихся на староверов, – пальцы Амадея вдруг выбили по столу тревожный ритм. – Не знаю, правда или нет, но был слух, что на одной из площадей Старецграда, не далее как этой зимой, провели публичную казнь.

– В противостоянии религий следует ожидать подобного, – рассудил Рэй.

– Ты не дослушал, друг, – сжав кулак, ответил Амадей. – Соединяй точки. Мы, герои, считаемся посланниками старого пантеона. Все казненные, по слухам, как раз и были... героями.

В груди кольнуло. Рэй невольно обернулся на окно, откуда донесся звук спешно промчавшегося всадника.

– Не было печали, – отодвинул он кружку. – В момент, когда я попал в Бересту, судья как-то получил сведения, что я даже не являюсь, а всего лишь связан с героями, что стало причиной увеличения срока заключения. А я всё раздумывал, какое значение тому придать.

– Боюсь, самое прямое!

– Ну а что, если герои обвинялись вовсе не в своем происхождении, а в настоящем преступлении? – поспешил пред-

ложить объяснение Рэй. – Допускаю, что промотав подаренный Башней кошель, человек из нашего мира вполне способен на плохой поступок.

– Княжеского письма, которое бы объявляло героев врагом, конечно, не издавалось, – пожал плечами Амадей. – Но церковь, а следовательно, и все, кто желает добиться ее расположения, пристально следят за героями. В нашем мире царил информационный шум, за которым невозможно было узреть истину. Здесь мы в остром дефиците информации. В далекие деревни, вроде Стяготы, вести из стольного града могут идти месяцы. Нечего и говорить, как сильно искажается информация в пути. Газет тут нет, законы оглашают прямо на улице или в корчмах. Уверен, что и большинство тех, кто лично видел казнь в Старецгарде, не обратили внимания на юридические аспекты обвинения.

Герои затихли в раздумьях.

– Княжество велико?

– Территория Княжества обширна, – с силой кивнул Амадей. – От запада до востока, от жарких южных земель до великого севера. В нашей Стяготе живут скотоводы и кожемяки, Умира – вотчина хлебопашцев, Падуб – деревня охотников. Из знаменитых городов есть Окалень, она же Сварга, родина лучших кузнецов. Гусяры, как можно догадаться, предтеча мастеров по музыкальному инструменту. В Курул-Танах, что в Восточном крае, выводят лучших скакунов – таких нет даже на западе. Я, к примеру, мечтаю посетить

Светлоград. Это самый просвещенный город, там построен первый в Княжестве университет, где изучают математику, астрономию и алхимию. Нерв экономической мощи Княжества находится в амбициозном Срединном крае, где цветут торговля и производство. Тут выделяется Храбродар Белокаменный – малопрестольная столица Княжества.

– Об экономике. Вчера Сольвейг играла на деньги. Сколько мы получили?

– Хочешь ликбез по нумизматике? – с интересом спросил Амадей и высыпал на стол пригоршню разноцветных кругляшей. – Вообще, монет в обороте много. На деле неважно, какой царевич-королевич на них выдавлен, важен вес металла. Ходят динары Великого Халифата – империи на юге, золотые и серебряные бизанты Царьграда – столицы могучей юго-западной страны, а уж из Стран Объединенного Духовенства вовсе прорва: куруши, экую, гроши, пфенниги. Все эти монеты не очень ходовые, но знающие купцы и лавочники с большой охотой принимают заграничное золото.

Амадей отобрал несколько рыжих кругляшек разного размера и рассыпал перед Рэем.

– Это всё местные – копейки. Среди холопов и рядовичей самая ходовая монета, на них вы играли в корчме, копейка еще делится на полушки и четвертинки. Копейку могут чеканить все землевладельческие бояре от пятого ранга и выше, да в любом номинале, потому и веры этим монетам всё меньше. Для ускорения процесса копейка часто чеканится прямо

из мотка проволоки, оттого может иметь овальную форму. Основная монета Княжества – это серебряный алтын, – тонкий палец толкнул по столу монету мутного металлического цвета. – Медь чеканят как попало, но с серебром работает только Монетный двор Старецграда и пара столбовых бояр Храбродара, приближенных ко двору.

Реверс монеты гордо указывал: «1 алтын чистого серебра 6.8 грамма», а аверс изображал достославный лик Дмитрия Ивановича Освободителя.

– Василий Дмитриевич не стал менять облик монеты, оставив полюбившиеся народу алтыны своего деда.

– Сколько копеек в алтыне?

– По мере обесценивания меди, цифра растёт. Сегодня от семнадцати до двадцати пяти, в зависимости от места обмена и качества монет.

Амадей завел руку во внутренний карман и с уважением выложил на стол сверкающую серебряную палочку.

– Как ты знаешь, есть и более крупная монета. Зовётся княжеская мера. Именно такими Правая Башня наполняет геройский кошель. Без понятия, откуда она сама их берет. Это даже и не монета, как видишь, а отруб чистого серебра с насечками и филигранным рисунком. Она сама не очень ходовая, но по насечкам ее легко разрубить на четыре «мерки». Такие четвертинки сегодня зовут интересным словом «рубель». В отличие от остальных монет, мера чеканится исключительно Монетным двором Старецграда. Довольно тя-

желая денюга весом аж в 136 грамм, то есть, в двадцать раз больше алтына.

Княжескую меру Рэй узнал. Несколько таких палочек у него бессовестно отняли прошлой осенью. Лишь теперь стало понятно, что стандартный геройский кошель на двадцать княжеских мер, они же восемьдесят рублей, стоил скромного состояния!

– О! Хочешь покажу еще классную? – он запустил руку в карман, вынув серебряный кругляш с квадратным отверстием и нехарактерными письменами. – Купил у коробейника месяц назад, монетка из Страны Меча и Свитка!

– Где-то на востоке?

– Очень далеко на востоке! Лежит аж по ту сторону Каленого моря, которое омывает Восточный край Княжества. Из нашего захолустья до восточного побережья больше пяти тысяч верст, а до той страны еще неделя по морю.

Теперь Рэй мог посчитать, что в кармане у него ровно тридцать копеек медью, а в пересчете на серебро примерно полтора алтына – вчерашний выигрыш Сольвейг, который она оставила ему со словами: сам сии звенелки носи.

Амадей снова широко зевнул.

– Не выспался? – не без ехидства спросил Рэй. – Я тоже. У соседей такой грохот стоял.

– О-у, – смутился он, уложив руку поверх губ. – Мои извинения. Мы по привычке шумели. Но слушай, местные девчонки так хороши! Мне в нашем мире никогда не везло так,

как здесь. Наверное, геройский авторитет придает нам особый иноземный шарм!

Рэй рассмеялся:

– Всё хочу спросить. Сколько я с местными ни общался, так людям даже разговаривать с героями противно. А ты, наоборот, отлично ладишь с жителями. Или у меня просто шарма нет?

Амадей ударил по столу, хихикая:

– Не принимай на свой счет, друг. Да, у героев нашего поколения посредственная репутация, но почему нас с тобой должны судить по чужим заслугам? Нужно вести себя увереннее!

Мимо прошла девушка с длинной косой цвета эбенового дерева. Знаток монет и женщин проводил ее глубокомысленным взглядом, затем заговорщически перевалился через стол:

– П-с, видишь? – понизив голос, указал он на работницу. – Между нами: они доступнее, чем кажутся. Если хочешь – только скажи, я договорюсь.

Рэй скептически глянул на друга, быстро обдумав этичность таких переговоров.

– В другой раз, – ответил он, после чего, однако, попросил об ином – научить местному письму.

Вечером того же дня герои вышли прогуляться по деревне. Они беседовали о том о сём. Сольвейг поначалу хотела

остаться в корчме, ибо хозяин как раз распечатал новую бочку моченых яблок, но вскоре догнала двоих, словно решив, что не стоит оставлять бездарного героя одного.

Вечер был волшебным: солнечным и нежарким. Трое дошли до деревенской околицы: сочно-рыжий закат заливал окружающие деревню пастбища. Амадей всё щебетал об истории Княжества, о благородном роде князей Храбродарских. Дождавшись, пока он сделает паузу в своем повествовании, Рэй задал вопрос, который вынашивал еще со вчерашнего дня.

Амадей оборвался, призадумался.

– Я даже не знаю ни одного человека, который бы обладал вещами Великих Героев, – признался он. – Если сила вещей соответствует сказаниям, то они должны стоять баснословных денег! Вряд ли кто-то стал бы кичиться обладанием таковой. Наверняка все предметы где-то в частных коллекциях или во владении государства. К слову, есть молва, что монетные дворы в столице и Храбродаре выплачивают большие суммы тем, кто «сдает в безопасное бессрочное хранение предметы инородного свойства». Притом не слишком интересуясь, как человек эти предметы добыл.

– Думаешь, князь стремится изолировать эту силу для себя?

– Справедливое предположение. А почему интересуешься? Неужели собрался искать такие опасные вещи?

Рэй выдохнул, оценивая, стоит ли рассказать, поглядел на

Сольвейг и, не встретив в ее глазах возражений, решил поделиться своей авантюрой по освобождению плененной ли-
сицы.

– Скажу честно, мы ищем артефакт, способный разрушать магические печати.

– М-м, а поподробней? – прислушался Амадей.

– Что-то, что способно разрывать магическую связь между людьми, между предметами, развеивать наговоры, расторгать пакты. Слышал о чём-то подобном?

Амадей поскреб подбородок. Глаза его вдруг расширились, он ударил кулаком по ладони и с напором закивал:

– Рэй, ну ты гений! Я понял!

Рэй устремил взгляд на товарища, боясь предположить, что именно тот понял.

– Ты решил найти артефакт, который разбивает печати и заклинания... и использовать его на геройском контракте для того, чтобы вернуться домой!

У Рэя аж дыхание перехватило: подобная мысль даже неподалеку от его головы не пролетала. Даже Сольвейг устремила одеревенелый взгляд на Амадея, – так сильно на нее подействовала нежданная догадка.

– Гениально, Рэй. Нет, я не слышал о предметах с такими свойствами, но вполне допускаю их существование. Вот бы найти хоть один дневник Великих Героев! Тогда бы хоть поняли, что ищем.

– А доводилось слышать о других героях, что искали ар-

тефакты в эту эпоху?

Амадей охотно кивнул:

– Мастер копья, некий Ярослав. Мы не знакомы лично, но однажды я видел его в «Звезде Лады», корчме в городе Великий Восток, где он бахвалился на весь свет, что убил василиска. Не знаю, как здесь выглядят эти существа, но Ярослав был уверен, что может создать подлинный геройский предмет, используя части тела этого чудовища. Якобы, он даже сохранил их все.

– Все? – недоверчиво переспросил Рэй.

– Ну, может, только некоторые. Я бы, например, оставил глаза. Они, говорят, обладают какой-то мистической силой. Еще мне интересна огненная железа василиска, печень. Селезенка тоже...

Разговор был интересным и продолжался, пока герои не возвратились обратно на двор. Служанка в белом сарафане с эбеновой косой поклонилась им, как-то застенчиво при этом глянув на Рэя. А может, ему это только показалось.

Они прошли внутрь, где уже стоял накрытый стол. Тут Рэй остановился и сообщил:

– Знаешь, мы завтра уедем.

Амадей, кажется, расстроился.

– Но как же наши занятия? Мы с тобой только треть знаков руницы прошли. Куда вам спешить? Оставайтесь, пока хоть не научишься уверенно читать местные тексты! Честное слово, мне не составит труда оплатить ваш постой в корчме.

И так с легкой и состоятельной руки Амадея потянулись счастливые дни безделия, которые, вообще-то, ох, как нужны были беглому каторжнику.

Днем герои занимались грамматикой. Письменность Княжества представляла собой рунический алфавит, каждая руна содержала от двух до шести штрихов, языковые правила оказались незамысловаты. Амадей показал себя отличным наставником, а Рэй, и в собственной жизни владевший несколькими языками, за пару дней заучил символы. Дело оставалось за практикой.

Нашлось время и для физических экзерциций. Дважды в день он бегал трусцой по деревне и окрестностям, чтобы укрепить форму и выносливость.

«Раз, два, три, четыре», – отмахивая руками, он по дюжине раз мог пробежать самую длинную улицу деревни. Это, надо сказать, немало забавляло местных: носиться без дела, по их мнению, было выраженным признаком слабой головы.

Герои потихоньку осваивали и верховую езду. Амадей сам заверял, что без лошади в Княжестве никуда. Он всё хотел купить себе лошадь, но никакая не подходила ему по норову, да и ездил он так себе.

Однажды в кладовой попалось на глаза древко охотничьего лука – хозяин повел плечом, разрешив взять даром. Тем же днем будущий стрелок купил две тетивы из перекрученных волокон льна и пеньки. Во время похода с Настей он

опозорился как лучник, и теперь решил наверстать упущенное. Тренировка на заднем дворе хозяйского дома стала привычным делом: уже скоро он вспомнил уроки сторожа-северянина из Бересты, приноровился держать стрелу, а иногда и попадать по расставленным мишеням.

Ел как не в себя, восстанавливая потерянные в порубе килограммы. Обильные, хотя и не слишком разнообразные трапезы тому способствовали.

Дни сменяли друг друга. Сольвейг почти никогда не оставалась в комнате на ночь. Всякий раз героя подмывало спросить ее о Великих Героях, с которыми, по ее же словам, та была близко знакома. Однако стоило подвести разговор к теме, как девчонка съезжала с интересующей материи или попросту уходила из светлицы.

– Соль, как считаешь, то, о чём сказал Амадей, реально? – спросил как-то Рэй.

– То, что среди вещей Великих Героев есть предмет, способный разрушать печати, это наверняка. Первые герои сражались долго, а потому среди их вещей можно найти многое, от оружия до бытовых мелочей. А вот насчет того, чтобы применить такую вещь к геройскому контракту, я бы поостереглась.

– Думаешь, не получится?

– Думаю, не стоит тратить силы на рассуждения об этом. Во-первых, как я понимаю, ваши контракты хранятся в Правой Башне, которая плавает где-то вне этого измерения. И

нет, мне не известно, чтобы первые герои хоть раз возвратились туда. Во-вторых, как знать, что произойдет, если контракт окажется уничтожен? Воротишься ль ты в свой мир...

– она приподняла голову, посмотрев холодно, – или умрешь?
– Справедливое опасение.

– Так что? – любуясь луной в окне, спросила Сольвейг. – Выяснил, какая тут форма монархии?

– Из того, что рассказал Амадей, больше всего походит на феодальную монархию. Основной источник доходов государства – земля, точнее, труд мирян на ней. Общество стратифицировано на феодалов – бояр, которые подчинены главному феодалу – князю, и условно свободных крестьян, работающих на земле. В то же время ветви власти...

– Ого, вот как? – удивилась она совершенно неискренне. – А какие еще бывают формы?

Рэй в деталях поведал об абсолютной монархии, а когда перешел к сословно-представительной, заметил, что подруга, привалившись на оконную раму, уж и задремала на прохладном ветерке.

Всякий день находилась какая-нибудь задача, которую следовало сделать: перерисовать из дневника Амадея карту прилегающих земель, сходить на торг, поупражняться в письме, чтении, стрельбе, верховой езде. Рэй довольно сдружился с Амадеем, который тоже наслаждался компанией, какой не удавалось сыскать среди местных. Они беседова-

ли о политике и экономике, о культуре и обычаях местных земель, делились интересными историями и мнениями. До- нельзя начитанный Амадей немало поведал о государствен- ном устройстве и юстициарной системе Княжества.

– Ай! Тс... – шикнул Рэй, порезавшись опасной бритвой.

Он уже помылся в бане, однако, решив разобраться с ко- лочей бородой, накинул на себя полотенце и вернулся в пар- ную. Непривычный способ бриться этим инструментом еще ни разу не дался ему бескровно.

– Сольвейг такая милая девушка, – невзначай сказал Ама- дей через открытую дверь между парной и предбанником.

– В котором месте? Язва, а не девушка, – ответил Рэй, силясь разглядеть расплывчатое отражение в полированном листе железа.

– Хочешь сказать, вы с ней не в отношениях? – удивился тот.

– Да упаси Светлые боги. А что, заинтересован? Не сове- тую.

– Просто интересно, кто она такая, – уже накинув на се- бя банное платье, Амадей вошел в остывшую парную и вы- хватил бритву из рук неумелого цирюльника. – Поверни-ка голову.

– Да я и сам могу...

– Что можешь, изрезать себе лицо? Я уже привык к опас- ным бритвам, а ты и держишь неправильно, смотри, вот та- кой угол должен быть. Что до Сольвейг, спрашиваю потому,

что... если честно, меня тревожит ее поведение. Ты знал, что каждую ночь она уходит из светлицы? – легко проводя лезвием по щеке Рэя, спросил он. – И, представь себе, не по деревне она гуляет, а ближайшим угорам и лесам! Чтобы гулять ночью по лесу, – опасливо понизил он голос, – нужно самому быть опаснее того, что водится ночью в лесу. Будь я суеверным лапотником, уже заподозрил бы в ней страшную колдунью.

Рэй вовсе не знал, что ответить: лисьи повадки у кого угодно вызовут подозрения.

– Бродячая травница, да? Что-то я ни одной травинки в ее руках не видел. С чего бы ей помогать незнакомому беглецу? Опасно и, уж прости, выгоды никакой.

Рэй оценил прозорливость Амадея, поняв, что их с Сольвейг история и правда слабовата.

– У нас... сложные отношения. Но я не думаю, что она желает мне зла. В общем, помнишь, я задавал вопрос о предметах Великих Героев? Скажем так, мы с ней временно работаем в этом направлении.

– Ты ей веришь – только это я и хотел услышать, – стирая о полотенце стружку с лезвия, ответил Амадей. – Ни тебе, ни Сольвейг не нужно передо мной отчитываться, вы мои гости. Просто волнуюсь за товарища. Местная нечисть крайне хитра и зачастую смертельно опасна, одурачить какого-нибудь лапотника ей раз плюнуть. Ты просто будь начеку. И не бойся сказать, если понадобится помощь, – завершая с бритьем,

прибавил он.

– Спасибо, Амадей. Ты даже не представляешь, как нас выручил.

Под вечер мерные стоны уже привычным образом донеслись из-за стены.

– Завтра хотим пойти на окраину деревни, чтобы пострелять из лука, – сообщил Рэй, параллельно записывая те же слова руническим шрифтом на восковой дощечке. – Амадей говорит, там упражняются местные охотники и даже есть соломенные мишени. Пойдешь с нами?

Сольвейг сидела, скрестив руки, по виду, как и всегда, чем-то недовольная. Демонстративное молчание осталось ответом. Он отложил стилус – острую палочку для письма по воску – и подошел к ней.

– Соль, опять собака твою тень перебежала? Что не так? – Рэй коснулся ее плеча, но та сразу отстранилась.

– Ты пьян!

– Вовсе не... – опешил он и тут же признался: – Ну мы с Амадеем взяли травяного из той корчмы. Да выпили-то всего по паре кружек.

– Какие ценители. А вчера была наливка на черемухе из Срединного края. А позавчера – миндальная из Южного?

Тут она устало выдохнула и взглянула-таки на героя.

– В общем-то, мне всё равно, можешь пить сколько хочешь. Только у меня, как и других зверей, острый нюх на

спирт, так что не приближайся, пожалуйста, в таком состоянии.

Рэй, сжав губы, вернулся на кровать и снова взял дощечку.

– Знаешь, у меня неплохо получается.

– Нравится письмо?

– Письменность интуитивна. Приходится напрягаться, чтобы припомнить чертеж каждой руны, но я уже могу написать почти любое предложение.

– Коли так, может, напишешь о том, как долго ты собираешься оставаться в Стяготе? Ведь ты, кажется, шел в Умиру, чтобы найти настоящих героев? – сказала она, особенно подчеркнув «настоящих». – Но, похоже, решил остаться с этим повесой.

Не успел Рэй найтись с ответом, как девичьи стоны за стенкой прозвучали громче, а за ними раздался победный возглас Амадея.

– Как кролики, честно слово, – цыкнула Сольвейг. – И опять другая девица?

– Амадей времени не теряет, – с завистью отметил Рэй, выписывая руны на дощечке под светом вощенной лучины.

– Вестимо, и тебе сегодня кое-что перепадет, – недовольно произнесла Сольвейг.

– О чём это ты? – подняв голову, спросил Рэй, но тут в дверь учтиво постучали.

Он откликнулся и лишь затем подумал, кто бы это мог быть? Амадей-то слышно, какой занятой.

Вошла та самая служанка, с красивыми эбеновыми волосами; о ней-то намеренно и говорил Амадей. Она, не произнося ни слова, взглянула на Рэя, затем украдкой на Сольвейг, застенчиво провела ладонью по пышной пряди. Стройное молодое тело скрывал лишь короткий сарафан, ткань которого оказалась столь тонка, что пропускала даже слабый свет единственной в комнате лучинки; в блеске огня соблазнительно вырисовывался просвет бедер.

– Я пошла, – закатив глаза, сказала Сольвейг, и быстро хлопнула дверью.

Девушка проводила ее взглядом, затем несмело перешла светлицу – ноги ее были босы, а волосы распущены – это уже выдавало самые откровенные намерения. Она взобралась на кровать к герою, заставив отложить письмо, придвинулась ближе, взяв его за руку.

Он открыл было рот, но горячий пальчик лег на его губы, обрывая глупый вопрос.

Ее большие голубые глаза поблескивали на фоне матово-черных волос. Она коснулась его шеи, опустила горячую руку на грудь, под которой волнительно сердце стучало. Аромат девичьей кожи очаровывал сильнее приворотного зелья да был так близок, что наслаждаться им можно было до упоения.

То ли явь, то ли сон. Как давно Рэй не испытывал этих чувств! Герой придвинулся тоже: не спеша, позволяя обоим привыкнуть друг к другу, и до сих пор не веря, что появление

девушки и права устроил Амадей. Вот же язык без костей!

И одолело им желание, ради которого забываются геройские миссии, мировые угрозы и артефакты былых времен.

Он тронул ее бархатное плечо. Видя желание в ее глазах, он медленно, едва касаясь, потянул полоску ткани в сторону, и сарафан послушно спал, открыв смуглую кожу. Она освободила завязки на его рубашке, которую он тут же откинул на пол, и ладони нежными лепестками коснулись его кожи. Он опустил руку, ведя по ее шее, ключице, груди.

Девушка выдохнула, улыбнулась, Рэй приподнялся, обнимая тонкую талию – прикосновения электризуют, сколь совершенна близость тел. Он коснулся ее подбородка, завел руку на затылок, вдыхая волнительный аромат. Придвинулся ближе и почти уже коснулся ее губ, когда та слегка вздрогнула.

Герой чуть отстранился, а после вновь взгляделся в ее светлые глаза, заметный румянец играл на ее щеках столь притягательно.

– Ты мне очень понравился, – сказала она, но почему-то это прозвучало виновато.

– Да, ты мне тоже, – ответил он.

Девушка опустила взгляд, задумчиво дотронулась своих губ указательным пальцем, затем сама прильнула, прижалась к его шее. Заглянула в глаза. Но, когда меж их губами опять осталось незримое расстояние, снова замерла. Рэй смотрел в ответ, проявляя истинно геройскую выдержку.

Он толкнул дверь терема, выходя наружу, и ночное небо приветствовало пышным звездным ковром, который пересекала от края до края блеклая розовая туманность. Вид небесной чаши был чарующе прекрасным. «Отринь мирское!» – словно бы говорило это сильное и спокойное небо, с которого и впрямь могли бы сейчас смотреть Белые Боги. К чему тревоги, к чему страсти и желания, когда можно просто созерцать?

Невесомый теплый ветер бесшабашно гулял по дремлющей округе.

Рэй окинул себя гостиничной пуховой шалью и сразу заметил Сольвейг, что сидела тут на лавке, закинув ногу на ногу, тоже любуясь луной. И с чего-то так тепло стало на душе. «Хорошо, что в лес не убежала», – подумал он.

Она повернула голову, с секунду посмотрела на Рэя с безразличием, но после, будто вспомнив о своей несносной натуре, улыбнулась острыми зубками и скорчила ехидную рожицу:

– Быстро ты!

– Не издевайся, – буркнул герой, подходя к лавке. – Я ничего не делал.

– Это ее оценка?

– Вот же ты язва! – подтолкнув ее бедром, он плюхнулся на лавку.

Сольвейг вернула взгляд на звездное небо.

– Красиво, правда? Летнее небо всё-таки сильно отличается от зимнего.

– Зимой я не особо вглядывался в небеса, да и когда? Почти всю зиму было пасмурно, а работали мы с зари до зари. Но... да, – пригляделся он, поддаваясь романтичному настрою, – сегодня и правда очень ясная ночь.

– Так что случилось, герой? – спросила Сольвейг. – Меч не поднялся али пещера не нашлась? – смакуя, издевалась она.

Рэй с силой выдохнул, и вдруг, сам того не ожидая, тихо и серьезно спросил:

– Сольвейг... что не так с Амадеем?

Улыбка сразу исчезла с ее лица. Она перевела взгляд на звезды и бесстрастно заявила:

– Он врет.

– Что?! – воскликнул Рэй, но тут же продолжил шепотом: – Я так и знал! Как ты поняла? Как-то всё нечисто казалось с самого начала.

– Да, именно с самого начала, – с порицанием отметила девушка. – Что, однако, не мешало тебе три недели к ряду кутить и наслаждаться его компанией.

– Кто бы говорил. Всякий ужин за троих уплетаешь, а уж яблоки от тебя скоро сами убежать станут! – Рэй прижал кулак к губам, размышляя: – Вроде он хороший парень. Пожалуй, даже слишком. Опять же в деревне его любят, чего не сказать об остальных героях. Но какое-то чувство скребет,

не понимаю.

– Конечно, куда тебе понять, кровь-то до сих пор не в голове.

Герой нахмурился, закрыв бедра шалью.

– Всё издеваешься? Ну же, мудрая лиса, просвети.

– Всегда б ты был столь учтив к моей величественной природе. Я сама точно не знаю, но почти уверена, что дело в его таланте. Если таки узнаешь, какой...

– О-у, ребята! – раздалось вдруг наверху.

Оба разом подняли головы. На коротком балкончике комнаты второго этажа, потягиваясь, стоял Амадей, и ясная лунная ночь не скрывала его стройной наготы. Удивился:

– Рэй, а ты... чего так быстро?

Соль прыснула, исподтишка глядя на неудачливого напарника.

– Да не быстро. В смысле, не делал я ничего, – убеждая и Сольвейг, и Амадея, и зачем-то даже себя, ответил он. – Просто н-настроение сегодня не то.

Амадей задумчиво помолчал, рассматривая почти полный диск луны.

– Настроение?

Затем опустил голову и понимающе ответил:

– А, ясно! Да не заморачивайся, меч не направился, делов-то? Это ж у любого воина бывает. Особенно если давно сражений не было! Ты вот что, может, с другой получится?

Теперь Сольвейг и вовсе зажала рот, держась от того, что-

бы не рассмеяться в голос.

– Оно ж как? Против воли-то не подымешь. И вот это ты правильно сказал – настрой нужен, – будто нарочно продолжал Амадей.

Рэй только мучительно простонал, скрыв лицо ладонями.

Утреннее солнце свербело глаза, отчего глубокий, спокойный сон медленно таял. Амадею этот миг особенно нравился, когда еще не проснулся, но потихоньку начинаешь себя ощущать. Сейчас перед глазами помелькают яркие картинки – как правило бессмысленные, но очень интересные сны. Амадей полежал без движения минуту, затем потянулся, напрягая все мышцы разом, и, в сладкой истоме, еще ненадолго провалился в забытие.

Повернув голову, он сдул пушинку с волос девушки, что спала рядом. С любовью прошелся взглядом по ее тонкой шее, опустил к талии, задержал взгляд на венериных ямочках, неторопливо поднялся по изгибу бедер и скатился по длинным ножкам.

Как и всегда, он проснулся без каких-либо одежд. Герой умыл лицо водой из шайки подле кровати, вынул из комода чистое исподнее, свежую льняную тунику западного кроя в талию, натянул тёмно-коричневые замшевые штаны и завершил наряд своим летним бежевым кафтаном с золотыми вставками.

«Рэй выразил желание пострелять из лука вместе с охот-

никами сегодня в полдень. Похоже, он неравнодушен к этому оружию, – раздумывал Амадей. – Не будет ли слишком навязчиво с моей стороны взять и подарить ему какой-нибудь красивый лук? Он ведь, моралист, наотрез отказался даже от того, чтобы я купил ему хорошую одежду. Каких усилий стоило уговорить на новые лапти и косоворотку! Хотя... как же, найдешь в этой дыре хорошую вещь», – скривился он.

Расчесывая волосы перед мутным листом железа, он обдумывал: «Отправить какого-нибудь лапотника до Умиры? Авось, сыщет чего у тамошних мастеров. Да что, Умира – такой же медвежий угол, как и Стягота. Тогда уж сразу в Сяв отправлять, но это дней десять займет».

Герой уж собирался выйти из светлицы, как вдруг просветлел и щелкнул пальцами: пришла идея – перекусить после тренировки на свежем воздухе.

« Попрошу, чтобы собрали нам корзинку снеди в дорогу, да сделали с начинкой меж двумя ломтиками хлеба, чтобы как в нашем мире! Рэй такое точно оценит. Лишь бы у хозяина остались еще моченые яблоки, милашка Сольвейг их обожает».

Амадей умильно улыбнулся, но в следующую же секунду улыбка исчезла: «Знать бы, кто это чертовка такая. Если холоп, что следил за ней ночью, не врет, то вурдалака, нечаянно забредшего ночью на деревенское пастбище, она пришибла одним ударом. Хороша травница».

Задумчивый, он толкнул щеколду и вышел из светлицы. Мрачный свет, что всегда царил в этом коридоре, неохотно проникая через северное слюдяное окно, внезапно оказался сокрыт. Шестым чувством он ощутил опасность и закрылся руками!

Ладонь будто огнем ожгло! Кровь хлестнула, окропив свежую одежду, а по руке молнией пробила дрожь. Другой рукой он в последний миг перехватил острие тонкого кинжала, что стремился точно в сердце!

Девушка с волнистыми русыми волосами, в руках которой было оружие, дралась столь отчаянно, что на голубых ее глазах выбились слезы. Вновь и вновь она пыталась поразить ненавистную цель. Как же ей страшно! Сердце выбивается из груди, но главное – не смотреть ему в глаза. Если не смотреть, то все получится! Она ждала у входа в светлицу с первых петухов, отчего ее ладонь уверенно свыклась с деревянной рукоятью стилета, купленного у кузнеца днями ранее.

Ей удалось повалить его на пол! Лезвие стилета блеснуло в фаланге от глаза. Так близко. Ей почти удалось всех спасти! В отчаянии она снова вознесла оружие, однако удар в подбородок отбросил ее навзничь!

Но уже нельзя сдаваться, после всего, что он сделал! Оба успевают подняться, он кричит ей что-то, и от его голоса дикие колдовские искорки пляшут перед глазами. «Не поддайся. Но только не смотреть». Закрыв глаза, она бросается в последнюю атаку, ибо не вправе упускать этот призрачный

шанс, когда наконец-то сыскала лазейку в череде его приказов, которым невозможно противиться. Пусть ей самой не выжить, но если она заберет и его...

Однако теперь, когда атака была лишена внезапности, он легко перехватил кинжал, вывернув ее запястье. Резкий удар в живот оборвал дыхание! Он толкнул ее в стену, ухватил за волосы и с силой ударил о бревенчатый угол! Девушка упала на доски, облитые тёмными брызгами, каплями и разводами. Амадей снова произнес слова – бесноватые огоньки сплясали перед глазами, вызывая резкую головную боль.

Она пытается отползти, сопротивляясь головокружению. Стилет! Попался под ладонь. Она хватает эту блеклую надежду, поднимается на колени... и его глаза цвета лесной зелени предстают перед ней.

– Не двигайся, пожалуйста, – сорвалось с его губ.

Слезы вмиг застлали ее глаза, ручьями покатались по щекам. «Нет-нет-нет!» – кричит она в душе. Кинжал в руках, а его сердце так близко! Но уже совершенно недостижимо. Стоя на коленях, она уже не в силах не подчиниться этому колдовству. Не после того, как посмотрела в эти глаза.

Амадей стряхнул рассеченную ладонь, рассыпав по полу пригоршню алых брызг, затем небрежно стер капельку крови, что вдруг выкатилась из носа – последнее немало его огорчило.

– Дрянь.

Он поднял руку кверху, чтобы замедлить кровотечение,

быстро вернулся в комнату, где, пользуясь лоханью, промыл порез – вода вмиг налилась густым багрянцем. Он смотал льняное полотенце поверх раны, и белая ткань сразу пошла алыми яблоками.

Герой убедился, что туника его, как и летний кафтан, безнадежно испорчены следами крови. Вышел в коридор. Тут, всё еще удерживая стилет перед собой, недвижимо, лишь чуть подрагивая, стояла на коленях эта молодая служанка в белом сарафане, который также рассекали гротескные алые разводы.

Он обошел ее спереди. Ярко-красный поток сходил с ее лба через лицо, смешиваясь со слезами. Дрожь колотила тело, и только его непреложный приказ удерживал от истерики. Он цыкнул, качая головой:

– Быстро же ты сломалась. Или опять я ошибся?

Он выдохнул, глядя на тонкий, сочащийся кровью стилет в ее руках. Присел перед ней и здоровой ладонью нежно коснулся ее подбородка, встретив взгляд.

– Пожалуйста, вонзи этот кинжал себе в горло, как только я отвернусь.

Герой поднялся, уходя прочь.

Звук упавшего тела за спиной.

И тут он столкнулся взглядом с другой служанкой с эбеновыми волосами! Именно она должна была составить Рэю компанию этой ночью. Амадей покривился, смеряя ее взглядом:

– Бесплезность. Мужика возбудить не можешь, – проговорил он неслышно. – Мария! Видела сегодня Сольвейг? Нет? Хорошо, эта девчонка любит гулять по ночам, не дай бог увидит этот бардак. Приберись тут живо! Потом постели половики, чтобы крови не было видно, да побыстрее, пока наши гости не проснулись.

Служанка и глазом не повела при виде тела, вокруг которого ширилось черное, блестящее озеро. Она двинулась за ведрами, щеткой и речным песком, чтобы почище отмыть все половицы. Он заметил секундное сопротивление в ее движении, как и восковую табличку, которую она сжимала в руках.

– Стоять. Это что?

Та замерла.

– Гости. Их в светлице уже нет. Они, вестимо, покинули двор еще до зари.

Не успела она закончить, как кулак треснул о стену, отчего льняная повязка на нём стала сплошь бурого цвета.

– Почему?! – раскрыв глаза, заорал он. – Почему ты мне не сказала?! Почему не разбудила?!

– Мне такого велено не было.

– Бесплезность, – скалясь, он до дрожи сжал больную ладонь, а кровь снова пошла носом.

Он стер щекотный ручеек рукавом, снося противный запах в пазухах, шмыгнул. Вырвал восковую табличку из ее рук, взглядевшись в неуверенные, но стройные линии мест-

ной письменности: «Амадей! Слов не найти, чтобы выразить благодарность за твое гостеприимство. Может статься, что твоя своевременная поддержка спасла мне жизнь. Мы искренне наслаждались компанией, и верим, что ты найдешь силы простить наш бесцеремонный уход. Обещаю, что в следующий раз угощения будут за мой счет. Твой друг Рэй. Спасибо от Сольвейг за яблоки».

Ноги его вдруг ослабли, колени ударились о пол. Порезанная ладонь, сквозь полотенце, прочертила кляксу по стене.

– Так они... и правда уехали. Почему же? – подняв к служанке взгляд, спросил он. – Ведь я так старался. Разве я что-то сделал неправильно? Разве...

Чистые, горячие слезы упали с его глаз, а девушка обняла его за голову и прижала к животу, пустыми глазами глядя в зловеющий коридор.

– Подожди. Они же... да-а, Рэй и Сольвейг хотят отыскать вещи Великих Героев. Вот почему они уехали! Вовсе не потому, что им было со мной плохо, правда же? Тогда вот же! Тогда что, если я сам найду такую?! Ведь тогда не будет причин уходить? Они... он вернется. Вернется и уже надолго останется со мной. Мария, тебе же нравится Рэй? О, а может, мы все вместе даже отправимся в новое путешествие? В городах Южного края сейчас, наверное, очень красиво. Мы бы посетили Алуэт, а может, и Орог, наполненный культурой южан! – мечтательно лепетал Амадей.

Он поднял взгляд зеленых глаз, в которых играла детская

безмятежность:

– И у меня опять будут друзья.

Деревянные колеса без устали сообщали о всяком камушке, через который переезжали. Рэй, в светло-голубой рубашке и новехоньких дубовых лаптях, восседал поверх воза на одной из пивных бочек, укрытых брезентом козлиных шкур. В одной руке у него был добытый в Стяготе короткий лук и несколько кривоватых стрел, в другой – бездонный рюкзак, в котором мошна с копейками и геройский дневник. В качестве сидения он уже опробовал каждую из бочек, убедившись, что все одинаково неудобно.

За спиной в очередной раз залилась смехом Сольвейг, что без умолку болтала с бондарем – мастером-бочкоделом, который по заказу пивовара из Стяготы вез травяное пиво в соседнюю деревеньку с забавным названием Без-Копыт.

– Ой, да не может быть! – опять хихикнула Сольвейг.

– А я ему и говорю, еще б кобылу свою в сарафан нарядил, чудила! – бондарь зычно расхохотался, придерживая вожжи за парой коренастых лошадок, что шагали впереди телеги, деловито цокая железными подковами.

«Ты представь! – уверяла лисица еще прошлой ночью. – За один день проедем на возу полпути до Умиры, и всего-то за пять копеек. Лучшего попутчика просто не найти!»

Раскидисто зевнув, Рэй в очередной раз мысленно не согласился – любой возникший, что выезжал не в такую рань,

был бы лучше.

Они должны были добраться до большой развилки го-
стинца, откуда до Умиры оставалось еще верст сорок.

Накатанная телегами колея разделялась надвое. Тут, воз-
ле границы высокого березника, который наливался рыжим
заревом наступающего вечера, бондарь и ссадил героев. На-
последок он, не стесняясь, зазвал Сольвейг погостить у него
дома, если та вдруг окажется в Без-Копыт, хотя в дороге не
раз упомянул, что жену уже имеет. Он махнул тяжелой рукой
и пришлепнул поводья, поспешив западной дорогой. Девушка
весело помахала вслед.

Рэй смерил ее недовольным взглядом:

– И вот скажи, тебе обязательно заигрывать со всеми, кого
мы встречаем?

– Это же для дела! Он вообще не хотел нас брать. Узри, –
развела она руки. – Лишь благодаря моему чарующему оба-
нянию ты, чурбан, не сделал и шага, за день преодолел шесть
десятков верст, а завтра будешь в Умире.

– Так чего забесплатно не договорилась, обаятельная?

– Да чтоб ты знал, пять копеек за такую поездку это и есть
бесплатно.

Рэй скрестил руки на груди и буркнул:

– Вертихвостка.

– Уголовник.

Пара прошла тропинкой сквозь светлую березовую рощу. Поначалу листья утопали в оранжевом закате, а когда солнечный диск скрылся за горизонтом, то раскалились докрасна, затем тихонько погасли.

Под гомон сверчков они шли сквозь рощу даже когда сумерки скрыли землю. Ясная летняя ночь, веявшая прохладой, сама стелила дорогу под ноги, а на пару с могучей лисой и через лес шагать не страшно.

Неутомленные поездкой на возу, они прошли более десяти верст, прежде чем небо опять разукрасило россыпи звезд, заставив остановиться на привал.

– Сольвейг, а почему ты сказала «опять»? – спросил он, сидя возле веселого костра.

Лисица обернулась, прося пояснений по вопросу.

– Еще в первый вечер, на берегу реки. Ты сказала, что всё повторяется. Что именно?

Та горько усмехнулась:

– Мое соседство с героями, конечно. Думала, что после первой эпохи я уж никогда не окажусь поблизости от вашего брата. Но меня будто силой опять вплело в вашу глупую историю.

– А тебе... нелегко пришлось в путешествии с Горицветом? – вдруг спросил Рэй, и реакция Сольвейг не заставила ждать.

– Это тебя не касается, – холодно сказала она. – Это моя история, точка в которой поставлена триста пятьдесят лет

назад.

– Но ты упомянула, что Горицвета не славят в деревнях, как, например, Велимира. Он сделал что-то плохое?

– Знаешь, сколько героев было в первом поколении? Велимир и Эльмира, Буртун и Астра, Целитель Ивлис, Ловкий Мирослав, Леда-Росинка, Александр и Елена – это лишь самые известные. Громкие имена, однако они не преуспели бы в одиночку. У них за спинами стояли еще несколько дюжин достойных героев, которых люди позабыли.

– И всё равно, культ героев силен на этой земле, их помнят и почитают. Так чем же Горицвет провинился? Ты ведь должна знать, раз путешествовала с ним.

Она опустила глаза, глядя в сверкающий костер. «Знает, конечно... – понял Рэй, – но не скажет».

– Для тебя это не имеет совершенно никакого значения. Его больше нет, – шепнула она и поднялась.

– Сольвейг, – позвал Рэй, взяв ее за руку. – Пожалуйста, не уходи. Ты всегда исчезаешь, стоит мне заговорить о героях. Но ты ведь понимаешь, почему я задаю эти вопросы? Местные помнят Великих Героев как спасителей. Однако Светлобай сказал, что их успех был призрачным. Что это значит? Настя рассказывала, что происходит сближение миров, Яви и Нави, но отчего? Кто противостоял первым героям? Я же имею право знать! – он тоже поднялся.

Ее грустные глаза долго всматривались в пляшущее оранжевое пламя.

– Как глупо, что я, вольный дух, не имеющий никакой заинтересованности в жизни вашего рода, должна отвечать на эти вопросы. Вы, герои, явлены не для того, чтобы восстановить баланс миров – не по вашим силам задачка. Сближение Яви и Нави, засилье чудовищ – это всё последствия. Оставьте мировые весы богам. Ваш враг здесь, на земле.

– С кем бились первые герои?

– Их... – она вздохнула, – их называли вестники. Существа невероятной силы, закованные в обожженные до угля, железные латы. Страшные, безжалостные создания, почти неуязвимые. Они и стали врагами рода людского. И каждый был смертоносен по-своему: Вьюговей – быстр, словно ветер, Хмур – силен как сотня быков, Гетман – умел подчинять себе целые армии навных существ. Прозванная Стрелицей была способна поражать врагов из своего железного лука с расстояния в несколько верст. Еще один, самый могучий, «Тот, кто никогда не должен был сражаться», владел колдовством, которое могло сокрушать армии. Его нарекли Звездочетом. Всего на эту землю явилось девять вестников. Но, как и сказал ваш Светлобай, Великие Герои одолели только часть из них. Триста лет было тихо. Но твое собственное явление говорит, что война вот-вот возобновится.

Рэй поинтересовался, какова природа вестников, каковы цели, как их одолеть?

– Где они сейчас, в конце концов?

Однако та безмолвно покачала головой.

– Сольвейг! Почему ты мне не доверяешь? Какую роль в этой истории играешь ты?!

– У меня нет роли, – сказала она неестественно ровным голосом. – А мои ответы не имеют для тебя никакого значения. У тебя даже нет геройского таланта. Для тебя вступить в бой с одним из вестников – приговор. Забудь и думать. Сильнейшие герои, чья сила множилась чудесными предметами, а порой и вкупе с людскими армиями – вот в каком случае можно было уравнивать силы в бою с единственным вестником. Их пронзали копьями отряды всадников, засыпали стрелами, жгли в огне и топили в ледяных озерах, но эти черные воины выдерживали всё. Не зная жалости, они сокрушали всех живущих в этом мире. Словно во исполнение воли богов. Тебе нет смысла и думать о том, чтобы вступать в это древнее противостояние. Наслаждайся жизнью, покуда ты жив. Покуда они еще спят.

«Тебя, бездарного и лишённого всего, никто не осудит за бездействие», – опять будто прошептал на ухо господин Светл-О-Бай.

– Нет, – тихо, но решительно заявил Рэй. – Никакая она не божественная воля. Это я, мы, герои, есть воля богов! Воля на спасение человечества. Где сейчас вестники?

– Их не встречали в этом мире, с тех пор как... – оборвалась она неожиданно.

– С тех пор, как что? Ведь получается, первые герои провалили миссию.

– Это неправда! – вскинулась она, но сразу опустила голову. – Первые... они радели за свое дело. Не жалея жизни, они сражались за чужой для них мир, за людей, что далеко не всегда были к ним добры. Многие вестники были уничтожены их рукой. Но ни одна битва не давалась бескровно, число героев уменьшалось с каждым сражением. Не имея более сил, герои остановили последних четырех вестников с помощью божественного колдовства. Однако сила, которую применили герои, видимо, скоро растает. Одно твоё существование – тому доказательство. Этому миру... недолго осталось, – закончила она, да вот этих её слов Рэй уже не слышал.

В глазах девушки отразился призрачный и до боли знакомый зелёный свет! Пару секунд герой всматривался в этот божественный блеск. Рэй обернулся, пытаясь угадать источник, как вдалеке, над густыми кронами берёз ударил в небо столб зелёного света.

Коридор призыва был открыт. В мир стремился новый герой.

Холодный, тусклый свет падал на интерьер прибранной, но очень мрачной комнаты. Он сидел за широким столом. И вдруг за спиной возник ещё один источник света.

– Нет, слишком далеко, – возразила Сольвейг, тряхнув головой. – Это кажется, что близко, но сквозь лесную чащу тут идти часа четыре. И вообще, – повернулась она к Рэю, – ка-

кое тебе дело?

– Свет призыва словно маяк для всех, кто хочет разжечь-ся геройским серебром. Так бандиты нашли меня, подстроив «случайную» встречу. Если бы Светл не подарил мне божественную страховку, скорее всего, я бы не дожил и до своего суда в Бересте. Спорить готов, мейстер Иоахим уже приметил новый барыш.

– Кто? Ты про лиходеев, что напали на тебя? Точно, ты рассказывал, но я не особо слушала. Так что там произошло?

Юноша не сразу обратил внимание. Лишь в ответ на призывный голос он обернулся, и зеленая сфера отразилась в гладких линзах его очков.

– Во-от оно что, – отозвалась лисица в ответ на повторный рассказ Рэя о прибытии в мир. – Да-а, от вашего племени можно ожидать подобной подлости. И ты правда туда собрался? – преследуя героя, спросила она. – К этим головорезам? Да один этот Яким убьет тебя, едва увидит. У тебя только синяки сошли!

– Черт, отсюда уже не видно, – разыскивая нефритовое свечение меж ветвей, выругался Рэй.

Он подтянул лямки рюкзака и, не сбавляя шага, поспешил сквозь плотную смешанную рощу.

– Человеку не стоит сломя голову нестись сквозь лес, – предостерегла она, ступая следом.

– Соль, – резко остановился он. – Ты ведь отлично видишь в темноте. Помоги.

– Подумай же о себе! Решил, что пострелял разок из лука и стал героем? У тебя нет сил, чтобы драться всерьез!

– Значит, придется поднапрячься! – твердо сказал он. – Сольвейг, я уже не такое пережил, а там беззащитный новичок, который понятия не имеет, во что его втянули! Если бандиты доберутся до него...

– Опять свою мораль включил? Если тебе было мало в первый раз, то во второй они тебя не пожалеют. Сначала реши свои проблемы.

– Я его не оставлю. И пойду с тобой или без тебя.

– Бесишь, – отвернулась она. – Ладно, только потом не жалуйся, будем идти всю ночь.

Она взяла его за руку.

Рэй вдохнул дремлющий лес, и чувства их будто слились воедино! Тьма чащобы вмиг растаяла пред ним.

Не испытывая страха, ведомый лишь любопытством, он приблизился, изучая вибрации на поверхности сферы. Он вновь услышал призывный голос и коснулся твердой, резонирующей поверхности, не сомневаясь в выборе.

– Сольвейг, – спросил на ходу Рэй, – тогда, на берегу реки, ты начала говорить: Великий Герой Горицвет дал тебе имя. Получается, Горицвет – твой прежний хозяин?

Рэй ожидал характерного для гордой лисы ответа вроде «премудрая луми-кетту никому не принадлежит!», однако услышанное породило только больше вопросов. Вкрадчиво и без пояснений, она шепнула в сторону:

– Да.

– Талант? – спросил он, встряхивая мокрые от холодной воды волосы.

– Некоторым разрешается выбрать, – нежно изрекла она, и в глазах ее отразилась вся Вселенная. – Пожелай чего угодно!

Ночью заметно похолодало.

Пасмурный лес стоял, укутанный туманом. Лачуга на холме окружена океаном из горячего молока. Геройская артель. Ах, с какой скверной в душе Рэй вспоминал это место. Спустя месяцы он вернулся в точку, из которой начал путь. Сколько героев до него простились тут с жизнями? Этому должно положить конец. Праведная месть переполняла сердце.

Солнце еще не взошло: предрассветный, самый тихий час. Но солнечной погоды сегодня не будет: за ночь ясное небо оказалось надежно закрыто тучами.

Герой крепко держал ее руку. Пальцы другой руки, сжимавшей древко лука, онемели от холода, в ногах – холод росы. Взгляд сосредоточен на доме. Приблизившись, Рэй со-

бирался выпустить ее руку и поспешить вперед, но Сольвейг подхватила за локоть, предупредительно покачала головой. Дверь в хижину приоткрыта. Если ловушка захлопнулась, дверь должны были запереть изнутри. «Неужели опоздал?!»

Несколько секунд пара наблюдала за покосившейся от зим лачугой. Крик прорвался изнутри! И Рэй, не разбирая, ринулся вперед, тревожа сонный туман. У дверей он схватил прислоненную лопату – лучшего оружия не сыскать. Он рванул приоткрытую дверь, ввалился, вознося полотно!

Кровь.

Вишневое варенье по серым бревенчатым стенам, бордовые розы на одежде, карминовая морось на дощатом потолке. Свежая, живая. Вязкая капля с потолка на висок – Рэй не заметил. Кровь текла, не успевая впитываться в земляной пол. Без того сырые от росы лапти напивались густой субстанцией.

Чье-то дыхание: сиплое, дрожащее. Рэй отшагнул, задев ногой тяжелый предмет. Опустил взгляд – чья-то ладонь.

Она.

Его взгляд блуждал по комнате, пытаясь осознать происходящее, пытаясь переварить эти образы. В лачуге будто преисподняя разверзлась. «Это неправильно». Фрагменты внутренних органов на полу, части тел, происхождение которых невозможно определить. «Неправильно», – содрогалось сознание. Даже не сосчитать, сколько убитых. Все эти мысли заняли не более секунды.

Она.

В лачугу следом за героем ворвалась Сольвейг. Пройдя на шаг дальше, она застыла в том же чувстве. Истошный крик вырвал из примороженного забытья, швырнув обратно в реальность!

Стоя в дальнем углу, она держала за горло мужчину вдвое крупнее своего размера. Одной рукой. Тот потешно перебирал ногами в воздухе, точно куда-то бежал. Он отчаянно молотил по девичьей руке, скрытой тонкой черной робой. Вопль оглушил маленькую хижину снова, когда она вынула ему второй глаз. Продев пальцы в глазницы, она швырнула тело о землю с такой силой, что содрогнулись стены! Жидкий хруст застрял в ушах.

– Ой, – игриво улыбнулась она, встав вполоборота.

Радужка оттенка красных яблок сияла на фоне безупречно белой склеры ее глаз. Во взгляде дикими искорками плясало возбуждение. Серые с желтизной волосы спадали по плечам волнистым потоком.

– А вы, котятки, откуда взялись? – прошуршала она объемным, бархатистым контральто.

Она глянула на Рэя, затем на Сольвейг – и вот тут осклабилась зловещей, клыкастой улыбкой. Черная, обтягивающая роба с широким воротником маняще открывала длинную шею и аккуратные плечи.

Герой заметил, что Сольвейг, войдя внутрь, больше и не шевельнулась. Привычный румянец на ее щеках побелел.

Да только она даже не обратила внимания на кровь и тела, а попросту впиалась взглядом в эту демоницу.

– Меня зовут Алекто, – изволила представиться она. – А вы, грешные души, – она окинув взглядом результат своих кровавых трудов, – вдохновляете меня! Ох, до чего волшебные чувства. Этот мир, полный грехов, – она затаилась на секунду, расплылась в широкой, нечеловеческой улыбке, – прекрасен!

Демоница страстно обняла себя за плечи, закрыв глаза и замерев на секунду. Рэй же боялся даже собственного покачивания, которое расходилось по телу ненормальным сердцебиением. Одна аура этого существа подавляла волю.

Была в ней какая-то ядовитая привлекательность. Женщина в пике тридцатилетней красоты, она открыла налитые диким рубином глаза и обратила взор на героя. Три шага, и коготок указательного пальца, словно лезвие клинка, оказался под подбородком. Рэй поймал взгляд Сольвейг, скованный ужасом, и понял, что в этот раз на нее рассчитывать не стоит.

– Какая интересная душа, – промурлыкала она, заглядывая герою в глаза.

Острые ногти царапнули по шее, точно кинжалы, Рэй сглотнул, но затем произнес так ровно и бесстрашно, что удивил даже себя:

– Ты сказала, что ищешь грешников?

Алекто, склонив голову, одарила его удивленным взгля-

дом.

– Это важная работа, – согласился Рэй.

Кинжалы под горлом надавили сильнее.

– Но за мной грехов нет.

Алекто глядела задумчиво и внимательно, а затем расплылась в довольной улыбке.

– Нагловатое заявление. Неужели ты окажешься сообразительнее своего предшественника? – она качнула головой в сторону еще одного тела. – Да, в твоей душе я не вижу тяжелых преступлений, – даже поскучнела она, бросила хватку и отвела взгляд в сторону. – Однако что насчет твоей спутницы? Погляди, отчего это она вся дрожит? – Скажи, котенок, – обратилась она к Сольвейг, – на меня правда так жутко смотреть? Неужто старые грехи так тяжелы, что под ними, – она сделала еще шаг, – не бьется сердце?

Побледневшая, неспособная даже отступить, Сольвейг глядела перед собой так, будто знала, что именно Алекто видит в ее душе. Рэй и не представлял, что может увидеть надменную премудрую лису настолько уязвимой. Острые обсидиановые коготки демоницы медленно потянулись к лицу Сольвейг – но пронзили лишь воздух: Рэй, схватив подругу за плечо, притянул и встал впереди.

– Это моя спутница. Я за нее отвечаю. А ты уже достаточно тут повеселилась.

– Честный. Смелый. Даже красивый, – демоница улыбнулась, прильнула, вдыхая его запах, провела пальцем по щеке,

и губы их оказались менее чем в сантиметре друг от друга.

Когти впились в затылок. Он чувствовал жар на своих губах, ее запах: сырой уголь и железо. Грациозное тело, высокое и стройное – они с Рэем были одного роста – столь соблазнительно обтянутое чертой бархатной робой, отдающее пламенным жаром и одновременно струящееся потусторонним морозом. Она опустила пальчик на его плечо и со свистом махнула вниз!

Рэй замер в душе. А когда сердце забилося вновь, попытался осознать, остались ли на месте внутренности. Тут же преглупая мысль: новая рубаша – десять копеек, ай, как жалко! Голубая крестьянская косоворотка, вскрытая лезвием, распахнулась. Нюхоток опустился ниже, остановившись на черной татуировке в форме лисы. Волны боли пульсировали под острием, точно под осиным жалом, однако эта титаническая и неуправляемая решимость, что взялась не пойми откуда, не подвела: ни мускул не дрогнул на его лице.

– Хм, – улыбнулась она, – смешной.

Разлитая по комнате кровь вдруг ожила, восприняв негласную команду, и начала стекаться к ее ногам, а вскоре за спиной демоницы возникло целое бурлящее озеро.

– Вижу, твое сердце уже занято. Уютное местечко, однако. А хочешь, – она прищурилась и горячо шепнула она на ухо, – поменяемся?

Рэй держался, сохраняя безучастное выражение лица.

– Всё просто: отдай лису мне. Обещаю, я хорошо с ней

поиграю, а когда мне надоест, ты навсегда окажешься свободен от нее. Но не бойся, ты не останешься один, – змеей шипела она на ухо, а пролитая по комнате кровь вскипела, испарив в воздух невесомыми капельками, и вращалась теперь в адском вихре. – Ты даже не представляешь, – рисовала она восьмерку на его груди, – насколько хорошо нам с тобой будет. О, ты, – томно вдохнула она, – идеально мне подходишь, я вижу! О, этот праведный гнев, с которым ты ворвался сюда! Я почуяла его еще издали. Да, милый Рэй. Ты можешь быть спокоен: все, кто был в этой хижине, сполна получили за свои злодеяния. Я вижу, как сильно твое чувство справедливости. Возмездие! За ним ты явился. А я уже претворила в жизнь твое желание. Посмотри, как красиво у меня получилось! – она отшагнула и развела руки, демонстрируя страшную комнату.

– Ни одной секунды я не желал такого, – не сводя с нее взгляда, ответил Рэй. Впрочем, уже и сам не вполне уверенный. Сознание плавилось под взглядом пламенно-красных глаз демоницы.

– Ты еще даже не представляешь. Обещаю, ни один преступник не уйдет от воздаяния, которое ты понесешь! Ни одна грешная душа не сыщет покоя и никакое мастерство не сравнится с силой... которой я поделюсь.

Рэй смотрел в ее сверкающие пунцовыми искрами глаза, постепенно проваливаясь в их кровавую глубину. Сердце зашлось. Сила, которую обещала Алекто, именно ее так недо-

ставало Рэю! Именно ее? Да, ему, герою, она просто необходима!

Но в миг, когда Рэй настолько утратил волю, что не мог дышать, он вдруг изыскал в себе силы. Он решительно взял ее за плечи и отодвинул, тут же развеяв колдовство. Алый вихрь, что вращался в лачуге, разочарованно замер и осыпался кровавым дождем.

– Интересный мир, – примирительно ответила Алектэ. – Мне здесь очень нравится, Рэй. – Найду ли я душу, достаточно сильную, но опустошенную, чтобы поселиться в ней? Но мы непременно встретимся с тобой снова. Интересно, будешь ли ты сожалеть, что отверг меня? – и демоница еще раз с безразличием взглянула на тело в дальней части комнаты.

Она сделала шаг назад и рухнула в скопившуюся за ней лужу крови точно в бездонное озеро! Брызги разлетелись по комнате, однако, стоило ряби устояться, как бассейн обернулся грудой взъерошенной земли.

Святые угодники, а мирок-то и правда с ума сходит! Такой бесовщины Рэй еще не встречал. Но в данную секунду на руках была более насущная проблема. Он бросился через комнату и припал к телу, сразу узнав собрата – по очкам с толстыми линзами: тонкий металл и голубое стекло – в этом мире не могло существовать подобного. Он мельком осмотрел героя и понял, что тот еще жив и в сознании. Впрочем, сквозное отверстие чуть ниже груди не оставляло ему шансов.

– Всё закончилось, слышишь? Как тебя зовут? – спросил Рэй, придерживая его голову.

Невнятный ответ скатился с губ, пал на липкий пол.

– Она ушла? П-почему? – вымолвил юноша в очках, глядя на красную, взъерошенную землю.

– Ушла и вряд ли вернется.

– Но, – брови его жалостливо сошлись. – Почему же она?..

– Она должна была остаться с тобой?

– Да! – раскрыв глаза, пылко сказал он. – Мне же обещали. Исполнить желание. Разве я... о многом попросил? Ведь я только хотел... хотел при... – боль исказила его лицо.

– Приключение? – поняв, улыбнулся Рэй и встретил такую же улыбку. Он коснулся его холодной щеки и еще раз рассмотрел рану ниже ребер, безнадежно убеждаясь, что все доступные меры первой помощи окажутся бесполезны.

– Да, – сглотнул он. – Она с-сказала, что можно выбрать, понимаешь? Выбрать дар. Талант! Некоторым можно, – он кашлянул, и на запястье пали красные веснушки.

– Богиня предложила выбрать талант? – разобрал Рэй. – И чего же ты пожелал? – спросил он, уже догадавшись, что красивая женщина с пылающими демоническими глазами и стала роковым желанием только что призванного героя.

– Мне всегда было так... одиноко. Я читал про фантастические миры, я знаю. Но не хотел быть один. Пусть бы кто-то всегда был рядом, тогда ведь не страшно, да? Тогда всё можно преодолеть, – он проникновенно воззрился на Рэя, а

потом виновато опустил взгляд. – Глупо, знаю.

Рэй неволей обернулся на Сольвейг, которая участливо глядела на юного героя.

– Вовсе нет, дружище. Отлично тебя понимаю. И ты не остался один. Меня зовут Рэй, я такой же герой. И буду с тобой до конца.

– Я, – начал он с печальной улыбкой, – решил схитрить. В качестве таланта я выбрал не силу для самого себя. А волшебное существо! Чтобы оно стало мне другом. И она сказала, что подарит друга, раз таково мое желание. Представляешь? Любого! А чтобы мы смогли стать близкими друзьями, она сотворит его на основе моей самой сильной эмоции. Но у меня никогда... не было девушки и, знаешь, – застенчиво улыбаясь, говорил он, – я подумал, что такой эмоцией окажется влечение. Похоть.

Рэй усмехнулся:

– Ну и балда, какого же друга ты себе пожелал?

– С... – застенчиво улыбнулся мальчишка, – суккубу.

– Ого! Такая и в бою поможет, и в путешествии, а уж что с ней по ночам можно вытворять. – подначивал Рэй, тихонько толкая в плечо. – Это ты классно придумал.

Юный герой тоже рассмеялся, однако движение диафрагмы лишь усилило кровотечение.

– Но богиня сказала, что не знает такого слова. Я описал как мог. А она сказала, что сотворит мне что-то похожее.

– На тебя здесь напали бандиты?

– Привели, набросились. Я призвал ее по имени, как и показала эта богиня, с такими красивыми... и такими печальными глазами цвета звездного неба. Но, – взгляд его на секунду потерялся. – Я позвал: А-лек-то. И она явилась. Очень красивая! Как я ее и представлял. Но почему-то сразу ударила м-меня.

На лице, покрытом красным узором, невозможно было разобрать, были ли на нём слезы.

– За что же?..

– Всё хорошо, друг. Просто похоть вовсе не была твоей самой сильной эмоцией, – покачал головой Рэй. – Твоя благородная душа... видимо, ты куда более искал справедливости в мире, а вовсе не плотских утех. А наша бестолковая богиня, то ли по незнанию, то ли нарочно, вместо сладострастной суккубы, сотворила тебе какого-то демона мести, – сказал Рэй, понимая, что друг, прислонившийся к стене, уже не слышит его.

Рука опустилась с геройского плеча.

Строки на разных языках, последним из которых была местная руница, обозначали слово «герой». Их начертал Рэй на отрубе бруса, который установил вертикально на могиле, возложив очки с синими стеклышками у подножия. «Жаль, я так и не расслышал твоего имени, друг. Покойся в мире», – сложив ладони перед собой, он на пару минут закрыл глаза.

Лопата всё-таки нашла применение.

Рэй сидел на коленях позади невысокой земляной насыпи.

Никаких обрядов пост мортем, вспомнились слова Насти. «Так ведь вовсе не для них. А для нас», – прошептал он и на секунду оказался скрыт бусым облаком дыма. За спиной полыхала пламенем геройская артель. После того, что там произошло, он не нашел лучшего варианта, чем сжечь землянку вместе со всеми, кого там оставила демоница.

Собрав волю и закрыв душу, Рэй предварительно изучил разодранные тела, узнав троих из тех, кто атаковал его прошлой осенью, включая проходимца Пташку. Атаман Иоахим, однако, отсутствовал. Сбежать из цепких когтей Алекто даже он бы, поди, не изловчился. Значит, его просто не было внутри – повезло. Но еще не вечер.

Над ухом что-то звякнуло, выдернув из глубины размышлений. Сольвейг стояла рядом, протянула мешочек на пеньковой веревке. Рэй вопросительно поглядел на предмет.

– Это...

– Геройский кошель, очевидно же. Берешь? Так все герои делали, даже те, которых сегодня кличут Великими.

– Мародерствовали, имеешь в виду? – усмехнулся он, оценивая свое право на деньги.

– Называй как хочешь, – снова потрянула мощной. – У тебя ведь такой же украли? Как вы говорите, возмещение? Втиснется в твою дурацкую мораль? Конечно, если не надо, я просто выброшу.

– Надо, – возразил Рэй, коснувшись ее запястья. – Я возьму.

Он задержал ее руку на миг.

– А ты, Сольвейг, не расскажешь мне?

– О чём? – спросила она, удаляясь ему за спину.

– Алекто, – хмыкнул он, теребя в руках тканый мешочек. – Воздаятельница за преступления и преследовательница грешников, как она себя аттестовала. У нее аж слюнки потекли, когда она тебя увидела.

– Откуда ты знал, что она такое? – с любопытством обернулась Сольвейг.

– Я и не знал, – пожал плечами Рэй. – Она сама сказала, ищет грешников, потому я и ответил на удачу, что меня она не вправе казнить. Но что насчет тебя? Отчего ты ей так приглянулась, расскажешь?

– Не расскажу.

– Сколько тебе, говоришь, лет? Триста? Четыреста? За такую жизнь немало можно наворотить. Все делают ошибки.

– Еще хватает наглости оправдывать меня?

– Не хочешь – не рассказывай. Только не застывай в следующий раз. Она тебя едва не зацапала.

Сольвейг отвернулась.

Странно, но внутри этого геройского кошелька тоже оказалось всего несколько серебряных полосок. Княжеские меры оказались блестящими, прямо новенькими.

– Хм, так мало.

– Прикажешь в будущий раз шманать все трупы? – злодейским голоском спросила лисица. – Будет исполнено.

– Я не о том. В кошельке жалкие пять мер. Обычному герою, как сказал Светл-О-Бай, полагается целых двадцать. И даже мне причиталось столько же, что, помнится, немало расстроило усатого чиновника. Я-то получил лишь малую часть той суммы, а за остальное заключил со Светлобаем сделку. Но вот этот парнишка вроде бы штатный герой, отчего же ему-то досталось меньше? Слабо верится, что божественная башня и правда беднеет.

Сольвейг, отворачивая нос от едкого дыма, присела на склоне холма, плечом коснувшись Рэя, и тоже уставилась на серебряные палочки. Без интереса взяла одну, покрутила перед глазами.

– Хочешь сказать, от мальчишки и не ожидалось больших успехов в назначенном ремесле?

– Или же его скорый конец был неслучаен. Он сказал, что Алекто ударила его первым, стоило ее призвать. Не бандитов, за которыми грехов уж побольше накопилось, а именно героя, явившегося для благих дел.

– И что? Вы у себя дома не совершаете плохих поступков? Непорочны все до одного, ждете, когда позовут с той стороны в очередной пропащий мирок?

– Согласен, герой герою рознь, малое количество денег в кошельке только наводит на мысли. Но добавь сюда приставленного компаньона-убийцу... – он оборвал речь, невольно

взглянув на подругу.

– М? – повернулась она, оправив волосы. – А! Компания-убийца, смешно, – сказала, вернув скучный отруб серебра. – Но расслабься, пока не планирую способствовать завершению твоей жалкой жизни. Сам справляешься.

– Спасибо на том. Итак, Алекто: бело-желтые волосы, горящие огнем глаза и способность видеть грехи в человеческих душах. Голову даю на отсечение, что последнее – очередной геройский талант! Безвкусная мешанина, – скривился Рэй.

– А мне показалось, она красивая.

– Ха, то-то ты побледнела. Выглядит так, будто это чучело сварганили из того, что попало под руку. Божественный промысел.

– И для чего Башне подобные эксперименты?

– А это и не эксперимент, а разовый проект для решения всего одной задачи, – размышлял Рэй, сжимая кошелек в кулаке. – Я, помнится, пожаловался коту, что в окрестностях места явления героев ошиваются преступники.

– Хочешь сказать...

– Светлобай и Башня не могут напрямую воздействовать на мир – какой-то фундаментальный запрет. Как, в таком случае, решить проблему? Может, на сто пятидесятой попытке и попадется толковый герой, который сходу справится с лиходеями в засаде. Но отправь одного с «поясом смертника» – это решит проблему здесь и сейчас.

– Но теперь по этому миру скитается алчный до человеческих грехов демон. Если цель Башни – спасти человечество, то мера так себе.

– Будь я на месте Башни, я бы и в Алекто заложил механизм самоуничтожения... хм, – понял Рэй, – она хотела поселиться в моей душе, а после отказа сообщила, что продолжит искать сильную, но опустошенную душу. Значит, она и сама понимает свою неполноценную природу. Ей для выживания нужен носитель. Правда, таковым теперь может стать кто угодно, в одной Бересте целая куча опустошенных страдальцев.

– Но ты отказался обменять ее на меня, – Сольвейг поднялась на ноги и с ухмылкой прибавила: – Вот это зря! Вы, борцы за мораль, отлично бы друг друга дополнили.

– Борьба за справедливость не имеет ничего общего с казнью преступников.

– Герою, конечно, виднее. Ну и? Это мы пофантазировали. Думаешь, так и было с этой Алекто?

– Просто одно довольно мерзкое предположение, – покачал головой Рэй. – Но я выясню.

IV

*Юное лето: разноцвет месяц
Северо-Восточный край*

Выпад! Посох со свистом рассекает пространство, раздаётся деревянный треск! Противник избегает атаки, пытается приблизиться, но Ярослав моментально возвращает древко, угрожая деревянным наконечником даже на короткой дистанции.

Противники хищно переступали по зеленому лугу залежного поля. Копейщик в коричневых штанах и свободной рубахе-покоснице пребывал в превосходной форме: долговяз, строен и мускулист. Второй, что орудовал кинжалами, – сухопарый, коротко стриженный паренек в тёмно-серой рубахе. Взгляд пустой, вовсе не соответствующий напряженности сражения.

Несколько отвлекающих покачиваний, и деревянный посох, имитирующий копье, опять бросается в атаку! Тихомир скрещивает два деревянных кинжала, сводя удар в сторону, и, придерживая древко правым кинжалом, сразу же атакует левым. Но копейщик перехватывает атакующую руку противника, рывком вытягивает на себя, захватывает воротник и легко перебрасывает щуплого парня через плечо!

Тихомир гулко шмякнулся наземь. Победа за Ярославом. Оба решительно кивнули. Ярослав, не выпуская его руку, помог подняться.

Копейщик мастерски и непринужденно вращает длинное «копье» одной рукой. Теперь вместо выпадов размашистые режущие атаки. Несколько раз их оружие звонко сталкивается.

Свист копья – неловкое уклонение. Копейщик пользуется мгновением слабости, подхватывая копье и совершая финальный выпад! Идеальный удар направляется точно в центр корпуса.

Долю секунды копейщик колеблется: не стоит ли сбавить силу? Пусть тренировочное копье имеет безопасный накопчик, такой удар придется болезненно. Однако поддаваться – значит не уважать соперника. Удар летит с полной силой!.. Но тут ловкий боец взмывает над землей и совершает умопомрачительный финт ногами. Его сапог оказывается точно поверх летящего копья, а Ярослав лишь ловит взглядом скользкую ухмылку. Бам! Копье, направленное ногой Тихомира, со всей вложенной в удар силой утыкается в землю – руки копейщика безвольно одергивает следом за оружием. Неуловимый шаг следопыта – и оба кинжала по очереди касаются шеи, имитируя смертельные ранения. Тихомир уже за спиной.

– Красиво подловил, гад, – признал копейщик, потирая поцарапанную шею. Он сорвал ленту с золотистых волос, го-

товьясь к перерыву. «Тук-тук-тук-тук», – приятно стучало в груди. – Фуф, Тишка! И где ты такой прыти понабрался? Да если б не мой талант, ты б меня как девочку обкручивал.

Молчаливый оппонент, улыбаясь, развел руками.

– О, гляди, кто это там? – указал Ярослав обратной стороной тренировочного копья на бредущего вдаль лапотника в разодранной косоворотке – до странности знакомого.

Акробат, к тому же востроглазый, взгляделся и сразу опознал цель. Он убрал деревянные кинжалы под мышку и языком жестов удивленно показал по буквам: «Р-э-й».

Герой и его подруга шагали мимо колосющихся зеленых полей. Рэй вскинул ладонь козырьком: Умира, деревня под солнцем, лежала на просторной солнечной равнине, такой яркой, что больно было смотреть в эту сочную, желто-зеленую даль, со всех сторон окруженную полями.

– Просто не верится, что такие огромные площади обрабатываются вручную, – щурясь, сказал Рэй.

– Пашут, конечно, на волах или лошадьми, но сев и жатва выполняются голыми руками. На жаре да под тучами гнуса это адский труд. Не знаю, для чего люди так убиваются на земле. По мне, жить в лесу куда приятнее.

– Не замечал я, чтобы ты за столом хлебом брезговала. В лесу колосья не вырастишь.

– Точно! – шлепнула она по ладони. – Была б я человеком, выращивала бы одни лишь яблоки. Твердые, сочные,

ароматные!

Рэй посмеялся:

– Думаю, это тоже немалый труд. Да и в этом регионе лето для них слишком короткое – получатся мелкие и кислые. Ячмень – куда более подходящая культура.

– Тогда просто отправилась бы на юг, где яблоки выросли б большими и сладкими.

– Это тебе, вольному духу, легко уйти с насиженного места. Людям тяжело расставиться с домом, где они родились, – рассудительно произнес Рэй, но тут же одернул себя, ведь тема дома была почему-то для подруги не из приятных.

Та смерила его взглядом, но смолчала.

– Соль, ты скрыла от Амадея сведения о себе. А если мы всё же найдем Ярослава и Настю, можно рассказать о тебе?

– К Амадею у меня с самого начала не было доверия. В целом, мне без разницы, что ты будешь говорить обо мне другим героям – я не стану оспаривать твоих слов.

– Я бы не хотел им врать, но если есть причина, по которой для тебя это важно...

– Опять ты нюни развел? Бесишь.

Они уже подходили к первым жилым домам, как откуда-то прискакала, заходясь лаем, белая в рыжих яблоках собака. И не требовалось большого внимания, чтобы заметить, что пес лает именно на Сольвейг. Та презренно глядела на зверька, что вкладывался в заливистый, сермяжный лай.

Рэй с почтением относился к собачьему племени, и оно

обычно отвечало ему взаимностью. Он присел на корточки – пес перестал лаять и с любопытством присмотрелся приятному человеку. Принюхавшись друг к другу, оба дурашливо уселись на земле.

– Тс-с, не лай. Кто тут такой красивый сторожит? – трепля свисающие уши и горячую, косматую шею, приговаривал Рэй. – Ты сторожишь деревню? Как тебя зовут, собак?

Пес уж весь ластился к герою, взволнованно виляя коротким хвостом. Спустя полминуты человек превратился в лучшего друга: пес упал на землю, предоставив в распоряжение живот. Рэй исправно почесывал.

– Ах ты ласкушник, вы посмотрите него, разлеся. Ах ты лохматый прилюбочёсец.

– Еще оближи его... – с ледяным презрением бросила Сольвейг.

– Дружище, дадим лисе пройти? – теребя загривок, спросил Рэй.

Пес замер настороженно. Стоило Сольвейг сделать шаг, как тот поднялся, вздыбил спину и разразился угрожающим лаем. Сольвейг устало выдохнула:

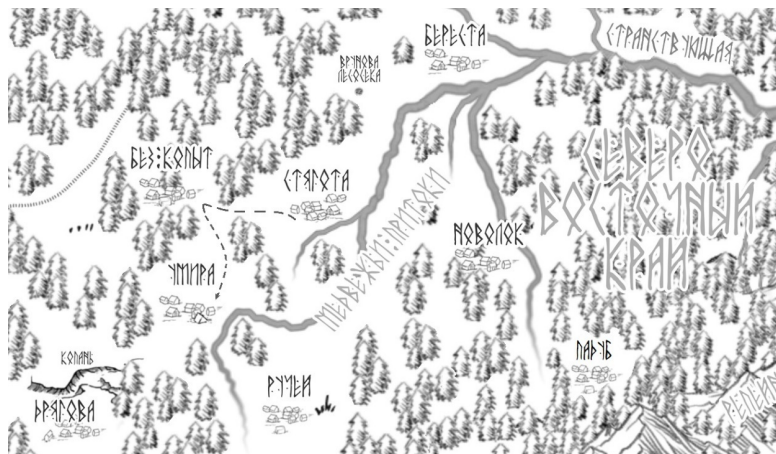
– Знаешь, мне в этом человеческом обиталище ведь так и так нечего делать? Я живу в твоём сердце, так что не могу далеко отойти, а крыша над головой мне ни к чему. Ступай один, а когда снова соберешься заплутать в лесу, твой компаньон-убийца будет тут как тут, – произнесла она, скрывая толику обиды – или так показалось Рэю.

– Что ты такое говоришь? В лесу собралась ночевать?

– Это не единственная шавка в деревне, судя по запаху, их тут полно, – сморщив носик, отвернулась она. – Так и будет лай с утра до ночи.

– Это истинная причина? – ни на грамм не веря, спросил Рэй. – Соль, перестань, разве есть в этом необходимость? Это же просто пес.

– А я – просто лиса, – оттянув указательным пальцем верхнюю губу, она продемонстрировала нечеловечески длинный клык.

Рэй шагал по пустынной солнечной улице. Рыжий пес сту-

пал рядом, словно бы показывая как они тут, в Умире, живут. Избы почти не отличались от тех, что стояли в Стяготе, только угоры вокруг деревни были совсем чистыми: сплошь злаки и другие посевы. Впереди поджидали две фигуры. Первая – высокий атлет, что опирается на длинный деревянный посох, второй – худосочный паренек среднего роста.

– Ты прав, это действительно он, – проветривая расстегнутую до живота рубаху, с развальцей сказал блондин своему подручному. – Наш горе-заклинатель!

Рэй приближался к последователям боевых искусств, наспех перевязывая на поясе веревку, которая держала косоворотку, давеча рассеченную пополам сударыней Алекто.

– Да не верю! – бойко крикнул копейщик, затем оставил деревянное копьё оруженосцу и накинулся на застывшего в нерешительности героя, захватив шею. – Сбежал-таки, подлец! Подожди, а за тобой погони там нет? А то – я тебя не знаю.

– Думаю, никто из Бересты меня не преследует. А я вас видел на том поле! Тренировались? – высвобождаясь из захвата, спросил восторженно Рэй. Изучение боевых искусств было тем, чем, в его представлении, среди всего прочего, должны заниматься герои. Кстати, странно, что Амадей этим геройским занятием совсем не увлекался.

– Рыжик! – воскликнул Ярослав, и четырехлапый изменник тут же бросился к другому герою. Получив ласки и от этого человека, Рыжик вспомнил, что у него еще есть дела

и умчался вверх по улице. – Ну не верится, – взглянул Ярослав на Рэя. Тишка, узнаешь ли ты этого бродягу? – нарочито спросил Ярослав, опираясь локтем на плечо Рэя.

Тихомир, простая душа, не поняв саркастичный характер вопроса, спокойно показал жест, раскрыв от груди правую ладонь: «Да». Копейщик отстранился от Рэя, скрестив руки на груди:

– Скажи, – продолжая пристально глядеть на Рэя, опять адресовался к следопыту, – а ведь это из-за него нам так и не заплатили за работу, ради которой мы протопали сотню верст аж до северного лагеря?

Тихомир, не меняясь в лице, снова показал знак: «Да».

– Может, нужно было больше тренироваться? – укоризненно возвратил Рэй. – Тогда, глядишь, и зверь бы вас врасплох не застал.

– Сказал человек, что вернулся с той охоты без штанов! – хохотнул копейщик. – А с рубахой-то что, бедолага? – дернув подвязанные веревкой полы рубахи, спросил Ярослав.

– Долгая история, – отмахнулся беглец, всё же не в силах скрыть радость на лице. Видеть этих двоих сейчас, вне трудового лагеря, казалось удивительным достижением!

– Ничего не знаю, – пожал плечами копейщик, – за тобой должок за сорванный заказ.

– Кто кому должен? – нахмурился Рэй. – Из-за твоей сомнительной репутации меня в порубе чуть не прикончили той же ночью! Может, если б ты одолел зверя, еще бы испра-

вил представление о себе.

– Ты-то будешь учишь меня геройской этике? Зэк.

Тихомир постучал по плечу Ярослава и показал серию жестов.

– М-м, да, ты прав. Рэй, пойдём! Журавлика обрадуем.

– А она... – вдруг затаил он дыхание, – Настя здесь, в Умире?

– Куда она денется. Ей, – затих на секунду Ярослав, – нелегко пришлось. Знал бы ты, каких усилий стоило отговорить ее вернуться за тобой, сволота! – ткнул он в плечо.

Рэй аж остановился на месте:

– Настя хотела вернуться?

– А чего ты ожидал от достойного героя, каким она бесспорно является? Она враз потеряла двух дорогих друзей, а тебя, пусть малознакомого, но товарища по ремеслу, пришлось оставить в порубе на потеху судьбе. Насте было очень одиноко, я вернулся в Умиру через несколько дней, но на нее всё еще было больно смотреть. А потом, вообрази, не сказав ни слова, она перекинула через плечо рюкзак и ножны, собрала все деньги и двинула обратно в Бересту!

В груди затеснило. «Мы ведь едва были знакомы!» – думал Рэй.

– Ладно, в общем, скажу один раз, – Ярослав придал лицу строгое выражение и произнес неожиданно тихо: – Прости меня.

Рэй воззрился теперь на копейщика, ибо это уже ни в ка-

кие ворота: Ярослав – убийца василиска просит прощения!

– Не лично перед тобой извиняюсь. Просто не так должны поступать герои. Я тоже должен был пойти с ней. Точнее, с самого начала не должен был уходить из Бересты один. Если ты и правда герой, в чём, если честно, я так и не уверен, мы обязаны были уйти оттуда вместе.

Рэй помедлил с ответом.

– Думаю, ты достойный герой, – взглянув в глаза, сказал он. – Ты правильно сделал, что остановил Настю. Не хватало, чтобы героев обвинили в содействии преступникам. Она бы подвергла себя огромной опасности, если бы помогла мне.

– Так я и сказал ей! – горячо ответил Ярослав, но быстро успокоился. – Хорошо, что ты понимаешь.

Герои прошли через деревню, что не заняло много времени, хоть Умира и была по меньшей мере вдвое крупнее Стяготы. Поднявшись на солнечный пригорок, они оказались в богатом конехозяйстве, состоящем из двух длиннющих денников, десятка хозяйских построек и изб. Трое подошли к деннику. На входе им наперерез выбежал высокий, плечистый конюх с крупными кудрями, в льняной белой рубашке, расстегнутой по всей длине.

– Ку-уда?! – зычно протянул он, загородив путь своею широкой и красивой личностью. – А-а ну-у, лошадь-мясо-колбаса, куда крутим колесá? К лошадям хозяйским не велено!

– Да мы не к лошадям, – отмахнулся Ярослав.

– А че надо-ть? – спросил он, уперев руки в бока. – Пошто горазды, геройские? А, Яр-Ярыч? Всех коловёртышей вокруг бани переловил?

– В бане у вас живет вострушка. Никаких коловёртышей там не было, да вострушка их бы и не пустила.

– И-ишь ты, вострушка, – недоверчиво хмыкнул конюх. – Так изловил?

– Я, Сенька, что-то не помню, чтобы ты мне деньги за работу платил, – ответил Яр-Ярыч. – Кто платил – тому и спрос. Я уже хозяину твоему отчитался. Напарница у тебя где?

– Таисья-то? По воду ушла, – недовольно ответил конюх.

Рэй прыснул над тем, как изменилось имя отважной воительницы Анастасии Журавлика в деревне.

– А потом лошадей пойдет обкатывать – она нынче жога-тая. Робим мы. А вы, геройские, коль без дела заявились, уходьте, ага!

И тут в дальнем конце денника нарисовался невысокий, тонкий силуэт. Девушка опустила коромысло, поставив на землю две кадки с водой, стянула тряпичные перчатки, приглядевшись к группе у входа. Ярослав вскинул руку. Та замерла, будто бы в нерешительности. Из-за яркого солнца снаружи невозможно было разглядеть ее лица, однако Рэй уже тут тревожно набрал воздуха. Было б из-за чего вздыхать, чай не давнюю любовь встретил, знакомы-то были пару дней, а до того странное чувство зашевелилось в душе. Пусть

и пару дней, но казалось, что этой вот встречи он ждал всю жизнь. Рэй, демонстрируя спокойствие, тоже поднял руку в знак приветствия.

Девушка долго шагала по длинному деннику мимо лошадиных голов – не спеша. И когда беглец уже подумал, что лишь для него встреча оказалась столь волнительной, Настя вдруг подбежала, и крепкие руки обхватили шею! Ее горячее тело оказалось совсем близко, ненароком он вдохнул теплый аромат ее волос.

– Я тебе говорил? – гордо сказал Ярослав. – Если он и правда герой, то уж сам найдет, как из поруба выбраться! А теперь-то уж, во, мы этого бегуна выдадим, – и выставил дулю.

Настя разжала руки, отшагнула, очаровательно смутилась. Затем, широко улыбнувшись, снова взглянула на Рэя, жмурясь от яркого солнца, которое играло на ее веснушчатом носу и серых глазах – тех самых, цвета летнего дождя. А была ненаглядная в похожей светлой сорочке и обтягивающих брюках. Одежда во многом была похожа на наряд Ярослава – геройский антураж тут такой, что ли?

– Привет, – сказал Рэй, сдерживая улыбку, – Таисья.

Ярослав усмехнулся над исковерканным деревенским именем, Рэй тоже, но сразу получил втык по плечу. И даже Тихомир впервые за всё время изобразил какую-то эмоцию на лице.

– Я всё хотела, – несмело сдавливая ладони, начала На-

стя, – хотела попросить у тебя прощения, что оставила тебя в том страшном месте. Хотела что-то сделать, но знаешь...

Герой отмахнулся – он и с самого начала не думал ни на кого обижаться, а уж за эти серые глаза всё готов был простить.

– Сбежать оказалось парой пустяков. Я даже не заметил, как оказался снаружи, – ничуть не соврал Рэй.

Настя кликнула коневода Сеньку, у которого из-под панамы выпадали кудри такие золотые, что сияли на солнце, точно подлинное золото, и сообщила, что отойдет ненадолго с друзьями.

«Друзьями», – повторил про себя Рэй, и опять это теплое чувство тронуло сердце. Господи, неужто планида и правда лицом повернулась?

Они расположились на склоне, поросшем короткой, сочной травой, которую шумно и с аппетитом щипали лошади, что паслись тут на свободном выгуле. Настя предложила друзьям дорогой пшеничный хлеб с сычужным сыром, а Тихомир по команде Ярослава вынул из сумки еще немного ржаного хлеба, соленого мяса да крынку подкисшего молока.

– Голодный, поди, герой? Больше двух сотен верст пробежал! – шлепнув по плечу, сказал Ярослав, отчего-то уж очень веселый.

– Вообще-то, я уже немало оправился, – ответил Рэй и рассказал о встрече с Амадеем – героем, на пару с которым

он очутился в этом мире.

Оказалось, что друзья с Амадеем незнакомы и даже никогда не слышали о таком. Что, учитывая, какую тихую жизнь тот вел, не смутило Рэя.

– А как ты всё-таки удрал из поруба? – прозвучал вопрос, которого он, конечно, ожидал.

Не найдя причин скрывать, он рассказал как есть:

– Я встретил девушку, что помогла мне. Точнее, буквально вытащила из заключения. Она же помогла добраться до Стяготы. Мы провели там несколько недель вместе с Амадеем, а затем пришли с ней в Умиру. И, как бы вам объяснить... она не совсем обычная.

– А-а, подружку завел? Вот это очень правильно! – одобрил Ярослав. – И само собой! Зазноба, она разве совсем обычная бывает?

– И где она? – хмуро спросила Настя.

– А ее... сейчас здесь нет, – глупо ответил Рэй, и повисла странная пауза.

– Но ты только что сказал, что она пришла вместе с тобой.

– Сольвейг не очень любит людные места, – попытался объяснить Рэй. «Не очень любит героев, пожалуй, было бы точнее».

Ярослав обдумал противоречивые пояснения беглеца, поскреб гладкий подбородок, затем переглянулся с Настей. Чуть откашлялся и очень тактично задал другой вопрос:

– Рэй, просто для понимания, другие люди, ну, кроме те-

бя, м-м, тоже могут видеть эту Сольвейг?

Рэй аж поперхнулся молоком и возмущенно упер руку в колено:

– А ведь ты уверен в том, что я вконец спятил на лесоповале, да?

Мастер копья красноречиво повел плечом, откусывая хлеб с ломтем солонины. А вот Рэй не на шутку задумался: «А если правда?» Но тут в уме всплыла ехидная ухмылка Сольвейг и сомнения в здравости рассудка отступили.

– Знаешь, вы бы поладили! Издеваться над людьми вам обоим доставляет удовольствие, – ответил он. После чего в подробностях рассказал, что с ним приключилось: охота, незавершенный ритуал, побоище в порубе, а затем встреча с девушкой с глазами ярко-коричневого цвета.

– О-бо-жди! – вскинул ладонь Ярослав, потом дал себе пару секунд переварить не очень-то складный рассказ горе-защитителя. – То есть ты, кроме того, что сорвал всем охоту, лишил меня гонорара, еще и приручил эту зверюгу?

– «Приручил» будет большой натяжкой. Но, как и я говорил, та оказалась духом. И теперь она, надеюсь, временно, поселилась в моем сердце. Ну, так она сама выражается.

– Так выходит, работу-то мы выполнили! – ударил Ярослав по колену. – Зверя в лагере больше нет! Вот гад этот судья, шесть рублей серебром зажал!

– Как ты сказал, Сольвейг? – вдруг спросила Настя. – Необычное имя для этих мест. Отдает далеким севером. Я

ведь даже где-то его слышала. Вроде встречается в паре историй, связанных с... – она щелкнула пальцами, вспоминая, – Яр, помнишь нам с тобой коробейник рассказывал былинку про первых героев? Про Елену и Александра. Как звали того странного героя с черным луком?

– А-а, Горицвет! – уточнил Ярослав, скептически вскинув брови. – Он считается Великим Героем, но почти ничего не известно о том, чем он занимался всю эпоху.

Настя кивнула:

– В отличие от Велимира, Елены, Астры и других, он, по всей видимости, не самый выдающийся персонаж.

– Не самый выдающийся, – хмыкнув, передразнил Ярослав. – Есть убедительное мнение, что Горицвет предал героев! Как раз перейдя на сторону... того, против чего они сражались.

Рэй больно прикусил щеку, ощутив поверх сыра привкус крови. «Алекто-видящая-грехи, что так внимательно смотрела на Сольвейг! Рыжая ничего не хочет рассказывать о былых временах, уж не с того ли?»

– Рэй? – убрав платиновую прядь за ухо, позвала Настя. – Да это же так, к слову пришлось, ты чего побледнел? Я же только вот о чём, ты сказал, что спасшая тебя девушка, она наполовину дух. Вот это тебя не беспокоит?

Рэй пожал плечами, уточнив, в чём может быть причина беспокойства?

– Со здешней нечистью не до шуток, – ткнул бутербродом

Ярослав. – Это я вострушку вон за баней оставил, поскольку она не вредитель и даже более опасную нечисть отваживает. Но поди разбери, что у нее в башке! Одному лешему известно, как навные твари живут и о чём думают, а уж обхитрить такого простака, как ты, им только на разминку. Ты сказал, она поселилась в твоём сердце. Это, блин, мне кажется, не шутки. Не боишься, что она тобой, ну, питается?

– До сих пор не боялся!.. – отчаянно запивая кислым молоком застрявший в горле сыр, ответил Рэй.

Крупа, пареные овощи, навоз, дым, человеческий пот и гадкий запах псины – всё это нес вечерний ветерок, что веял со стороны деревни. Сольвейг гуляла по окрестным полям, когда на прилесок уже опустились крепкие сумерки, наконец-то прогнав ржавчину летнего заката, отсветы которого, казалось, забрались даже под ее хламиду. Небо темнело, скатываясь в ночь, и она уже собиралась отправиться в лес, чтобы подыскать удобное место для сна.

Душонка ее героя всё еще была блеклой и невзрачной, однако после того как попавший под руку Амадей на протяжении трех недель откармливал беглеца, свечку его души уже не задуть случайным ветерком. Всё-таки в здоровом теле и душа крепче сидит. Духом, следует признать, ее герой и так был неслаб, так что теперь часть сил смогла восстановить и она. Сольвейг была уверена, что теперь-то ни тощий ырка, что скитается ночами по полям, ни неша, вон, затаившийся

в колючем кустарнике, ни залетный горемыка уже не представляют для нее угрозы. Она сжала ладонь, чувствуя, что, коль обернется лисой, своей истинной формой, сможет потягаться силами и с шишкуном. Проверять последнее предположение ей, однако, не хотелось – уж очень ловкие гады.

«Всё-таки вовремя мы уехали из Стяготы», – подумалось ей. Амадей явно подозревал о ней нехорошее, хоть и не подавал виду. Поди, наговорил Рэю всяких своих подозрений. А Рэй, на зло, сдружился с этим повесой. И вот как этому доверчивому чурбану объяснишь, что ее-то лисьи чувства прямо дыбом вставали, стоило ей оказаться поблизости от этого Амадея. Снаружи – белый красавчик с гладким лицом и зелеными глазами-миндаликами, точно свежая листва. А как в них поглядишь, так мороз и смертный ужас за душу хватают! Хотелось бы надеяться, что это чудище сюда не заявится. И чего ему, вообще, Рэй так приглянулся? И денег не жалел, и прям с утра до ночи не отходил от него!

И тут Сольвейг задумалась странной мыслью, не бог весть откуда взявшейся: «Хм, а Рэй вот – тоже красавчик?» С какой такой радости эта Настя так по нему истосковалась, что аж на шее у него повисла? В груди отчего-то затеснило. Нет, вовсе не ревновала она, было тут другое, впрочем, совсем непростое, о чём в двух словах не расскажешь.

Ветерок вновь пролетел мимо, донеся знакомый запах. Тонкий свист вдали подтвердил предположение. «И куда этот чурбан побрел на ночь глядя?!»

Герой тихонько позвал ее по имени, шагая через бескрайнее поле, шелестящее густыми колосьями ячменя, точно шкурой неведомого зверя.

– Собака я тебе, что ли – на свист меня подзывать? – огрызнулась Сольвейг, тенью возникнув из полумрака. Она сразу схватила героя за запястье, волоча назад, к деревне.

– Прости, – улыбнулся он, радуясь тому, что всё-таки видит ее перед собой овеществленной. Девушка-лиса оставалась столь таинственной, что предположение Ярослава о не совсем здоровом рассудке героя оставило в том глубокие сомнения.

– Знаешь, как опасно ходить ночью по засеянному полю? Велес сбережет, лишь полуночицу тут встретишь. Эта на неделю вперед набьет голову кошмарами, но отпустит, – с показной строгостью отчитывала Сольвейг, а краешком глаза пыталась разглядеть: красавчик или нет? – Но то – полуночица. А вот ырка и живьем задрать может!

– Но ты ведь рядом.

– Ха, зря надеешься, что спасать побегу! А ырка так и во все миг брюхо располосует, и премудрая лиса не поспеет. А... – остановилась она, недоверчиво глянув на героя, – чем пахнет?

Тот протянул отрезок ткани, внутри которого был собран небольшой ужин.

– Яблоки еще не созрели, а маринованных не нашел. Но,

вот, собрал тебе кое-что.

– Ну ты точно меня за собаку держишь. Я и сама могу прокормиться. И к сведению, я терпеть не могу приготовленное мясо.

– И с каких это пор?

– С таких.

– У Амадея уплетала, что на тебя по два котелка готовили!

– Бесишь.

– Да что не так? Для тебя ведь старался.

– А я просила? Нечего со мной носиться, постарше тебя буду.

Они вышли из черного поля, ступив на дорогу под затянутым рваными тучками небом. Лисица толкнула его в спину, велев уматывать. «Нет, – твердо решила она, – не красавчик».

Герой тоскливо глянул на белый узелок, оставшийся в руках:

– Спокойной ночи, Соль. Завтра снова зайду.

– Угрожаешь мне? – усмехнулась она, шагнув назад и растворившись среди мрачных колосьев.

Герой направился к черным избам засыпающей деревни. Сегодня он останется ночевать у Ярослава, который за сдержанную плату гостит в доме одинокой старушки. Той сталось без разницы, герои они или нет, до тех пор, пока исправно вносят плату за постой. Рэй держал узелок на одном пальце, перекинув через плечо, то и дело поправляя непослушную

рваную рубашу, которая никак не держалась.

«Завтра поищу нормальную одежду. Или просто эту зашить?» – выдохнул он, желая отвлечься от последнего разговора. После встречи с Алекто, которая порешила едва явившегося героя, у Рэя были деньги на то, чтобы исправить внешний вид – целых пять серебряных палочек. По двадцать-то алтынов за каждую, почитай, сотня выходит. Однако растрачивать геройский кошелек, полученный ценой жизни товарища, настроения не было вовсе. И Рэй решил, что воспользуется им тогда, когда деньги потребуются именно для ремесла, а не привольной жизни.

А вот от того, как Сольвейг только что несправедливо его прогнала, прямо тоска схватила за душу. Отчего-то оказалось обидным, что несмотря на путь, который они проделали вместе, та оставалась всё так же далека. «Впрочем, быть привязанной к бездарному герою, наверное, та еще скука», – подумал он, решив не беспокоить лисицу без надобности.

Он прошел битой глиняной дорогой мимо еще нескольких домиков, приметив вдалеке тот, в котором квартировал Ярослав. Там же были брошены рюкзак с дневником и лук.

Проходя мимо следующей избы, он остановил взгляд на забавном тощем деревце: без листьев, ветки совсем редкие, но длинные. Оно склонилось низко над избой, в оконце которой блестела одинокая лучина. Казалось, долговязые ветви дерева так и опираются на крышу. Подпнув камушек, Рэй снова с тоской выдохнул.

Герой бы так и прошел мимо, если б в эту секунду, в ответ на цокнувшую в ночной тиши гальку, дерево вдруг не разогнулось, не распрямилось во всю высоту! Ствол так и взмыл в воздух, отпрянув от дома. Сердце словно инеем прихватило. Герой остолбенел, пытаясь опознать черное существо, почти неразличимое на фоне предночного неба. Стоило чудищу повернуть голову, как тело будто пробрало электрическим током: высоко над крышей светилась тусклыми фонарями пара круглых, тёмно-желтых глаз!

Столкнувшись с ними, зрение героя содрогнулось; в ушах зазвенело; какая-то потусторонняя сила против воли заставила отвернуться от жутких немигающих зениц. Из глотки чудища вывалился не рык, а звонкое постукивание сухих деревяшек, которым заклало уши! Сердце зашлось, ноги ослабли и попятились сами собой, независимо от хозяина.

– Со... – хотел выкрикнуть он, однако остановил себя.

Высоченная, до смерти худая человекоподобная структура, собранная из длинных балок, развернулась и подняла колено. В один шаг чудище перешагнуло улицу, и немигающие желтые кругляши вытаращились на героя.

Оно склонило голову почти к земле, рассматривая крошечного человека под ногами, а раскрыв пасть, опять оглушило ритмичным деревянным перестуком, в котором, будто для пущего страха, почти угадывались какие-то слова. От странного звука голова окончательно завертелась, виски затокали прямо в мозг, герой оказался на земле, обронив бе-

лый узелок. Не то что бежать, а лишь распрямлять легкие давалось с трудом.

Секунды тянулись. Неестественно тихие для существа такого размера шаги раздались совсем рядом. Дунул морозный ветерок. И Рэй понял, что вновь может двигаться и, к добру ли, к худу ли, всё еще жив. Руки и ноги онемели от павшего морозного воздуха. Он осмотрел улицу, однако худой гигант, при своем колоссальном размере, попросту растворился в полумраке!

Он положил ледяные руки на лицо, приходя в себя. «Может, я правда чокнулся?» – подумал он, но в эту же секунду заметил, что белого узелка, сготовленного для Сольвейг, нигде нет! Другому лиху достался ужин.

– Тс-с! Не ори, – раздраженно прошипел Ярослав, запирая входную дверь избы и выталкивая героя наружу. – Бабку разбудишь – час ворчать будет.

– А во дворе нельзя поговорить? – беспокойно озирнулся Рэй на тёмную улицу, куда беспардонно выпроваживал копейщик.

– Под окнами у бабки? Нельзя. Э-эх, – застегнув штаны и накинув рубаху, выдохнул Ярослав. – Хотел я обождать с этим денек, но, похоже, не судьба тебе отдохнуть. Короче, Рэй, – Ярослав поглядел на свою мозолистую ладонь, сжал ее в кулак и продолжил: – Есть работа. Настоящая, геройская. Платят мало, на двоих выйдет и того меньше, но учитывая

твое положение, – он глянул на распоротую пополам рубаху приятеля, – в общем, если хочешь, заказом поделюсь. И не думай, не стану тебя наживкой ставить, я и в тот раз не собирался, если что. Но и ты – чтоб никакого колдовства больше!

– Ты... с ним драться собрался? – спросил Рэй, изображая не слишком сильное удивление. – Он же под четыре сажени выстой, как дерево.

Ярослав, опершись спиной на ворота ограды, с каким-то особенным удовлетворением смотрел в ответ.

– Яр, я ведь не шучу, он руками на крышу дома опирался, и прямо в окно заглядывал! – борясь с колючими мурашками, объяснял Рэй.

– Что, хорошо было в порубе, когда тебя с утра до ночи солдаты стерегут? Добро пожаловать в реальный мир!

На благородном лице Ярослава не было и следа сомнений, только решительность и неколебимая вера в свои силы. Звезды сверкали над их головами, и копейщик указал на блестящий полумесяц:

– У страха глаза велики, да оба слепы. На небо посмотри. Это под вечер тучки ходили, а сейчас прояснилось. Если хоть небольшая луна светит, жердьяй уж и не явится. Не нравится ему ясное небо, только по ночному сумраку и может бродить.

– Жирдьяй? В котором месте он жирный? Я же говорю, худой как стропила.

Ярослав разочарованно протянул:

– Ох, и не стыдно геройский титул носить? Включай голо-

ву. Жердьяй – от слова «жердь»! – ткнул пальцем на забор из длинных горизонтальных балок на противоположной стороне улицы. – Значение противоположное: худой, аки жердь. Так, отвечай немедленно, берешься за работу? Если нет, можешь спать спокойно, пара ночей – и я сам его на стройматериал разберу.

И тут Рэй стыдливо усмехнулся. К чему были все эти речи о том, что он станет сильнее, станет биться за свою историю? Вот так и выходит, господин герой, что всё это лишь болтовня. Первый же призрак, заметьте, даже не пытавшийся напасть, а всего-то пострашавший в ночи желтыми глазами, заставил позабыть данные себе обещания и побежать за помощью куда? К герою! А вот копейщик, хоть покрасоваться и любил, но сейчас не бравировал. Просто это и правда был настоящий герой, которому и четырехсаженное чудище по плечу. Герой, что своей персоной овеществляет все грани этого слова!

Ярослав уселся на лавку возле ворот, вальяжно закинув ногу на ногу и подняв голову к небу. Рэй сжал кулаки: решительность быстро вытесняла из груди холодный страх.

– Четыре сажени на двоих, – улыбнулся он, – значит, каждому надо нарубить всего по две.

– А вот и души прекрасные порывы! Тишка тоже участвует, так что дели на три. Гляди-ка, уже и не такой высокий, а? – улыбнулся копейщик. – В общем, я эту байду уже неделю выслеживаю. А сама она пришла в Умиру, говорят, недели

две тому. Уже поговорил со стариками, разузнав о нём, считай, сделал половину работы. В местном фольклоре информации о жердяе немного. В целом, всё точно, как ты и рассказал, так что поздравляю, разведка боем! Значит, – опять вернул взгляд на звездное небо, – появляется жердьяй только в пасмурную ночь. Бродит по деревне, заглядывает в окна, бывает по часу так стоит у какого-нибудь и смотрит, что люди внутри делают. А если его увидят да испугаются, так еще пристальнее за ними наблюдает. Старики говорят, что это какой-то дух. Проклятый. Обречен ровно сто лет скитаться по земле без дела. Вот и ходит из одной деревни в другую. Говорят, он завидует людям, потому что у них есть свои занятия, оттого-то ему так интересно за ними наблюдать.

– Он опасен?

– Не знаю, насколько он способен навредить человеку, но это нечисть. Настя неспроста обеспокоилась, узнав, что внутри тебя такое же чудо-юдо поселилось.

Рэй хотел возразить, мол, Сольвейг-то совсем не такая, однако тут же осекся, ведь правда была в том, что он до сих пор и понятия не имел о таинственной природе северной лисы, чьи волосы отчего-то стали рыжими.

– Пока что этот сучок никому физически не навредил, но, как ты мог почувствовать на себе, в столкновении с ним мало приятного. Оглядишь-ка: лето на улице, посевная прошла, покос еще не скоро – гуляй не хочу! На носу большие праздники: Иван Купало, воробьиные ночи, Петров день – охоту

открывает. Но людей на улице нет, молодежь на свидания не ходит, даже окна не горят. Как сумерки падут, все прячутся по домам, а перед сном и вовсе занавешивают окна, чтобы жердьяй в них ночью не подглядел. Пока что самое опасное в нём это способность отводить глаза.

Рэй понял, что имеет в виду Ярослав: стоило ему столкнуться взглядом с горящими желтизной глазами, как его собственные потянуло в сторону, а голова пошла кругом.

– Что Настя думает?

Ярослав покачал головой:

– Не вмешивай ее. Уже говорил, геройство ей не нравится, а потому и за нечистью гоняться не станет. Да еще нас с тобой отчитает! Знаю одно: жердьяй уж очень боится лошадей, а потому на лошадиный холм, где Настя работает и живет, он нипочем не сунется. Пусть Журавлик спит спокойно. И гляди! У нас всего несколько дней. Стропилу нужно порешить до Купалы, иначе гулянья будут сорваны, а староста не выплатит награду.

Несмотря на слова мастера-копейщика, уверявшего, что в безоблачную погоду лихо не явится, сон выдался Рэю беспокойным. Да еще мерзкая ветка черемухи то и дело шкрябала по окну.

Следующие два дня были безупречно ясными.

Днем Рэй помогал по хозяйству старушке, в доме которой остался на постой. Обычно этими обязанностями занима-

лись Тихомир и, по случаю, Ярослав, однако, получив иждивенца, что жил в доме бесплатно, оба скинули работы на него. И Рэй не возражал: бытовые обязанности и в сравнение не шли с работой на лесоповале, с которой он успел обвыкнуться.

Бабка сыскала ему толстую мужскую рубаху вместо изорванной. Продев рукава, он едва не провалился сквозь нее – такой безразмерной оказалась новая косоворотка, но тот же пояс из пеньки решил проблему.

Неподалеку от пустой базарной площади – базар тут проезжал от силы раз в пару лун – встретила доска объявлений: на белых булыжниках с плоской стороной были углем начертаны кривоватые руны. В сравнении с безупречным почерком Амадея, эти смотрелись как детские каракули:

«продаю кобылу жерёбую инокентий младший»;

«пушнина боброва кунья борис»;

«САМОГОН клавдия»;

«поденщик на покос за САМОГОН клавдия»;

Рэй поглядел невесело. «Недолгое геройство получится, если за водку работать».

Вечером геройский корпус Умиры опять собрался на холме у конехозяйства. Пока Настя взялась собрать ужин, парням было поручено подменить ее на работе в конюшнях. Толком Ярослав и Рэй ничего не сделали, только лясы точили. Мастер копыя поведал, что в Умире он подрабатывает помощником здешнего кузнеца:

– Подковы, скобяное, кое-что из инструмента куем. Однако дороги между городами становятся всё опаснее. Тут и бандиты, и нечисть, число и ассортимент которой прибывают с каждым годом. Так что и на оружие спрос растет. Вчера целый день ковали наконечники для стрел. Деньги-то нежирные, но на жизнь нам с Тишкой хватает. К тому же кузнецы самые уважаемые ремесленники этой страны. Последователи Сварога!

– Бог кузнечного дела?

– Гораздо больше! Бог творения. Отец Небесный и повелитель огня. Причём не только огня в печи, но и огня в душе. «Сварог» – значит «ходящий по небу». По поверьям, именно из искр его удара об Алатырь-камень родились первые боги – Сварожичи. «Сварить» и «сварганить» – тоже его слова, и то, и другое делается при помощи огня. Что до кузнечного дела, оно, конечно, очень развито в Старецграде – там целые кузнечные династии, современные плавильни и лучшие мастерские. Но столицей исконного кузнечного ремесла много веков остается город Сварга, что на севере Срединного края. Сорок лет назад князь, под давлением церковников, переименовал Сваргу в Окалень, но название еще не прижилось. Вообще, доброму кузнецу в любой деревушке будут рады, поэтому и учусь. Это у тебя лук? – быстро переключился Ярослав. – Ну и барахло, дай посмотреть.

– А Тихомир? Как получилось, что ты завел оруженосца? – вручая оружие, спросил Рэй.

Ярослав пожал плечами, примеряясь к луку.

– Разочарую, если ждешь захватывающую историю. Родители его умерли много лет назад из-за болезни, что пришла в деревню, откуда он родом. Дом сожгли жители, чтобы «остановить порчу». Тишка, он немой с рождения, а как ты понимаешь, для жизни среди суеверных селян это не самая приятная черта. Оставшись без родителей и без дома, он отправился в путь и слонялся из одного селения в другое. Но, – Ярослав благородным движением уложил руку на грудь, – по счастью, во время одной моей работы – нужно было известить буку, что поселился в деревенском амбаре – я заметил этого способного паренька. С тех пор болтается со мной да из первого ряда наблюдает за подвигами.

– Что такое бука? – спросил Рэй, проигнорировав пафосный тон, которым завершился рассказ.

– Да так, ядовитые вредители размером с крупную собаку. Жрут домашних кошек, кур, козлят. Детей могут. Не знаю, какова их природа, но после протыкания копьем признаков жизни не подадут.

Ярослав притянул тетиву кривоватого от неправильной сушки лука и пустил стрелу – та вылетела из денника и звонко вонзилась в столб жердяного забора, которым ограждалась примыкающая левада. Герои загадочно переглянулись, оценивая, возьмет ли стрела намеченную ими цель.

Тут из-за распахнутых ворот денника вышла Настя:

– Вы совсем обалдели?! В конюшне стрелять! – вырвав

стрелу из стропил, ругнулась она.

Ярослав шкодливо всучил лук обратно Рэю.

– Идем ужинать, – бросила Настя.

– Хлам, а не оружие, – сказал Ярослав. – Древяк пересохло, отсюда и выстрел косой. Я тебе свой лук отдам. Давно купил, да так и не научился стрелять.

Скатерть разложили на траве. Крынка кваса, по которой стекала пенная капля, жареная рыба и горячий хлеб обещали сытный ужин. Правда, тут и златокудрый Сенька примостился, но поднес ко столу, точнее к скатерти, крыночку архи – как тут прогонишь? Архи – это ордынская водка, которую гонят из молока, очень питкая, спирт в ней почти не чувствуется. Где только Сенька раздобыл?

Настя резала сыр, а Рэй поднес крынку парного козьего молока.

– Ну, беглец, какие планы на жизнь? – спросила она.

«Хотелось бы не помереть сегодня ночью», – невольно подумалось ему, когда поглядел на затягивающийся тучами край неба. Рэй собрался и выдал как на духу:

– Мы собираемся убить жердяя.

– Ты че блин?! – тут же треснул по плечу Ярослав. – То есть, когда я говорил «не рассказывай Насте», ты всё воспринял в точности наоборот?!

У той в глазах будто молния свернула.

Сенька положил кусок жареной рыбы на хлеб, но рука так и замерла на полпути ко рту. Это он решался, чему поди-

виться сначала: отваге или глупости геройских.

– Таково наше ремесло, – хладнокровно сказал копейщик, боясь, однако, посмотреть в глаза Насте.

– Да какое к черту!.. Яр, ладно ты идиот, помрешь – никто плакать не будет. Но Рэя-то зачем втягиваешь?

– Это мое решение, – возразил Рэй. – Я сам видел жердя. Раз Ярослав верит, что его можно победить, я прятаться не стану.

В общем, отужинали почти в тишине. Журавлик неслабо обозлилась на обоих, Ярослав на Рэя, а Тихомир, понятное дело, молчал, только еще более угрюмо, чем обычно.

Уголек заката догорал. Как солнце кренилось к закату, прячась за набегающими на горизонт тучами, так нарастало волнение в груди.

Герои шли домой – пора было подготовиться к грядущей ночи. Тут Рэй решил, что негоже это вот так завершать разговор. Во-первых, надо еще раз обсудить дело с Настей – авось, совет даст. Во-вторых, а ну как сегодня и вовсе будет последний раз, как они виделись.

– Ярослав, иди в дом, я догоню.

Тот нахмурился:

– Ну только быстро! На любовные игры потом время найдешь.

Рэй не стал спорить и поспешил обратно на лошадиный холм.

– Извини, Рэй, – улыбнулась Настя в ответ на повторное предложение о совместном изведении чудища.

Свет меркнувшей зари робко проникал в денник серо-алым маревом.

– Видимо, навоевалась. Здешние приключения меня совсем не вдохновили. Кстати, классная рубашка, – подмигнула она, поглядев на косоворотку, размер которой позволял носить ее двум людям разом.

– Дали в пользование за работу. Не успел подшить по размеру.

– Оставь так, – улыбнулась Настя.

Вилы в ее руках принялись вонзаться в навозную кучу, а субстанция в тачке прибывать.

– Почти уж стемнело, не идешь домой?

– Так я здесь и живу, вон, в мансарде того пристроя. Решила... доделать то, что вы с Ярославом не сделали, – с укоризной глянула она. – Да и не хочется спать, после того, что вы рассказали. Дурацкая идея, Рэй, – зубья проникли в бурюю кучу, а Настя вдруг замерла и обратилась почти просительно: – Не ходи с Ярославом. Ты ведь только поправился. Ему-то ничего не будет – не в таких передрыгах бывал, да и Тихомир не лыком шит.

– А я бездарь, да?

– Не будь ребенком, я же не о том! Видел у Ярослава под глазом шрам? Это василиск. А на руке? Это коловратыши на него втроем разом накинулись. А на груди? Это бука его

хвостом ударил, хвостом всего-то! А Яр потом несколько дней отлеживался с отравлением. Да, буки оказались ядовиты. После того случая он и обзавелся своим чешуйчатым доспехом.

Рэй посмотрел на занятие подруги.

– А у тебя зато работа безопасная.

– Представь! – усмехнулась она. – С утра нужно натаскать лошадям воды и положить свежего сена. Потом мы чешем лошадей, потом подстригаем копыта. Сеня подковывает тех, которым сегодня нужно будет работать. Я учусь быть вожатой, учу лошадей работам и командам. А вечером мы гребем навоз. Для нас, конюхов, главное что? – весело и поучительно подняла она палец. – Обучаемость, стрессоустойчивость и коммуникабельность!

Одна из кобыл в стойле насмешливо фыркнула.

– Оно и видно, – с иронией сказал на это Рэй. – Ну я серьезно спрашиваю. Присоединяйся к нам сегодня ночью.

– А я серьезно ответила: нет. И повторю еще серьезнее: не лезь в это.

– Страшилище вторую неделю по твоей деревне ходит.

– И пусть себе ходит. Вы же ничего о нём не знаете. Ладно Ярослав вечно прет напролом, но ты-то, я думала, сообщаешь. Думала, хватило тебе невзгод в заключении.

Того поразил столь скорый ответ. Что-то тут было не так.

– Неужели тебя вот это устраивает? – указал он на кучу.

– Считаешь, недостойно героя? – вздернув бровь, спроси-

ла Настя.

– Считаю, недостойно тебя. Ты на такое способна, я же видел! Неужели зарыть свой талант, прожить остаток дней крестьянкой – все твои мечты? Если только дашь нашему ремеслу шанс!..

Тут Настя рванула вилами резче, зубья вонзились возле ее сапога, отчего земля вокруг пошла трещинами.

– Шанс? Здесь у меня крыша над головой, честная работа и никаких ядовитых чудовищ. Если это вместо ночлегов под открытым небом, случайных заработков и ежеминутного риска откинуть копыта, то я свои копыта лучше погрею здесь.

– Но не для того призваны героини! Не копать навоз и не греть копыта. Как же наша добродетель – верность ремеслу?

– Ты серьезно? – умильно спросила она. – Наивный ты дурачок. У самого за плечами без году неделя жизни в открытом мире, а меня ремеслу учишь? Поверь, героизм – страшная глупость. К слову, – резко сменила она тон, – раз уж заговорили, давай-ка поведаю, как я сюда попала. Один шанс нашему ремеслу, говоришь? Ты присаживайся, будет интересно. После выхода из Башни я всего через неделю наткнулась на другого героя, такую же потеряшку. И знаешь, как ее звали? Не поверишь. Настя! Одинаковое имя, во многом схожая внешность, даже таланты у нас были подобные. Две воительницы в чудесном мире! – мечтательно развела она руки. – Думаешь, мы не увидели в этом предназначения?

Какой-то задуманной богами истории? Скажи, Рэй, бывают ли такие совпадения? – с нажимом спросила она и смахнула испарину рукавом. – Знаешь, сколько тут продлилась ее история?

Тот промолчал, понимая, что недолго.

– Меньше недели. Даже ты дольше, поздравляю.

Настя задрала правый рукав туники и продемонстрировала угловатый, побледневший от времени шрам.

– Мы шли через поле, знатный такой, высокий ячмень. Наверное, последний, не сжатый в регионе. Из-за бесконечных дождей поле осталось нескошенным дольше положенного. Выпали поздние сумерки, мы думали, пройдем напрямик, срежем путь, хотя нас и предупреждали не оставаться за пределами деревни ночью. В крошечной осенней темноте на нас набросилась эта тварь. Вовсе не добрая девочка-волк, какую ты ловил в Бересте на пару с копейщиком. Может, разъяренная полуночица или ырка, или черт знает, кто в здешних полях водится. По форме похожа на человека: руки, ноги, голова, – Настя помедлила, отведя взгляд в сторону. – Оттого еще страшнее. Поньше дрожь пробирает, как вспомню ее движения, сразу на четырех конечностях, точно у паука. В общем, не без потерь, – она снова показала на шрам, – смогла отогнать ее дубиной, вот только Настю, ту, вторую, она так по животу полоснула, что девчонка у меня на руках угасла.

Рэй попытался возразить, но Журавлик подняла палец:

– Нет, дослушай! Что мне было делать? Ночь, на руках умирает подруга, непонятно, где моя кровь, где ее, а рядом эта жуть рыскает меж колосьев. В итоге, – взгляд ее вдруг стал растерянным, – я просто бросила ее. Можешь себе представить? Бросила и побежала! Никогда в жизни с такой скоростью не бегала. Вот какой из меня герой! Утром, как расвелю, пошла в поле с мужиками. Нашла место: земля вытоптана, колосья смяты, лежат бурые от крови. Но тела Настинного уже не было.

Она убрала прядь волос, что прилипла к влажным губам и отвела взгляд.

– Она лежала у меня на руках. А я смотрела на нее, и, знаешь, говорят, в какие-то критические моменты начинаешь видеть себя со стороны. Можешь не верить, но вот мы с ней посреди этого поля, и в тот момент я не могла понять, где она, а где я. Кого из нас ранили? Кто сейчас умрет? – мечница задумчиво покачала головой. – До сих пор кажется, что с ней умерла и часть меня. И это случается каждый раз! – с тяжелеющими веками, выкрикнула она.

– Знаешь...

– Это ты знай! С ребятами, Андреем и Асланом, я познакомилась в Хмари, это далеко на юго-западе отсюда, мерзкая деревушка, названию своему соответствует. Вокруг нее стоят соленые болота, которые даже зимой не замерзают. Аслан тогда спас мне ногу от обморожения. В прошлом медбрат и охотник по увлечению, он вынес меня на себе из зимнего ле-

са и вылечил. Вот он был настоящим героем: честным, достойным и верным, не чета мне! Но каков результат? – она шмыгнула носом, скрестила руки на груди.

Рэй молчал.

– А теперь ты! Сначала сходу заявил, что мы друзья, полез помогать, хоть и совсем меня не знал. Потом я бросила тебя, друга, в этой жуткой Бересте, опять. А ты сам выбрался и даже зла не удержал. Вернулся и заставил поверить, что и дальше будешь мне другом. Но тут же собрался драться с этим чудищем! И ради чего? – снова шмыгнула. – Ну, есть что сказать?!

– Есть.

Та подняла взгляд. Он поглядел на ее стройное сложение, влажные, блестящие глаза, что терялись в зыбком закатном свете, и вдруг заявил:

– Ты трусиха и эгоистка.

Настя аж попятилась от такой наглости, она набрала воздуха в легкие, да так и не ответила.

– Не мне судить, что ты пережила.

Она подошла вплотную, крепко схватила его за рубаху, глаза сверкнули ненавистью.

– Но я вижу последствия. Ты сдалась.

Рэй без страха смотрел мечнице в глаза, и даже недвусмысленная угроза получить за свои выражения не сдерживала. Настя оттолкнула героя, снова взявшись за вилы. Зубцы вонзились в кучу, полностью скрывшись в теплой бурой

субстанции, а Настя оперлась на черенок и задумалась.

– Мы убьем чудище, что завелось в Умире, – заявил Рэй. – Жаль, что без тебя.

Настя не отреагировала. Герой отправился прочь, но вскоре услышал за спиной оклик.

Настя отпустила вилы и зашагала к выходу из денника, прошла до хозяйского пристроя, там поднялась по веревочной лестнице в мансарду, где проживала.

По ее возвращении в грудь Рэя ударились тяжелые черные ножны с поясом. Тот обнял увесистый полуторный меч, затем обхватил эфес, оголив несколько сантиметров серебряной стали. Широкая гарда, тяжелое навершие в форме желудка, рукоять вороненой кожи.

– Дарю! Авось поможет.

– А сама как без оружия?

– Тебе, герою, будет сложно поверить, но вот какая штука. Оказывается, когда не лезешь в пасть чудовищам, а живешь своей жизнью, оружие не особо нужно.

Рэй смело шагал под гору с лошадиного холма. Пристроил меч на поясе, туго подвязав ремень. Отвага, что, видимо, шла в комплекте с превосходным боевым клинком, так и влекла на подвиги. По пути к дому Ярослава он несколько раз вынимал меч, наслаждаясь приятным весом оружия и звонким свистом, с которым лезвие рассекало воздух. Меч у Насти был преотличным: дубовые, дочерна просмоленные

ножны, матовая сталь, прямое лезвие с ребром жесткости по всей длине и штампом города Окалень у гарды – красотища! Ухватистый – в руке лежал как влитой. Рэй от нездорового азарта даже позабыл, что целью его визита было вовсе не это.

К моменту, когда он вернулся к товарищам, сумерки сменились ночным покрывалом, плотно укутавшим деревню. Дождевые облака, еще вечером набредшие с юга, без шансов сокрыли звезды и нарастающий полумесяц.

– Отдала меч?! – изумился Ярослав. – Эх, надеюсь, будет от тебя толк.

Копейщик подвязал шнурок на чешуйчатой броне, подтянул кожаные перчатки и подобрал с лавки каплевидный шлем с длинным носом. Тихомир, как и всегда, не носил настоящей брони, только кожаную жилетку поверх тёмно-серой рубахи с закатанными рукавами.

– Каков план?

– План? – улыбнулся копейщик. – Прогуляемся по деревне. Увидим стропилу. Убьем. Получим награду.

– Интеллект принципиально не подключаешь?

– Почти любая нечисть боится железа. Как зарубил буку, василиска и прочих, так и с этим смогу сладить. В большинстве случаев не нужно понимать природу лиха, чтобы его завалить. Вот, держи обещанное, – Ярослав протянул короткий лук с изогнутыми плечами: незамысловатый, но, в отличие от того, который был у Рэя, идеально ровный.

– Думаешь, у жердя есть уязвимые места? – спросил Рэй,

примеряясь к луку и пробуя натяг – на удивление легкий, видимо, из-за рекурсивных плеч.

– Может, глаза? Сможешь попасть из лука?

Рэй ответил с сомнением:

– Изблизли.

– Не вариант. Он чужой взгляд отводит, окажешься рядом – сразу вертиго одолеет. Вдобавок у тебя нет никакой защиты. Лучше близко не подходи, попробуй только отвлечь, а мы с Тишкой пробьемся.

Стоило копейщику закончить, как издали донесся приглушенный бабий крик, звук упавшего и покотившегося по дороге ведра; за этим – раскатистый хруст деревяшек. Не стал морок скрытничать, соскучился, видать, за минувшие ясные дни. Трое тут же сорвались вверх по улице.

Герои пробежали два десятка дворов и очутились на широком, глухом перекрестке. Немногие деревья стояли по обочинам неподвижными черными тенями. Тишина.

– Сбежал? – восстанавливая дыхание, спросил Ярослав.

– Может, если б ты броней не бренчал, то и настигли бы.

– Думаешь, испугался?

Рэй выдохнул и предложил спокойно пройтись по улицам. Погода беспроглядно пасмурная, так что они точно его встретят.

Время давно переступило полночь, а герои избороздили деревню от края до края. В очередной раз трое проверили

центральную улицу, площадь, затем тонкой тропинкой отправились через овражек с родничком в малонаселенную восточную сторону. С неба пылила невидимая морось.

– Не хотел бы я такого в лесу встретить. Мимо пройдешь и даже не узнаешь.

– А в лесу его и быть не может. Большинство нечистей людей сторонится, но этот, наоборот, только в деревьях и ошивается, ищет за кем бы понаблюдать, вуайерист.

– Яр, а ты что-нибудь знаешь о вестниках?

Тот обернулся и ответил даже с толикой уважения:

– Попадались слухи. Удивлен, что такой лапоть, как ты, разузнал о вестниках. И, да, соглашусь, если предполагаешь, что это и есть таинственное зло, против которого мы явлены миру.

– Мне Сольвейг рассказывала. Похоже, первые герои вели с вестниками настоящую войну, да с привлечением человеческих армий.

Тихомир шагал рядом, не шибко интересуясь геройской болтовней, его приметливый взгляд сканировал окружение. Ярослав монистоно позвякивал доспехом на каждом шаге.

– Беда этого мира – отсутствие информации. Войны, случайные пожары, да что там, банальные крысы или протекающая крыша – любая беда может враз уничтожить архив с многовековым наследием. Общего образования нет. Если ты родился в крестьянской семье, высока вероятность, что ты никогда не узнаешь о прошлом больше, чем знает старшее

поколение твоей деревни.

– Ерунда, – нахмурился Рэй, снимая стрелу с лука. – Жители необразованны, но отнюдь не невежественны. Даже наоборот, к своей истории они относятся с трепетом. Есть сказочники, бахари и коробейники, что путешествуют по миру. Даже к нам в Бересту такие заходили и сказывали, что сегодня в мире творится и что было раньше. Да и Великих Героев все отлично помнят. Почему же о вестниках ведомо так мало?

– Может, это свойство в самой их природе?

– Как это?

– Слишком уж могущественными они описаны, а происхождение вообще непонятно. Такая сила не могла возникнуть из неоткуда и, что важнее, без конкретной цели, понимаешь?

– Хочешь сказать, они были и раньше, задолго до героев?

– Или даже всегда? – задумчиво обернулся Ярослав и признал: – У меня нет аргументов, но я так думаю: вестники выполняли какую-то функцию, и, пока они это делали, люди не предавали им значения или даже вовсе о них не знали. Сами вестники тоже не имели целью уничтожение человечества. Молчаливые наблюдатели. Или стражи, или инженеры. Потом что-то случилось, назовем это событие «Х», вестники пришли в движение и устроили войну против рода людского. В ответ на это предательство боги и явили верных долгу героев, которых нарекут Великими.

– Спекулятивно. Выходит, вестники – предатели? И с чего бы им предавать своих же...

Рэй недоговорил, в груди опять всё сжалось, мурашки метнулись по рукам и затылку. Исполинская тень, очертания которой с трудом различались во мраке, стояла над одинокой избой. Из трубы поднималась струйка дыма. В этот раз жердьяй не заглядывал в окно, а меланхолично потирал длинные ладони, грея их над дымящей печной трубой.

Только Ярослав собрался ринуться в атаку, как Рэй схватил его под локоть:

– Тихо, опять сбежит, если в лоб рванешь! Он во мраке может за секунду исчезнуть, сам видел.

– Не мешайся! – оттолкнул тот лучника.

– Можешь хоть раз послушать?

– Чтоб ты опять всё сорвал?

Рэй держал копейщика за локоть, и оказалось, что хватка настолько крепкая, что пришлось-таки согласиться и выслушать.

– У меня идея. Глаза у жердяя огромные, наверняка отлично видят в темноте. Зато чужие он отводит. По сумраку он, похоже, передвигается почти без ограничений, только отвернись – исчез. Это сильная сторона. Но вот, что я заметил. При первой встрече он стоял ко мне спиной и услышал, лишь когда я был совсем рядом, да еще пнул гальку на дороге. Похоже, слух у него не очень хороший.

– Браво. И толку от этой дедукции?

Тут включился Тихомир, изобразив небольшую пантомиму: показал на Рэя, кивнул, показал себе на ухо, отрицательно помотал головой, приложил палец к губам, и ткнул пальцем на жердяя.

– И я о том же, – шепотом одобрил Рэй. – Тихомир, сможешь тихонько забраться на крышу с той стороны дома? – указал он на небольшой пристрой к избе, с которого, по виду, можно было пробраться и на крышу, над которой высился жердяй.

Тишка, как и всегда без эмоций на лице, сделал жест «да» и, оглядев местность, указал на высокие кустарники неподалеку от цели, предложив Рэю скрыться в них. Кивком троица утвердила план.

Жердяй, при своем невероятном росте, стоял бесшумно, потирая непропорционально длинные пальцы над коптящим дымоходом. Рэй изготовил лук, выглядывая гигантское лихо из кустарника, а Ярослав прижался к неглубокой дорожной канаве, готовый ринуться в атаку в любую секунду.

Ловкость Тихомира впечатляла. Его тень без единого шороха промчалась по дороге, серой мышью юркнула через высокую траву к пристрою, исчезла, а в следующую секунду очутилась на крыше.

Не успел жердяй среагировать, как возле печной трубы возникло нечто! Следопыт перехватил стальные кинжалы, полоснув по выставленным над трубой пальцам; резкое треньканье деревяшек вырвалось из глотки! Жердяй одер-

нул порезанные руки, однако тень уже ринулась через крышу, оказавшись на самом ее краю. Бросок – и острый кинжал ударил в прямо глаз! Жердяй, закрывая лицо ладонью, изогнулся назад, точно стебель тростника.

Пользуясь заминкой, копейщик выскочил из канавы и в несколько шагов сократил дистанцию! Жердяй бросил хлесткий удар, пытаясь прибить юркую тень, однако вмазал лишь по пустой крыше. Ярослав занял уверенную стойку и со всей мощью метнул копьё. Снаряд со свистом рассек пространство, вонзившись чудищу в бок! Жердяй подогнулся, вырвал копьё из живота, бросил – то бряцнуло о землю. Не успел оправиться от удара, как Тихомир, толкнувшись от крыши, оказался у него на запястье, затем на локте! Бедный жердяй замахал руками, пытаясь скинуть прицепившегося героя, но куда там! Точно юркий таракан, он вбежал по плечевому суставу вверх, запрыгнул на плечо и вонзил кинжал в бугорок, походящий на ухо.

Под хрустящий вой жердяя Ярослав мчался по улице, намереваясь схватить копьё, что осталось под ногами жердяя, и продолжить натиск. Но жердяй, даже занятый Тихомиром, успел высмотреть бегущего впотьмах воина, зыркнул вниз своими желтыми кругляшами, и когда копейщик уж был совсем близко, выставил ногу, пинком отправив его в полет в противоположном направлении!

А прыга, что так и вертелся у жердяя на шее, пробежал вверх по длинной, вскинутой кверху руке и взмыл с нею в

небо высоко над противником. Сгруппировавшись, чудо-акробат изготовил кинжал, намереваясь вонзить в затылок, как только вновь приземлится на великанские плечи. Однако существо неестественно быстро среагировало, выбросило другую руку вверх, словив его налету, будто комара, и сдавив в узловатой ладони! Рэй по-разбойничьи свистнул – жердьяй затравленно обернулся, словно не уже опешил от числа нападавших. Тут лучник пустил стрелу, что уколола в районе развернувшихся к нему глаз.

Хватка долговязых пальцев ослабла, жердьяй неловко отшагнул, а Тихомир силой ног разжал удерживающие его пальцы и вывернулся из ладони. Треснувшись о великанское колено, он рухнул точно под ноги! И жердьяй тотчас же поднял ногу, намереваясь растоптать назойливого противника. Рэй, не веря своей ловкости, выхватил из-за пояса две стрелы разом, пустил одну, затем вторую, по очереди всадив в грудь противника! Пробивной силы лука не доставало, чтобы нанести мороку серьезные ранения, но стремительная атака заставила того закрыться и попятиться на шаг от Тихомира, дав тому спасительную секунду.

Копейщик, возвращаясь из своего полета в бой, пробежал по дороге, скользнул подле напарника, подхватив копье, взмахнул и с разворота вогнал острие глубоко в пятку жердьяй! Да только пята вовсе не оказалась уязвимым местом. Местность оглушило немым воем, составленным из перестука сотен и тысяч маленьких деревяшек. Жердьяй, точно в ис-

терике, завыл, замолотил долговязыми ручищами по земле, затоптал ногами, вздыбив облако пыли! Раз, другой, третий Ярослав увернулся, но наконец безразмерная ступня так рухнула ему на плечи, намертво приплющив к земле. Тихомир поднялся, но оступись: подвернул ногу – ах, как не к месту! Он выхватил из-за пазухи запасной кинжал, как и на него тоже упала долговязая ладонь. Пальцы, что не имели суставов, осьминогами обвилились вокруг груди и шеи!

Рэй, встав на середине дороги и стремясь перетянуть внимание жердя на себя, выпустил еще одну стрелу и тут столкнулся с горящими фонарями желтых глаз! Стрела пролетела мимо тощего тела.

У чудовища так и не было дыхания, лишь древесный перестук дергаными ритмами вырывался из глотки, то повышаясь, то понижаясь в тоне. Лучника враз одолело пьяное головокружение, колени повело. Изо всех сил сопротивляясь наваждению, он направил шаткий лук на цель, однако глаза жердя полыхнули ярче, и следующий оглушительный рык заставил зрение героя исказиться: серые тени домов скривились, земля запрокинулась на угол, а тело жердя под этим эффектом и вовсе пустилось в пляс. Не выдерживая головокружения, лучник зажмурил глаза и упал на колени. Электрический ток бил сквозь тело, не позволяя думать и воспринимать окружающий мир, сердце заходило.

«Поражение», – с холодным страхом понял Рэй.

В ночной тиши, разбавляемой лишь жалобным хрустом

дощечек, которым дышал израненный жердяй, слышались последние вздохи придавленных к земле героев. И у Рэя не было сил, чтобы спасти своих друзей.

Издали прорвался звонкий цокот подкованных копыт! По ночной тиши прокатилось испуганное ржание лошади, а рядом с лучником пролетел пучок света. Как самый настоящий герой, Настя Журавлик появилась тогда, когда была нужна больше всего.

Жердяй в ужасе отпрянул, спасаясь и от отвратительной блеющей лошади, и от яркого, слепящего огня. Он боязливо прикрыл руками глаза, не имевшие век. Ночному порождению, ему был слишком ярок даже свет обычного факела! И почему герои сразу не подумали о том, чтобы обратить ночное зрение жердяя против него же?

Сочающаяся маслом пакля взмыла кверху, ударив грудь чудовища, и струйки пламени брызнули в стороны!

Придавленные к земле герои оказались свободны, а Журавлик на ходу соскочила с лошади, отправив ее рысью прочь. Рэй окликнул спасительницу, швырнув через дорогу меч в ножнах! Лязгнула сталь. Рэй поспешил вперед и, пуская стрелы, прошмыгнул меж тощими исполинскими ногами, обгоняя жердяя, который, стряхивая с груди жидкое пламя, уже пустился наутек!

Освободившийся от корней копейщик поднялся, выхватил у Тихомира кинжал, перехватил под лезвие и метнул точно в подколенную ямку, отчего жердяй, всё еще напуганный

огнем, оступился на пораненную ногу. И Настя бросилась в решающую атаку!

Сапоги ее с волшебной скоростью толкнулись от земли, от гигантской пятки, от бедра, пробежали вверх по длинному, черному хребту. Она подпрыгнула, изогнувшись дугой, и вонзила клинок точно середину затылка гиганта!

Жердяй возопил таким едким треском, что, казалось, рвется сам воздух! Уши заныли от боли. Гигант выпрямился и сделал несколько нестойких шагов, всё норовя сбежать. На бегу тонкие, ветвеобразные руки взмыли к затылку, но воительница выдернула меч, перепрыгнула метнувшуюся к ней черную ладонь, прорвалась вперед по плечу и ринулась с высоты вниз! На лету развернувшись, она вонзила клинок в тело чудовища! Далее, держась за эфес, она быстро опускалась, разрубая грудь и живот, замедляя тем свое падение. Странный звук раздавался: будто режут не плоть, а отрез толстой ткани.

Жердяй заревел, начав рушиться на землю. Ударом гигантской ладони Настю, словно мушку, швырнуло вдаль, и Рэй, выронив лук, бросился к ней. Успел поймать у самой земли, исполнив роль подушки, а потом подскочил, схватил мечницу за руку и оттащил, не позволив жердю придавить обоих своим рушащимся телом.

Финальный удар был нанесен Ярославом, который оказался над головой чудовища. Слабеющее цоканье дощечек тянулось из глотки еще несколько секунд, пока гигантское те-

ло не обмякло.

Каждый выдохнул, когда рослое тело ночного морока начало терять свою форму и рассыпаться черным песком, струйки которого разносил ветер. Ярослав помог подняться оруженосцу, поддерживая его за плечо, а сам стер ручеек крови, что пересекал лоб. Он удовлетворенно осмотрел грудь пепла, скинул с головы шлем и, когда уже поднял кверху копье, намереваясь бросить победный клич, маленький кулак вдруг настиг его, опять свалив с ног! Звук тупого удара разнесся по затихшей округе.

Ох, как же она была зла.

Ярослав приподнялся, стирая юшку теперь и с разбитого носа. Тяжелые полные ножны опять ударили в грудь Рэя, который осмелился приблизиться к девушке, спасшей всех троих. Она одарила каждого по очереди разочарованным взглядом, но не сказала ни слова. Твердо ступая, она ушла прочь, искать убежавшую кобылу. Ярослав растерянно поглядел ей вслед, как и Рэй, и Тихомир.

Тяжесть в груди потихоньку спадала.

– Чуть не задушил, гад.

– Облажались мы конечно, – констатировал Рэй, еще наблюдая тонкий силуэт вдалеке.

– И почему она мне-то врезала? – шупая кровь под носом, философски спросил Ярослав. – Эт ж ты ее до последнего подговаривал нам помочь.

– Как зачинщику тебе досталось, поделом.

– Или как самому ответственному из нас!

Тихомир, убрав кинжал за пояс, со скепсисом на лице выполнил пару жестов: «Точно нет». Рэй рассмеялся.

– То есть ты, хитрец, молчишь с утра до ночи, а как что, так над своим патроном насмехаешься? – вскинулся Ярослав, но тут же сжался от боли.

– Нормально он тебя в полет запустил, – весело отметил Рэй. – Через всю улицу пролетел!

Опираясь на копьё, Ярослав поглядел на лучника сначала неприязненно, но потом даже дернул уголком рта: полет-то и правда выдался впечатляющий!

Тело жердяя целиком обратилось горой мельчайшего черного песка. Точнее, сначала это был крупный песок, но и тот стал деградировать, обретая консистенцию муки. Рэй оглядел останки, пытаясь понять, из чего же таинственное чудище было сделано. И тут заметил белый узелок! И ровно на том месте, куда в последний раз пала рука жердяя.

В груди пепла лежала та самая тряпица, в которой Рэй наемни собрал ужин для обитательницы своего сердца. Он поднял повязанный в круг платочек, который чудище, кажется, пристроило словно перстень. Вот так диво! У бездушного монстра, оказывается, были представления об эстетике. И тут же Рэй зажмурил глаз из-за укола попавшей соринки.

– Что делать будем? – потирая глаз, спросил Рэй.

– Видимо, завтра пойдем просить прощения, – через силу

ответил копейщик. – Ненавижу, когда она оказывается права!

– Подозреваю, это случается часто.

– Умник. Завтра купишь козьего сыра у молочников на севере деревни, да не белого, а желтого, который выдержанный, это ее любимый, понял?

Рэй кивнул, дернул лопаткой, почесав спину, и отправился следом за товарищами.

Сильно извиняться не пришлось. Последний день седмицы – неделя – выходной для всех жителей. Мало того, день еще и выпал на Ивана Купалу, оно же Ярилино гулянье, намеченное на грядущую ночь. Но вместо того, чтобы готовиться к празднику, проштрафившаяся тройца пахала от зари до зари. Прораб Анастасия, не устаивая и крупицей внимания нескладные извинения и даже преподнесенный сыр, поручила героям осваивать конюшее ремесло. Ведь геройское тем оказалось не по силам.

Златокудрый Сенька, подлец, устроился на лавке посередине двора, аки барин, и с неподдельным удовлетворением наблюдал, как взмыленные герои носят воду, возят навоз и тяжелые стройматериалы. То мул-траву пожует – зажмурится на солнце, задремлет на минутку. То хлеба с маслом себе сделает да молоком свежим запивает, прихлюпывая на весь двор. То приговаривает: давайте-давайте, геройские, ржи много в поле, да ленивым нет доли! В общем, повеселили Тасьино

приятеля.

Вплоть до вечерних петухов бойцы вывозили в тачках конский навоз на озимые поля за околицей. Ярило в этот день, как и водится, не поскупился – пекло так, что хоть на улице пироги пеки.

Под вечер, когда заря цвета пылающих улей уже воспламенила всё и вся, герои, смердящие навозом и потом, сидели на земле, привалившись жердяному забору левады.

– У тебя говно на лице.

– З-завали, – не в силах пререкаться, ответил лучник, одергивая лопатку, что так и чесалась целый день. – А давно Настя ушла?

– Шиш ее знает, – жадно отпивая воды из кувшина, ответил копейщик. – Поди к празднику Купалы готовится. Вон жители сколько костров наделали, всю ночь гулянья будут. Вот же стерва! Мы геройский поступок совершили, праздник спасли! А она нас в хвост и в гриву целый день.

– Точно. Ну и пусть случилось, что ей в итоге пришлось нас выручать, – поддержал Рэй. – Наша ошибка была в неправильной стратегии, а вовсе не в... фуф, – не найдя сил завершить предложение, он руки сложил на груди.

– Да стерва, говорю! Скажи, Тишка?

Следопыт, что сидел напротив, вдруг поднял голову и с каменным выражением лица помахал ладонью возле груди: «Нет».

– Чего это ты ее защищаешь? Стерва!

Тихомир улыбнулся и показал жест: «Сзади». Герои подняли головы: ровно за ними, опираясь на забор, стояла девушка в белоснежном сарафане с ажурной зеленой вышивкой; блестящая коса была уложена на голове крендельком. С хитрой улыбкой она глядела сверху вниз на разболтавшихся героев.

– Вот же сте...

Поток ледяной воды, обрушившийся из кадки, оборвал ругательство.

Спустя пару дней герою посчастливилось найти поденную работу. Удивительное дело, но здесь, на краю света, где грамотность редка, как геройский талант, героя привело в дом писаря.

Левша – так звали буквоведа – был недоверчив поначалу и не хотел брать незнакомца в мастеровые. Собеседование проходило через закрытую дверь. Левше и дела не было до профессиональных умений соискателя, но стоило последнему упомянуть о геройском статусе, как дверь отворилась, а на порог вывалился тусклый мужичок с выпученными, чуть воспаленными глазами.

Уже вся деревня знала, что герои, как тому и подобает, разобрались со страшной нечистью, да еще, шутка ли, за день до Ивана Купалы – изводителя нечисти! Праздник удался на славу, а парням даже достались в подарок травяные венки от девушек Умиры: Ярослав, молодец хоть куда, полу-

чил целых четыре венка, Рэю от девиц досталось два. Ярослав бахвалился своим уловом, но лишь до тех пока не увидел угрюмого Тихомира, который нехотя поволок домой разом штук шесть и седьмой пыталась ему всучить еще одна девица. В общем, после жердяя, репутация геройского корпуса Умиры пошла в гору.

«Болен?» – подумал Рэй, оценив нездоровый вид работодателя. Но, вдохнув кислый запах алкоголя, понял причину «недуга». Левша с радостью взял героя к себе на службу, да, как и было сказано, владение грамотой оказалось ни при чём.

За писарем охотились тёмные личности! Они практически постоянно следили за ним, преследовали, стоило тому выйти на улицу, а иногда, в отсутствие хозяина, даже проникали в дом и шарили по вещам. Стоит ли говорить, что пару раз на его жизнь даже покушались. Так, во всяком случае, считал он сам. По этой причине иметь в своем доме героя, лично одолевшего четырех-, а по рассказам Ярослава, шестисаженного жердяя, казалось бедняге отличной идеей. Рэй, кроме крошечной платы, получил и собственную лавку для сна. Последнее, более того, стало одним из условий трудового договора.

Юное лето: последние дни разноцвета

Сегодня мечница, по обыкновению, занималась ло-

шадьми, когда Рэй опять заявился к ней. Необъятного размера рубаху он подшил по талии и слегка отпустил бороду, так что ныне выглядел ничем не хуже вольного рядовича. Только почему-то с дорогушим мечом на поясе.

День стоял погожий и жаркий, шла воробьиная неделя. Это дни после Купалы, когда ночами ожидали гроз. Солнце блистало на зеленоватом небе, пчелы деловито жужжали, собирая нектар с цветов, которыми пышно цвела округа.

Он нашел ее деннике: Настя с помощью набора из нескольких закругленных ножей и кусачек очищала копыто молодой в яблоках кобылы, подрезала кератиновые наросты и спиливала крупным напильником неровности, оставляя копыто здоровым и чистым, готовым для предстоящей подковки, которой должен был заняться Сеня.

– О Белые Боги! – воскликнула она, заметив приближающегося. – Неужто сам Рэй? Поборник божественной миссии на земле и изводитель чудовищ!

– Всё насмехаешься? – принял он заслуженные издевательства.

Настя не ответила, а вернулась к работе над копытом, которое удерживала меж ног. Настроение у Журавлика сегодня было получше, чем герой и решил воспользоваться.

– Что пришел, утомился в подвигах? Решил проведать подругу в отставке? – продолжала ерничать девчонка.

Рэю было не до шуток. Скрестив руки на груди, он посмотрел так пристально и решительно, что Настя прервала

свое занятие. Освободив ногу лошади, она смахнула испари-ну и тоже уставилась на героя.

– Тренируй меня, – произнес он.

Чалая лошадь, которой занималась Настя, издала язвительный «фыр-р». Девушка же изучила выражение лица явившегося, затем ухмыльнулась и велела пойти прочь.

Рэй приблизился вплотную, так он был выше почти на голову. Конюшая не отступила, а смело воззрилась снизу вверх:

– Да с чего ради мне тебя тренировать? Очередную оказию с Ярославом удумали? И вообще, не так уж хорошо я дерусь.

– Сказки своему конюху будешь рассказывать.

– Тебе-то что до моего конюха? – девушка сощурила глазки и вздернула носик: – Ревнуешь?

– Ревную, – смело признал Рэй, так что Настя даже отшагнула. – Но не к тебе, – он наклонился, вглядываясь в густо-серые глаза, – а к твоему таланту! То, как ты двигаешься, как держишь стойку, как владеешь мечом, – говорил он, наступая, пока Настя не оказалась прижата к стене. – Этот мир жесток, тут либо учишься, либо умираешь. Но навыков, как у тебя, даже за время, что ты тут провела, не обрести. Это и есть твой талант? Владение мечом!

– Блин, да ты не знаешь ничего. И вообще, не твое дело до моего таланта, – ответила она, спрятав взгляд.

– Положим, сам талант меня не так уж интересуется. Тре-

нируй.

Рэй склонился, занимая почти всё ее поле зрения. Миг она поглядела на него, сжалась, но тут же выпустила энергию, и две маленькие ладони ударили в грудь, заставив отшатнуться.

– Надоел! Сказала, проваливай, – сердито выговорила она и снова взяла копытный нож, склонившись над копытом.

Рэй понял, что не отступит. Он снял с пояса ее же меч – сталь чинно шаркнула по ножнам – вознес к левому плечу и бросил удар. Под конец всё же развернул лезвие пологой стороной да придержал силу, чтобы не дай бог не поранить будущего учителя. Но в том и не было необходимости: Настя легко отразила удар коротюсеньким ножиком, затем, с проворством хорька, оказалась внизу, одной рукой схватив бойца за рукав, другой за воротник – мир предательски крутанулся, и земля каким-то образом ударила в спину, сотрясая внутренности!

Воительница, оперев руки в бока, сдула с лица прядь, возвысившись над зарвавшимся героем.

– Какой. У тебя. Талант? – выговорил он, поднимаясь и подбирая выпавший из руки меч.

– Знаешь, девушки терпеть не могут приставучих парней.

– А мне твоя любовь и не нужна. Тренируй.

Он нанес удар, готовый получить следующую порцию туманов. Этот вышел еще менее уверенно, так что Настя попросту отвела лезвие голой ладонью, присела, и единствен-

ное ее движение напрочь выбило землю из-под ног.

– Подраться не с кем? К Ярославу иди! Они с Тихомиром каждое утро друг друга палками лупят. А если хочется выпустить энергию, тут полно работы. Давно навоз не таскал?

– Ярослав – мастер копыя, – поднимаясь, сказал он, – а я хочу учиться мечу.

– Достал! Делать мне нечего.

– Трусиха, – нарочито высказал Рэй, памятуя, как ее задело это слово на днях. – Свой талант зарыла, так хоть чужой не закапывай.

– А разве есть что закапывать? – в тон хаму ответила она.

– Учи.

– Не буду.

– Учи.

– Не буду! – Настя со злостью швырнула копытный нож, давая понять, что даже в целях самообороны не станет показывать приемы.

Стала. Рэй изготовил полуторник, сделав осторожный выпад. Настя с разворота отбила лезвие ногой. С изяществом ласки опрокинулась на задний мостик, выпрямилась из него в стойку на руках, с которой опустила на ноги, оказавшись уже в пяти аршинах¹⁷ от нападавшего. Сапогом подбросила голый черенок, что стоял прислоненный в углу, и перехватила в руке. Несколько стремительных шагов – и Рэй только в последний миг заблокировал сокрушительный удар, летя-

¹⁷ Аршин ≈ 0,7 м.

щий прямо в голову! Раздался смешанный звон стали и сухого дерева.

– Учиться хочешь?! Вот и найди. Себе. Учителя! – прорычала она, вколачивая в героя дубинку на каждом слове. – А меня оставь в покое!

Еще два взмаха. От ударов палкой по стальному клинку вовсю летели щепки – боевой Журавлик совершенно не сдерживался.

– Твой талант, – потеряв дыхание, спросил Рэй, – это же владение мечом, так?

– Не мечом, – ответила она и практически одновременно нанесла два удара: в бок и по колену, а затем еще отвесила с разворота твердую оплеуху.

Герой пригнулся и по макушке свистнул скоростной удар. Однако стоило ему поднять взгляд, как еще один уже мчался снизу! Раздался глухой «тук», то ли древесины, то ли геройского черепа. По конюшне прокатилось залиvistое ржание лошадей.

Рэй лежал ничком, а через лоб щекотно стекала теплая капелька. И откуда у девчонки столько силы?

– Не мечом, как видишь, – ровным голосом повторила она, отворачиваясь и глядя на черенок в руке. – Любым оружием.

Полежав секунду, герой перевалился на бок и, пристыженно опираясь на меч, встал на ноги.

– Да это же... – хоть и было больно, а Рэй едва сдерживал

он нарастающую злость, – жульничество! Любым оружием? Какого лешего у тебя такой мощный талант?!

– Можно подумать, я просила.

– Где же это честно? Мне вообще никакой не дали, а тебе, значит, сразу всем возможным оружием?!

– У тебя кровь идет.

– Нет уж, подруга! – дурно усмехнулся Рэй, сурово смахнув со лба кровь. – С этим ты не уйдешь. Тренируй! – стиснув зубы и не обращая внимания на ушибы и кровь, он занял стойку.

Звон стали. Рэй пропустил еще несколько ударов по рукам и животу, но больше всего пришлось по указательному пальцу, оказавшемуся над гардой.

Настя совершала выверенные шаги, ее стойка стабильна, а атаки быстры и точны, все движения оппонента она читала заранее. Черенком она остановила очередной удар, совершила прорыв и, не жалея наглеца, треснула локтем в нос. Вкус железа брызнул во рту.

Снова удар, та отступила, и герой, поймав момент, обрушил атаку из верхней стойки! Настя остановила лезвие изгрызенным со всех сторон черенком; хруст древесины! Удар оказался слишком амплитудным – против ее-то оружия. Черенок с треском прогнулся под острием; Рэй замер в душе, когда понял, что Настя не отразит атаку! Однако даже надломленным оружием она как-то отвела лезвие в сторону и с разворота нанесла убийственный удар, который пришелся на

скулу напавшего. Палка разломилась о препятствие пополам – щепки во все стороны!

Тьма.

Ее лицо оказалось сверху, когда он открыл глаза. Растрепавшиеся волосы самыми кончиками коснулись его лба, а ладонь мягко лежала под затылком. Невольно он подумал, что вот так, с расстегнувшейся верхней пуговкой на рубаше и разметавшимися волосами Настя выглядит премоило. А потом подумал, что взъерошенность от сражения врядли ему столь же к лицу.

Лошади внимательно наблюдали за парой.

– Получила? – бестолково улыбнулся он.

– Ох, думала, отдам тебе меч, так отвалишь надолго. Теперь у тебя в щеке здоровенная заноза, хорошо, что не видишь.

– Согласна меня учить?

– Дурак. Лежи смирно, сейчас вытащу, на счет три, понял? Раз...

Рэй дернулся в ответ на ожог, а девчонка уже держала пальцами красную зубочистку.

– А «два» и «три»?!

– Мне очень жаль, видимо, из-за стресса поспешила, – мило улыбнулась она.

– Врешь, не жаль тебе. И какого стресса?

– Представляешь, на меня только что полоумный герой напал, – как ни в чём не бывало рассказала она, обрабатывая

его рану, – да какие-то глупости про обучение говорил.

– А ты-то взяла и согласилась. Да так, что перешла сразу к...

Настя надавила на рану, заставив замолчать.

– Прижми. И вставай.

Затылок тюкнулся о твердую землю, когда из-под него вынули ладонь. Не оборачиваясь, Настя отправилась к выходу из денника. Рэй поднялся и, провожаемый лошадиным бле-
ньем, похромал следом.

Они миновали ручей, что бежал под лошадиным холмом, и зашагали сквозь деревню, до высокого двухэтажного дома. Позади этого был устроен кузнецкий дворик, укрытый тентами и деревянными навесами, защищающими металл и изделия от непогоды. Вроде бы именно здесь подмастерьем трудится Ярослав. Под одним из навесов стояла бочка, заполненная оружейным ломом.

– Какое оружие предпочел бы?

– Уже сказал, хочу полутораручный меч, как у тебя, – закидывая руку за спину и опять пытаюсь почесать назойливый зуд, ответил Рэй.

Настя нахмурилась:

– Ну это же не спектакль. Меч – плохой выбор для новичка. Нет, тебе не подойдет. Вот, начни с чего попроще, – вынула она круглоголовый чекан. – Больше толку выйдет.

Рэй с отвращением принял ржавую булаву.

– Шутишь? Этот хлам? Длинный меч – вот оружие для

героя.

– Пойми, Рэй, длинный меч очень сложное в освоении оружие, требуются годы, что взрастить в себе достойного дуэлянта. Меч и не универсален. Дрянную кольчугу хорошим уколom, предположим, ты пробьешь. А вот колонтарь или что потяжелее меч вовсе не возьмет. Меч требует тщательного ухода. Ковать мечи – незаурядное искусство, так что он весьма дорог, лезвие же малопригодно последующему ремонту. Словом, это оружие статуса. А ты еще и полуторник просишь, отказываться от щита – плохая идея.

– Но при всём этом ты пользуешься именно мечом.

– Мой, как ты изволил выразиться, жульнический талант до некоторой степени снимает перечисленные недостатки.

Настя осмотрелась в мастерской.

– А вот копьё. Простое, крестьянское оружие, обеспечивающее дистанцию в бою. С кавалерийской пикой или трехаршинной рункой тебе пока не управиться, но вот это копьё легкое и удобное. Возьмешь небольшой щит – получится эффективное сочетание, а заодно от Яра мудрости сможешь набраться.

– Полуторный меч, женщина. Бастард! Что за герой без меча?

– Да не стать тебе героем, если помрешь в первой же драке!

– Другого оружия не приму, – сказал Рэй и упрямо скрестил руки на груди.

– Ох, и когда это ты начал условия выдвигать? Ладно, потом не жалуйся.

Покопавшись, Настя вытянула пару подернутых ржой клинков. Взвесив каждый, она постучала рукоятью о металлический обод бочки, подзывая кузнеца.

Дверь состоятельной лачуги отворилась, и в проеме очутился молодой мужичок с жилистым торсом и рыхловатым лицом. Щурясь от солнца, он вопросительно поглядел на покупателей. Настя справилась о цене мечей.

– По двенадцать алтынов, – дернул плечом кузнец.

– С ума сошел? – усмехнулась она и собралась уже швырнуть оружие обратно.

– Ладно, рубли серебряные есть? За... пять рублей бери оба, всё одно без дела лежат.

Она подкинула клинок в руке, перехватив за лезвие, и протянула рукоятью вперед.

– Дам твой пятерик, если заменишь гарду на обоих: сделай пошире, добавь не меньше трех фаланг. И рукояти замени на новые, более длинные, эти никуда не годятся.

Кузнец принял мечи, осмотрел, тоже взвесил.

– Вроде под полторы руки надо?

Настя кивнула и повелела еще ржавчину снять дочиста, но на остро клинок не точить, а кончик затупить. Кузнец помялся, но больше не стал торговаться и ушел в дом. Вернулся через минуту, да вместе со своим подмастерьем. Ярослав, подобно наставнику, разгуливал демонстрируя оголен-

ный, мускулистый торс, покрытый лишь асбестовым фартуком. Кузнец передал тому мечи с несколькими заготовками и объяснил заказ.

На все работы ушло не более часа. Умелый подмастерье по очереди разобрал мечи и собрал уже с новыми, более широкими гардами, а маленькие ладошки воительницы идеально поместились на новой рукояти из белой ели.

Не удержавшись от издевки:

– Необычное у вас свидание, – товарищ торжественно вручил тренировочные клинки.

– Мой талант, – заговорила Настя, когда они вышли от кузнеца, – владение любым оружием. Точнее, любым предметом, который создавался как оружие. Тот деревянный черенок, до того, как сломаться о твою не менее деревянную голову, и еще до того, как вообще стать черенком, был древком боевого копья. Копье-то переломилось давным-давно, но черенок остался, как раз хотела его под лопату. И всё же он остался предметом, созданным для сражений, потому и мой талант с ним работал.

Настя поглядела в ясно-зеленую даль, что открывалась по левую руку:

– В общем, сегодня перед зарей приходи в конехозяйство. И потом будем так заниматься каждый вечер. Утром мне не до тебя, а днем работаю – не смей мешаться. Смотри, – подняла она палец, – будешь опаздывать, филонить, жаловаться,

пошлю так далеко, что уже не вернешься. Мы договорились?

Рэй вопросительно поглядел на мечи, что остались в руках подруги.

– А это теперь мои. Вместо боевого, что тебе отдала. Черенков у меня больше нет, о тебя ломать.

Глубокое лето: настал сенокосный месяц

Стрела с ромбическим наконечником прыгнула низкой параболой и разбила надвое тонкую дощечку, поставленную как мишень. Плечи лука Ярослава были тонкими и легкими в натяге – для учебы лучше не сыщешь.

– Ну, как проходят тренировки с мечницей? – без интереса спросила Сольвейг спустя пару погожих дней.

Она лежала, перевалившись через большой желтый булыжник – межевую границу ячменного поля, сложив руки под подбородком и болтая босыми ногами. Нагретый полуденным солнцем камень приятно подогревал живот.

– Настя очень старается. Надеюсь, смогу оправдать ожидания. А тебе не надоело жить в лесу? Я нашел себе ночлег, уверен, Левша и тебя пустит, лишь бы кто-то его защищал от воображаемых преследователей. Да и с ребятами бы познакомилась, – ответил Рэй и пустил стрелу в деревянный брусок, установленный шагах в двадцати поверх другого булыжника.

– Мне прекрасно живется в лесу, и я не имею желания знаться с другими героями. Тебя хватает.

– Знаешь, мне немного тоскливо, оттого что тебе приходится оставаться в лесу.

– Шнаешь мне немнѐго тошкливо, – раздраженно перердразнила она и перевалилась на спину. – Бесишь.

Взгляд ее провалился в сине-зеленое небо, а рыжие волосы разметались по гладкому булыжнику. Рэй выдохнул, притянул тетиву и произвел следующий выстрел. Ныне Рэй приходил в поле каждое утро. В первую очередь, чтобы упражняться с луком, во вторую – чтобы выслушать издевки лисы, которые та изобрела за ночь.

– Вижу, ты всё интересуешься луком. А я ведь была знакома с Горицветом. Сильнейший лучник среди Великих Героев, чтоб ты знал. Могу тоже обучить тебя паре приемов.

– Правда?

– Еще как! Хм-м, ну-у, так и быть, сделаю из тебя мастера-стрелка! – девушка ловко закинула ноги, кувыркнувшись назад себя и соскочив с камня. – Оп-ля.

– А чего раньше молчала?

Она подошла ближе.

– Так, встань-ка на изготовку.

Рэй поднял лук, старательно подобрал спину, расправил плечи и двумя пальцами протянул тетиву.

– Плечо подыми. Хм...

Лисица компетентно потерла подбородок, оценила позу,

затем уложила руку ему на плечо, пощупала какие-то мышцы. Потом скорчила знакомую мордочку и отошла обратно.

– Нет.

– Что? – ослабив натяг, обернулся герой.

– Выяснилось, что ты безнадежен, – хихикнула она.

– Быстро же ты сдалась!

Сольвейг уселась обратно на камень, уложив ногу на ногу и снисходительно улыбнулась:

– Ты усердно занимаешься, но тебе недостает глубины знаний, потому и усилия идут прахом, а я не люблю тратить силы попусту. Запомни простую вещь: стрельба из лука – это искусство повторения. Ты бьешь по одной мишени, с одной и той же дистанции, так почему у тебя всякий раз отличаются стойка и натяг? Запоминай удачные выстрелы, а затем стремись не поразить цель еще раз, а вторить своим движениям. Со временем мышцы запомнят сотни правильных движений. Когда счет пойдет на тысячи, мышцы запомнят полет стрелы, ход тетивы, взмах плеч. Попадать будешь с закрытыми глазами. Взгляни на средний и указательный пальцы. В момент выстрела не нужно сознательно их разгибать. Смысл как раз в том, чтобы просто перестать держать тетиву. Дай ей волю. Стрельба из лука должна быть лаконичной и простой: чем больше движений, тем больше ошибок и тем сильнее искажается траектория полета.

Рэй поглядел на лук, обдумывая лисью мудрость.

– По твоим плечам всегда должна идти прямая линия.

Стреляя вдаль, ты постоянно поднимаешь левую руку, ко- ей удерживаешь древко лука, но это ломает линию, иска- жая выстрел. Чтобы поднять угол полета, нужно склонять назад весь корпус. Ты много времени тратишь на упражне- ния, укрепляющие руки, а следовало бы тренировать спину.

– И почему ты раньше всё это не рассказала? Еще когда я занимался у Амадея, – Рэй опустил лук, заведя руку за спи- ну: мерзкий зуд, что мучал его со дня победы над мороком, никак не удавалось поймать.

– Это азы. Тренируйся дальше и, может быть, станешь го- тов воспринять еще больше моих познаний.

Сольвейг вдохнула летний флер, что летел через зеленые поля, а потом опять укоризной глянула на героя:

– Ну? – со значением спросила она. Когда Рэй, не уразу- мев вопроса, обернулся, продолжила: – Пошто беднягу жер- дья затравили?

– Ты видела? – сначала удивился он, а затем добавил: – Конечно, скроешься от тебя. Ну, как зачем? – растерялся ге- рой. – Он же...

– Чем он вам навредил?

– Так он прямо по деревне ходил, людей пугал, – внезапно не убедив даже самого себя, ответил изводитель гигантов.

– Ишь. Из-за этого убивать нужно было? Да ладно бы по- честному сразили, по-геройски. А то ведь исподтишка наки- нулись, вчетвером. Несчастный уж убежать хотел, но куда там! Герои нагнали и зарубили. Свора похлеще дорожных

разбойников.

Рэй опустил взгляд, щеки покраснели. До сей секунды победа казалось славной: они, герои, дружны и отважны, схлестнулись с большим, страшным врагом, на силу заполучив победу. «А вот какими мы выглядели на деле».

– Его звали Сябр, – грустно сказала Сольвейг.

– Ты его знала?!

– Только один раз с ним говорила. Необщительный дух. Спросил, не возражаю ли я, что он ходит по этой деревне.

– С чего это он у тебя разрешения спрашивал?

– Я могучий дух, – как само собой сказала Сольвейг. – Луми-кетту – одни из высших духов земли, а я к тому же очень древний. С его точки зрения, мы выглядели, как ребенок и взрослый.

– А что он, вообще, такое?

– Не поздновато ли решил спросить? Жердяй – несчастный, проклятый дух, что обречен скитаться сто лет из ночи в ночь, неспособный найти себе занятие. Побродил бы недельку по вашему захолустью да ушел к следующей деревне свое дело искать.

– Но мы полагали, он опасен, – почесывая спину луком, стыдливо ответил Рэй.

– А то как же! На что разбираться в природе вещей, когда можно их просто уничтожить. Да что ты там ерзаешь?!

– Ничего, – одернув руку, ответил он.

– А ну, дай поглядеть.

– Не на что там глядеть, – возразил герой, да Сольвейг и не слушала.

Она обскочила его сзади, задрала рубаху на спине и, через пару секунд, заливисто рассмеялась.

– Чешется, да? – спросила она подлым голоском.

Тот кивнул.

– Попробуй-ка достать.

Стрелок завел руку за спину, но стоило пальцам приблизиться к розовому пятнышку на исцарапанной лопатке, как оно по волшебству отползло в сторону.

– Не достаю.

– Ха-ха-ха, да нет, – улыбнулась она лучисто, опустила рубаху и похлопала по спине. – Ты ведь герой! Сам смекнешь, как сладить с проблемой. Спроси, вон, у дуболома с копьём али у своей ненаглядной мечницы.

– Да я с... – опустив взгляд, сказал он.

– Что-что? – склонилась она, издевательски подставляя ладонь к уху.

– Не хочу из-за такого к героям обращаться. И какой еще проблемой? – спросил он, опять сводя плечи из-за одолевшей чесотки.

Ну правда, стыдоба. Ярослав и Настя – настоящие бойцы и опытные путешественники, а он, мало, что бездарный, так еще и какой-то заколдованный лишай умудрился подцепить. Сольвейг, собрав руки за спиной, демонстративно прошлась по полю, наслаждаясь видом быстро бегущих по небу пухлых

облаков.

– Ну пожалуйста, – повторил Рэй.

– Говоришь, в деревне есть яблоки?

– Достану, обещаю.

Девушка отошла на шаг, обернулась и торжественно произнесла:

– Внимай же лисьей мудрости, о герой! – важно взмахнула она ладонью, готовясь к сказу. – Жердяй, которого вы порешили, это проклятый дух, бывший когда-то человеком. По видимости, кроме основного, на нём, в угоду чьим-то приказам, лежало еще одно проклятье, которое, после вашего героического нападения, вовсе не развеялось, а перешло к тебе. И можешь не выкручивать себе руки, ибо икотку тебе всё равно не почесать.

– Что еще за икотка?

– Уже сказала. Мелкое проклятье, что лежало на жердяе. Неизвестно, получил ли он его еще при человеческой жизни или в своем искаженном обликии, но кому-то он неслабо насолил. Создать икотку да изловчиться, чтобы тот попал внутрь живого существа, не так-то просто.

– Почему из всех, кто дрался с жердяем, перешло ко мне?

– Обычно икотка незаметно попадает в человека через рот или глаза. Может, ты прикоснулся к жердюю в момент смерти? Или взял что-то с его тела?

Рэй ругнулся. Сам черт его дернул забрать не только белый платочек, повязанный вокруг пальца, но и горсть праха,

которым тот рассыпался. И как раз в тот момент какая-то соринка залетела ему в глаз.

– Ясно. Ну, проклятье совершенно не угрожает жизни. Хотя получить такое – та еще неприятность. Ведь что может быть хуже, чем невозможность почесать, где чешется? – упивалась она своей властью, правда?

– Сольвейг!

– Ах, мой несчастный герой. Ладно, сегодня дух северных степей благоволит тебе. Чтобы извести икотку, потребуется серный камень. М-м, дай подумать, – неспешно рассуждала она, приложив пальчик к губам и растягивая время. – Ну... есть вероятность найти такой в теле богинки. Вижу, стрелы и меч при тебе. Прогуляемся?

– У меня работа у Левши. А вечером тренировка с Настей.

– Ха, тогда ступай! Да просто постарайся не думать, как сильно чешется эта малюю-ю-сенькая точка. Такому герою, как ты, это пара пустяков.

– Коза, – буркнул он под нос.

И герой вместе с подругой отправился сквозь поле ячменя, по которому от края и до края вздымались светло-зеленые волны в этот ветренный и солнечный день. Он привычно шагал рядом, оглядывая просторы, когда вдруг подумал: как давно стало для него нормой вот так доверчиво следовать за этим существом миловидной внешности и невыносимым темпераментом?

Он попросил рассказать, что такое эти «богинки».

– Богинки! – обернулась она. – Это старое слово. Как и прибожки, никакого отношения к богам сии существа не имеют. Опасные создания непростой природы. По поверьям богинкой может стать девушка, навредившая своему или чужому плоду. То есть прервавшая беременность с помощью ведовских приемов, убившая новорожденное дитя или наложившая руки на себя, будучи беременной или кормящей. Говорят, если молодую девушку, а в особенности беременную, в лесу или даже у деревенской околицы поймают богинки – тоже не отпустят. Сорок дней будут над ней измываться: выкручивать руки, сдавливать груди, топить в водоеме, возле которого живут, а потом и вовсе утащат под воду. И выберется она из воды таким же чудовищем, как и ее новые сестры.

– И ты хочешь, чтобы я нашел в лесной глуши этих чудищ и убил?

– Серный камень от икотки нужен тебе, а не мне. Можем и вернуться, – безразлично ответила лисица. – Но я уже хорошо осмотрелась в этих лесах и заметила пруд, возле которого можно их встретить. Считай, сделала половину работы.

– Ага, делов-то осталось, – вздохнул Рэй, вспоминая, что Ярослав давеча произнес ровно те же слова, после чего едва не испустил дух под ногой жердяя. Да Сольвейг еще и указывала на богинок во множественном числе.

Рэй провел пальцами по поясу, за которым находились лишь три стрелы с боевыми наконечниками.

– Значит, думаешь, я справлюсь?

– Нет, – без капли беспокойства ответила Сольвейг. – Но куда пара богинок окажется тебе не по силам, можно и не мечтать о поисках вещей Великих Героев. Возьмешься за более мирное ремесло.

– Я обещал тебе. Мы найдем нужную вещь героев.

Сольвейг вдруг остановилась, вдохнула глубоко и произнесла перед собой бесстрастно:

– Но ведь даже если не выполнишь сказанное, ничего не будет. Обещаю, река, пред которой ты поклялся, не явится тебя утопить, как и камыш не станет шелестеть под окнами, напоминая о данном слове. И даже я, – она обернулась, поглядев холодно, – не стану лишний раз докучать своим присутствием.

«Опять этот взгляд, – подумал Рэй. – Отчего же он так наполнен тоской?»

– Скажи, а тебе... одиноко?

Она не двигалась с места, всматриваясь в зеленую ниву.

– Не мели чепухи. Я преотлично чувствую себя в лесу, и чувствовала б еще лучше, кабы не твое неизменное соседство.

– Сольвейг! – ободряюще позвал Рэй. – Ты не одна. Я тебя не оставлю.

– И опять это звучит как угроза! – усмехнулась она, продолжив путь.

– Можешь ты хоть ненадолго оставить колкости? Правда

хочешь, чтобы я в конюхи подался? Настя вот не желает быть героем, – сообщил Рэй, огибая высокий муравейник, грудящийся у кромки соснового леса. – Ты находишь это правильным?

– Сероглазка? Чего ж так? Мне показалось, она посильнее вас с Ярославом будет.

– Уверен, что так и есть. Однако она мечтает лишь о спокойной жизни. О том, чтобы перестать быть героем и осесть в тихом, безопасном месте на долгую жизнь.

– Вот только ей этого не видать! – заявила вдруг лиса. – Девчонка горазда сколь угодно себя обманывать, но геройскую сущность ей не отринуть.

– Тебе-то, лисице, откуда знать, о чём она думает?

Кроны высоких сосен шелестели прохладным ветерком, пропуская в эту часть леса легкий солнечный свет, давая отличную видимость.

– Мне? Ниоткуда. Но, поверь, ни один герой, коих я знала, не умер от старости. Знаешь, что, едва пробьется заря, она занимается с мечом? Да так усердно, что княжеские витязи б позавидовали. Пошто ж ей эти навыки в мирной жизни, к которой она стремится? – с сомнением спросила Сольвейг. – Ну и? Нравится тебе?

– Настя сильная и отважная. Но не то, чтобы я думал о ней в таком смысле.

Сольвейг остановилась, обернув ледяной взгляд:

– Я про тренировки спрашивала.

Пара пересекла короткий сосновый бор и забрела в плотную часть смешанного леса. Сольвейг потребовала тишины. Ее босые ноги ступали по лесному ковру совершенно беззвучно, в отличие от лаптей Рэя.

Весь путь их сопровождали зяблик, кукушка, соловей и вьюрок, однако спустя час птичьи голоса стали особенно живыми: все возможные ритмы и распевы звучали вокруг. И вскоре послышался ручей.

Сольвейг прижала палец к губам. Двое пробрались сквозь плотные кустарники. Когда журчание стало ближе, в прогалине меж ветвей открылась зеленоватая поверхность поросшего тиной пруда. Лучник присел на колени, однако Сольвейг сразу притянула его почти вплотную к себе, мотнув головой вперед. Раскидистые ивы с одной стороны и густая лещина с другой обступали пруд, превращая его в природную чашу.

Герой присмотрелся, и глаза его распахнулись от удивления. На мшистом валуне, что бочком касался воды, сидела совсем юная девушка, годков семнадцати. Она нежилась под тонкими лучами солнца, что проникали в ложину сквозь плотную листву. Вытянув ножки поверх камня и откинувшись назад, она открыла солнцу аккуратную грудь. В ту же секунду рядом с ней очутилась еще одна, очень похожая. И обе были на загляденье хороши: прямые, длинные волосы цвета теплой древесины спадали по плечам, лишь места-

ми скрывая их обнаженные белые тела. Птицы тут щебетали особенно громко и густо; ярко-желтая иволга прохлопала крыльями и присела на плечо одной из девушек.

– Это же люди, – шикнул Рэй.

Одними губами лисица приказала:

– Смотри.

Вторая девушка возвела руки к кронам деревьев, потянувшись сладко и изящно – будто цапля расправила крылья. Вид безупречных тел услаждал взгляд. Девушки не разговаривали, а просто проводили время подле пруда, никуда не спеша.

– Смотри позади образа, – не вполне понятно сказала Сольвейг.

Красавица, что сидела на камне, взяла гребень и принялась неторопливо расчесывать сверкающие локоны. Она откинула другую прядь в сторону, вновь открыв молодую, приподнятую грудь.

Рэй уж хотел возмутиться: к каким непотребствам вздумала его склонить северная лиса? Но та положила руку ему на плечо и повторила приказ: смотри позади образа. Спротивляясь волнению, он пригляделся к красавице.

Солнце вернулось из-за облака, ласково коснувшись молочной кожи девушки. И вдруг прямо за ней возникло движение! словно бы еще одна, точно такая же, сидела ровно позади. Да только эта вовсе была не похожа на первую: волосы черны, мокрая кожа поблескивает трупно-зеленым оттенком, лица за спутанными черными волосами не разглядеть.

Рэй сосредоточился, заморгал. Чем дольше он глядел, тем быстрее таял иллюзорный лик юной красавицы и тем отчетливее становился образ болотного чудища.

– Увидел наконец-то? Стреляй, – отдала команду Сольвейг.

Герой приподнял лук, однако он еще не вполне совладал с видениями. Молодая девушка, казалось, что-то услышала вдалеке и обернулась, а за ней, точно злой двойник, повторяла все движения жуткая, тощая баба с серой кожей.

Герой зажмурил глаза – крепко, до белых кругов. Открыл. Образ красавицы смыло солнечным светом, и теперь на камне сидело отвратительного вида серо-зеленое существо: по виду баба, но страшно тоща, живот ее вывалился вперед, как если та была глубоко беременна, да только казался он не упруг, а болтался перед ней, водяным пузырем. Лицо изъедено морщинами. Она дергала гребешком, пытаясь расслабить подернутые тиной, тёмно-серые лохмы, отчего сердилась и корчилась еще сильнее. Иволга вдруг вспорхнула с плеча, улетев прочь. Тетива напряглась, плечи лука согнулись, тонко потрескивая, и ромбовидный наконечник встал по траектории.

Лук щелкнул – стрела вмиг рассекла пространство, вонзившись богинке в плечо – та взревела, да таким страшным воем, что сотни птиц, окружающих лощинку, взмыли в воздух единым бесноватым облаком, которое на пару секунд скрыло солнечный свет. Вторая богинка трусливо дернула с

места, тут же занырнув в воду.

Рэй обернулся: Сольвейг уже и след простыл. Он ринулся прочь из кустов, в которых невозможно было сражаться. Оказавшись на ровном берегу, Рэй снова притянул тетиву, плечи лука выпустили энергию, и стрела скользнула в фаланге от шеи болотницы. А та, с покалеченным плечом, облитым коричневой кровью, уже на полной скорости огибала пруд, готовая накинуться на героя! Запас расстояния еще был, но только Рэй приладил на лучное ложе следующую стрелу, как, выскочив из воды, ногу ухватило такое же отвратительное существо – вторая, что скрылась в воде секундами ранее.

Обнаженная баба со вздутым до безобразия животом подняла голову, ослабив кривоватые зубы; мокрые черные лохмы почти скрывали лицо. Она накрепко вгрызлась зубами в лапоть, а руками взялась трясти героя за колени, стараясь повалить на землю.

Бросив лук под ноги, Рэй вытянул с пояса меч – сталь огненной вспышкой сверкнула на солнце, и чудища на миг оробели: раненая, что, мчалась по берегу, даже застыла на месте. Отчего-то сталь Настиного клинка неслабо напугала существ.

Позабыв все уроки, Рэй вознес меч и вмазал им по голове прицепившейся к ногам болотницы. Полóгая сторона лезвия продавила неестественно мягкий череп, отвратительно чафкнув! Умом Рэй понимал, что нужно перехватить меч по лезвию, но руки не слушались, снова и снова вбивая его в те-

ло существа, даже когда то перестало двигаться. И в миг, когда он обрушил следующий удар, первая богинка решилась напасть: налетела и свалила с ног!

Безобразно худая: кости таза, обтянутые тонкой кожей, выделялись словно у скелета. Водная баба проползла к его груди, а сквозь черные, скрывающие лицо волосы виднелись маленькие, с тёмно-желтыми склерами разрезы глаз. Существо намертво сдавило ледяные руки вокруг его шеи, перекрыв дыхание. Из плеча, разбитого стрелой, стекала густая, бурая кровь. Она нависала над ним, и холодные, отвисшие груди лежали у него на животе. Тощая богинка оказалась поразительно сильна!

Но мускулы у Рэя, после работ на лесоповале, были стальные. Мистический страх перед инородным существом он презрительно унял и со всех сил сдавил ее отошальные запястья. Двое яростно сопели, боролись, и вдруг руки богинки поддались – разомкнулись на шее героя.

Неспособная двинуть руками, богинка потянулась к его лицу зубами, пытаясь цапнуть. Тела у этих мрачных существ и правда были заметно мягче человеческих. Рэй держал ее запястья с такой дикой силой! И в какой-то миг лучезапястные кости треснули, точно веточки. Богинка взвыла, защелкала перед ним зубами, но Рэй упер ей коленом в грудь и скинул с себя, отшвырнув сажень!

Богинка копошилась на земле, плескала сломанными руками, пытаясь подняться. Она кряхтела, шипела, и голос ее

теперь выходил не бессвязным рычанием, а какими-то обрывистыми словами. Рэй поднялся на ноги, поднял клинок, как учила Настя. Взмах!

Обратно волочил ноги сам не свой, вспоминая отвратительные тела с распухшими животами и скрытые черными волосами лица болотниц. День давно переступил обед, и солнце уже стало снижаться. Теплые сумеречные лучи красивыми прямыми линиями скользили меж чистых стволов соснового бора.

На рубахе и штанах бурыми пятнами ширились следы разделки болотных существ, руки были по локоть измазаны в липкой субстанции. Теперь герой и сам брел через лес, словно чертенок, волоча на плече отяжелевший клинок. В другой руке было древко лука, надломленного в ходе сражения. Дороговато, однако, выходило быть героем. Лук Ярослава сломал, а этот взыщет. Одежу, поди, не отстираешь уже. Да еще лапоть из дубового лыка изодрала, гадина, онучи вон торчат. Мало что лапти были крепкие и удобные, так еще и подарок от Амадея.

Но не по себе герою было не из-за сражения и понесенных затрат. Сольвейг указала, что пресловутый серный камень следует искать внутри тела болотниц, а потому, после не слишком убедительной победы, Рэю пришлось в буквальном смысле потрошить всё-таки до ужаса похожих на людей упыриц. Шагая через лес, он понимал, что еще долго не от-

моется от вони гнилых водорослей и болотины.

– И что теперь делать? – разбито глядя на треснувший лук, спросил стрелок. Несмотря на то, как старательно он исследовал внутренности существ, ничего, кроме болотной грязи, не сыскал. – Кстати, чего они от меча так обомлели? Какой-то волшебный у Насти меч?

– Зря ты железо недооцениваешь, – пожалла плечами лишица, которая шагала на безопасном от запаха расстоянии. – Нечисть его терпеть не может. Даже мне неприятно к нему прикасаться – очень холодное. А ведь я не нечисть.

– Уверена? – не удержавшись, спросил Рэй.

Но Сольвейг не обиделась, а задумалась.

– Наполовину я человек, наполовину дух. Коль Святобор мне взаправду дед, то духовная половина имеет божественную, сиречь правую природу. Я почему-то привыкла так считать. Но ты прав, я не знаю. Ежели не дед он мне, то может статься, что природа у меня не правая, а навная. Да что это меняет?

Рэй пожал плечами – и правда.

– Деревянной дубиной ты богинкам бы не навредил, – продолжала она, – а железом запросто. К тому же подружка отдала тебе клинок не из черного железа, а укладный.

Заметив непонимание на лице компаньона, она пояснила:

– Укладом здесь зовут особый закаленный металл, который героям известен как сталь. Меч-кладенец – слышал? Собственно, так и называют любой клинок хорошей закалки.

– Я думал, нечисть серебряными мечами изводят, или освящёнными, или типа того.

– А такого даже в сказках нет! Серебро – негодный металл для оружия, это и дураку понятно.

Рэй стряхнул с рубахи комочки слизи, после чего вновь безнадежно завел руку за спину, расчесывая всё вокруг, да только не зудящую точку. Сольвейг озорно обогнала героя и устроилась на стволе поваленной сосны. Ударила ладонью по коленкам, велев прилечь поверх.

– Что задумала?

– Просто ложись. Рубаху тольконими и... лучше выбрось ее подальше.

Рэй без сожалений скинул подшитую косоворотку, пропитанную соками богинок, подошел к Сольвейг. Та еще раз хлопнула по коленкам:

– Ложись, не укушу!

Рэй подчинился.

– Как я и сказала, сегодня премудрая снежная лиса благоволит тебе. Считай, что это твой счастливый день.

Она уложила руку поверх розового пятнышка под лопаткой и, едва коснулась его ногтем, как по телу поползли колючие волны блаженства! Рэй издал взволнованный вздох, обхватив ее за талию. Острый ноготок прошелся по лопатке несколько раз, отчего по спине к затылку ринулись мурашки, а мозг утонул в наслаждении от побежденной наконец-то чесотки. На глазах даже выступили слезы.

– Всё! – торжественно объявила она. – Ты исцелен. И... хватит меня лапать, воняешь.

Он поднялся, испытывая протяжную истому, которая волнами шла по спине – части тела, которую за эти дни он исцарапал вдоль и поперек. И тут к горлу подкатил комок. Он согнулся пополам, борясь с резкой тошнотой, и исторг остатки завтрака, в которых, еле живая, перебиралась жирная гусеница. Сольвейг ловко насадила ее на острую ветку, бросила поверх упавшего ствола и размозжила галькой. Черные останки гусеницы по волшебству иссохли, рассыпавшись комком обыкновенной земли.

– Вот она, твоя икотка.

Рэй разогнулся, поразившись тому, насколько хорошо себя чувствует: камень, что лежал в животе аж со дня убийства жердяя, пропал, голова просветлела, дышать стало легче, а главное – спина наконец-то перестала чесаться, вообще!

– Ну, герой, – гордо выпятив губу, объявила Сольвейг, – скажи, разве не божественная у меня природа?

И пусть гусеница в животе оказалась жутковатым сюрпризом, Рэй всё же рассмеялся, ибо давно уже не чувствовал себя настолько здоровым. Проклятье было снято! На радостях даже обнял божественную лису.

– Ну... воняешь ведь, – точно кошка заупиралась она, пытаясь отстраниться.

– Как ты это сделала?!

Та ухмыльнулась и зашагала в сторону деревни. Рэй, оста-

вив смердящую рубаху, последовал.

– Всё просто, – не в силах сдержать хвастовство, поведала она. – Икотка – противное, но довольно слабое существо. Точнее, оно даже не живое, скорее, что-то вроде вещицы со злым наговором. Гусеница, что оказалась в тебе, не более чем форма, потому не пугайся ее вида. Подобный злой талисман обычно изготавливают из земли и волос какого-нибудь животного. На такой амулет и было наложено проклятье, которое сначала проглотил жердяй, а следом и ты через соринку в глазу. Если, к примеру, гости сидят за столом, и кто-то увидит у другого на губе или в еде волосок, обязательно об этом скажет, поскольку именно так икотка попадает в человека, вызывая недуг. Сам икотка слабый, а под чужим взглядом вовсе теряет силу: если кто заметит, он уже и не может отравить человека. Теперь понятно? Оттого-то ты и не мог его почесать, ведь спину свою тебе никак не разглядеть! А стоило ему попасть под взгляд столь могучего, как я, существа, он ослаб и уже не мог уползти из-под пальца. Я лишь устранила зуд – единственное, на что он был способен – проклятье и распалось.

– Несчастный жердяй за все свои сто лет не нашел бы того, кто бы почесал ему спину.

– А ты и не ценишь, что тебе-то посчастливилось быть рядом со мной, добросердечной и мудрой снежной ли...

– Стоять! – отрезал он, трезвым умом оценивая произошедшее. – Но мы ведь так и не нашли серный камень.

– Какой серный камень? – обернулась она с по-детски невинным лицом.

– Сольвейг... – стиснул зубы Рэй. – Мне ведь и не нужно было убивать богинок, да?

– О, как раз нужно! – закивала она, чуть отступая. – В отличие от безобидного жердяя, богинки для жителей Умиры представляли взаправдашнюю угрозу. Как я и говорила, они могут запросто задушить или выкрасть младенца, похитить беременную девушку, вышедшую прогуляться, или иным образом навредить людям. Ты... да! Ты совершил истинно геройский поступок! – деловито щебетала Сольвейг, но продолжала предусмотрительно пятиться, видя, как наливаются гневом глаза напарника.

– Допустим, они были опасны. Но зачем, – вдохнул он, наступая, – зачем было копать у них в кишках?!

– А знаешь, как говорят? Опыт – лучший учитель, и ты только что получил сто-о-оль ценный...

– Прибыю, – покачал он головой, а Сольвейг поняла, что пора сматывать удочки.

Рэй махнул надломленным луком аки палкой – на большее он всё равно не годился – древко свистнуло, та ловко пригнулась, избежав удара, и пустилась наутек. Лисица залезла за дерево, Рэй ударил луком с одной стороны, девчонка выглянула с другой, он ударил там, но проныра уже припустила лесу. Он преследовал ее через сосновый бор, но попробуй, погоняйся за проворной лисой. Разозлившись, под-

хватил с земли пузатую шишку и метнул вслед!

Сольвейг, шестым чувством ощутив бросок, шмыгнула за сосну – шишка тукнула по стволу. Выставив рыжую голову из-за дерева, она глянула на шишку на земле, затем на Рэя... показала язык и умчалась дальше. Герой, конечно, преследовал, вот только охвативший поначалу гнев очень быстро растерялся. Розыгрыш, конечно, удался на славу, однако впервые он увидел на ее лице улыбку! Да не ту зловредную гримасу, обыденно сопровождавшую издевки над непутевым героем, а искреннюю, почти детскую.

Скоро они добрались до кромки леса, который обрывался у зеленых полей Умиры.

Стрелок вышел на пашню, нагнав тут беглянку. Она по пояс стояла в густом, взволнованном ячмене, а ветер играл в ее карамельных волосах. Придержав прядь рукой, она обернулась и спросила хитро:

– Что, герой? Как тебе моя тренировка?

– Это вот так ты меня учить взялась?! Да я едва не поседел.

– Неблагодарный же из тебя последователь, – с прищуром улыбнулась она.

– Я не твой последователь.

– Ты ведь сам молил о знаниях, мечтал о том, чтобы стать умелым. Бескорыстная и премудрая лиса подарила тебе сражение, победу и первый личный подвиг! Глядишь, твоя мечница и близко на такое не способна.

Рэй усмехнулся:

– Вообще-то, да, это было круто. Но я рассчитывал, что ты поможешь мне одолеть богинок.

– Тем украв твою победу? Дай человеку рыбу и он будет сыт один день...

– Спасибо, что помогла справиться с икоткой, Сольвейг. Хоть и не упустила своего.

– Какая сухая благодарность. За освобождение-то от проклятья! Пользуешься ты моей добротой, – улыбнулась она, убирая прядь за ухо. – Успеешь на свою работу?

– Думаю, уже нет, придется отрабатывать завтра. Кстати, возьмешь себе? – протянул он резной гребешок с коротковатыми зубьями, по виду, сделанный из двух щучьих позвонков. Именно им пользовалась богинка.

Сольвейг опять сощурила глазки:

– И как прикажешь это понимать?

– Что опять не так? Это же просто гребень. У тебя нет своего, а космы вон какие. У Амадея ты расчесывала волосы гостиничным, я помню.

– Вовсе не о том я, – посмеялась она, принимая и разглядывая гребешок, кстати, очень красивый. – Не стоит легкомысленно относиться к вещам, которыми владели существа навного происхождения. Ты ведь уже знаешь, что богинки – создания, тесно связанные с женским началом и деторождением, так напрягай же темя, недалекий герой. И обыкновенный-то гребень – вовсе не простой предмет, а подлинный

символ семейных уз! – продемонстрировала она гребешок в руке. – Кому попало гребешок не дарят. Можжевельовый гребешок, к примеру, кладут в кроватку к малышу, чтобы защитить его от тёмных сил. Кедровый или дубовый дарят невесте на венчание, как символ крепости рода и пожелание того, чтобы она поскорее понесла и родила здоровых детишек.

– Нет, погоди...

– Издревле мужчина дарит дорогой гребешок своей возлюбленной, как символ своих глубоких чувств, желания заботиться о ней и ее красоте. Подарок недвусмысленно выражает намерение жениха завести с нею семью. Любого спроси – скажет, что гребень от богинок, он волшебный. Такой тем паче укрепляет род, помогая девушке всенепременно обзавестись первенцем мужского пола. И уж если молодец изловчится добыть такой вот щучий гребешок от богинок!.. Ох, не всякая такому удалцу откажет. Другими словами, – хитро улыбнулась она, – такой подарок – не что иное, как предложение о женитьбе!

– Я передумал. Отдай обратно!

Та звонко рассмеялась, отдернув предмет.

– О-хо-хо, мало тебе было похитить меня, пленив аж в своем сердце, так еще и по людским законам решил меня повязать, – делано удивлялась она, уложив руку на щеку. – Не ожидала, не ожидала. Со мной, скромной девушкой из северных степей, никто не был так настойчив!

– Да и пожалуйста, издевайся дальше! Ты знаешь, что я не имел в виду ничего такого, – надулся герой.

– Знаю. Но подшучивать над тобой, снова и снова совершающим такие глупости, больно уж весело. Понимаю, что очарован ты моей красотой, но от предложения твоего откажусь.

– Да и слава богам. Врагу такую жену не пожелаешь.

– Ну, так и быть, могу взять вещицу на хранение, коль тебе она пока ни к чему.

Рэй собирался ответить, но тут услышал оклик со стороны дороги, идущей за полем. Обернувшись, он заметил длинный синий кафтан, спешащий к ним напрямик, сквозь колосющийся ячмень. Мужчина внутри кафтана едва стоял на ногах. Работодатель Рэя писарь Левша. «И как он меня сыскал-то?!» Лисица шагнула герою за спину и исчезла в высоких стеблях быстрее, чем тот успел заметить.

– Рэй, милый ты мой! Куда ж ты ж... ой, – икнул Левша, теряя дыхание. – Нашел тебя! Куда ж ты пропал?

– Охотился. Левша, ты опять пил?

Тот, прилагая силы к поддержанию равновесия, удивленно посмотрел на глиняную бутылку в руке, словно ту ему вот только что подсунул какой-то подлец, затем произвел решительный отрицательный жест и завершил:

– Да!

– Понятно. Ты прости, что я работу сегодня пропустил, завтра бесплатно отработаю, и после завтра, давай, тоже.

– Да л-леший с этими кар-ракулями. Они всё ближе! – страшно прошептал он, оглядевшись. – Я уже и не знаю, куда деваться. Тебя дома не было, так они по-сту-ча-ли!

– Кто постучал?

– Они! Они следят, – опять озирнулся, словно поняв, что даже прямо сейчас «они» могут слушать. – Я же тебе говорю, хотят меня вздернуть! Не уходи из дому без нужды, ей богу, не уходи!

– Ты почему весь в соломе?

– Так я сегодня уж был не дома! – замахал он руками. – Я же не скаженный какой! Они меня вздернут, как только улучат возможность! К моему же потолку подвешат, вон, за крючок для лука. Ты же ушел ранним утром пострелять, сказал, вертаешься через пару часов, а тебя нет и нет. Я-то сразу побег на конюшню, ты ж обычно там с Анастасией! Но в этот раз я тебя не застал. Так я там и спрятался, позади лошади, решил, если кто явится – лошадь среагирует. А потом уснул, а потом вспомнил, что ты говорил, мол, еще на ячмене стрельбой занимаешься, вот и пришел.

Рэй сочувственно покачал головой: у бедного Левши утро выдалось ничуть не менее волнительным, чем у него. Он в очередной раз заверил Левшу, что никто его не преследует, да и вряд ли кому-то захочется тратить столько сил на изведение деревенского писаря. Похлопал по спине и повел домой.

Прошел Петров день, открывающий сезон охоты. Охотники стали каждый день уходить в леса, а в местной корчме появилось мясо кабанов, лосей и оленей.

Дни сменяли друг друга, и шла уже третья неделя, как Настя согласилась тренировать начинающего героя. Третья неделя, как Рэй позабыл чувство, когда в теле ничего не болит. Утром он бегал, выполнял упражнения, план которых был разработан героями совместно. Днем трудился в доме у писаря, составляя документы для старосты, связанные с учетом платежей деревни. Левша аж расцвел, когда оказалось, что Рэй обучен не только письму, но и счету. Мало того, считает не на бумаге, а в прямо уме и без ошибок, словно купчина. Вечером начиналась тренировка с Настей.

Труд у Левши освободил от необходимости соглашаться на тяжелые работы, чтобы обеспечить заработок, и это позволило вывести тренировки на новый уровень. День ото дня тело, которое и без того закалилось на лесоповале, обрастало мускулами, а голова наполнилась знаниями. Занятия включали в себя силовые упражнения, растяжку, развитие выносливости и координации, упражнения на баланс и, конечно, работу с клинковым оружием, чего так добивался Рэй. По сотне, а то и по две сотни раз они отрабатывали отдельные удары, заучивали серии движений, разбирали работу ног и правильный перенос центра тяжести. Пусть девушка не хотела брать ученика, но за дело взялась ответственно, а Рэй, видя старания учителя, тоже не позволял послаблений. На стрельбу

времени оставалось немного, да и лук Ярослава починить не удалось, но большой желтый валун в поле оставался местом, где Рэй всегда мог найти свою рыжую снежную лисицу.

Два последних воскресенья Рэй провел с Настей с утра и до поздней ночи: силовые упражнения, теория, спарринг. Тёмно-зеленый дневник заполнился не только героическими повестями об изведении жердя и богинок, но и десятками страниц с рисунками дуэлянтов, показывающих различные стойки, удары.

Ох, одна беда открылась в этих занятиях – Рэй давно уже глядел на Настю не только как на наставника.

Сегодня, в седьмой день недели, звон тренировочных клинков опять не смолк после ужина. Тени мечников мелькали на фоне оранжевого заката, потом в алых сумерках и не разошлись даже под звездным небом. Дуэлянты бились под невесомым светом луны, и ее отражения играли в догонялки, скользя по стали клинков.

– Да как же вы утомили! – возопил из темноты конюх Сенька.

Грозной походкой он направлялся к героям, на ходу застегивая штаны с высокой талией, которые, однако, не скрывали его развитой мускулатуры.

– Звяк, звяк и звяк, каждый божий вечер! Уши из-за вас отвалятся!

Тут бы пояснить. Сеня, он же Арсений Ижеславович, то-

же обитал рядом с конюшней, потому был невольным свидетелем геройских тренировок. Он держал собственный флигель с южной стороны: бревенчатый, так что годный даже на зиму. Жилье было маленькое, вплотную к лошадиным денникам, потому что конюху именно так и положено: заболееет лошадь, а то и роды у кобылы принять. Но изба была ухоженной, с большой печью, очень Сенька оной гордился.

Таськи Сеня попервой сторонился, ибо не понравилась: глаза светлые, совсем без синевы, голос низковат, ходит не в сарафане, а штанах мужицких, где такое видано? Да и тоща. Но трех дней не прошло, как Настя в конехозяйстве отработала, а Сенька уж втрескался в эту геройскую по уши. И решил: добьется!

Таисья к нему была добра, но, стоило ему перейти к решительным действиям, как ничего не получалось. Зазноба ныне жила в мансарде над конюшней, ибо ничего лучше хозяин, скаредник, ей не сыскал. Тут Сенька, терпеливая душа, и рассудил: разноцвет, сенозарник и жнивень, то бишь лето, поживет пава райская на мансарде, а в зоревик – первый осенний месяц – куда она ж денется? К нему, сахарному, в избу попросится жить. Чай, на мансарде, что семью ветрами продувается, не больно-то ей понравится. И уж тут он, Арсений Ижеславович, благодетельствует. И ладно, что без приданого баба – сами наживем.

Мало было, что копыеносец тут ошивался, приятель Тасьин – Сеня к нему уж привык – а тут извольте, еще один

ферт из далеких краев. И всё! Не стало Тасьи. Целыми днями с этим бойцом пропадает. Вроде и одет холоп холопом, а держится важно, степенно. Лицо чистое, бороду, вон, носит, но не нашинскую, чтоб до груди, а короткую, аки басурмане. Неболтлив. А силищи! Сенька давеча на подводе привез еловые стволы – небольшие, но в одного ни в какую не подынешь. И этот Рэй тут как тут! О, говорит, бревна? Давай помогу. И ну голыми руками цельные стволы с подводы скидывать, по шесть пудов каждый! Арсений Ижеславович-то и сам не слабак, а даже он подивился, с какой легкостью дюжина бревен с подводы улетела. В общем, было за что этого Рэя невзлюбить.

Настя опустила меч и пригляделась, узнав в мороке Сеню, что шагал сурово, очень от шума геройских клинков сердитый. «Ах, забыла», – виновато подумала Настя, ведь приятель уже просил не грохотать мечами подле денников – лошади пугаются.

– Извини, Сень, мы переместимся подальше, – ответила Настя, сделав несколько глотков из черепяного кувшина с водой.

Гневный запал конюха тут и истлел, едва Настя к нему обратилась.

– Темно ж, не надоело вам махать? И вот что, хозяин велел, чтоб к петухам подготовили ему тройку. В Сяв изволит ехать! Шла б ты ко сну, Тась.

– Поняла. Но мы еще немного позанимаемся.

– Не понимаю, на что оно тебе надо, – произнес он, словно Рэя здесь не было. Тот упер меч в землю, уложив другую руку на пояс. Двое перекинулись колкими взглядами. – Разбудить тебя утром, Тась? – решил поднажать Арсений.

– Не бойся, не проспю. Рэй! Готов? – с энтузиазмом спросила она, вытирая лоб рукавом и разминая плечо перед очередным поединком.

– Ох, Ивлис, – ругнулся конюх и ушел прочь к своему жилищу, а герой принял стойку «ласточкин хвост»: клинок лежит вдоль бедра, смотрит назад и вниз, обе руки на рукояти.

– Кто такой Ивлис?

– Великий Герой Ивлис, – пожала она плечами и сделала выпад.

Звон стали снова прокатился над поляной.

– Чем же он велик? – удерживая клинч, спросил Рэй.

– Вроде знахарь. Целителем кличут.

Настя разрешила клинч, уведя мечи в сторону. Рэй сосредоточился на том, чтобы удержать выскальзывающее из руки оружие, но остался открыт сам и тут же получил укол в грудь.

– Он покровительствует здоровому образу жизни, умеренному питанию и дружной работе. Нормальный мужик, в общем.

– Хах, покровительствует. Он же не бог какой-нибудь. Такой же герой, как и мы, – вновь занимая стойку, сказал Рэй.

– Как и мы? – усмехнулась Настя. – Нагловатое заявление для того, кто продолжает пропускать сто раз отработанные

удары.

– Да ты лупишь со всей силы!

Та смерила его холодным взглядом:

– Мне кажется или ты жалуешься? Забыл наш уговор?

Тот отважно кивнул и снова провел серию атак.

– ...Я говорила, что многие люди стали превозносить Великих Героев наравне с богами. Это немногочисленное, но стойкое течение. «Культ героев на землях Княжества» – можно научную работу писать. Боги, поди узнай, где они? Святобор, Радегаст, Мокошь, Стрибог – от мала до велика знают эти имена, но никто богов вживую не видел, а вот Великие Герои, как и их артефакты, несмотря на туманное происхождение, оказались реальны. Ивлис, к примеру, тоже оставил людям дар – Кафтан Ивлиса.

– Кафтан – одна из вещей Великих Героев? – навострил слух Рэй. Он атаковал, но лезвие было остановлено и сведено в землю, из которой уже не смогло вырваться – Настя шагнула вперед и оказалась практически вплотную, так что он ощутил ее талию. Она завершила атаку тихонько коснувшись его подбородка эфесом. В реальном же бою ей бы достало замаха, чтобы таким ударом свернуть челюсть.

Теплый ветерок пробежал меж ними, сверчки лениво щебетали в траве, а луна отпускала на пригорок невесомый свет, делая летнюю ночь просто волшебной. Разошлись.

– Что он может?

– Кафтан-то? – она беспечно закинула она меч на плечо. –

Не знаю. Кошель Лады, к примеру, каждое утро сам собой наполняется свежими лечебными травами. Стрела Горицвета рассыпается осколками, коснувшись крови противника, и стравляя незаживающие раны. Меч Буртуна, поранив, лишает речи на некоторое время. Браслет Лилит позволяет видеть чужие эмоции, – рассказывала Настя, небрежными взмахами клинка состригая траву под ногами. – Не спрашивай, даже представления не имею, как они фактически работают, ко мне в руки такой вещи не попадалось.

Рэй приготовился к продолжению спарринга, но Настя не среагировала, глядя на томную дымку вокруг луны. Или же просто сделала вид, что отвлеклась. Он широко взмахнул сверху, но та резко наотмашь отразила удар и, подхватив лезвие, уверенно загнала оппоненту в живот!

– Ха! Медленно! – рассмеялась она.

– Зараза, а... – он разогнулся, – а где сейчас вещи героев?

Есть шанс отыскать?

– Они представляют огромную ценность. Божественная сила здесь, на земле, да такая, что не нужно даже усилий прилагать, только возьми вещь в руки. Вероятно, в частных коллекциях или до сих пор лежат спрятанные самими Великими Героями.

– А ты хотела бы обладать какой-нибудь? – вдруг спросил он.

– М-м, нет. Не уверена. Слишком опасно. Знаешь, сколько охочих найдется, стоит людям узнать, что ты владеешь

артефактом.

Рэй кивнул.

– А ты? Значит, хотел бы заполучить какую-то вещь?

– Я обещал Сольвейг найти предмет, который может ее освободить. В конце концов, именно я виноват в том, что она оказалась заперта в моем сердце.

– Сольвейг... ты ведь так и не знаешь, кто она такая? Нам с Ярославом определенно следует встретиться с ней! Почему она скрывается?

– Сам бы хотел понять. Пока я гостил у Амадея в Стяготе, она и не думала скромничать. Видимо, у нее есть своя причина.

– Само собой, есть! И, эх, Рэй, как бы тебе эта причина боком не вышла.

– Не выйдет, – уверенно заявил Рэй и, заглянув в серые глаза мечницы, внезапно переменял тему. – И с чего это кудряш будит тебя по утрам?

Настя отступила.

– Кудряш? У него, вообще-то, есть имя.

– Да ну?

– Представь себе, – Настя вскинула клинок, легко постукивая им по своему плечу, и смерила Рэя неприязненным взглядом. – Однако сильно сомневаюсь, что тебя каким-то образом касается кто меня будит по утрам.

– М-м, ну да, правильно, – также холодно принялся рассуждать Рэй, предусмотрительно отступая на шаг и поудоб-

нее перехватывая эфес. – Холопская жизнь в маленькой деревушке, холопская работа в конехозяйстве, холопского сословия суженый. Верной дорогой идешь.

– О, зато ты у нас сударь Хочу-быть-героем! – улыбнулась она, глядя пристально, точно пантера перед прыжком. Она шагнула вбок, как бы невзначай, но Рэй сразу узнал шаг дуэлянта – Настя, точно арбалетная дуга, в любой миг была готова сорваться атакой. – В деревне чудищ не было, так ты по лесам пошел. Наслышана о твоей встрече с болотницами.

– То богинки. Сольвейг помогла.

В накаленной обстановке оба обходили друг друга кругом с оружием наготове.

– Да-а, куда ж ты без своей Сольвейг. Тебе хоть есть разница ради чего рисковать жизнью?

– Сильно же ты обо мне переживаешь.

– Заблуждаешься, Рэй. У меня, как ты и сказал, маленькая, холопская жизнь. Для переживания об отважных дураках в ней места нет, – ответила она и выполнила неожиданный удар, который, как по учебнику, оказался принят на гарду и заблокирован!

Рэй перехватил атаку: лезвие противника под его плечом, но атакующая рука захвачена.

– А вот я хочу, чтобы в моей жизни была холопка-мечница.

Заместо очередного ловкого движения, на какие была способна мечница, та лишь неуверенно потянула меч на се-

бя, но в результате только ближе притянула Рэя. Тот сделал шаг, коснувшись ее бедер. Ее макушка оказалась чуть ниже его глаз.

– У-у нас занятие, а-ты о какой-то ерунде тут, отвлекаешься!

– Я предельно сосредоточен. Это ты, наставница, только что пропустила захват.

Он чувствовал тепло ее разогорченного тела. Рыхлая тучка на небосводе отползла в сторону, и желтоватый диск ночного светила отразился в блестящих глазах воительницы. Он отпустил ее запястье и завел руку за талию, а другой осторожно оправил спавшую на лицо прядь.

– Красивый оттенок.

– Ты... уже говорил.

– И еще сто раз бы сказал.

Он продолжил движение вдоль щеки, затем спустился к шее, где бил горячий пульс. Прислонив ладонь к ее подбородку, склонился, опасно сократив дистанцию.

– Рэй, ты делаешь неловко, – тихо ответила она, отвела взгляд, но тут же вернула на оппонента.

– Неловко – это вот так? – шепнул он, задев кончик ее носа своим, уже чувствуя тепло ее губ.

Настя взяла его за локоть, тоже подаваясь вперед. Теплый ветерок опять пробежал меж ними, даря самый волшебный момент.

– Рэй! Они здесь! – тревожно раздалось позади.

Рэй болезненно простонал, подняв голову к сверкающему звездами небу.

– Да растуды ж твою, Левша!

Настя прыснула и, похлопав бойца по плечу, отошла по-дальше; тот отчаянно проводил ее взглядом.

– Рэй! Милый ты мой, они... они снова пришли! – бормотал Левша, семена вверх по холму.

– Старик, да ради Белых Богов! – взмолился Рэй. – Нет там никого. Ни в доме, ни на дворе, ни в даже колодце. И в третий раз я его проверять не полезу!

– Нет-нет, говорю тебе, уж явились за мной. Убийцы! Палачи! Ты же сказал, что сегодня воротишься поздно. Я уже и ко сну готовился, уже улегся на лавке. А светилы-то такие ясные, – он схватил Рэя за плечи. – Я обернулся, а он прямо за окном!

Сипящий голос срывался поверхностным дыханием. Старик и правда был напуган до смерти.

Герой махнул перед носом, разгоняя терпкий перегар, и отшагнул.

– Ты, бедолага, еще б шкалик выпил, за тобой бы сам черт явился!

Левша отчаянно тряс головой:

– Видел! Ви-дел!

Рэй положил руку ему на плечо и отправил домой, заверив, что и сам уже идет, только попрощается с другом.

Избавившись от надоеды, герой вошел в конюшню, где

Настя прибирала упряжи.

– Мы остановились на том, что... – обнимая ее за плечо, страстно начал он.

– На том, что из стойки «корона» удобно выполнять дальние, амплитудные атаки, однако она уязвима на короткой дистанции, – насмешливо продолжила за него мечница, освобождая трензель от ремешков узды. Его руку с плеча, однако, убрать не попыталась. Но Рэй сам снял.

– Да. Можем поговорить и об этом. О, кстати, Таисья...

– Перестань, пожалуйста! Я старею всякий раз, когда ты меня зовешь этим исковерканным именем.

– А хочешь, впечатлю тебя?

Прыснула:

– Давай!

– Я точно понял, какой у тебя талант.

– Великое заявление, учитывая, что я сама рассказала.

– Не совсем. Ярослав – практик. Его мастерство во владении любым древковым оружием, даже и не обязательно боевым. Он и сломанной веткой может чудищу-поганищу напугивать. Но дай ему в руки меч, так он едва ли ловчее обычного лапотника. У тебя талант другой – ты обретаешь глубокие теоретические знания об оружии, которое у тебя в руках – моментальное обучение. Отсюда тебе и известны приемы владения мечом и стойки. Потому-то ты, имея от таланта лишь теорию, еще и тренируешься ранней зарей, отработывая приемы.

– Видел меня, значит? – покачала она головой. – Нехорошо подсматривать.

– Не я. Это Сольвейг тебя видела утром.

– Опять Сольвейг? – недовольно выдохнула Настя, опустив руки. – Ладно, – она развязала упряжь, звякнув замочком, – считай, что впечатлил. Не рассказывай хоть всем подряд.

Он еще раз взглянул на ее тонкую талию, нос с горбинкой – едва различимые в неосвещенном деннике.

– Ну чего? Вон наниматель не может уснуть без тебя. Иди, я тут приберусь. Завтра в то же время.

– Тогда я пошел.

– Спокойной ночи, – повторила она, сдерживая улыбку на краешках губ.

Рэй и правда собирался уйти, да в последний момент передумал: а гори оно огнем! Сделал шаг, обняв ее за талию, и так неожиданно и ловко всё получилось, что сам не заметил, как губы их соприкоснулись! Настя вздохнула, но через пару секунд ответила на поцелуй. Мир перестал существовать, и длился этот поцелуй... пожалуй, не стоит и говорить сколько, ибо сами законы Вселенной изменяются в такие секунды.

– Рэй, – шепнула Настя, положив руку ему на грудь.

Он прижал ее к себе, глядя в эти красивые глаза. Свет луны едва проникал в эту часть денника.

– А ты... – робко спросила она, опустив взгляд, – обещаешь мне кое-что?

Но Рэй так и не узнал, что нужно пообещать, поскольку в ворота опять сунулась плешивая башка писаря – очень ему страшно было на пустом конном дворе одному стоять. Ох, получит старикан за свои выдумки!

– Ладно, – принужденно улыбнулась Настя, выпроваживая Рэя, – завтра обсудим твоё поведение.

Рэя тут же подхватил под локоть Левша и потянул домой. Он, заикаясь, лепетал о том, что странные тени только что мелькали за окном, и в каком порядке нужно еще раз осмотреть избу, и о чём-то еще.

Рэй улыбался в душе. Гляди-ка, а жизнь-то наладилась. Впрочем, до завершения история героев была далека. «Что же нас ждет дальше?» – мечтательно подумал он.

Настя вошла в денник и прислонилась спиной к створке. «Я хотела попросить, чтобы ты не оставил меня на избранном тобою пути...»

– ...И апосля уж запрем входную дверь и обязательно чердак! – всё нудил Левша. – Только сначала там тоже проверь, я знаю, они туда часто проникают через окно в мансарде.

– Да понял тебя, – отмахнулся Рэй, обернувшись на тёмный денник. – Идем спать.

То был последний день, когда Рэй видел Настю Журавлика в Умире.

Повествование Савелия Крапивы вольного путешествен-

ника

по собственноручным дневникам героев